

№ 8 (48) 2008

Выпуск 4

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

Основан в 1995 г.

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе Белгородского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе Белгородского государственного университета, доктор географических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук (Белгородский государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

Юридический факультет как звено инновационной образовательной программы (к 15-летию юридического факультета Белгородского государственного университета). *Л.Я. Дятченко 5*

Юридическому факультету БелГУ – 15 лет! *Е.Е. Тонков 7*

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ФОРМ И ИНСТИТУТОВ

Демократия как феномен государственно-правовой жизни: проблемы становления в переходном обществе. *Г.А. Борисов 13*

Верность конституции – основа прогрессивного развития современной России. *Н.В. Витрук 23*

К вопросу о реализации Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». *В.Г. Ермаков 30*

Правотворчество, правоприменение и содержание права. *В.Н. Корнев 35*

Правозащитная стратегия России: конституционные основания и возможности приращения. *М.В. Мархгейм 45*

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Государственный контроль за соблюдением законодательства о соглашениях о разделе продукции: формирование и перспективы развития. *Г.Е. Быстров 49*

Договор бытового подряда в гражданском праве России. *С.В. Тьгинин 57*

ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Актуальные проблемы гармонизации уголовного досудебного производства России. *Ю.В. Дершиев 66*

Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права. *Г.Ю. Лесников 73*

Система преступлений в сфере экономической деятельности в дореволюционный период. *С.Л. Нудель 77*

Роль норм международного уголовного права в формировании национального уголовного законодательства о борьбе с наркотизмом. *Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова 89*

КРИМИНОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА ЗАКОННОСТИ В ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Отдельные аспекты использования генетической экспертизы в деятельности органов внутренних дел. *Л.Т. Бородавко, А.Б. Свистильников, В.Н. Шарутенко 95*

Криминалистические аспекты информационной безопасности досудебного производства. *И.М. Комаров 100*

Развитие преступности в контексте проводимых в России социально-экономических реформ. *В.П. Ревин 106*

Проблемы социально-правового противодействия наркотизации образовательной среды вуза. *Е.Е. Тонков 110*

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Руднева Н.И., доктор социологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Философские идеи Г.В. Плеханова в мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина. **А.М. Подоксенов 120**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Методологические особенности изучения эволюционных процессов. **В.Е. Пеньков 133**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Раннее творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в контексте эстетики романтизма. **В.В. Липич 144**

К характеристике славянофильства. **Т.И. Липич 151**

Русская народная сказка как иллюстрация отечественной половой культуры. **А.М. Страхов 158**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Кадровые ограничения государственной молодежной политики. **В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов 163**

Оценка итогов развития местного самоуправления населением Ставропольского края. **А.А. Лежебоков 170**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Культурологический анализ мотива святости в современной народной культуре (на материале Белгородского края). **С.М. Климова, С.П. Коноваленко 177**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Границы применимости синергетических принципов в педагогических исследованиях. **Н.Н. Мальцева 183**

Самоорганизация молодежи как форма социокультурной рефлексии (региональный аспект). **Т.И. Морозова 190**

Научно-этические основания этики права Б.А. Кистяковского. **В.Г. Олефиренко 197**

Учение о правосознании И.А. Ильина: гражданский акт неповиновения в праве. **С. В. Рязанцев 205**

Литературные салоны России XIX века: начало кристаллизации русской философской культуры. **Е.В. Семенова 209**

Разработка технологии управления имиджем медицинского учреждения. **Б.А. Тхориков, И.В. Спичак 216**

Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды. **Е.В. Шапкина 221**

Этническая идентичность в эпоху глобализации. **Ю.В. Мухлынкина 233**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

К юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Ревина **245**

Юбилей первого декана **247**

О работе второй научной конференции студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Философия и наука поверх барьеров: человек и культурно-исторические типы глобализации». **С.С. Чистякова 248**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Война как архетипическая реальность. О монографии С.В. Резника «Концепты и идеологемы войны и мира в исламе». **В.П. Римский, С.Н. Борисов 252**

Рецензия на книгу Быргэу М.М. Теоретико-управленческое понимание профилактики преступности: важная прикладная задача современной правоохранительной системы (опыт Республики Молдова). **И.М. Комаров, Е.Е. Тонков 256**

Сведения об авторах **259**

В авторской редакции

Оригинал-макет *Борисов С.Н., Аулова А.А.*

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 17.10.2008.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 30,25.
Тираж 1000 экз.
Заказ 286.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского государственного
университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

© Белгородский государственный университет, 2008

BELGOROD STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC BULLETIN

Philosophy Sociology Law

CONTENTS

15th anniversary of the Faculty of Law of Belgorod State University). **L.J. Dyatchenko 5**
Faculty of Law (Belgorod State University) celebrates its 15th anniversary.
E.E. Tonkov 7

ISSUES OF CONSTITUTIONALISATION OF GOVERNMENTAL AND LEGAL SPHERES, DEMOCRATIC FORMS AND INSTITUTIONS

Democracy as the phenomenon of a state-legal life: formation problems in the transitive society. **G.A. Borisov 13**

Fidelity of the constitution – a basis of progressive development of modern Russia. **N.V. Vitruk 23**

To a question on realization of the federal law №131-fl «about the general principles of the organization of local government in the Russian federation». **V.G. Ermakov 30**

Creation of law, appliance of law and content of law. **V.N. Kornev 35**
Remedial strategy of Russia: the constitutional bases and increment possibilities. **M.V. Markhejm 45**

ISSUES OF CIVIL AND LEGAL REGULATION OF CONTRACT RELATIONS IN RUSSIA

The state control over observance of the legislation on agreements on production section: formation and development prospects. **G.E. Bystrov 49**

Legal regulation of consumers' cooperative society at the present stage of development of economy. **S.V. Tychinin 57**

CREATION OF CRIMINAL POLICY AND CRIMINAL LAW IN THE MODERN CONTEXT OF LEGAL SPHERE

Actual problems of harmonisation of the criminal pre-judicial manufacture of Russia. **J.V. Derishev 66**

Problems of a parity of a criminal policy and criminal law **G.J. Lesnikov 73**
System of crimes in economic activities sphere during the pre-revolutionary period. **S.L. Nudel 77**

Role of norms of the international criminal law in formation of the national criminal legislation on struggle with narcotisation. **L.A. Prokhorov, M.L. Prokhorova 89**

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINALIST ISSUES OF LEGALITY ORDER IN LEGISLATION PRACTICES

Separate aspects of use of genetic examination in activity of law-enforcement bodies. **L.T. Borodavko, A.B. Svistilnikov, V.N. Sharutenko 95**

Kriminalistichesky aspects of information safety of pre-judicial manufacture. **I.M. Komarov 100**

Criminality development in a context of social and economic reforms spent to Russia. **V.P. Revin 106**

The organization of socially-legal counteraction to Narcotization educational of higher educational institution environment. **E.E. Tonkov 110**

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Philosophie and ideas of G.V. Plekhanov in the outlook and works of M.M. Prishvin. **A.M. Podoksenov 120**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Metodological peculiaritaton of studying of the evolutionary processes. **V.E. Penkov 133**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

M. E. Saltjekov-Sheadrin's early creativity in context of an aesthetics of romanticism. **V.V. Lipich 144**

To the characteristic of "slavjanophilstvo". **T.I. Lipich 151**

Russian folk tale as the illustration of national sexual culture. **A.M. Strakhov 158**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Limitations of human resource state youth policy. **V.P. Babintsev, E.V. Reutov 163**

The estimation of the results of the development of the local government by the population of stavropol territory. **A.A. Lezhebokov 170**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

The culturalogical analysis of santitie's motive in modern folk-lore culture (material of the Belgorod region). **S.M. Klimova, S.P. Konovalenko 177**

THESIS

The bounds of usefulness of synergetic principles in the pedagogical researches. **N.N. Maltseva 183**

Self-organization of youth as a form of social and cultural reflection (regional aspect). **T.I. Morozova 190**

Scientific-ethical grounds of B.A. Kistyakovsky's law ethics **V.G. Olefirenko 197**
I.A. Ilyin's teaching of legal consciousness: the social act of disobedience in the law. **S.V. Ryazantsev 205**

The russian literary salons of 19 century: the beginning of national philosophical culture crystallization. **E.V. Semenova 209**

Development of technology of management by image of medical institution. **B.A. Tkhorikov, I.V. Spichak 216**

Sociological analysis of sports team group identity. **Ye. V. Shapkina 221**

Ethnic indentification in globalization age. **Muchlynkina Y.V. 233**

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

To the anniversary of the honoured scientist of the Russian Federation, doctor of law, professor V.P. Revin **245**

Anniversary of the first dean **247**

About work of the Second scientific conference of students, post-graduate students and young scientists «Philosophy and a science over barriers: the person and cultural-historical types of globalization». **S.S. Cistyakova 248**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

War as archetypical reality. On "concepts and ideologemes of war and peace in Islam" by S.V.Reznik. **V.P. Rimskiy, S.N. Borisov 252**

Review on M.M. Byrgheu's book "Theoretical and management interpretation of criminality: an important applied mission of the modern law-enforcement system (the case of the Republic of Moldova). **I.M. Komarov, E.E. Tonkov 256**

About authors **259**

**Юридический факультет как звено
инновационной образовательной программы
(к 15-летию юридического факультета Белгородского
государственного университета)**

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что начало XXI века – это новый этап, новая эпоха социального развития. С одной стороны, она характеризуется высочайшими достижениями в области науки и техники. С другой (и это невозможно отрицать), мы находимся перед лицом целого ряда глобальных угроз, которые представляют опасность для всего мирового сообщества. В сложившейся ситуации, в мировом сообществе людей разных рас и национальностей, разных вероисповеданий и языков, разных идеологических убеждений и ментальности, существует только один механизм, один социальный институт, способный установить равновесие, баланс, социальный порядок. Это право – универсальная система регулирования общественных отношений, прошедшая долгий путь своего развития, проверенная историей и обладающая значительным потенциалом.

Именно поэтому образование в целом и юридическое образование в частности выступают важнейшим фактором воспроизводства современного общества, условием прогрессивного существования наций и народов. Белгородский государственный университет, являясь инновационным вузом и поддерживая современные программы правового образования и правовую науку, непосредственно участвует в этих фундаментальных процессах.

Особенности современной ситуации в сфере юридического образования, его основные векторы развития должны рассматриваться в контексте, как минимум, двух процессов: глобализации и модернизации.

Глобализация является многоаспектным понятием, но в первую очередь речь идет о полном или частичном объединении, взаимопроникновении, интеграции экономической, политической, культурной и других составляющих общественной жизни наций и народов. Интеграционные процессы изменяют общественные отношения, выводят их на качественно новый уровень развития. И здесь задача юридической науки и образования состоит в том, чтобы изучить, понять, выявить закономерности данных явлений и подготовить специалистов для эффективной работы в новых, изменившихся общественных отношениях. В указанном аспекте следует говорить о влиянии глобализации как на содержание образовательной деятельности, так и на методику и технологию образования. И в этом контексте нельзя не отметить положительные результаты реализации кластерного подхода в образовательном процессе на юридическом факультете БелГУ (в качестве ярких примеров можно привести подготовку по специальности «Судебная экспертиза», проведение научных исследований учеными факультета совместно с учеными-социологами, философами и др.).

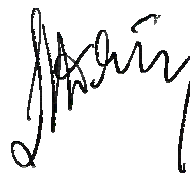
Специфика юридического образования напрямую связана с особенностями юридической деятельности. Образовательный процесс должен всегда идти в ногу с юридической практикой, гибко подстраиваться под нее с тем, чтобы вуз мог подготовить квалифицированного специалиста, ориентирующегося во всех аспектах юридической деятельности. Юридическое образование предполагает овладение юридической деятельностью как в ее системном представлении, так и с учетом конкретных изменяющихся особенностей, присущих ей на разных этапах развития общества.

Процессы модернизации политической, экономической сфер гражданского общества, реформы государственной и правовой системы требуют изменений юридического образования в плане формирования профессионального сознания, характера и уровня знаниевой подготовки к практической деятельности. Однако адекватность таких изменений может быть обеспечена только при наличии диалога между вузами и субъектами, выражающими социальные интересы в этой области. Юридическим факультетом Белгородского государственного университета подготовка специалистов ведется в строгом соответствии с государственным образовательным стандартом, но вместе с тем сопровождается внедрением в учебный процесс курсов, разработанных с учетом пожеланий потенциальных работодателей.

Высокое качество подготовки выпускников (за годы существования факультета подготовлено 1454 человека по дневной форме обучения и 1565 – по заочной), соответствующее современным запросам рынка труда, подтверждается тем, что они уже на протяжении 10 лет успешно работают в органах исполнительной и законодательной власти страны и органах местного самоуправления, судах, правоохранительных органах, адвокатуре, в юридических службах организаций, а также в зарубежных странах.

Преподаватели юридического факультета Белгородского государственного университета осуществляют, пожалуй, самую важную миссию, которая заключается в формировании у студентов профессионального юридического правосознания, понимания основных принципов и ценностей права, которые базируются на нравственных устоях, понимания великой гуманистической роли права в жизни общества, готовности служить на благо общества и государства.

**Ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических наук,
профессор**

Л.Я. Дятченко

ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ БЕЛГУ – 15 ЛЕТ!

Юридический факультет Белгородского государственного университета открыт в мае 1993 года. Первым деканом факультета стал доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России *Геннадий Александрович Борисов*, который ранее возглавлял кафедру теории государства и права Харьковской юридической академии.

За эти годы произошли впечатляющие перемены. Изменился наш вуз, пройдя путь от педагогического института до классического университета, одного из ведущих инновационных вузов страны. Изменился и факультет, став признанным центром правового образования и науки Центрального Черноземья.

Если в 1993 году на факультет поступили учиться 93 человека, то в 2008 году прием на все формы обучения составил около 1000 человек. В настоящее время на юридическом факультете обучается более 3000 студентов, в том числе – 1381 человек на очной форме и 1653 – на заочной форме, из которых 235 – студенты других вузов и факультетов, получающих параллельное образование, а 401 – слушатели, получающие второе высшее образование.

В числе студентов юридического факультета – иностранные граждане из стран ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Узбекистана, Таджикистана, Венесуэлы, Китая, Мозамбика, Перу, Эквадора и др. Факультет готовит специалистов для работы в системе законодательной, исполнительной и судебной властей, в органах местного самоуправления, учреждениях юстиции, органах прокуратуры, внутренних дел, таможенных органах, в нотариате и адвокатуре, в юридических службах организаций, экспортных учреждениях, бизнес-структурах.

Факультет продолжает интенсивно развиваться. Общее количество обучающихся студентов за последние 5 лет возросло на факультете в 1,7 раза. В общем объеме средств, получаемых университетом за оказание образовательных услуг, доля юридического факультета составляет 17%.

Качество подготовки профессиональных юристов обеспечивается высоким уровнем кадрового состава. Всего на факультете работают 75 преподавателей, из которых 55 штатных и 20 внешних совместителей. Из 55 штатных преподавателей 36 (65,5%) имеют ученые степени и звания, в том числе 9 докторов наук, профессоров (16,4%), 27 кандидатов наук, доцентов (49,1%). Средний возраст докторов наук – 56 лет, кандидатов наук – 34 года.

Многие из преподавателей факультета входят в состав Региональной адвокатской палаты, а также оказывают содействие различным органам власти как на уровне субъекта федерации, так и федерального значения.

Заведующий кафедрой теории государства и права проф. Г. А. Борисов назначен Представителем Президента РФ в квалификационной коллегии судей Белгородской области. Профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук В.Н. Самсонов и старший преподаватель той же кафедры В.И. Подгорный являются членами квалификационной коллегии судей Белгородской области. Доцент кафедры уголовного права и криминологии С.Л. Нудель – член аттестационно-кадровой комиссии Белгородской таможни. Доцент кафедры гражданского права и процесса А.В. Степанюк – член экзаменационной комиссии Белгородского областного суда.

В отличие от большинства юридических вузов и факультетов юридический факультет БелГУ ведет подготовку по двум специальностям: 030501 – Юриспруденция (специализации – государственно-правовая, международно-правовая, гражданско-правовая, уголовно-правовая) и 030502 – Судебная экспертиза (специализация – криминалистические экспертизы). Работает магистратура по направлению 030500.68 «Теория и история государства и права, история правовых учений». В 2008 г. осуществлен первый выпуск магистров юриспруденции. Подготовлены к реализации еще три магистерские программы: «Гражданское право, семейное право, международное частное право», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Международное публичное право, европейское право».

Если специальность «Юриспруденция» является традиционной для университетов и юридических вузов, то специальность «Судебная экспертиза» впервые реализуется в гражданском вузе. До этого времени (до 2006 г.) данная специальность была представлена только в ведомственных образовательных учреждениях МВД. Следует

подчеркнуть возрастающую популярность данной специальности среди абитуриентов – в прошлом году на нее был самый высокий конкурс.

В целях эффективной реализации идеи практико-ориентированного обучения к преподавательской деятельности на основе совместительства привлекаются судьи, сотрудники суда, прокуратуры, Управления внутренних дел, правового управления Белгородской областной Думы, государственно-правового управления аппарата Губернатора, как правило, кандидаты наук. Такое взаимодействие, наряду с организацией учебной и производственной практик, приносит очевидные позитивные результаты, является одним из условий качественного обучения.

Для работы на факультете, благодаря неоценимой помощи руководства БелГУ, приглашены известные ученые из ряда ведущих вузов страны, в том числе, Судья Конституционного Суда РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Н.В. Витрук, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор В.П. Ревин, начальник Центра ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор Г.Ю. Лесников.

Учебный процесс на факультете обеспечивают 6 кафедр: теории и истории государства и права (заведующий – проф. Г.А. Борисов); международного права и государственного права (доц. О.В. Попов); гражданского права и процесса (проф. С.В. Тычинин); трудового и предпринимательского права (доц. И.А. Грабовский); уголовного процесса и криминалистики (доц. И.Ю. Потемкин); уголовного права и криминологии (доц. Н.И. Архипцев). В ближайшей перспективе – открытие кафедры криминалистики и судебной экспертизы, которая станет выпускающей кафедрой по специальности «Судебная экспертиза».

Ученые факультета проводят исследования, соответствующие не только их личным научным интересам, но и активно развивают междисциплинарную проблематику, посвященную актуальным проблемам юридической теории и практики. Так, ведется межкафедральная научно-исследовательская работа по проблемам формирования процессуального режима государственной деятельности носителей публичной власти, а также по проблемам теории юридического процесса, корпоративных норм, по фундаментальным и прикладным проблемам различных отраслей права. Результаты научных исследований получают адекватное отражение в соответствующих публикациях.

Если в 2003 году было подготовлено и издано 2 монографии, в 2004 году – 3, в 2005 году – 5, в 2006 году – 10, в 2007 году – 6. При этом значительная их часть напечатана в центральных российских юридических издательствах («Юрист», «Юридический центр Пресс», «Феникс», «Юрлитинформ» и др.).

В 2003 году учеными факультета подготовлено и опубликовано только 31 научная статья, то в 2007 году – 192 (из них – 40 в журналах рекомендованных ВАК РФ), в том числе в центральных научных журналах: «Государство и право», «Журнал российского права», «Уголовное право», «Законы России», «Жилищное право», «Российская юстиция», «Право и экономика» и др. За последние 5 лет преподавателями факультета издано 182 учебника и учебных пособий, причем многие из них с грифом УМО, а также различных министерств и ведомств.

С 2003 года издается факультетский научно-теоретический журнал «Проблемы правоведения», который объединяет исследования фундаментальных проблем юриспруденции, материалы отраслевых теоретических и прикладных разработок, комментарии законодательства, вопросы методологии и методики юридического образования.

Ежегодно проводятся Международные научно-практические конференции, получающие, как правило, позитивную оценку в юридической печати, в том числе и зарубежной. Ученые факультета постоянно приглашаются для участия в авторитетных научно-практических конференциях. Так, в 2005 году наши ученые выступили с докладами на 53 конференциях международного и всероссийского уровня, в 2006 году – на 79, в 2007 году – 83. При этом ряд из них выступали с докладами на пленарных заседаниях (Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.В. Сафронова, С.В. Тычинин).

В октябре 2007 года доцент кафедры уголовного права и криминологии С.Л. Нудель представлял факультет на научно-практическом семинаре по проблемам современного юридического образования в Зальцбурге (Австрия).

Финансирование НИР составило в 2003-2007 гг. 2 млн. 567 тыс. руб., из которых 1 млн. 653 тыс. руб. – внешнее финансирование. Выполнены хозяйственные работы по исследованию проблем процессуального режима деятельности носителей властных полномочий, правового образования молодежи Белгородской области, улучшения качества нормативных правовых актов, созданию Образовательного кодекса Белгородской области. По договорам с правоохранительными органами постоянно выполняются экспертизы по уголовным делам.

В 2008 г. учёными факультета получено 4 гранта РГНФ.

На факультете работает аспирантура по шести научным специальностям, открыт диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций (председатель проф. Г.А. Борисов).

Преподаватели факультета активно руководят научно-исследовательской работой студентов. Студенты выступают с сообщениями и докладами на конференциях различных уровней. Только в 2007 году ими опубликовано 73 статьи, автором 11 из которых является студентка 5 курса Анна Сорокина. Значительное количество публикаций (больше, чем у некоторых преподавателей) имеют Андрей Переверзев, Анна Польщикова, Олеся Попова, Катя Амелькина.

Студенты факультета неоднократно становились победителями и призерами различных научных конкурсов, в том числе на иностранных языках. Особо следует отметить работу с «перспективными» студентами. В настоящий момент на факультете обучается 12 студентов данной категории. Все они помимо отличной успеваемости занимаются проведением научной работой. Исследования студентов и аспирантов неоднократно поддержаны внутривузовскими грантами БелГУ.

Отрадно, что научные работы студентов нередко носят прикладной характер.

Например, Минакова Наталья под руководством доцента Е.Ю. Бакировой работала тему «Договор долевого строительства как средство реализации права граждан на доступное жилье».

Польщикова Анна под руководством профессора С.В. Тычинина исследовала проблему предоставления и использования жилых помещений в общежитиях.

Сорокина Анна под руководством доцента В.С. Синенко провела исследование гражданско-правового регулирования и защиты неимущественных прав граждан юридических лиц.

В рамках программы профориентации кафедрами факультета ведется работа со школами Белгородской области. В апреле 2008 года факультетом проведена Первая областная олимпиада БелГУ по правоведению для школьников, в которой приняли участие более 400 человек. Победители олимпиады были зачислены на 1 курс факультета для обучения на бюджетной основе.

Постоянное внимание уделяется укреплению материально-технической базы. Факультет оснащён современным оборудованием на сумму свыше 1 млн. руб., причем 43 из 71 единиц оргтехники на сумму 561 тыс. руб. передано юридическими и физическими лицами в порядке благотворительной помощи через Попечительский совет факультета.

Фонд литературы для юридического факультета увеличился с 4028 экз. (959 названий) в 2003 г. до 39162 экз. (3967 названий), в том числе научной литературы 2988 экз., учебной и учебно-методической 36174 экз. Коэффициент книгообеспеченности учебных дисциплин увеличился с 0,3 в 2003 г. до 0,63 в 2008 г. На факультете функционирует учебно-методический кабинет, в котором студенты могут ознакомиться с периодической юридической литературой (более 50 наименований), учебно-методическими пособиями и монографической литературой, посмотреть видеолекции, воспользоваться информационно-поисковой системой «Гарант». Сформирован электронный каталог публикуемых научных статей по отраслям права.

Действует правовой информационно-консультативный центр (юридическая клиника), в котором студенты под руководством преподавателей оказывают правовую помощь населению (директор – студентка 5 курса С. Буханова). Ежегодно в центр об-

ращаются около 900 граждан. Работа Центра неоднократно освещалась региональными и российскими средствами массовой информации. Одним из важных направлений в работе Центра является реализация хоздоговорной программы «Правовое воспитание и образование школьников города Белгорода».

Хорошие отклики получил проведенный факультетом в г. Старый Оскол «День правовых знаний» на базе управления внутренних дел. Ученые факультета активно участвуют в повышении квалификации различных категорий специалистов на базе Института ГМУ, где за ними закреплён блок юридических дисциплин. Кафедрой трудового и предпринимательского права организованы и проведены курсы повышения квалификации для руководителей юридических служб подразделений государственной налоговой инспекции Белгородской области.

На кафедре уголовного процесса и криминалистики создан Центр независимых экспертиз «Фемида» (руководитель – Н.П. Фесенко), на кафедре уголовного права и криминологии – лаборатория криминологических исследований (В.И. Коваленко), на кафедре гражданского права и процесса – научно-исследовательская лаборатория правовых исследований (А.В. Степанюк).

Работает музей криминалистики, оборудовано два криминалистических полигона, имитирующих обстановку места происшествия с различными следами преступления; учебный Зал судебных заседаний, в котором проводятся практические занятия по методу ролевой игры.

С целью активизации процесса внедрения системы качества образования проводятся мониторинги, комплексный анализ требований потребителей, срезы знаний студентов, сформирована «Модель специалиста – юриста». Для проведения учебных занятий приглашаются не только известные учёные ведущих вузов России, но и иностранные специалисты, а также представители органов судебной власти и правоохранительных ведомств.

Наши преподаватели и студенты готовы выдержать конкуренцию со своими коллегами из любых, в том числе столичных вузов страны.

Практика трудоустройства молодых специалистов показывает, что большинство выпускников факультета благополучно устраиваются на работу. В Федеральной службе занятости населения оформлены дела всего на 7 наших выпускников, включая заочное отделение.

Факультет гордится своими выпускниками, среди которых начальник государственно-правового управления аппарата губернатора Белгородской области М. Зюлин и его заместитель И. Селюкова, первый заместитель начальника следственного управления следственного комитета при Прокуратуре РФ по Белгородской области А. Назин, прокурор Красненского района А. Бавыкин, судья Белгородского областного суда кандидат юридических наук О. Усков, судья Арбитражного суда И. Смоленский, член Общественной палаты и исполкома регионального отделения партии «Единая Россия» Т. Конева.

Целый ряд выпускников защитили кандидатские диссертации и работают преподавателями факультета – О. Демко, З. Каменева, Е. Купряшина, Н. Митякина, И. Савельева, В. Турагин, А. Федорященко.

Вместе с тем, мы видим проблемы, которые необходимо решить в целях дальнейшего совершенствования учебного процесса:

1) **сегментарность образования**: процесс образования складывается из отдельных, не связанных друг с другом дисциплин, что обуславливает разрозненность и отрывочность теоретических знаний, получаемых учащимися;

2) **несоответствие декларируемых ценностных приоритетов**, находящихся в основе преподаваемых учебных курсов, нормативным установкам, закреплённым в действующем законодательстве и определяющим направленность государственной правовой политики;

3) **разрыв между юридическим образованием и практикой** юридической деятельности: обладатель диплома о высшем юридическом образовании зачастую оказывается не готовым решать задачи, связанные с правовым обеспечением законных интересов граждан, разрешением конфликтных ситуаций, реализацией мер юридической ответственности;

4) недостаточное соответствие уровня профессиональной и педагогической подготовки преподавателей (определенного числа) целям и задачам образовательного процесса;

5) отсутствие реальных программ оптимизации государственной политики в сфере юридического образования.

Профессорско-преподавательский состав факультета осознает – что бы ни говорили о достоинствах отечественной системы юридического образования, очевидно одно – авторитарное государство и общество не могли не породить авторитарную модель образования. Независимо от форм реализации этой модели, в ней всегда прав тот, кто обучает. Инициатива и творчество того, кто обучается, как правило, подавляются. Узок набор форм и методов обучения, ограничено право их выбора и со стороны обучающего.

Например, в Бременском университете (Германия) студент на протяжении 4-х лет изучает основные правовые дисциплины, после чего выполняет ряд контрольных работ и сдает первый государственный экзамен. Затем проходит 2 года практического изучения различных юридических профессий: 6 месяцев в суде, 4 месяца в прокуратуре, 4 месяца в социальной сфере и в других учреждениях. После окончания всей стажировки студент сдает 2-й государственный экзамен и, только начиная с этого времени, готов работать в сфере юриспруденции.

У нас же взаимоотношения студентов и преподавателей во многом напоминают крепостное право. С избытком превалирует иерархически закрепленная позиция превосходства преподавателя перед студентом, так называемый формальный авторитет. Унаследованный от классового общества, этот подход вступает в глубокое противоречие с демократическими принципами, базирующимися на свободе и равенстве всех участников учебного процесса без исключения, на уважении прав каждого из них.

Как точно подметил руководитель одного из вузов, если «в решении проблем управления качеством образования мы находимся в каменном веке, то в решении вопросов организации обучения мы продвинулись далеко вперед и находимся в феодальном обществе».

Поместив студента в прокрустово ложе лекционных и семинарских занятий, мы, как говорит современная молодежь, ниже плинтуса опустили самостоятельную работу студентов.

Сложился и поощряется стереотип: если студент исправно посещает занятия, пусть даже бездарно проводя на них время, он более ценен, нежели тот, кто работает и занятия посещает плохо, но своевременно сдает все формы контроля.

Между тем, именно самостоятельная работа должна быть тем постоянно действующим источником, который будет задавать масштаб изменений, в том числе и методических, на пути к новому качеству образования. А если студенты к нам на занятия не ходят, значит, не видят в них пользы, значит, мы не заслужили их внимания.

Если это так, то необходимо выделение тех средств и форм обучения, которые способствуют созданию такой образовательной среды, выстраивание такой системы отношений между всеми участниками образовательного процесса, которая бы гарантировала совместное продвижение к достижению одной цели – обеспечение подготовки специалиста. Необходимо инициировать те процессы, которые позволят нам сформировать у студента устойчивую потребность в самообучении.

Советом юридического факультета сформулированы следующие приоритеты модернизации юридического образования, являющиеся одновременно слагаемыми эффективной модели механизма его организации:

1. Создание демократической модели образования: обществу, претендующему на то, чтобы называться демократическим, необходима адекватная модель образования, в основе которой лежат принципы сотрудничества, коллегиальности, индивидуальный подход, свобода выбора;

2. Устремленность образования в перспективу: гибкое реагирование на тенденции, происходящие в обществе; освоение студентами не столько конкретных сведений, сколько общих принципов и методологических подходов, позволяющих ориентироваться в своей сфере деятельности;

3. Соответствие уровня подготовки специалиста требованиям практики, предъявляемым к нему в различных сферах применения знаний и навыков разного рода структурами, потребляющими образовательные услуги;

4. Адекватность высшего образования требованиям общества: тренинги, основанные на эффективной подаче теоретического материала в сочетании с практическими навыками; обучение через деятельность, максимально приближенную к будущей профессии; эффективные профессиональные коммуникации;

5. Использование интерактивных методик обучения: сокращение пути к профессии – разные формы обучения, максимально приближенные к практике.

В процессе организации обучения мы часто забываем, что в вузе только два главных действующих лица – преподаватель и студент, а все остальные – обслуживающий персонал. Фактически же первая скрипка в руках у административно-управленческого айсберга, под мощью которого порой и не видны те, ради кого должна работать вся образовательная система.

Нет на сегодня более важной цели, чем создание для студента современной обучающей среды, где он смог бы не только приобрести современные знания, но и научиться учиться у самой жизни. Одной из задач цивилизованного общества, на статус которого претендует сегодня Россия, является формирование устойчивой системы правовых ценностей, где юридическая процедура обеспечения прав и свобод человека и гражданина займет достойное место в системе юридических гарантий.

Решению именно этой задачи подчинена вся деятельность нашего факультета, отмечающего свой скромный юбилей с воодушевлением и убежденностью в преодолении любых препятствий на пути совершенствования отечественного юридического образования.

**Е.Е. Тонков, декан юридического факультета,
доктор юридических наук, профессор**

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ФОРМ И ИНСТИТУТОВ

УДК 342.34, 321.7

ДЕМОКРАТИЯ КАК ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Г.А. БОРИСОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Borisov@bsu.edu.ru*

В статье демократия интерпретируется как государственно-правовое явление. Обращается внимание на институциональную и процессуальную сторону демократии, формулируются признаки и понятие. Сущность демократии обнаруживается в принципах – общецивилизационных и специальных. Структурно-организационный компонент демократии раскрывается в связи с анализом ее форм и институтов.

Ключевые слова: демократия, государство, форма государства, режим осуществления власти, формы демократии, институты демократии, гражданское общество.

I. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИИ – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНЫ*

Термин «демократия» сложился в связи со становлением государственной организации и задействовался для обозначения одной из форм организации власти в государстве. В прошлом он использовался наряду с другими, известными как «теократия», «аристократия», «охлократия», «олигархия», «тимократия», «монархия», «тирания» и означал по древнегреческой терминологии власть народа («*demos*», «*kratos*»). «Демократией нужно считать такой строй, когда свободорожденные и немущие, составляя большинство, будут иметь верховную власть в своих руках» (Ари-

* Феноменология (греч., букв. – учение о феноменах) – учение о явлении. Феноменология означает: 1) у Канта – учение об эмпирическом явлении; ... 6) у Гуссерля – исследование значения и смысла – наука о сущностях; ... См.: Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. Гр. «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – С. 477. В нашем исследовании Ф. это функция юридической науки с использованием которой фиксируется данность, устанавливаются существенные юридические свойства, стороны, показатели, отражающие правовую реальность в статике, а также в практическом действии.

стотель)¹. Представления о демократии менялись вместе с изменением общества, в том числе способа производства материальных благ, характера распределительных отношений, социальной структуры и классовых приоритетов.

В новой и новейшей истории есть повод говорить о все более полном использовании потенциала демократии, обеспечивающей раскрепощение энергии большинства населения страны, умножение силы государственной власти через ее поддержку большинством, реализующим свои интересы через государство. Правильно отмечается в современной литературе, что без демократии нет развития², что демократия становится активизирующим фактором модернизации, повышения темпов социально-экономического движения общества к прогрессу.

В связи с осознанием общецивилизационного значения и роли демократии в жизни современного общества, отмечаются три волны демократизации. **Первая** берет свое начало от времен французской революции и американской войны за независимость. Она охватила северо-американские страны, ряд стран европейского континента, в их числе Великобританию, скандинавские страны и др. **Вторая** связана с итогами Второй мировой войны и вовлечения в процесс демократизации, ряда государств Латинской Америки. **Новая** волна демократизации начинается после 70-х годов прошлого столетия, продолжается и сейчас. Основным ее театром становятся государства юга и востока Европы, Латинской Америки, государства на постсоветском пространстве, страны Азии, арабского мира (Африки, ближнего и среднего Востока).

Накопление опыта демократического развития позволяет сегодня говорить о демократизации как главенствующей тенденции развития современного мира. Вместе с тем, нельзя сказать, что в многочисленных источниках (философия, история, социология, политология и др.) можно отыскать более или менее убедительные характеристики демократии, что в конечном счете порождает спекуляции, даже неприятие действительной роли и назначения осуществляемых демократических преобразований.

Неблагоприятно, в частности, то, что обобщенные характеристики демократии исчезают из юридических исследований и из информационного пространства. В последних учебных пособиях и учебниках по теории государства и права отсутствуют соответствующие разделы³. Складывается поэтому дефицит представлений о демократии как государстве, об институциональных ее компонентах, в особенности основных правах и свободах человека и гражданина, о праве и законности как условиях становления демократических институтов, о формировании гражданского общества (экономических, социально-политических, личностных предпосылок), на базе которого возможно произрастание демократии. Это с одной стороны.

С другой – недостает представлений о демократии как о процессе реализации функций государства в целом, а также властно-организационных структур (ветвей власти, органов государства, органов местного самоуправления, должностных лиц), реализующих полномочия в правовых (процессуальных) формах⁴. Демократизация здесь проникает в глубинные пласты государственной деятельности и правового регулирования, придавая им упорядоченность, ориентированность на нужды и интересы каждого человека.

Институциональная и процессуальная стороны демократии поэтому приобретают все большее значение, особенно в государствах, только принимающих ценности демократического развития. Общая теория демократии должна давать, в частности, ответ на ключевые вопросы – являются ли её ценности универсальными, или этот феномен будет восприниматься сквозь призму этно-национальных, географических, конфессиональных, исторических, правокультурных и других особенностей стран, нарабатывающих демократические традиции и модели.

¹ История политических и правовых учений. Хрестоматия. Сост. и ред. Демиденко Г.Г. и Борисов Г.А. – Белгород, 1999. – С. 45.

² Хермет, Г. Культура и демократия / Г. Хермет. – Париж, 1993. – С. 10.

³ Отметим сохранение главы о демократии в учебном пособии под ред. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права / М. И. Марченко. – М., 2001. – С. 285 – 313.

⁴ См. о двух аспектах (модулях) бытия государства демократии. Мамут, Л. С. Демократия и правовое государство в России: проблемы становления / Л. С. Мамут // Государство и право. – 2006. – № 12. – С. 109.

Исходным для характеристики демократии является установление того, **на каких принципах и нормах возвышается государственная власть, как оформлена эта власть, в каком режиме она функционирует**⁵. Такой подход создает предпосылки для уточнения понятийного строя проблемы, устранения всего того, что затрудняет ее понимание. Демократия как феномен государственно-правовой жизни нуждается в отработке ее модели, сосредотачивающей в себе соответствующие формально определенные грани представлений.

Во-первых, демократия – это явление, соотносимое с государством⁶, это способ оформления государственной власти. Если народовластие (ст. 3 Конституции РФ) обнаруживает саму сущность государства, то демократия показывает, как и в каком порядке оформляется государственная власть (ст. 1 Конституции РФ). Буквальный перевод термина («demos», «kratos») не всегда может отразить действительный смысл демократии. Во многих случаях в обществах, основанных на классовых приоритетах, народовластие и демократия рассогласованны, поскольку при формально действующих демократических институтах и процедурах о народовластии говорить не приходится. Государство обеспечивает здесь господство меньшинства над большинством населения и в силу этого является неразвитым⁷. В условиях преодоления классовых антагонизмов и всего того, что порождает противостояние и бескомпромиссность (т.е. на базе построения гражданского общества) народовластие и демократия приходят к согласованию. Государство становится социально-демократическим. Оно целенаправленно на реализацию одного из главных императивов (народовластие) в развитии государственно-правовой жизни в общецивилизационном контексте.

Во-вторых, тезис о соотносимости демократии и государства означает, жесткость терминологических использований, поскольку демократия за пределами государства преобразуется в самоуправление. Отсюда «партийная демократия», «профсоюзная демократия» и другие корпоративные параллели стали в свое время факторами огосударствления институтов общества в определенном режиме осуществления власти. В современной российской политической системе такие терминологические сочетания неприемлемы к использованию. Только в оговорке уместно признание элементов политической демократии в функционировании политических партий, поскольку политические партии в соответствии с законодательством имеют целью представлять интересы сторонников соответствующей политической программы в органах государственной власти (ст. 3 Федерального закона «О политических партиях»). Но это касается только политических партий.

В-третьих, демократия – это такое оформление государственной власти, при котором отсутствует единый центр власти. Организация государственной власти основывается на системе ее разделения на относительно самостоятельные законодательную, исполнительную и судебную власти. Правовой порядок их взаимодействия – само наличие предметов ведения, полномочий, компетенций ветвей власти, процессуального порядка их функционирования в режиме «сдержек» и «противовесов», в правовых пределах, создает правовые предпосылки и условия для ориентирования государственной деятельности на поиск согласия и равновесия, исключая бескомпромиссность при решении государственных дел. Одновременно демократия закладывает здесь договороспособность⁸ населения, социальных общностей, государства как такую ценность, которая на уровне индивидуальном, групповом, общесоциальном, в государственно-правовой жизни, определяет пути перехода от конфликтности и революционного нетерпения в государственной работе – к толерантности, взаимному доверию, терпимости и т.п.

⁵ В литературе встречается указание на названные три аспекта демократии. См.: Загальна теорія держави і права. – Харків, 2002. – С. 99.

⁶ Правильно пишет Эбзеев Б.С. о том, что демократия представляет собой политическую централизацию, воплощаемую в государстве. «Демократия – это государство, причем мера государственного в ней представляется этапом становления самой демократии». Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционная обязанность / Б.С. Эбзеев. – М.: «Норма», 2007. – С. 6.

⁷ Четвернин, В.А. Демократическое конституционное государство. Введение в теорию / В.А. Четвернин. – М., 1993. – 140 с.

⁸ Аузан, А. Спрос на демократию / А. Аузан // Новая газета. – №6 (1324) – 30.01. 2008 г.

Важность такой оценки обуславливается горьким привкусом, который ощущает население России по отношению к процессу демократизации начала 90-х годов, повлекшему формирование олигархической экономики и катастрофическое обнищание целых социальных слоев. Все это произошло за пределами права и договороспособности, породило в сознании людей отношение к демократии как скорохвату на почве полного произвола. Основная миссия демократии (государства) приводить общество к компромиссам, равновесию и благополучию, поэтому вызывала и вызывает недоверие пострадавших в процессе приватизации граждан России.

В-четвертых, ядро демократии образуют права и свободы человека и гражданина в сочетании с обязанностями и ответственностью, а также правовой порядок их реализации. Демократия как государственно-правовой режим осуществления верховной власти обеспечивает восприимчивость общества к общецивилизационным ценностям свободы и юридического равенства, способность задействовать их энергию на пути к прогрессу. Это своего рода продукт обеспечиваемого демократией приоритета личности над всеми другими ценностями, который раскрепощает энергию людей, создает условия для доверия и поддержки населением государственной власти, формирования сильного таким доверием государства.

В-пятых, демократия – это свобода делать все, что не запрещено законом. С этой стороны, граждане действуют в общедозволительном режиме правового регулирования, который обеспечивает приоритет частного права над публичным, частного, личного интереса над общественным, государственным. С другой стороны, носители публичной власти (властных полномочий) действуют в режиме правовых ограничений, в разрешительном порядке правового регулирования. Выход за пределы полномочий и других процессуальных предписаний влечет за собой безусловное признание принимаемых по результатам проведенной государственной работы правовых актов юридически ничтожными, т.е. наступление процессуальной ответственности. Здесь просматривается еще одна грань соотношения демократии, законности и правопорядка, в которой демократия идентифицируется как стабильный, устойчивый правовой порядок.

В-шестых, демократия – это государство, которое признает, уважает и поддерживает права и законные интересы меньшинства. Речь, разумеется, не о таком количественном меньшинстве, которое в условиях олигархической экономики России приближаясь к минимальным величинам, обладает несопоставимыми с основной массой населения показателями уровней доходов и стандартов жизни, но самое главное – несравнимыми возможностями использования демократических форм и институтов в узкокорыстных, корпоративных интересах и целях. Речь о таком меньшинстве населения страны, которые по уровню доходов и стандартам жизни, по занимаемому месту в социальной структуре оказались за пределами минимальных показателей потребительской корзины и правовых возможностей, а поэтому беззащитными перед государством. Экономисты и социологи обращают внимание на то, что если работник получает за свой труд менее трех долларов в час, либо ВВП на душу населения в стране составляет ниже трех тысяч долларов, то демократия умирает⁹. Все это не может не порождать близкие или отдаленные причины и условия, порождающие социальные напряжения и конфликты, трудность преодоления которых с течением времени возрастает.

Демократия – это феномен общесоциальный, общецивилизационный. Она не может быть основана на условиях и факторах, порождающих социальные, а также национальные, конфессиональные, региональные и другие противоречия и конфликты. Демократическое государство всегда готово осуществлять поиск институциональных решений и правовых средств для снятия, преодоления социальных напряжений, тем более конфликтов, находить пути к достижению согласия и равновесия.

Поэтому в-седьмых, демократия – системное образование, обусловленное единством лежащих в ее основе ценностей. Она порождает непротиворечивость там, где нет глубокого материального, ценностного и иного разрыва между слоями и группами населения страны. В условиях раскола общества, наличия несопоставимых матери-

⁹Костиков, В. Какая демократия России по карману? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2004. – № 47.

альных различий, разночтений в интересах и восприятии ценностей, единая система демократии сложиться не может. Наличные условия жизни порождают различные представления о демократии и лежащих в ее основе ценностей, а стало быть, различные ее системы¹⁰.

В целом **демократия** – это форма организации государственной власти и порядок властеотношений, при которой последовательно осуществляются основные права и свободы человека и гражданина, реализуется правовой порядок взаимоотношения личности и государства на началах взаимной ответственности, реально утверждается режим правовых ограничений и законности в деятельности носителей публичной власти, обеспечивается приведение общества к согласию и равновесию.

Сложившаяся характеристика демократии не исключает различных подходов к обобщенной ее оценке, в том числе, сквозь призму связанных с правоведческими историческими, социологическими, политологическими измерениями. В частности, демократия как форма правления восходит к греческой философии, она определялась тогда как источник власти правительства, обозначая также цели, которые оно преследовало. В новое время это определение облекается в термины воли народа и общего блага. По мнению Шампетера Д.А., демократический метод это институциональная система, приводящая к политическим решениям, в которой индивиды приобретают власть, чтобы настаивать на своих решениях на исходе конкурентной борьбы в соответствии с голосованием народа¹¹.

А. Турен утверждает, что «демократия не является общественным типом, но более ограничено, типом политической системы...»¹². Тем самым отмечается, что демократия не является окончательным этапом развития гражданского общества.

Сэмюэль П. Хантингтон определяет демократию как политический режим. По его мнению демократия существует в условиях, когда основные лидеры политической системы отобраны посредством конкурентных выборов, в которых имеет возможность принимать участие основная часть населения¹³. В соответствии с этим определением демократический режим является синонимом выборности и многопартийности.

Но данное определение не учитывает многих очень важных элементов переходного типа демократии, таких как отсутствие реального соперничества между партиями, их автономии относительно власти, возможность обмана, фиктивность свободы и права граждан свергнуть или изменить режим мирным путем.

Именно в этом смысле Дж. Линц и Р. Даль настаивают на элитарном характере любой представительной системы власти. Что касается Линца, он считает, что правительство тогда можно считать демократическим, когда оно предлагает соответствующие конституционные возможности в мирном соревновании, имея целью победу политической власти различных групп, не исключая фактор применения силы какой-либо значимого политического сектора¹⁴.

Р. Даль утверждает, что современный демократический режим – это совокупность различного рода организаций и ассоциаций, которые являются относительно независимыми перед правительством, также и по отношению друг к другу...¹⁵. В данном случае Р. Даль отмечает другое качество избранного демократического режима, а именно реальную состязательность в политической игре, отсутствие сговора внутри соревнующихся групп, между ними и правительством. Для Р. Даля даже простое существование этих явлений является достаточным условием для установления демократического режима.

Все это подчеркивается многогранность и многоплановость современных интерпретаций феномена демократии.

¹⁰ См.: Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко – М.: Юрист, 2001. – С. 290.

¹¹ Шампетер, Джозеф А. Капитализм, социализм и демократия / А. Джозеф Шампетер. – Нью-Йорк: Харпер, 1947 (2-е издание) – Гл. 21. – С. 269.

¹² См.: Тальмон, Ж. Происхождение тоталитарной демократии / Ж. Тальмон. – Париж: Кальман Леви, 1966.

¹³ Хантингтон, С. Авторитарная политика в современном обществе / С. Хантингтон, С.Н. Мур. – Нью-Йорк, 1970. – С. 509.

¹⁴ Линц, Дж. Идеологии, партийные системы / Дж. Линц. – Хельсинки, 1964. – С. 295.

¹⁵ Даль, Р. Энциклопедия Блакуела о политических институтах / Р. Даль. – Оксфорд: Блакуелл, 1987. – С. 167.

II. СОСТАВ КОМПОНЕНТОВ ДЕМОКРАТИИ

Представления о демократии не могут стать полными без установления состава компонентов данного феномена, т. е. связаны со структурно-организационной характеристикой. Среди компонентов, обуславливающих жизнеспособность демократии (государства) нельзя не назвать нормативно-организационную базу. Прежде всего, это принципы, лежащие в основе организации и функционирования государственной власти, отражающие общие закономерности властеотношений. Среди них **общезивилизационные принципы** – персонифицизм, свобода, народовластие, юридическое равенство, справедливость, законность. Они содержат наиболее общие требования восприимчивости современной государственности и позитивного права к общечеловеческим ценностям, обеспечивают приоритет личности над всеми другими интересами и ценностями. В согласовании с названными фундаментальными принципами действуют **более конкретные, юридические принципы** раскрывающие сущность правового государства. Это принципы верховенства правового закона в системе законодательства, правового самоограничения государственной власти, взаимной ответственности гражданина перед государством и государства перед своими гражданами. Нормативная база демократической государственности представлена не только названными и другими принципами, получившими закрепление в главе I и II Конституции РФ, но и основными правами и свободами человека и гражданина, признанными международным сообществом – личностными, интеллектуально-культурными, экономическими, политическими. Признание и уважение демократических принципов, основных прав и свобод вменяется в обязанность государству (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), устанавливает юридические пределы усмотрения государства в целом, властвующих структур и должностных лиц.

Нормативно-организационный компонент демократии дополняется **структурно-организационным**, выражающимся в формах участия населения страны в решении вопросов общегосударственного и регионального значения. Речь о формах демократии – внешне выраженных способах формирования и реализации государственной воли. Традиционно различают формы представительной демократии, непосредственной демократии, консультативной демократии.

Представительная демократия имеет место там, где население страны (избиратели) осуществляют государственную власть через своих представителей. Формами народовластия здесь являются представительные органы власти, а также производные от них структуры (ветви) власти. Институт президента в России также относим к представительной форме демократии, равно как институт президента национальных республик и губернатора территориальных субъектов федерации.

Непосредственная демократия имеет место в случаях прямого волеизъявления населения страны – избирателей, прямого участия в решении общегосударственных дел. К форме непосредственной демократии здесь относят выборы представительных органов власти, референдум, всенародный опрос.

Консультативная демократия связана с формированием общенародного волеизъявления при всенародных (региональных) обсуждениях проектов важнейших законов, при народной (региональной) законодательной инициативе и др.

Формы демократии складываются (материализуются) как ее компоненты, оформляются в институты демократии, образующие в совокупности систему. **Институт демократии** – это структурно-нормативное и функциональное образование в организации государственной власти, обеспечивающее во взаимодействии с другими определенный порядок взаимовлияния общества и государства на пути к прогрессу.

Институты демократии характеризуют саму демократию в системе. Уместно поэтому относить такие институты к сфере экономики (экономические корпорации и т.п.), к организации власти (народного представительства, разделения властей, правосудия и т.п.), к формированию структур публичной власти (выборы, назначения и др.), к осуществлению контроля и надзора за законностью и т. п.

Среди разновидностей форм непосредственной демократии называют петиции, собрания, сходы, ассоциации и др. Представляется, что последние названные и другие

формы реализации инициативы граждан призваны и имеют целью выразить групповое волеизъявление и интерес определенных социальных групп. Здесь поэтому уместно вести речь о функционировании **самоуправления**. В отличие от институтов демократии, ориентированных на аккумуляцию общегосударственных, либо региональных (в субъектах федерации) интересов и соответствующего волеизъявления, воля и интерес членов ассоциаций, местных территориальных образований и самостоятельных организаций исходят из потребностей, вызревающих в соответствующих институтах самоуправления. В своей совокупности они образуют **систему самоуправления** – общественного образования, в котором имеет место совместное под свою ответственность и риск принятие решений и совместное их осуществление в интересах самоуправляемого сообщества людей.

Конечно, демократия и самоуправление имеют общие черты. Это участие людей в решении общих дел, ответственность, деятельность, основанная на законе, ориентация на общественный интерес, достижение согласия. Обнаруживаются также параллели в организованных формах конкретной работы.

Не менее важными в процессе демократизации современного общества являются другие компоненты, связанные с условиями, при которых движение к демократии находит отклик в сознании и конкретных действиях людей, в связи с их решающим участием в решении государственных дел. Это самоидентификация населения через установление и выражение коренных интересов социальных слоев и общностей, это развитость политического и правового сознания и мышления, это восприимчивость к ценностям политической и правовой культуры. Интеллектуально-культурный компонент демократии в ряде случаев образует предпосылки и почву для процесса демократизации в положительном или отрицательном смысле.

Демократия, наконец, характеризуется как государственно-правовой режим формирования и функционирования институтов власти. Он противоположен любой разновидности тоталитаризма как по основным, так и по дополнительным характеристикам.

Главными являются различия в приоритетах. Многократно отмечалось, что для демократического режима осуществления государственной власти исходным является приоритет личности, основных прав и свобод человека и гражданина над всеми другими ценностями. Далее, в условиях демократизма возобладает плюрализм – в экономической жизни (множественность форм собственности и хозяйственной деятельности), политической (прежде всего реальная многопартийность), властно-организационной (система разделения властей), идеологической (плюрализм мнений, идеологических построений). В правовой жизни демократизация проявляется в возвышении роли частного права и общедозволительного режима правового регулирования, складывание системы правовых пределов в деятельности властвующих структур и должностных лиц.

III. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ И ИНСТИТУТОВ В ПЕРЕХОДНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В странах, ставших или становящихся на путь демократических преобразований наблюдаются однопорядковые процессы. Это относится как к успехам, так и к трудностям, с которыми сталкиваются народы, принимающие или принявшие демократические ценности.

Демократизация может предшествовать либо идти параллельно процессу либерализации. Он охватывает, прежде всего, экономическую жизнь и обуславливает здесь постепенную минимизацию роли государства. Укрепление принципов либерализма – свободной конкуренции, движения капитала, улучшения инвестиционного климата, создания свободных зон в торговле и т. п. подрывает монополию государственного влияния в экономике, открывает простор действию рыночных механизмов. Государство в этих условиях идет на признание и юридическое оформление абсолютных общечеловеческих ценностей – свободы, равенства, справедливости, их перевод на язык права, закладывает в формы и институты государственной организации. Принимается

при этом концепция и практика формирования правового государства, системы разделения властей, парламентаризма, конституционности, основных прав и свобод человека и гражданина и др.

В этих условиях принципиально меняется соотношение общества и государства. Последнее уступает бремя многочисленных прежде забот разрешать межклассовые противостояния и конфликты в пользу общества, его институтов, оставляет за собой тот минимум, в пределах которого государство определяет внешние условия действия рыночных механизмов и объективных закономерностей.

В других условиях государство начинает выполнять общесоциальную роль, определяет большую или меньшую степень социальной ориентированности экономики, придает динамизм развитию всех сторон жизни через реализацию основных прав и свобод человека и гражданина. Одним из факторов этого является неизменная поддержка государством малого и среднего бизнеса, берущая начало от «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, придающая ускорение экономическим и социальным процессам.

Большая или меньшая степень социальной ориентированности политики и практики государств характеризует различия феноменов либеральной демократии и социальной демократии¹⁶. Обществу здесь приходится выбирать между пределами минимизации роли государства («ночного сторожа») и пределами его вмешательства, прежде всего в экономическую и социальную жизнь, между режимом либеральной демократии и государством социальной демократии. Современные развитые государства (старой демократии) отдают предпочтение последнему.

Демократизация проявляется здесь как закономерность, вырастает в подготовленных к ней условиях, привычных для населения отношений собственности и экономического мышления; в условиях стабильного законодательства, законности и надежности юридических механизмов защиты прав; в условиях давно сформировавшейся правокультурной среды. Демократизация протекает как эволюционный процесс без серьезных социальных конфликтов и потрясений.

Наряду с успехами демократических преобразований в странах с устоявшейся базой и традициями демократии, обнаруживаются издержки, противоречия, а то и неудачи предпринимаемых попыток. Это обуславливается наличием ряда факторов, сдерживающих процесс демократизации, возводящих препятствия и завалы на пути реализации демократических принципов и ценностей. Ряд из них имеют общий характер, обусловленный трудностями роста молодых демократий. На другие накладывается отпечаток национальная, конфессиональная, континентально-географическая и другая специфика. Среди общих трудностей следует видеть.

А. Отсутствие развитого гражданского общества и его инфраструктур (форм, институтов), способного, с одной стороны, формировать конкурентно способную рыночную экономическую среду, а также социальную основу и опору (средний класс) государства, демократии; с другой – выразить и защитить перед лицом государства консолидированную волю и интересы социальных слоев и групп интересов населения страны. В этом своем качестве гражданское общество способно создать условия для исполнения государством своего главного назначения – приводить его к согласию, равновесию, прогрессу через использование многоплановых правовых средств. Не случайно термины гражданское и правовое общество используются как синонимы.

Б. Незрелость либо отсутствие политической системности. Даже если складывается многопартийность в политической системе переходного общества, то действующие политические партии возникают при отсутствии соответствующей социальной основы и действуют без видимых попыток представить реальную структуру потребностей и социальных интересов. Всякое стремление сформировать двухпартийную систему западного образца наталкивается на неготовность политического спектра придать социально-

¹⁶ См.: Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2002. – С. 705.

демократическую направленность программам блока левых партий, преодолеть корпоративно-бюрократический контекст в деятельности партии власти. Почти отсутствует в этих условиях ориентация на принципы парламентаризма и конституционности и, наоборот, возобладает личностно-ориентированный подход. Это не может не сказываться в настоящем и будущем на выборах в органы высшей власти Российской Федерации, субъектов федерации, органы местного самоуправления.

В. В бюрократической системе власти при наличии формальной системы разделения властей возобладают исполнительные ее структуры. Тенденция бюрократизации берет начало от перераспределения собственности и власти в начале 90-х годов между партийно-государственной номенклатурой и молодым слоем аппаратчиков, пришедших на волне идеологии и практики переустройства общества. Амбициозность и либерализм последних нередко выливались в конфликты на грани гражданской войны (ваучеризация, обвальная либерализация рынка, танковая атака Белого дома и др.). В свою очередь, старая номенклатура предпринимает ряд попыток реставрации советского строя вплоть до насильственного отстранения от власти законно избранного Президента СССР и развязывания путча.

Противоречия между старой и новой бюрократией с течением времени стали преодолеваться в рамках парламентской работы, в связи с безусловно высоким авторитетом ушедшего и вновь избранного президентов РФ и пропрезидентской позицией большинства политических сил. Остается тем не менее актуальным вопрос о связи государственной деятельности и бизнеса, связи бюрократических и криминальных структур, коррумпированности государственного аппарата. Все это создает препятствия и завалы на пути демократизации, с преодолением которых связаны сегодня успехи или неудачи в освоении демократических ценностей. В большей или меньшей степени это относится ко всем странам, ставшим на путь демократизации, но есть и специфические трудности и препятствия на этом пути в странах на постсоветском пространстве, в странах арабского мира и др.

Список литературы

- 1) История политических и правовых учений. Хрестоматия. Сост. и ред. Демиденко Г.Г. и Борисов Г.А. – Белгород, 1999.
- 2) Хермет, Г. Культура и демократия / Г. Хермет. – Париж, 1993.
- 3) Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права / М. И. Марченко. – М., 2001.
- 4) Мамут, Л. С. Демократия и правовое государство в России: проблемы становления / Л. С. Мамут // Государство и право. – 2006. – № 12.
- 5) Загальна теорія держави і права. – Харків, 2002.
- 6) Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционная обязанность / Б.С. Эбзеев. – М.: «Норма», 2007.
- 7) Четвернин, В.А. Демократическое конституционное государство. Введение в теорию / В.А. Четвернин. – М., 1993.
- 8) Аузан, А. Спрос на демократию / А. Аузан // Новая газета. – №6 (1324) – 30.01. 2008 г.
- 9) Костиков, В. Какая демократия России по карману? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2004. – № 47.
- 10) Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко – М.: Юристъ, 2001.
- 11) Шампетер, Джозеф А. Капитализм, социализм и демократия / А. Джозеф Шампетер. – Нью-Йорк: Харпер, 1947 (2-е издание) – Гл. 21.
- 12) Тальмон, Ж. Происхождение тоталитарной демократии / Ж. Тальмон. – Париж: Кальман Леви, 1966.
- 13) Хантингтон, С. Авторитарная политика в современном обществе / С. Хантингтон, С.Н. Мур. – Нью-Йорк, 1970.
- 14) Линц, Дж. Идеологии, партийные системы / Дж. Линц. – Хельсинки, 1964.
- 15) Даль, Р. Энциклопедия Блакуела о политических институтах / Р. Даль. – Оксфорд: Блакуелл, 1987.
- 16) Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2002.

DEMOCRACY AS THE PHENOMENON OF A STATE-LEGAL LIFE: FORMATION PROBLEMS IN THE TRANSITIVE SOCIETY

G.A. BORISOV

***Belgorod
State
University***

***e-mail:
Borisov@bsu.edu.ru***

In article democracy is interpreted as the state-legal phenomenon. The attention on institutional and the remedial party of democracy, signs and concept are formulated. The essence of democracy is found out in principles – common to all civilizations and special. The Structurally-organizational component of democracy reveals in connection with the analysis of its forms and institutes.

Key words: democracy, the state, the state form, a mode of realization of the power, the democracy form, democracy institutes, a civil society.

ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ – ОСНОВА ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.В. ВИТРУК

*Российская академия
правосудия*

В статье подчеркивается наличие твердых конституционных основ происходящих преобразований. Отмечается рациональная легитимность действующей Конституции РФ, признанной народом России как выражения консенсуса социальных слоев и политических сил. Провозглашается курс на конституционализацию правовой системы государственно-правовой жизни, существенная роль в реализации которого принадлежит Конституционному Суду РФ. Последний формирует направления конституционно-правовой политики.

Ключевые слова: конституция, реализация конституции, текущее законодательство, правовая жизнь, конституционно-правовая политика, охрана конституции, Конституционный Суд РФ, Конституционная Федерация.

Качественная модернизация общества и государства современной России происходит на твердой конституционной основе, на базе Конституции Российской Федерации 1993 года Российская Федерация с точки зрения позитивного права функционирует как конституционное государство. Конституция Российской Федерации своим содержанием выражает принципы демократии, свободы и справедливости, закрепляет неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, отвечающие международно-правовым стандартам, адекватно воплощает правовые принципы, общечеловеческие идеалы и ценности, насущные потребности и интересы человека, объективные тенденции социально-правового прогресса.

Конституция Российской Федерации, ее рациональная легитимность признаны гражданским обществом, российским народом как выражение консенсуса основных социальных слоев и политических сил общества. Обладая весьма высокой степенью абстракции и качеством системности, Конституция РФ позволяет выразить всю смысловую и содержательную ее глубину. Все это создает прочную юридическую базу, основу для разнообразного динамичного развития правовой системы в соответствии с изменением социально-политической, экономической и нравственно-духовной ситуации в обществе и государстве. Имея универсальный, надотраслевой характер, Конституция РФ приобретает значение общеправового мировоззрения, государственной идеологии и национальной идеи.

Согласно ч. 2 ст. 4 и ч. 1 ст. 15 Конституции РФ *Конституция Российской Федерации имеет верховенство, высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации*. Конституция РФ непререкаема, составляет правовую основу всей системы законодательства, судебной и иной правоприменительной практики.

Конституционные установления являются *общеобязательными* для всех субъектов права. Согласно ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Законы и подзаконные нормативные акты, противоречащие Конституции Российской Федерации, либо признанные таковыми Конституционным Судом Российской Федерации, не должны применяться судами и другими правоприменителями.

Непосредственное действие Конституции РФ, прежде всего, относится к конституционным положениям, определяющим права и свободы человека и гражданина. В ст. 18 Конституции Российской Федерации закреплено: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

На прямое действие Конституции Российской Федерации в судебной практике обращает внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹. Как отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации, если суды приходят к выводу о неконституционности закона, для официального подтверждения его неконституционности суды обязаны обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации. Однако такое обращение не ограничивает непосредственное применение ими Конституции Российской Федерации, которое призвано обеспечивать реализацию конституционных норм прежде всего при отсутствии их законодательной конкретизации. Если же закон, который должен был бы быть применен в конкретном деле, по мнению суда, не соответствует Конституции Российской Федерации и тем самым препятствует реализации ее положений, то для обеспечения непосредственного действия Конституции Российской Федерации во всех случаях, в том числе и когда дело разрешено судом на основании конкретной конституционной нормы, требуется лишение такого закона юридической силы в предусмотренном ст. 125 Конституции Российской Федерации порядке конституционного судопроизводства².

В Конституции Российской Федерации провозглашены общегражданские, общечеловеческие ценности и идеалы, прежде всего, права и свободы человека и гражданина в их сочетании с обязанностями и ответственностью. Но конституционные цели и идеалы – это еще не сама реальность. Ценность конституции тем выше, чем полнее, упорнее и последовательнее идет реализация Конституции Российской Федерации, всех ее положений и установок, чем полнее используется ее демократический и нравственно-правовой потенциал.

Реализация Конституции Российской Федерации осуществляется, *во-первых*, в законотворчестве (нормотворчестве) путем принятия законов и подзаконных актов, которые конкретизируют конституционные положения, *во-вторых*, в судебной и иной правоприменительной практике, и, *в-третьих*, в контрольно-надзорной деятельности уполномоченных органов и должностных лиц при обязательном соблюдении конституционных положений.

Существенное повышение роли и значения Конституции РФ в правовой системе Российской Федерации, в общественно-политической и государственной жизни, последовательная реализация конституционных установлений – есть объективная потребность, тенденция и условие социально-правового прогресса, суть конституционно-правовой политики в современной России. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин справедливо отмечает: «Общество, которое не умеет и не хочет жить по действующей Конституции, не сможет жить и по любой другой»³.

Необходимо последовательно формировать устойчивые установки конституционно-правового мышления и поведения, позитивной конституционной ответственности, повышения качества правомерного поведения, направленного на реализацию конституционных установлений.

В правовой, конституционно-правовой политике необходим курс на *конституциализацию* правовой системы российского общества, общественно-политической и государственной жизни в стране, на решение актуальных проблем, связанных с формированием рыночной экономики, институтов демократии, реального федерализма и, главное, с достижением высшей цели – обеспечением достоинства человека, его прав и свобод и иных конституционных ценностей. Конституциализация есть нарастающий процесс реализации конституционных принципов, норм и иных установ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

³ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. С. 63-64.

лений в законотворчестве в сфере частного и публичного права, в судебной и иной правоприменительной практике, в контрольно-надзорной деятельности по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина. Существенную роль в интенсификации конституционализации играют решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации.

В современных научных исследованиях усилия ученых должны быть направлены не на поиски мнимых пробелов и противоречий, дефектов в тексте Конституции РФ, а на разработку механизмов реализации положений Конституции РФ, на ее обеспечение, охрану и защиту.

Ряд ученых пишет о развитии, преобразовании, трансформации, модернизации, содержания Конституции Российской Федерации, пытаясь «подправить», дополнить, «доформировать» его без изменения текста Конституции путем, во-первых, нового истолкования, интерпретации и, во-вторых, принятием федеральных конституционных законов, федеральных законов, а также посредством парламентской и судебной практики, конституционных обычаев и обыкновений правоприменительной практики (А.А. Кондрашов, В.А. Лебедев, М.А. Митюков и др.)⁴.

Текущее (отраслевое) законодательство регулирует конкретные виды общественных отношений путем как конкретизации отдельных конституционных положений, так и самостоятельного их регулирования, в том числе в целях использования правового потенциала Конституции Российской Федерации. К отраслевому регулированию предъявляется лишь одно требование: оно не должно противоречить Конституции Российской Федерации. Отраслевое законодательство, а тем более юридическая практика, не восполняет пробелы и не разрешает противоречия Конституции РФ, которых у нее нет, не развивает и не наполняет ее новым содержанием, так как такое в принципе невозможно и такую цель не преследует отраслевое (текущее) законодательство.

Составной частью процесса реализации Конституции Российской Федерации служит ее верное, адекватное понимание, интерпретация, официальное и неофициальное толкование, охватываемые понятием конституционной герменевтики как теории и практики, искусства познания смысла конституционных положений в контексте современного историко-культурного и социально-правового развития⁵. Речь идет о ступенях, глубине познания объективного смысла (духа) Конституции Российской Федерации, в основе которого лежит воля и консенсус общества.

Официальное толкование Конституции Российской Федерации, осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации и являющееся окончательным, снимает неопределенность и мнимые противоречия в ее понимании. Новое истолкование и интерпретация в условиях развивающихся общественных отношений возможно, но оно не может противоречить конституционным установлениям и не может их изменять.

Текст Конституции РФ имеет резервы для интерпретации применительно к новым жизненным условиям. Особая роль в интерпретации Конституции Российской Федерации принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Его решения являются общеобязательными для всех субъектов права и по юридической силе они приравниваются к юридической силе самой Конституции Российской Федерации. Такой же юридической силой обладают и общепризнанные принципы и нормы международного права, признанные Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 21 декабря 2005 года в связи с конституционно-правовой оценкой нового порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, предполагающего участие в нем как законодательного (представительного) органа государст-

⁴ Конституция как символ эпохи / Под ред. С.А. Авакьяна. Т. 1. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

⁵ Кравец И.А. Конституционная герменевтика: понятие и признаки // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 17. / Под ред. В.Ф. Воловича. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 33-38.

венной власти субъекта Российской Федерации, так и Президента Российской Федерации, отметил: «Поскольку положения Конституции Российской Федерации проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений, Конституции Российской Федерации применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практике, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования».

В то же время следует помнить, что в процессе толкования конституционных установлений выявляется их истинный смысл, а не внесение изменений в их содержание. Интерпретатор лишен абсолютной свободы выбора, границы его усмотрения обусловлены распространяющейся на всех субъектов конституционных правоотношений обязанностью соблюдать Конституцию РФ и не допускать ее изменения под видом толкования.

Реализуя принцип самоограничения, Конституционный Суд Российской Федерации должен быть крайне осторожен в попытках наполнения конституционных положений новым содержанием без изменения самого текста Конституции в силу конкретно-исторической обстановки, других обстоятельств экономического, политического и иного характера, т.е. в силу целесообразности, без достаточного конституционного обоснования.

Эффективность и полнота реализации Конституции Российской Федерации зависит от степени разработанности юридического механизма реализации разнообразных конституционно-нормативных средств регулирования общественных отношений и социальных условий их использования. В целях последовательной реализации Конституции Российской Федерации должна быть создана эффективная система ее обеспечения.

Система обеспечения Конституции Российской Федерации в деятельности органов публичной власти и должностных лиц представляет собой меры, направленные на профилактику конституционных нарушений и на упрочнение режима конституционности, т.е. состоит из двух блоков. Такое деление обусловлено двойственным характером влияющих на функционирование должностных лиц условий и факторов социальной среды, которые могут быть как положительными (гарантии), так и отрицательными.

Профилактика конституционных нарушений означает выявление причин и условий нарушения Конституции, устранение этих причин и условий, ликвидацию всех тех негативных факторов, явлений и процессов, которые ведут к нарушениям Конституции. К такого рода факторам относятся экономическая и политическая нестабильность, непрофессионализм, коррупция, низкая правовая культура должностных лиц, деформация профессионального правосознания, установка должностных лиц на приоритет целесообразности перед правомерностью и т.д.

Реализация конституционных установлений предполагает формирование и совершенствование, развитие гарантий, т.е. положительно действующих условий, факторов и средств как внутри той или иной структуры публичной власти, так и вне ее. Следует различать общие (экономические, политические, духовно-культурные, психологические, управленческие и др.) и специальные, в том числе правовые гарантии реализации конституционных положений. Правовые гарантии реализации конституционных положений включают: юридический механизм действия и реализации Конституции (установление юридических фактов, процедур осуществления конституционных положений, мер стимулирования и поощрения и др.).

Конституционные установления могут быть нарушены умышленно либо в силу ошибки со стороны законодателя, так и правоприменителей. Иными словами, Конституция РФ в своей реализации может дать сбой. Возникает необходимость охраны и защиты Конституции Российской Федерации.

Охрана Конституции РФ состоит в установлении правовых гарантий охраны, а именно в законодательно закрепленных мерах выявления конституционных нарушений и мерах их профилактики, в мерах пресечения, в мерах надзора и контроля за состоянием реализации конституционных установлений, защиты и меры ответственности за совершенные конституционные нарушения.

В защите конституционных установлений участвуют все органы публичной власти. Особая роль отводится судам, осуществляющим правосудие в различных формах – в виде конституционного и иного судебного контроля, прямого применения положений Конституции РФ при разрешении гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел.

Так, за десять с лишним лет Конституционный Суд Российской Федерации накопил достаточно большой положительный опыт по обеспечению прямого действия Конституции Российской Федерации, исключая из правового поля Российской Федерации положения законов – федеральных и субъектов Российской Федерации, – не соответствующих Конституции Российской Федерации, либо корректируя правоприменительную практику в контексте конституционно-правового истолкования законов. В повышении эффективности осуществления конституционного (конституционно-уставного) правосудия в Российской Федерации необходимо завершить создание системы конституционно-уставного правосудия, в плане как структуризации, так и разграничения полномочий по осуществлению конституционного контроля между органами конституционного правосудия, судами общей и арбитражной юрисдикции.

На базе ценностей и идеалов, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, российское общество и государство мучительно ищут собственный путь развития, пытаясь не копировать практику безудержного индивидуализма, абсолютизации частной собственности и частной жизни, культивирования свободы без какой-либо ответственности и ограничений, игнорирования общепринятых традиций, моральных ценностей. Всем этим негативным образцам и процессам следует противопоставить гармонию общественных, групповых и личных интересов, сочетание социальной справедливости и формального равенства. Благодаря этому Конституция РФ может обеспечить стабильность, устойчивость, силу и прочность, прогрессивное развитие гражданского общества и правового государства, прав и свобод человека и гражданина, других конституционных ценностей.

В целях обеспечения прямого действия и реализации, охраны и защиты Конституции Российской Федерации, конституций и уставов субъектов Российской Федерации необходимо продолжение правовой и судебной реформы, формирование нового конституционно-правового мышления, уважения к конституции, искоренение правового нигилизма на всех уровнях власти, развитие системы правового воспитания и юридического образования с целью подготовки юристов нового поколения.

Реализация Конституции РФ может быть эффективной лишь в том случае, если она опирается на свободное гражданское общество, на развитие его институтов (партии, общественные объединения, свободные средства массовой информации) и легитимную, сильную, авторитетную власть, реализующую политику правовыми средствами в условиях твердого правопорядка, конституционности и законности, сочетания динамизма и устойчивого прогрессивного социально-экономического, политического и духовного, культурного развития. Нельзя полагать, что Конституция РФ зиждется на утверждении индивидуального эгоизма, как считают некоторые ученые. В основе взаимоотношений личности, общества и государства лежит гармония общественных, корпоративных и личных интересов.

Рациональная, прагматичная конституционно-правовая политика предполагает постановку осуществимых целей, выбор адекватных, эффективных способов ее реализации. В частности, она должна формировать условия для соблюдения конституционного принципа социальной справедливости, для ликвидации огромного разрыва в положении различных социальных слоев общества, должна создавать равные стартовые условия для каждого в отстаивании, защите прав и свобод.

В осуществлении конституционно-правовой политики важное значение имеет учет реалий российской действительности, соблюдение лучших традиций правовой культуры и учет правовых ценностей, укоренившихся в образе жизни и поведении индивидов и всего народа (например, учет и культивирование коллективистских и нравственных начал).

Приоритетными направлениями конституционно-правовой политики в правовой сфере являются следующие:

– создание устойчивой нормативно-правовой основы, развитие законодательства, основанного на новых принципах общественного и государственного строя – принципах свободного гражданского общества, демократии и правового государства и других, закреплённых в Конституции современной России. Нельзя считать, что с принятием Конституции РФ в 1993 году проведение конституционной реформы завершено. Это лишь начало глобального процесса конституциализации отраслевого (текущего) законодательства в сфере частного и публичного права. Необходимы серьёзные меры по урегулированию всех форм собственности, рыночных отношений, свободы договоров, добросовестной конкуренции. Новые подходы необходимы в законодательстве в социальной сфере, по регулированию трудовых отношений в целях усиления коллективистских начал, социальной ответственности капитала, по оказанию социальных услуг, социального обеспечения;

– самостоятельными направлениями конституционно-правовой политики являются формирование правовых основ складывания и функционирования институтов гражданского общества, системы народовластия (референдум, выборы и др.), политической системы общества (политические партии, общественные объединения);

– нуждается в конкретизации конституционно-правовая политика по реализации конституционных принципов разделения властей, федерализма, местного самоуправления, проведения административной реформы: остаётся актуальной задачей дальнейшая разработка и реализация судебной реформы (обеспечение доступа к правосудию, создание специализированных судов и форм судопроизводства, подготовка кадров и др.);

– особую специфику имеет конституционно-правовая политика в сфере право-реализационной деятельности, прежде всего органов публичной власти, их должностных лиц. В основе этой деятельности должны быть положены принципы конституционности и законности, усиление конституционного и общего контроля и надзора. Особая роль в осуществлении конституционного и конституционно-уставного контроля принадлежит Конституционному Суду РФ, органам конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации, а также судам общей и арбитражной юрисдикции, мировым судьям;

– в правоохранительной и правозащитной деятельности акцент следует перенести на её реальность и эффективность, на профилактику правонарушений, на восстановление нарушенных прав, свобод и обязанностей в сочетании со справедливым возмездием, наказанием за совершённые преступления и другие правонарушения. Необходима большая организационная, воспитательная работа по адаптации граждан к новым условиям в отстаивании и защите своих прав, свобод и законных интересов, к использованию всех предусмотренных законом правовых средств защиты;

– в российском обществе и в современном мире возникли новые угрозы и вызовы, связанные с международным терроризмом, локальными конфликтами, техногенными и природными катастрофами и катаклизмами, наркобизнесом, национальной организованной преступностью и другими новыми явлениями и процессами. Объективно это ставит проблему формирования и развития конституционно-правовой безопасности общества, государства и каждой личности. Есть угрозы и внутреннего порядка – это всеобщая криминализация экономической и иных сторон жизни, коррупция на всех уровнях функционирования публичной власти, ксенофобия, правовой нигилизм и правовой романтизм законодателей, разрыв правового пространства в условиях конституционной федерации. Эти факторы актуализируют проблему реализации, охраны и защиты Конституции РФ, всех её установлений.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25.

3. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки.

4. Конституция как символ эпохи / Под ред. С.А. Авакьяна. Т. 1. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

5. Кравец И.А. Конституционная герменевтика: понятие и признаки // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 17. / Под ред. В.Ф. Воловича. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004.

FIDELITY OF THE CONSTITUTION – A BASIS OF PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

N.V. VITRUK

*The Russian academy
of justice*

In article presence of firm constitutional bases of occurring transformations is underlined. Rational legitimacy of the operating Constitution of the Russian Federation recognized as the people of Russia as expression of a consensus of social strata and political forces is marked. The course on konstitutionalization legal system of the state-legal life is proclaimed, the essential role in which realization belongs to the Constitutional Court of the Russian Federation. Last forms directions of a konstitutsionno-legal policy.

Key words: the constitution, constitution realization, the current legislation, a legal life, the konstitutsionno-legal policy, constitution protection, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Federation.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА №131-ФЗ «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В.Г. ЕРМАКОВ

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина*

В статье исследуются вопросы правоприменения норм Федерального закона РФ №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Рассматриваются недостатки и положительные черты, присущие федеральному закону, а также их влияние на реализацию его положений.

Ключевые слова: Российская Федерация, местное самоуправление, нормативное регулирование, ответственность.

Принятие Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ стало одним из важных событий в законотворческой деятельности Федерального Собрания РФ в 2003 г. Как известно, данный Закон является четвертым (первым был Закон СССР 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», затем были приняты Закон РСФСР 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» и Федеральный закон 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Первые шаги по реализации нового Федерального закона выявили как положительные, так и противоречивые моменты. Положительным, в первую очередь, является то, что новый Закон регулирует гораздо более широкий круг отношений в сфере местного самоуправления (его объём в три раза превышает Закон 1995 г.).

Отрицательной чертой нового Закона является то, что он централизовал нормативное регулирование многих вопросов местного самоуправления, переводя его с регионального на федеральный уровень. «Федеральная составляющая» общих принципов организации местного самоуправления, находящихся согласно ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов, в новом Законе значительно перевешивает «региональную». В результате существенно изменилась вся система законодательства о местном самоуправлении. Целью этого является приведение нормативной модели местного самоуправления в соответствие с общественной практикой.

Существенно изменился подход к территориальной организации местного самоуправления. Закон 1995 г. указывал лишь на возможность существования в границах одного муниципального образования других муниципальных образований. В новом Законе теперь четко определяется необходимость создания различных типов муниципальных образований. Определяется, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, городских округах и муниципальных районах. Это предполагает, что местное самоуправление теперь будет развиваться не только в городских центрах и посёлках, как это было до сих пор, но и на всех сельских территориях, включая небольшие населённые пункты. Тем самым новый Закон исключает возможность наличия «бесхозных» территорий. Немаловажным является и то, что новым Законом закреплён исчерпывающий перечень предметов ведения муниципальных образований различных уровней (раньше они разграничивались законами субъектов Российской Федерации).

Новый Закон в определении вопросов местного значения большое место отводит принципу subsidiarity. В соответствии с этим принципом в ведение муниципальных образований разных уровней включены те полномочия, которые на этом уровне могут реализовываться наиболее эффективно. Законом предусматривается, что

¹ Федеральный закон РФ №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №40. Ст.3822.

объём вопросов, которыми должны заниматься городские и сельские поселения, меньше возложенного на муниципальные районы и городские округа. Кроме того, с учетом реальных возможностей решение некоторых вопросов, которые ранее входили в круг обязанностей органов местного самоуправления, теперь передаются органам государственной власти субъектов Федерации. К примеру, в Федеральном законе 1995 г. содержалась довольно расплывчатая обязанность муниципальных образований организовывать и содержать муниципальные учреждения дошкольного, основного общего и профессионального образования. В новом Законе из числа вопросов местного значения, решаемых муниципальными образованиями, исключена организация профессионального образования.

Новый Федеральный закон относительно ясно разграничивает полномочия органов местного самоуправления и государственных полномочий, которыми они могут наделяться. Законом устанавливается правило, которым предусмотрен определённый заслон так называемым федеральным и региональным мандатам, которые ранее устанавливались «сверху» и не обеспечивались соответствующими материальными и финансовыми ресурсами.

Новый Закон устанавливает порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Данный порядок обязателен как для федеральных, так и для региональных органов государственной власти. Несоблюдение данного порядка, признанное соответствующим судом, является основанием для отказа от исполнения.

Федеральным законом 2003 г. установлена новая форма прямой муниципальной демократии – публичные слушания. На публичные слушания в обязательном порядке выносятся проект устава муниципального образования, проект местного бюджета и отчет о его исполнении, вопросы преобразования муниципального образования и др. Всё это значительно усиливает самоорганизацию населения в осуществлении местного самоуправления.

Серьёзные изменения вносит новый Закон и в систему органов местного самоуправления. Федеральный закон 1995 г. устанавливал альтернативные возможности создания этих органов. Окончательное решение организационных вопросов отдавалось на усмотрение муниципалитетов и их населения (исключение касалось лишь обязательных представительных органов). Новый Закон достаточно жестко определяет перечень основных органов местного самоуправления: представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация и контрольный орган. Таким образом, права населения самостоятельно определить структуру органов местного самоуправления (ст. 131 Конституции РФ) теперь существенно ограничены. Можно по-разному к этому относиться, но главное состоит в том, что новый Закон таким образом добивается единообразия этой структуры, т. к. современная практика характеризуется неоправданной пестротой организационных систем местного самоуправления.

Ст. 36 нового Закона предусматривает, что глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава, что является новеллой данного Закона. Помимо этого, в системе органов местного самоуправления предусматривается наличие исполнительно-распорядительного органа. Новым Федеральным законом определяется возможность назначения лица на должность главы этого органа (главы администрации) по контракту, который заключается на основе конкурса. Таким образом, в правовые отношения между органами местного самоуправления вносятся элементы сдержек и противовесов, которые характерны для системы разделения властей на федеральном и региональном уровнях государственной власти. В конечном итоге всё это должно оптимизировать разделение труда разных муниципальных органов, повысить эффективность их деятельности.

Безусловно, новый Закон в значительной степени изменяет статус муниципальной собственности. В нем подробнее определяется состав имущества, находящееся у муниципальных образований, которое должно использоваться только для решения вопросов местного значения. Если у муниципального образования возникают права собственности на иное имущество, то оно должно быть либо репрофилировано, либо отчуждено. Раньше речь шла о праве создания предприятий, учреждений и

организаций для осуществления хозяйственной деятельности без каких бы то ни было ограничений. По новому Закону эти структуры образуются только для осуществления полномочий по решению вопросов местного значения. Этим самым, практика создания предприятий, не связанных с решением задач местного самоуправления (например, ликёроводочных заводов), становится незаконной.

В соответствии с новым Законом даже небольшое муниципальное образование должно иметь собственный бюджет. Каждое муниципальное образование должно утвердить свой финансовый план, включающий доходные и расходные статьи. Сметы в качестве составной части бюджетов городских и сельских поселений возможны только у отдельных населённых пунктов, не являющихся поселениями.

В новом Федеральном законе достаточно ясно прописаны условия, при которых полномочия органов местного самоуправления переходят к органам государственной власти. Одно из важных из них – крупная просроченная задолженность муниципального образования (если она превышает 30% собственных доходов бюджета). Правда, объективности ради надо отметить, что данная мера включает органы местного самоуправления в систему органов государственной власти. А это противоречит Конституции РФ, которая устанавливает самостоятельность и обособленность органов местного самоуправления по отношению к органам государственной власти.

Теперь рассмотрим нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которые предусматривают ответственность представительного органа муниципального образования перед государством, и складывающееся их правоприменение.

Глава 10 названного закона называется «Ответственность органов местного самоуправления, контроль и надзор за их деятельностью»². В соответствии со ст. 70 органы и должностные лица местного самоуправления несут ответственность за нарушение ими Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов и других правовых актов, невыполнение возложенных на них населением муниципального образования обязанностей.

Таким образом, ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления – это неблагоприятные последствия, наступающие в силу принятия органами и должностными лицами местного самоуправления противоправных решений, неосуществление или ненадлежащее осуществление своих задач и функций, выраженные в санкциях правовых норм.

В свою очередь, ответственность подразделяется на позитивную (проспективную) и негативную (ретроспективную). Под позитивной ответственностью понимается возложение на субъекта правоотношений обязанности отвечать за совершение (или несовершение) каких-либо действий. Позитивная ответственность в отличие от негативной не является юридической. Негативная ответственность – это необходимость понести неблагоприятные последствия в связи с совершением (несовершением) каких-либо действий.

Ст. 73 комментируемого закона устанавливает ответственность представительного органа муниципального образования перед государством, в частности, основания и процедуру роспуска представительного органа муниципального образования. Возможность такого роспуска, кстати, предусматривалась и законом 1995 г. Соответствие данной процедуры Конституции РФ было подтверждено постановлением Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Основные отличия между законами 1995 г. и 2003 г. состоят в следующем:

² Федеральный закон РФ №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №40. Ст.3822.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. №42. Ст.4902.

- новый закон увеличивает срок, в течение которого представительный орган муниципального образования обязан принять меры по исполнению решения суда с десяти дней до трёх месяцев;
- новый закон не требует судебного подтверждения того, что установленные действия повлекли нарушение (умаление) прав и свобод человека и гражданина или наступление иного вреда;
- новый закон не предусматривает в качестве обязательного этапа процедуры привлечения представительного органа муниципального образования к ответственности вынесение письменного предупреждения представительного органа о возможности привлечения к ответственности;
- новый закон требует обязательного судебного подтверждения факта неисполнения первого судебного решения;
- новый закон предусматривает обязательность законодательной инициативы высшего должностного лица субъекта РФ при принятии закона о роспуске представительного органа муниципального образования (ранее законодательный орган субъекта Федерации мог и сам выступить с такой инициативой).

Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 16 октября 1997 г. указал, что «положение о возможности прекращения полномочий законом субъекта РФ является особой гарантией прав местного самоуправления: в отличие от иных видов решений (в том числе постановлений) закон принимается в более усложненной процедуре (обязательные стадии законодательного процесса); закон подлежит подписанию президентом республики либо главой исполнительной власти, и, следовательно, прекращение полномочий должно быть результатом согласия законодательной и исполнительной власти субъекта РФ, по крайней мере решения его законодательного органа, принятого квалифицированным большинством голосов. Поэтому предписание п.3 ст. 49 рассматриваемого Федерального закона о необходимости принятия соответствующего решения в форме закона не противоречит Конституции Российской Федерации»⁴.

Полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются со дня вступления в силу закона субъекта Федерации о его роспуске. Порядок вступления в силу законов субъектов РФ определяется самими субъектами.

Новый закон в отличие от ранее действовавшего не устанавливает обязанности назначения новых выборов представительного органа муниципального образования. Исходя из постановления Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г., они могут быть назначены тем же законом субъекта Российской Федерации⁵.

Кстати, впервые в российской практике, нормы нового Закона об ответственности представительного органа муниципального образования перед государством были применены в отношении Елецкого городского Совета депутатов.

Даже такое краткое перечисление новелл нового Федерального закона свидетельствует о серьёзном шаге вперёд на пути развития местного самоуправления в Российской Федерации. Однако, и он не лишен изъянов и противоречий, что подтверждается начавшейся практикой его реализации.

В первую очередь это касается следующего. По замыслу Федерального закона в части наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями предполагается либо отмена не обеспеченных материальными и финансовыми ресурсами федеральных мандатов, либо об их дополнительном обеспечении этими ресурсами. Но и в этом случае остаётся опасность чрезмерной перегрузки муниципальных образований государственными полномочиями. И особенно это касается муниципальных районов и городских округов. Отсюда вытекает задача законодательного урегулирования оптимальной меры допустимого объёма государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления.

Новый Федеральный закон предполагает значительное расширение правотворческой деятельности органов местного самоуправления. Однако, эффективность такой деятельности представляется сомнительной, т.к. у многих работников местного самоуправления нет достаточного опыта и знаний для профессиональной подготовки право-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

вых актов. В этой связи необходима помощь муниципалитетам со стороны федеральных и региональных органов государственной власти. А действенной формой подобной помощи может служить подготовка модельных муниципальных правовых актов.

Федеральный закон страдает и более мелкими неточностями. К примеру, ст. 36 устанавливает, что полномочия главы муниципального образования прекращаются досрочно в случае вступления в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда. Но в соответствии со ст. 402 Уголовно-процессуального кодекса РФ вступивший в законную силу приговор суда может быть обжалован в порядке надзора. Возникает вопрос: должен ли глава муниципального образования занять прежнюю должность, если в порядке надзора его дело было пересмотрено, и он был оправдан. Ответа на данный вопрос Федеральный закон не даёт.

Заключая, хотелось бы отметить, что позитивный эффект, на который рассчитывают инициаторы новой реформы местного самоуправления, будет иметь место только в том случае, если при реализации Федерального закона будет проявлена такая же политическая воля, как и при его подготовке и принятии. Тем более что объективных проблем, в том числе правовых, требующих последовательного и системного решения, немало.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №40.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. №42.

TO A QUESTION ON REALISATION OF THE FEDERAL LAW №131-FL «ABOUT THE GENERAL PRINCIPLES OF THE ORGANISATION OF LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION»

V.G. ERMAKOV

*Yelets state university
of name I.A. Bunin*

In article questions law applying правоприменения norms of the Federal law of the Russian Federation №131-FL «About the general principles of the organization of local government in the Russian Federation» are investigated. Lacks and the positive lines inherent in the federal law, and also their influence on realization of its positions are considered.

Keywords: the Russian Federation, local government, standard regulation, responsibility.

ПРАВОТВОРЧЕСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА

В.Н. КОРНЕВ

ГУ «Институт региональной политики и законодательства»

e-mail: Kornev51@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость исследования проблем процессуальной, материальной и реальной справедливости, а также специфики отражения названных категорий в законодательстве РФ.

Ключевые слова: правотворчество, правоприменение, теория справедливости, содержание правовых норм.

Правотворчество является одной из важнейших форм деятельности любого государства по реализации его функций. В современный период развития общества и государства вопросы совершенствования правотворческой деятельности приобрели первостепенное значение. И поэтому вовсе не случайно эта проблема обсуждается не только учеными, но и публицистами¹. В целом можно отметить, что наблюдается смещение акцентов с проблем правоприменения к проблемам правотворчества. В этом факте содержится вполне определенный смысл, т.к. проще не допустить недочетов при разработке и принятии законом, нежели исправлять их после того как они вступят в силу и начнут применяться на практике.

Конечно, совсем исключить факты принятия некачественных нормативных правовых актов, задача практически невыполнима. Ведь даже если допустить, что принят идеальный во всех отношениях закон, то по истечении определенного времени вполне может обнаружиться его несоответствие существующим потребностям. Нормативный правовой акт нужно будет корректировать с соблюдением установленных процессуальных требований, либо путем целенаправленного формирования правоприменительной практики. Однако, несмотря на чрезвычайно важное значение этой стороны дела, не об этом будет идти речь.

В настоящей работе мы, прежде всего, обращаем главное внимание на роль и значение для правотворчества такой фундаментальной категории как справедливость, которая по идее и должна определять сущность, значение и качество правотворческого процесса и его результатов, т.е. способствовать принятию таких актов, которые по своему содержанию наиболее адекватно отражают систему ценностей, исторически присущих нашему обществу. На основе этого исследовать причины появления в нашей стране таких законов, которые по характеру содержащихся в них предписаний не только не способствуют формированию режима законности, а, напротив, подрывают веру граждан России в построение институтов правового государства, торжество социальной справедливости и возможность принятия справедливых законов.

В процессе правотворчества решается ряд важнейших для общества, государства и личности задач. На его этапах и стадиях происходит согласование существующих в обществе интересов, разрешается вопрос тех взаимоотношений и взаимозависимостей, которые существуют между идеологией, политикой и правом. Конечным итогом правотворчества является позитивация и легитимация нормативных представлений, сформировавшихся в общественном или групповом правосознании, преобразование их в официальные нормативные предписания.

Значение правотворчества состоит так же и в том, что по – существу своему происходит творение иной реальности, т.е. того, что мы называем юридическим миром. Процесс правотворчества завершается актом производства новых смыслов. Они-то и составляют сущность и содержание юридического мира, юридической (правовой) реальности.

¹ См.: Яшманов Б. Ошибка в законе. Эксперты бьют тревогу: каждый седьмой акт нуждается в поправлении // Российская газета. №275 (4558). 7 дек. 2007.

Правоприменение по отношению к правотворчеству представляет вторичное, последующее явление. Правоприменитель имеет под руками тот нормативный материал, который создал для него правотворец.

Важно заметить то, что правотворческий орган создает право не только по форме, но и вкладывает в эту форму определенное содержание, выражающееся в характере и направленности нормативных предписаний. Этот факт нужно иметь в виду, ибо судья, например, применяя соответствующую норму права к конкретному случаю, не обязан и не должен вдаваться в ее оценку с позиций соответствия принципа справедливости, моральности и т.д. Даже если правоприменительный орган, основываясь на личных убеждениях и внутреннем правосознании, приходит к выводу о несправедливости тех или иных нормативных предписаний, обязан применить их и, тем самым, разрешить дело. «Профессиональный долг судьи, – писал Густав Радбрух, – заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе, жертвовать собственным правовым чувством во имя высшего авторитета закона. Ему надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно «справедливым»².

Эта формула Г. Радбруха приложима к современной правовой действительности, в том числе и к российской. Хотя справедливости ради следует заметить то, что после разгрома фашистской Германии, немецкий философ права отказался от такой трактовки соотношения действующего позитивного права и его применения, поскольку признал ошибочность и политическую опасность теории юридического позитивизма. В этот период Г. Радбрух окончательно переходит на позиции естественного права, признавая право судьи отказаться от выполнения тех действующих законов, которые столь вопиюще не совместимы со справедливостью, что фактически полностью её отрицают.

Современная российская Конституция и действующее законодательство предписывают, что при решении конкретных дел строго должен соблюдаться принцип законности. Российское законодательство не знает права, например, судьи отказаться в определенных случаях от применения того или иного закона в силу его противоречия справедливости, моральным установкам и т.д.

Отсюда возможно возникновение коллизий между внутренним убеждением правоприменения и содержанием действующего позитивного права. В процессе правоприменения разрешить эти коллизии не представляется возможным. Хотя «... эта операция отнюдь не является механической, линейной, автоматической ... Мы имеем дело со смесью аргументации и интерпретации, когда первое слово обозначает логическую сторону процесса, дедукцию или индукцию, а второе слово ставит акцент на изобретательность, оригинальность, творчество. Эта смесь заслуживает называться применением: применять правило к случаю или находить правило для случая – в обоих случаях это и есть производство смысла»³. На ограниченность формального, абстрактного подхода к пониманию правоприменительного процесса обращается внимание и в отечественной юридической мысли. Например, еще А.Д. Градовский писал: «Применение закона к отдельным случаям, подлежащим судебному разбирательству, не может быть деятельностью пассивной. Каждый отдельный случай, взятый непосредственно из практической жизни, представляет столько индивидуальных черт, что судья должен иметь не мало теоретических и практических сведений для определения того, какой закон относится к данному делу»⁴.

Современный исследователь проблем судебной власти В.В. Ершов отмечает: «Классическое понимание процесса применения права всегда заключалось в подведении конкретных общественных отношений под абстрактные нормы права по методу логического умозаключения-силлогизма, в котором роль большой посылки играло правило, а меньшей – конкретный казус. Вместе с тем такая формальная конструкция

² Радбрух Густав. Философия права. Пер. с нем. – М., 2004. С.100.

³ Рикёр Поль. Справедливое. Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссер. – М., 2005. С.255-256.

⁴ Градовский А.Д. О судебном толковании по русскому праву // Собр. соч. в 9-ти томах. Т.7. – С. Петербург, 1907. С.XXII.

показала свою не жизнеспособность, поскольку не отражает всей действительной глубины и сложности правоприменительной деятельности судей»⁵. Однако даже несмотря на признание творческого характера правоприменения в процессе этой интеллектуальной деятельности невозможно изменить содержание подлежащих реализации правовых предписаний. Конечно, судья, безусловно, будет оценивать норму, но результаты такой оценки не повлекут за собой никаких юридически значимых последствий и не отразятся на окончательном решении дела.

Судья обязан действовать и принимать решение в рамках, заданных ему законом: процессуальным и материальным.

Судья или иной правоприменитель имеют ограниченное право выбора, которое по своей природе является формальным, поскольку лицо или орган, применяющий право, не является полностью свободным ни в выборе средств аргументации, ни в выборе приемов интерпретации. Правила аргументации заданы процессуальным законодательством: относимость, допустимость доказательств и т.д. Приемы, способы и виды интерпретации (толкования) нормативных предписаний также определены и хорошо известны: грамматический, логический, легальный и др. Ему также дана правовая норма, которую следует применить. Судья осознанно реализует уже содержащееся в законе оценочное суждение.

Следуя этим правилам, суд или иной правоприменительный орган обязан разрешить конкретное дело и принять справедливое решение. Справедливость решения имеет двойственную юридическую природу: процессуально-правовую и материально-правовую.

Действующее российское законодательство закладывает основы реализации принципа процессуальной справедливости. Этот вывод вытекает из анализа соответствующих норм материального и процессуального права Российской Федерации. Осуществление принципа процессуальной справедливости состоит как раз в том, чтобы соблюсти требования процессуальным формам применения норм материального права безотносительно к характеру их содержания. Например, в ст.5 УК РФ «Принцип справедливости» описывается не то, что следует понимать под понятием справедливости норм уголовного права, а как необходимо применять эти нормы с тем, чтобы достичь целей справедливого наказания: «1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Содержание этой статьи УК РФ вполне гармонирует с предписаниями ст.6 УПК РФ: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (подчеркнуто мной – В.К.) в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства ...». В целом, анализ статей российского законодательства (уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское и т.д.), в которых находит свое закрепление термин «справедливость», позволяют сделать вывод о том, что ему придается значение не материальной, а процессуальной справедливости, поскольку во главу угла всякой юридической деятельности поставлено достижение цели принятия справедливого решения. За пределами внимания остаются требования к обеспечению справедливости самих законов, подлежащих применению.

Отсюда следует, что суждения тех ученых-юристов, которые пытаются возвести справедливость в ранг общеправового принципа, закрепленного в действующем российском законодательстве, необоснованными. Для такого оптимистического вывода нет никаких нормативных оснований, в том числе и конституционно-правовых, поскольку ни в одной статье Конституции РФ 1993г. в отличие, например, от Конституции ФРГ (ст.1), мы не находим прямого упоминания слова «справедливость». С чем это связано – остается только догадываться. В современных отечественных исследованиях по проблемам справедливости и права весьма часто происходит смешение понятий процессуальная и материальная справедливость и рассуждения зачастую ведутся

⁵ Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2006. – №5. – С. 4-13.

именно в русле процессуального понимания справедливости⁶, которое, как уже было ранее показано, действительно находит свое выражение в нормах различных отраслей системы российского права. Как раз в силу обнаружения указанных особенностей мы поддерживаем позиции тех авторов, которые обоснованию считают, что как общий принцип правового регулирования общественных отношений справедливость не получила текстуального закрепления в правовых нормах⁷.

Таким образом, в концепции справедливости, о которой сейчас идет речь, главное внимание обращается исключительно на последствия применения правовых норм, т.е. на аспекты процессуальной справедливости. Такой подход, как было подчеркнуто выше, оставляет за скобками критерии оценки того, являются ли действующие нормы права действительно справедливыми. Здесь мы вплотную подходим к необходимости дополнения формальной (процессуальной) справедливости справедливостью материальной. Это необходимо для достижения цели воплощения реальной справедливости. Однако об этом несколько позже.

Что же касается идеи процессуальной (формальной) справедливости, то она не нова. Еще Платон выдвигал идею о том, что для принятия правильного и справедливого решения необходимо отыскивать соответствующую процедуру. Он же описал диалектический метод, при помощи которого философам удастся познать природу блага (добра). Исходя именно из этих соображений Платон полагал, что наилучшими правителями государства являются философы⁸.

В настоящее время имеются две основные модели теории процессуальной справедливости. Во-первых, это договорная модель, в соответствии с которой справедливое распределение блага и прав определяется взаимно согласованной волей всех участников договора.

Во-вторых, судебная модель, суть которой состоит в том, что право и обязанность принятия решения возлагается на суд, который, являясь стороной в процессе, не имеет интереса в разрешаемом споре.

Исходя из названных основных моделей получили развитие теории процессуальной справедливости как совокупности специальных правил необходимых для регулирования процессов принятия решений, осуществления по возможности свободного, лишённого какого-либо принуждения, разумного дискурса.

Современная форма концепции процессуальной справедливости выражена в теории аргументации принятия справедливого решения. Она формулирует условия, при наличии которых дискурс способен привести к наиболее приемлемому консенсусу. Философским основанием теории процессуальной справедливости является коммуникативный подход к исследованию государственно-правовых явлений Ю. Хабермаса⁹.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое составляет наряду с другими, названными нами выше, определяющее значение для деятельности правоприменительного органа. Мы имеем ввиду существование презумпции легитимности закона или иного нормативного правового акта подлежащего применению. С формально-юридической точки зрения легитимным является закон, который, во-первых, не противоречит действующей в стране Конституции, а, во-вторых, когда он принят с соблюдением соответствующих законотворческих процедур. Мы считаем, что это важно, но недостаточно для легитимности закона. При таком понимании легитимации совершенно не затрагиваются сущностные, содержательные аспекты закона. Ведь в закон могут быть возведены античеловеческие предписания, что в истории было отнюдь не редкостью. Поэтому «... даже будучи принятым в соответствии с установленной процедурой и рамках компетенции законодательного органа, закон может не со-

⁶ См.: Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. – М., 2007. С.31 и др.

⁷ См.: Зайцев С.А. К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. №4. С.148-151.

⁸ См.: Платон. Диалоги. – М., 2005.

⁹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.

ответствовать господствующим в обществе представлениям о справедливости»¹⁰. Именно подобную картину мы наблюдаем в сегодняшней практике правотворческой деятельности как федеральных, так и региональных законодательных органов. Для них важно соблюдение формальных требований и принципов правотворчества. Вопрос легитимности решается голосованием большинства в Государственной Думе, которое действует по принципу: «Я знаю, чего хочет народ». На поверку получается то, что в качестве ориентиров правотворчества оказываются не воля народа и его интересы, не реализация принципов справедливости и морали, а политические, экономические интересы людей находящихся во власти. Правотворческий процесс рассматривается ни как процедура формирования мнений и воли народа, а как легитимация интересов и юридических представлений узкого круга людей, на данный момент оказавшимися победителями в борьбе за власть. В сегодняшней России такими победителями могут оказаться любые силы, кроме действительных представителей интересов народных масс, чему не в последней степени способствует действующее избирательное законодательство. Социологические исследования, проведенные 2000г. институтом социально- политических исследований РАН показали следующее. На вопрос: в чьих интересах принимаются законы РФ, были получены весьма красноречивые, вызывающие на размышление результаты.

Решения принимаются в интересах: богатых людей – 20.7%; новой номенклатуры – 31.4%; мафиозных групп – 20.5%; всего народа – 2.9%¹¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что принимаемые законы не обладают должной легитимностью, не отражают принципов и требований материальной справедливости и не всегда выражают общую волю народа. Они также дают толкования для вывода о массовом проявлении в нашем правотворчестве правового субъективизма.

Поэтому можно согласиться с утверждением, что «в современных государственных решениях у нас абсолютно преобладает политическая составляющая, т.е. борьба групповых интересов. Носителями особых интересов являются: запредельно растущий класс бюрократии, противостоящее ему предпринимательское сообщество, политический класс (федеральное депутатство), едва ли представленная в политике беднота и др. Теперь уже не скрывают, что за многими законами стоят интересы различных группировок, проводящих влияние стоящих за ними более широких слоев»¹². В этом контексте едва ли можно безоговорочно принять вывод о том, что «справедливость заложена в самом содержании права»¹³. Такое содержание необходимо еще целенаправленно сформировать в процессе правотворчества. Авторитет большинства сегодняшних законов основан исключительно только на факте установленности органом государства и обеспеченностью их принудительной силой государства. Можно сказать, что нормативные правовые акты подобной юридической природы только с формальной стороны могут именоваться законами. По существу своему это идеологически и политически ангажированные решения выражающие экономические и иные интересы узкого круга людей. Нередко они мало согласуются не только с представлениями о справедливости, сформировавшимися в общественном правосознании, но и с элементарными требованиями морали. Примеров таких законов масса. Наиболее известными из них являются Жилищный Кодекс РФ, Закон о монетизации льгот (ФЗ №121), Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме, дискуссия по вопросу законодательного решения отмены смертной казни и т.д.

Создается такое впечатление, что законодатели не слышат или не хотят слышать голоса своих избирателей. Обладание властью, по их глубокому убеждению, делает не нужным не только учет интересов общества, но и мнения ученых-юристов относительно того или иного законопроекта. Все решает так называемая «политическая

¹⁰ Теория государства и права. / Под ред. Манова Г.Н. – М., 1996. С.155-156.

¹¹ См.: Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. №9. С.16.

¹² Пригожин А.И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. – М., 2007. С.46.

¹³ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М.Сырых. – М., 2008. – С. 317.

воля», к помощи которой так любят прибегать сегодняшние правотворцы для того, чтобы, прикрывшись ею, добиться своей цели и «продать» нужный не обществу, а им лично закон. В этом смысле весьма показательной, по вполне понятным причинам, являются бурные баталии по вопросу законодательного решения вопроса об отмене в нашей стране смертной казни¹⁴.

Пресловутый ФЗ №121 принимался так спешно, что, по словам профессора Т.Х. Хабриевой, не был представлен на обязательную экспертизу в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, директором которого она является¹⁵. И было от чего, т.к. мы знаем какую негативную реакцию в обществе вызвал этот закон. Особенной дмагогичностью отличается преамбула 121-го закона. При ознакомлении с ее содержанием приходит на ум мысль о том, что законодатели пытались убедить себя и граждан в том, чего нет на самом деле ни в принятом законе, ни в реальной действительности современного российского государства. Поэтому читать, а особенно понимать не только «простому» гражданину, но и специалисту в области государства и права то, что написано в этой преамбуле достаточно трудно. Приведем некоторые выдержки без каких либо комментариев.

Оказывается настоящий федеральный закон принимается «в целях защиты прав и свобод граждан Российской Федерации»... В законе «решаются также задачи обеспечения принципа равенства прав и свобод человека и гражданина», повышения материального благосостояния граждан, экономической безопасности государства ... и приведения системы социальной защиты граждан ... в соответствие с принципами правового государства с социально ориентированной экономикой.» Этот закон призван «реализовывать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем сохранения стабильности правового регулирования; предоставлять гражданам возможность в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым в законодательство изменениям, в частности, посредством установления временного регулирования общественных отношений» и т.д.

Что ни пункт, то «откровение», апелляция к эфемерным, нигде нормативно не закрепленным принципам социально ориентированной экономики. Из преамбулы невозможно понять, что же все-таки является основным ориентиром для принятия данного закона. Нет не только ни слова о реализации принципа справедливости, но и самого этого слова.

Это говорит о том, что на практике отсутствует масштаб, при помощи которого можно было ответить на вопрос, какой закон является справедливым, а какой нет. И это не случайно, поскольку в России не разработано универсальное, общепринятое понятие справедливости, которое бы выполняло несколько функций, реализующихся в правовых отношениях. Применительно к нашему предмету исследования материальная справедливость в правотворчестве призвана выполнять роль этического стандарта, содержащихся в законе предписаний. Каждый законопроект должен, наряду с другими видами экспертиз, проходить экспертизу на предмет его соответствия принципам справедливости и морали. Принцип материальной справедливости и необходимость осуществления этической экспертизы должны быть закреплены в действующем законодательстве. Такая экспертиза может стать, по мнению ряда теоретиков государства и права, реальным средством предотвращения дискредитации и девальвации закона в представлениях граждан России. Правовые предписания закона должны соответствовать общепринятым этическим ценностям. Законодатель всегда обязан руководствоваться ими. Только так возможно установление «высочайших правовых норм»¹⁶.

Следует согласиться с теми учеными, которые считают, что теория справедливости соответствует теории общества (Д. Роулз).

¹⁴ См.: Маргелов Михаил. Смертная казнь и политическая воля // Российская газета. №225 (4488). 2007. 10 октября.

¹⁵ См.: Российская газета. №275 (4538). 2007. 7 декабря.

¹⁶ См.: Мачин И.Ф. Правовая этика как наука // Теоретико-методологические проблемы права / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 2005.

Наше общество характеризуется несправедливостью человеческих отношений. По мнению Б.Н. Кашникова – это общество не распределяет обязанностей на всех. Есть группы, которые имеют многочисленные привилегии, не имея обязанностей; это общество принимает (реально, а не на словах) во внимание интересы не всех, а лишь избранных групп; интересы немногих получают произвольное и необоснованное преимущество по сравнению с другими; отсутствует общепризнанная, общеизвестная и действующая, закрепленная в Конституции и иных нормативных правовых актах, концепция справедливости; не всегда обеспечиваются даже минимальные права человека¹⁷.

Таким образом, сегодняшняя Россия крайне нуждается, позволим себе повториться, в общепризнанной, общеизвестной и действующей, закрепленной в Конституции и других нормативных правовых актах, концепции материальной справедливости, которая бы выступала мериллом, стандартом для определения качества принимаемых законов. В других странах эта проблема в основных ее аспектах решена¹⁸. В юридической науке России труды таких ученых-юристов как Г.В. Мальцев, А.И. Экимов, В.С. Нерсесянц, О.В. Мартышин и других вполне могли бы составить теоретический фундамент разработки концепции справедливости в ее соотношении с правом. Необходимо переломить тенденцию терпимости общества к несправедливости и фактам расхождения между законом (правом) и справедливостью. Без этого не преодолеть такое явление как правовой нигилизм и другие недуги нашей правовой действительности. Достижение реальной справедливости невозможно без наличия законов, отвечающих требованиям материальной справедливости.

Конечно же, на качество законов влияют и другие факторы, например, свобода. Однако это тема для отдельного исследования.

Список литературы

1. Яшманов Б. Ошибка в законе. Эксперты бьют тревогу: каждый седьмой акт нуждается в поправлении // Российская газета. №275 (4558). 7 дек. 2007.
2. Радбрух Густав. Философия права. Пер. с нем. – М., 2004.
3. Рикёр Поль. Справедливое. Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссера. – М., 2005.
4. Градовский А.Д. О судебном толковании по русскому праву // Собр. соч. в 9-ти томах. Т.7. – С.Петербург, 1907.
5. Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. №5.
6. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. – М., 2007.
7. Зайцев С.А. К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. №4.
8. Платон. Диалоги. – М., 2005.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.
10. Теория государства и права. / Под ред. Манова Г.Н. – М., 1996.
11. Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. №9.
12. Пригожин А.И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. – М., 2007.
13. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М.Сырых. – М., 2008.
14. Маргелов Михаил. Смертная казнь и политическая воля // Российская газета. №225 (4488). 2007. 10 октября.
15. Российская газета. №275 (4538). 2007. 7 декабря.
16. Мачин И.Ф. Правовая этика как наука // Теоретико-методологические проблемы права / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 2005.

¹⁷ См.: Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №2. С.31-41.

¹⁸ См.: Cohen F.S. Ethical Systems and Legal Ideals. Ithaca – New York, 1959; Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. New York, 1963; Ллойд Денис. Идея права. – М., 2007 и др.

17. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №2.

18. Cohen F.S. Ethical Systems and Legal Ideals. Ithaca – New York, 1959; Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. New York, 1963; Ллойд Денис. Идея права. – М., 2007

CREATION, APPLICANCE AND MAINTENANCE OF RIGHT

V.N. KORNEV

OB «Institute of a regional policy and the legislation»

e-mail: Kornev51@yandex.ru

In article necessity of research of problems of remedial, material and real justice, and also specificity of reflexion of the named categories for the legislation of the Russian Federation is proved.

Keywords: lawmaking, law applying, the justice theory, the maintenance of rules of law.

ПРАВООЩИТНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИРАЩЕНИЯ

М.В. МАРКГЕЙМ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Markheim@bsu.edu.ru*

В статье обосновывается необходимость стратегического подхода к формированию правозащитного пространства и повышения эффективности правозащитной деятельности публичного сектора и институтов гражданского общества. Рассматриваются конституционные основания, факторы выработки и возможности приращения потенциала правозащитной стратегии России.

Ключевые слова: правозащитная стратегия, конституционная защита прав и свобод человека и гражданина, правозащитная деятельность, публичный сектор защиты прав и свобод, правозащитные послания, судебный механизм защиты прав человека.

Модернизация, неотвратимо и ожидаемо охватывающая собой всё большие сегменты российского общества и государства, не может признаваться состоявшейся без создания подлинно эффективной системы защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом речь идет не о режиме их охраны, когда, исходя из представлений теоретиков, политиков и практиков, принимаются необходимые, на их взгляд, шаги, направленные на недопущение нарушений прав и свобод личности, что, безусловно, важно. А именно об адекватных конкретной ситуации мерах по пресечению нарушения и восстановлению нарушенных прав и свобод. Полагаем, что как раз «индивидуализированное отношение» в большей степени способствует укреплению доверия к государству со стороны граждан. И работу здесь необходимо выстраивать планомерно и на перспективу, опираясь на установленные Конституцией Российской Федерации¹ правозащитные постулаты и целесообразно развивая их. Наиболее результативным подходом, как представляется, стало бы формирование внятной правозащитной стратегии. Под ней предлагается понимать официально принятую совокупность мер, ориентированную на создание в России эффективного правозащитного пространства, структура и функционирование которого надлежало бы отвечать законным в материальном, институциональном, процессуальном смыслах претензиям каждого человека, чьи права и свободы оказались нарушенными.

В стратегическом (до 2020 г.) ключе о правозащитном секторе России упоминалось в выступлениях бывшего и действующего президентов нашей страны в феврале 2008 г.² В частности, они в унисон акцентировали внимание на формировании независимой и высокоэффективной судебной власти как безусловного гаранта защиты нарушенных прав, в том числе от произвола чиновников; на необходимости сделать так, «чтобы люди поверили, что суды – это то место, где принимаются справедливые решения, где они могут найти защиту от нарушителей закона, будь то хулиган или чиновник»³.

Отдельные аспекты развития правозащитного пространства России в связи с основными направлениями ее внутренней и внешней политики обозначались в посланиях главы нашего государства, с которыми он, согласно п. «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации, обращается к Федеральному Собранию. Ежегодный режим таких посланий способствует, на наш взгляд, обнаружению тенденций, динамики и оценке ответственности предпринимаемых в пользу совершенствования правозащитного механизма мер. Анализ посланий Президента Российской Федерации за 2000 – 2007 гг. показал,

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.

² См.: Россия 2020. Главные задачи развития страны. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 60 с.

³ См.: Россия 2020. Главные задачи развития страны. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 22,35 с.

что вопросы защиты прав человека в тех или иных контекстах находятся в фокусе актуальной политики государства. Так, в 2000 г. залогом эффективной защиты прав российских граждан были определены четко работающая исполнительная вертикаль и действенность судебной системы⁴. В 2001 г. была подчеркнута прямая зависимость степени доверия граждан к государству от качества их защиты последним, а также отмечено, что нарушение права и интересов граждан связано с правозащитной недоработкой органов законодательной и исполнительной власти, суда и правоохранительных структур⁵. В 2002 г. существенным правозащитным шагом была признана модернизация судебно-правовой системы, связанная, помимо прочего, с изменением судебных процедур, обеспечивающих защиту прав личности и доступность правосудия⁶. В 2003 г. было обращено внимание на значимость действенного правозащитного фона в виде развитого гражданского общества и устойчивой демократии, консолидации общественных сил, незыблемости Конституции России и гарантированных ею прав и свобод граждан⁷. В 2004 г. указывалась важность объединения правозащитных усилий государства и гражданского общества с учетом нашего собственного и мирового опыта, доказавшего продуктивность целого ряда подходов⁸. В 2005 г. были означены существенные правозащитные постулаты, состоящие в том, что в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты, что мотивация сотрудников правоохранительных органов должна быть связана, прежде всего, с качеством защиты прав и свобод граждан, что продолжающееся восприятие судебной системы как коррумпированной элиминирует эффективность правосудия⁹. В 2006 г. было высказано убеждение в том, что ни одна из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, не может быть решена без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества¹⁰. В 2007 г. был оценен вклад Общественной палаты в укрепление законности и защиту прав человека¹¹. Подобный оценочно-постановочный формат внимания к сфере защиты прав человека в ежегодных программных документах главы государства важен своей регулярностью, но не отличается системностью. Полагаем, что это обусловлено отсутствием в России ясной и стройной правозащитной стратегии. Именно поэтому обозначаемые здесь проблемы и предпринимаемые шаги выглядят, скорее, как организованная реакция на вызовы, преподнесенные реальной действительностью, чем системная, выверенная, ориентированная на перспективу правозащитная деятельность Российского государства.

Помимо Президента России формат программных посланий предусмотрен и для Конституционного Суда Российской Федерации (ч. 3 ст. 100 Конституции России). Однако, до настоящего времени названный орган конституционного контроля так и не воспользовался своей уникальной конституционной возможностью. Обосновать подобную позицию Конституционного Суда – органа, сосредоточивающего в себе важнейший опыт конституционного строительства современной России, демонстрирующего значимую приверженность «букве» и «духу» Конституции, – довольно сложно.

⁴ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» (г. Москва) // Российская газета. 2000, 11 июля.

⁵ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Российская газета. 2001, 4 апреля.

⁶ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Российская газета. 2002, 19 апреля.

⁷ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003, 17 мая.

⁸ Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г. // Российская газета. 2004, 27 мая.

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005, 26 апреля.

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006, 11 мая.

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. 2007, 27 апреля.

Представляется, что такие послания должны стать такими же регулярными, как и послания главы государства. Целесообразно также выделить их самостоятельную правозащитную разновидность.

Формирование правозащитной стратегии России требует «сверки» системы правозащитных координат. Исходными здесь являются конституционные нормы. Именно они мобилизуют правозащитный потенциал всех отраслей права, активизируя весь процесс защиты прав и свобод человека и вовлекая в него все институты общества и субъекты права, в том числе и международные¹².

Характеризуя конституционные правозащитные нормы, возможно выделение их исходных и производных разновидностей. Так, ч. 1 ст. 45 Конституции России, гарантирующая государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, выступает исходной по отношению к ч. 1 ст. 46, указывающей на такой вид государственной защиты, как судебная. Одновременно, все конституционные правозащитные нормы являются исходными для иных таких норм.

Конституция Российской Федерации предусматривает правозащитные нормы общего и исключительного характера. Первые из них действуют на всей территории страны и не ограничены по времени, вторые – в условиях особых режимов военного и чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 55, ст. 56), вводимых в соответствии с федеральными конституционными законами.

Правозащитные нормы закрепляются в различных источниках. Общие требования, предъявляемые к ним, – недопустимость противоречия Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15), обязательность официального опубликования для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15). Конституция России в этом смысле прямо указывает на международный договор (ч. 3 ст. 46, ст. 62), федеральный конституционный закон (например, ч. 1 ст. 56, п. «д» ч. 1 ст. 103), федеральный закон (например, ч. 3 ст. 55, ст. 26), закон (например, ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 40, ч. 2 ст. 55), любые нормативные правовые акты (например, ч. 3 ст. 15). Правозащитные положения могут содержаться также в судебном решении, на что указывает ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 3 ст. 35, и в федеральных программах (ч. 2 ст. 41).

Исходя из конституционных положений п. «в» ст. 71 и п. «б», п. «ж», п. «м» ст. 72, можно выделить два уровня источников, содержащих правозащитные нормы – федеральные и субъектов Российской Федерации. Конституция России (ч. 1 ст. 17) указывает также на нормы международного права, которые несут известный правозащитный потенциал.

Правозащитные позиции ныне действующей Конституции Российской Федерации, со свойственным им аксиологическим предпочтением человека, его прав и свобод, можно признать демократическим завоеванием современной российской государственности. Конституция России 1993 г. впервые в отечественном конституционализме ограничила роль государства в установлении прав человека и гражданина, но существенно повысила значимость и ответственность первого в обеспечении соблюдения и защиты этих прав и свобод. В ней учтены теоретические основы естественно-правовой доктрины прав человека: они принадлежат людям от рождения и неотчуждаемы (ч. 2 ст. 17). Это является сущностным ориентиром в регулировании их защиты, поскольку означает невозможность приобретения, передачи. В качестве содержательного элемента неотчуждаемости прав и свобод человека называют недействительность отказа от них¹³.

Требуется уточнить, что конституционная защита прав и свобод человека и гражданина занимает особое место среди иных видов такой юридической защиты. Это, прежде всего, обусловлено позицией самой Конституции России, закрепляющей собственное верховенство на всей территории страны (ч. 2 ст. 4), свою высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории страны. Данные положения распространяются и на нормы о защите прав и свобод человека и гражданина.

¹² Макушин А.А. Конституционная защита прав и свобод человека: подходы к понятию // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. – С. 23.

¹³ См., например, Кикоть В.А. Комментарий к ст. 2 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. – М.: Юрайт-М; Новая Правовая культура, 2002; Комментарий к ст. 17 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. – М.: БЕК, 1994.

На специфику конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина указывает программный характер Конституции Российской Федерации. В ней отражены приоритетные направления развития общества и государства, возведены в ранг высшей ценности человек, его права и свободы. Следовательно, Конституция России направлена на защиту человека во всех его сущностных ипостасях (биологическое существо, личность и гражданин), как обладателя всего спектра естественных и позитивных прав. В Конституции России совершенно определенным образом находит свое выражение функция защиты прав и свобод человека, поскольку, как отмечает Ю.А. Тихомиров, именно «публичное право устанавливает механизм и процедуры юридической защиты всех субъектов права»¹⁴. Отраслевыми нормами, принимаемыми на основе конституционных принципов с учетом конкретных отраслевых задач, устанавливаются конкретные субъекты и объекты защиты прав человека, формы и методы ее осуществления.

При этом необходимо иметь в виду, что не все конституционные нормы сформулированы в правозащитном смысле безусловно. В одних случаях допущено сужение круга лиц, кому адресуется конституционное право (например, ст. 33), в других – изъятие их из под правозащитного влияния органов государственной власти (например, п. «е» ч. 1 ст. 114, ч. 4 ст. 125), в третьих – ограничение государственных гарантий (например, ст. 53). Наличествуют также положения, когда введение определенных правозащитных институтов, например, региональных омбудсменов, конституционных (уставных) судов, зависит от усмотрения субъектов Российской Федерации. Придерживаясь позиции «верности Конституции»¹⁵, считаем, что вносить в нее изменения, пусть даже правозащитного свойства, не целесообразно. Вместе с тем, как представляется, возможна корректировка «неудачных» формулировок в соответствующем федеральном законодательстве или в Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина. К сожалению, первое, в большинстве случаев воспроизводит и тиражирует конституционные «неточности», вторая, – несмотря на предпринимаемые попытки сначала Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, а затем и Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека¹⁶, так и не обрела статус документа. Полагаем, что концепция как официально принятая в России система взглядов на правозащитную деятельность публичных субъектов и институтов гражданского общества должна носить комплексный характер и внятно отражать правозащитные намерения государства, его соответствующих структур и их представителей. Полагаем, что такая концепция была бы существенным подспорьем в деле формирования и реализации правозащитной стратегии России.

По мере развития российского общества и государства закономерно складываются более высокие требования к правозащитной деятельности представителей публичных структур и институтов гражданского общества, равно как и формируются новые ожидания, связанные с ней. Приоритет человека, его прав и свобод, их защита включены в число принципов и определяют содержание деятельности государственных и муниципальных органов. Продолжающееся реформирование таковых выражается, помимо прочего, во введении правозащитного критерия оценки эффективности их функционирования. Особенно это касается судебной системы. Обеспечение ее профессиональной работы, справедливой и равной для всех доступности правосудия составляет ключевой приоритет работы государства на ближайшие четыре года¹⁷.

Судебный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина имеет федеральный и субъектов Российской Федерации уровни, но располагает четким организационным «комплексом». В него входят только судебные органы, означенные в Консти-

¹⁴ Тихомирова Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. – С. 5.

¹⁵ См.: Витрук Н.В. Верность Конституции. – М., 2008.

¹⁶ Указ Президента РФ от 6 ноября 2004 г. №1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» // СЗ РФ. 2004. № 46 (ч. 2). Ст. 4511.

¹⁷ См.: Россия 2020. Главные задачи развития страны. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 35 с

туции России законодательстве. Особая оценка правозащитной роли судебных органов обусловлена конституционной четкостью судебной системы, запретом создания чрезвычайных судов (ч. 3 ст. 118), высоким статусом и независимостью судей (ст. 119, ч. 1 ст. 120), а также конституционным установлением принципов судопроизводства и исключительно бюджетным финансированием судов. Отметим, что право на судебную защиту, будучи одним из конституционных прав, служит одновременно гарантией для всех иных прав и свобод, в чем состоит его особая черта и ценность. Конституция России в ст. 18 прямо указывает, что права и свободы граждан обеспечиваются правосудием.

Обратиться за судебной защитой своих нарушенных прав и свобод вправе каждый, находящийся под юрисдикцией Российской Федерации. Эта принципиальная позиция была подтверждена Постановлением Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г.¹⁸, где сказано, что право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства и, следовательно, должно гарантироваться иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами Российской Федерации.

Как бы ни был развит и убедителен публичный сектор правозащитной деятельности, задействованный в реализации соответствующей функции государства, он не в состоянии заместить собой правозащитный потенциал институтов гражданского общества. Конституция России не прибегла к понятию «гражданское общество», но обозначила некоторые параметры его структуры, формы активности и самореализации членов гражданского общества¹⁹. В связи с защитой прав и свобод человека и гражданина, как правило, рассматривается деятельность общественных организаций, специально или в том числе сфокусированных на этой сфере. При этом в правозащитном ключе практически не рассматриваются политические партии²⁰. Они, занимая особое место в «каркасе» гражданского общества, способны внести существенный вклад в разработку и реализацию правозащитной стратегии России. Считаем, что политические партии, позиционируя себя в идейных подходах, в средствах, методах и приемах достижения и осуществления власти, не должны отказываться от сотрудничества в правозащитной сфере. Как особые представители гражданского общества они могут формировать объективное представление о состоянии правозащитной деятельности в Российской Федерации, формулировать направления и разрабатывать механизмы ее позитивного преобразования в качестве общественного интереса, а, получив должную поддержку избирателей, реализовывать намеченное в рамках парламентской деятельности на федеральном и субъектов Российской Федерации уровнях. Полагаем, что партиям следует переосмыслить отношение к правозащитной деятельности с целью выявления и освоения собственной правозащитной ниши.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в России искомое состояние реальной защищенности прав и свобод человека и гражданина является, к сожалению, делом нескорой перспективы. Ресурсы и возможности конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина снижены несовершенством федерального и регионального правозащитного законодательства, незавершенностью процесса практического формирования правозащитной структуры и выработки действенных механизмов защиты прав и свобод. Качественное преобразование правозащитной деятельности и реальное совершенствование правозащитного пространства Российской Федерации достижимо при условии выявления присущих им закономерностей, тенденций развития, неблагоприятных, с правозащитной точки зрения, элементов государственного механизма. Обеспечение названных условий связывается с систематической, глубокой аналитической работой, объективные результаты которой позволят наделенным властью органам принимать соответствующие ситуации, комплексные правозащитные меры.

¹⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г. №6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.

¹⁹ См.: Мархгейм М.В., Сидоренко И.Н. Перспективы гражданского общества в современной России и особенности его развития в условиях Северо-Кавказского региона (информационно-методические материалы). – Ростов н/Д: СКАГС, 2002. – С. 28-31.

²⁰ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 29.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.
2. Россия 2020. Главные задачи развития страны. – М.: Издательство «Европа», 2008.
3. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» (г. Москва) // Российская газета. 2000, 11 июля.
4. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Российская газета. 2001, 4 апреля.
5. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Российская газета. 2002, 19 апреля.
6. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003, 17 мая.
7. Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г. // Российская газета. 2004, 27 мая.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005, 26 апреля.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006, 11 мая.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. 2007, 27 апреля.
11. Макушин А.А. Конституционная защита прав и свобод человека: подходы к понятию // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4.
12. Кикоть В.А. Комментарий к ст. 2 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. – М.: Юрайт-М; Новая Правовая культура, 2002; Комментарий к ст. 17 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. – М.: БЕК, 1994.
13. Тихомирова Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5.
14. Витрук Н.В. Верность Конституции. – М., 2008.
15. Указ Президента РФ от 6 ноября 2004 г. №1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» // СЗ РФ. 2004. № 46 (ч. 2). Ст. 4511.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г. №6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.
17. Мархгейм М.В., Сидоренко И.Н. Перспективы гражданского общества в современной России и особенности его развития в условиях Северо-Кавказского региона (информационно-методические материалы). – Ростов н/Д: СКАГС, 2002.
18. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 29.

REMEDIAL STRATEGY OF RUSSIA: THE CONSTITUTIONAL BASES AND INCREMENT POSSIBILITIES

In article necessity of the strategic approach to formation of remedial space and increase of efficiency of remedial activity of public sector and institutes of a civil society is proved. The constitutional bases, factors of development and possibility of an increment of potential of remedial strategy of Russia are considered.

M.V. MARKHEJM

Belgorod State University

e-mail:

Markheim@bsu.edu.ru

Keywords: remedial strategy, the constitutional protection of the rights and freedom of the person and the citizen, remedial activity, public sector of protection of the rights and freedom, remedial messages, the judicial mechanism of protection of human rights.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

УДК 346.7, 346.9

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОГЛАШЕНИЯХ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Г.Е. БЫСТРОВ

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева

*e-mail:
geordanb@birulevo.net*

Рассмотрены вопросы обеспечения государственного контроля при осуществлении инвесторами права пользования недрами на основании гражданско-правовых договоров о разделе продукции, заключаемых с государством. Проводится анализ ряда важнейших соглашений с учетом их соответствия действующему российскому законодательству о недрах и интересам экономики России. Выявляются проблемные вопросы в определении пределов и оснований ответственности государства и инвесторов в случае нарушения условий договоров о разделе продукции.

Ключевые слова: соглашение; раздел продукции; законодательство о недрах; недропользование; экологическое правонарушение.

Более двенадцати лет в Российской Федерации существует режим соглашений о разделе продукции как договорный правовой механизм права пользования недрами на основании гражданско-правовых договоров, по которым права инвестора на поиск, разведку и добычу минерального сырья возникают на основе заключаемого с государством договора – соглашения о разделе продукции. В отличие от закона РСФСР «О недрах», который на протяжении последних пятнадцати лет постоянно совершенствовал разрешительную (лицензионную) систему пользования недрами, не изменяя основных принципов, на которых построена эта система, вопросы соглашений о разделе продукции не получили должного анализа как в области теории применительно к договорным отношениям с недропользователями, так и практики его применения.

На территории России было заключено три Соглашения о разделе продукции по месторождениям углеводородов: Сахалин-1, Сахалин-2 и Харьягинское. Подготовка соглашений началась в 1992 г. и значительно активизировалась на основе Указа Президента РФ от 24 декабря 1993 года «Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами». Его действие было рассчитано на период до вступления в действие законов Российской Федерации, регламентирующих порядок применения таких соглашений.

Особо следует сказать о Соглашении по проекту Сахалин-2, который является одним из крупнейших проектов разработки нефтяных и газовых месторождений континентального шельфа Сахалина на условиях СРП. В рамках проекта, кроме добычи нефти, газа и газового конденсата, предусматривается создание необходимой береговой и транспортной инфраструктуры на острове Сахалин, а также строительство одного из крупнейших в мире заводов по сжижению природного газа. На долю проекта Сахалин-2 приходится 10 процентов от общих ресурсов континентального шельфа Сахалина, что эквивалентно суммарному полугодовому объему экспорта нефти из России. А запасы газа примерно соответствуют объему экспорта российского газа в Европу за три с половиной года. И на самом деле этого газа достаточно для обеспечения мировых потребностей в сжиженном природном газе в течение четырех лет. Этот проект Россия вынуждена была заключить в условиях безденежья, когда у российских компаний не было финансовых возможностей осваивать богатые месторождения Сахалина. Практическая реализация этого проекта оказалось делом длительным, трудным и дорогостоящим не только с технической, экономической, но и правовой точки зрения.

Соглашение было заключено между Российской Федерацией в лице Правительства РФ и администрацией Сахалинской области, с одной стороны, и консорциумом иностранных инвесторов – «Сахалин Энерджи», акционерами которой выступают англо-голландская компания Шеэл (55% акций), японская – Митзуи (25% акций) и Митсубиси (20% акций). Инвестиционные затраты по проекту при технико-экономическом обосновании освоения месторождений нефти и газа, подготовленным и представленным на экспертизу в Министерство экономики и развития были определены 9,8 млрд. дол. США.

Соглашение было подписано за полтора года до принятия закона о соглашениях о разделе продукции, и естественно в нем не нашли отражения положения закона 1995 года. Соглашение «Сахалин-1» было подписано в период, когда закон о соглашениях о разделе продукции уже прошел первое чтение в Государственной Думе РФ и большинство законодательных положений в нем также не нашло отражения.

Что же касается Соглашения «Харьяга», то оно было подписано на следующий день после одобрения Закона о соглашениях о разделе продукции в Совете Федерации и за 10 дней до его подписания Президентом РФ. При этом дата вступления в силу Соглашения «Харьяга» была определена 1 января 1999 года.

Такая спешка с подписанием Соглашений Правительством Гайдара и сменившего его Правительством Черномырдина объясняется тем, что заключались они в трудное с экономической точки зрения для России время, когда экономика России находилась в кризисном состоянии, иностранные инвестиции практически не поступали в Россию. Однако в настоящее время с позиции сегодняшнего дня они не отвечают экономическим интересам России.

Советом Федерации была создана Рабочая группа, в которую вошли 21 сенатор и 8 депутатов Государственной Думы РФ, экспертный Совет, состоявший из 29 специалистов различных научно-исследовательских организаций системы РАН и МПР РФ. Рабочая группа изучила 140 документов общим объемом около 4 тыс. страниц и заслушала на 10 заседаниях более 100 представителей федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов на Сахалине, администрации Сахалинской области и областной Думы, компании Сахалин Энерджи, специалистов и представителей общественности. Рабочей группой были выявлены следующие существенные нарушения законодательства о СРП и экологического законодательства.

Во-первых, ни один из инвесторов, с которыми велись переговоры и были заключены СРП, не имел лицензии на право пользования недрами, а сами соглашения не отвечали экономическим интересам Российской Федерации. Реализация данных соглашений осуществлялась с существенным нарушением статей соглашений, на что акцентируется внимание в актах государственных контрольных органов. Закон о недрах 1992 года предписывает предоставлять права пользования недрами юридическим лицам только по конкурсу или по результатам аукциона. Правительство РФ постановлением от 16 июля 1994 г. поручило Комитету РФ по геологии и использованию недр выдать лицензию на разведку и добычу углеводорода компании Сахалин Энерджи без проведения конкурса. Этому предшествовало ряд других существенных нарушений российского законодательства.

Во-вторых, в нарушение постановления Верховного Совета РФ «О порядке введения в действие Закона РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 г. и Положения о порядке лицензирования пользования недрами от 15 июля 1992 года, которые предусматривают предоставление права пользования участком недр прежнему недропользователю, российской компании ПО «Сахалинморнефтегаз»- первооткрывателю этих месторождений фактически было отказано в продолжении права пользования участками недр на эти месторождения.

В-третьих, в нарушение установленного порядка лицензирования пользования недрами, который предусматривает одновременное предоставление нескольких лицензий на право добычи полезных ископаемых одному заявителю лишь по группе близко расположенных месторождений, фактически в проект Сахалин-2 были объединены два различных (нефтяной и газовый) и далеко находящихся друг от друга месторождений, что дает возможность инвесторам искусственно удалять дату раздела продукции.

В-четвертых, в п.1 ст. 2 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» содержатся расплывчатые и неоднозначные формулировки, которые позволяют инвесторам злоупотреблять относительно норм и размеров возмещаемых затрат и наносить ущерб экономическим интересам Российской Федерации. Здесь говорится, в частности, об исключительном праве инвестора на поиски, разведку, добычу и на ведение связанных с этим работ. Хотя совершенно очевидно, что речь должна идти только о работах, связанных с обустройством месторождения. В противном случае, как показывает практика применения первых соглашений под понятие «связанные работы» включаются объекты, выходящие за границы инфраструктуры месторождений, в том числе объекты областного социального значения, объекты транспортировки и переработки. Американцы из компании Еххон включили в смету затрат по Сахалину-1 работу нескольких сотрудников, которые никогда не были на Сахалине и находятся в Хьюстоне. В соглашении по «Харьяге» записано, что старое оборудование, привозимое из-за рубежа, можно включать в стоимость затрат по цене 50% от стоимости нового оборудования. И вот несколько лет из-за рубежа ввозится металлолом, за который платит Российское правительство. Кроме того, иностранные инвесторы значительно завышают свои затраты. Себестоимость бурения скважин на той же «Харьяге» в 3-4 раза выше, чем у российских компаний.

В-пятых, условия СРП обеспечивают максимально возможную защиту экономических и правовых интересов иностранных инвесторов и ущемляют интересы Российской Федерации. Сейчас уже все признают, что условия этих соглашений были составлены в угоду западным корпорациям, а не России. Проекты СРП сильно напоминают соглашения метрополии с колонией. Так, в ФЗ «О соглашениях, о разделе продукции» (п. 7 ст. 2) включена так называемая дедушкина оговорка, в соответствии с которой соглашения, заключенные Российской Федерацией с инвесторами до вступления в силу настоящего Федерального закона, считаются соответствующими положениям данного Федерального закона. В результате применения данной статьи Федерального закона, не применяется ст. 338 Налогового кодекса РФ, согласно которому налоговая ставка при добыче нефти из газоконденсатных месторождений составляет 340 руб. за тонну с учетом поправочного коэффициента, который характеризует динамику мировых цен на нефть.

Исключительные льготы иностранному инвестору предоставляются и при решении вопроса о выборе применимого права. В частности, таковым по Соглашению «Сахалин-1» является право Англии. Применимым правом по «Соглашению-2» является законодательство штата Нью-Йорк. Разрешаться споры, возникающие между сторонами, должны в Стокгольме в соответствии с арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ. При этом РФ отказывается от любых имеющихся у нее прав, которые в силу суверенного иммунитета ограждают ее от арбитражных исков, исполнительного производства до и после вынесения судебного решения, наложения ареста на имущество.

В то же время российское государство отвечает перед иностранными инвесторами всем своим имуществом, они перед РФ – лишь имуществом оператора, проекта Шеел Энерго, имеющей незначительный уставной капитал. Дискриминационными являются также нормы Соглашений о разделе продукции, по которым Российская Фе-

дерация отказывается от судебного иммунитета, а в состав форс-мажорных обстоятельств при реализации по Соглашению «Сахалин-2» отнесены действия или бездействия государственных органов.

Особого внимания заслуживает практика Международного коммерческого суда в Стокгольме по урегулированию разногласий между Российской Федерацией и французской компанией Тоталь. Первоначально разногласия между российским государством и французской компанией, работающей по СРП Харьягинское месторождение в Ненецком национальном округе, касались инвестиционных затрат в 2001-2002 годах. Тогда суммы, заявленные Тоталь, не были утверждены российскими властями, так как они считались завышенными. В 2005 году вновь возник судебный спор, так как Управление налоговой политики Министерства по налогам и сборам по Ненецкому автономному округу выставило компании Тоталь требование перечислить в бюджет недоплаченные суммы по налогу на прибыль и эквиваленту прибыльной доли государства в проекте. Величина требуемой суммы составила 48 млн. долл. Администрация Ненецкого автономного округа в объединенном комитете отказывалась утверждать годовые программы работ и сметы инвестора, что не позволяло инвесторам осуществлять дальнейшие работы. Злоупотребляя процессуальными правами, французская компания обратилась с иском к Российской Федерации в Стокгольмский суд для обоснования своих расходов на месторождении. Позже она просила арбитражный суд в Стокгольме прекратить разбирательство судебного спора по Харьягинскому месторождению, так как стороны заключили мировое соглашение. Объединенный комитет утвердил годовые программы работ и сметы за период 2002-2005 годы. В Минпромэнерго полагают, что в данном случае было найдено цивилизованное разрешение споров между Россией и иностранными инвесторами. В действительности, юристы Минпромэнерго проиграли этот спор в арбитражном суде Стокгольма, а иностранный инвестор, который завышает расходы по Харьяге и качает в России нефти все больше, а доходов Россия получает все меньше, использовал судебную процедуру, чтобы наполнить свои карманы желанными сотнями миллионов нефтедолларов.

В-шестых, Российская Федерация поставила себя в крайне невыгодное положение также тем, что момент вступления в силу Соглашений поставлен в зависимость от принятия Российской Федерацией, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, соответствующих нормативных правовых актов, которые должны быть приемлемы для инвестора. В проекте «Сахалин-2» момент вступления Соглашения в силу зависит от принятия Правительством Российской Федерации и законодательным органом Российской Федерации всех необходимых решений, обеспечивающих осуществление условий Соглашения «каковы решения должны быть по форме и по существу приемлемы для Компании». Если начальная дата не наступает в течение двух лет с даты заключения Соглашения, то Компания вправе расторгнуть соглашение, не неся при этом каких-либо обязательств перед Российской Федерацией». В случае расторжения соглашения государством или компанией, Российская сторона не вправе вести разведку, освоение и разработку лицензионных участков до тех пор, пока Компании не будут возмещены все затраты, понесенные ей до момента вступления в силу Соглашения в силу. Такими формулировками Соглашения Российская Федерация поставила себя в кабальные условия, поскольку вне зависимости от того, кто выступает инициатором расторжения Соглашения, Российская сторона является обязанной.

В-седьмых, в соответствии со ст. 10 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. «О недрах», действовавшей на момент подписания соглашений, сроки пользования недрами устанавливались для геологического изучения недр до 5 лет, для добычи полезных ископаемых – на срок до 20 лет, при совмещении указанных видов пользования недрами – на срок до 25 лет.

В проекте предусматривается возможность фактически бессрочного продления срока действия лицензий на право пользования недрами (на 10 лет с неограниченным числом раз). При этом оговорено, что в случае выполнения Консорциумом своих обязательств по Соглашению, Российская Федерация не вправе отказать инвестору в подобном продлении.

Такой формулировкой в Соглашении «Сахалин-2» государство, по сути, утрачивает суверенное право регулировать отношения в области недропользования по данному участку недр, что совершенно недопустимо.

Наряду с многочисленными нарушениями законодательства, связанными с подготовкой и подписанием СРП «Сахалин-2», выявлены существенные недостатки государственной системы управления реализацией проекта «Сахалин-2». Созданная в 1997 году на основании Указа Президента РФ Комиссия Правительства РФ по координации деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ по реализации СРП при всей нерегулярности работы все же решала некоторые проблемные вопросы. Однако в апреле 2004 года она была необоснованно упразднена.

Только за последние пять лет Правительство РФ поручало контроль реализации соглашений о разделе продукции поочередно трем министерствам: Министерству топлива и энергетики Российской Федерации, Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации, Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации. При этом, контроль за реализацией Соглашения осуществляет также Министерство финансов РФ. В Положениях о Министерствах отсутствуют полномочия по координации контроля соглашений о разделе продукции. Во всех других странах, использующих соглашение о разделе продукции, существуют единые государственные органы, координирующие деятельность аналогичных проектов.

Недостатки государственной системы управления реализацией проекта «Сахалин-2» состояли в следующем: недостаточная координация деятельности федеральных министерств и ведомств, взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти; длительный процесс разработки необходимых нормативных документов; длительная процедура получения согласований и разрешений для выполнения отдельных работ по проекту; медленная отработка механизмов в области налогообложения, таможенного учета и оформления импортных грузов для проекта; пограничного оформления; несогласованность сроков проведения проверок компании различными контрольными и надзорными органами.

Счетная палата Российской Федерации неоднократно отмечала в своих ежегодных отчетах указанные выше нарушения, которые не были учтены Правительством РФ. При этом особо обращается внимание на то, что в период деятельности соглашения не выдерживаются порядок и сроки разработок и утверждений проектной документации, не обеспечивается достижение проектных показателей по добыче нефти, что приводит к недопоступлению доходов в бюджеты разных уровней. При этом инвесторы предлагают увеличить общий объем инвестиций в 2 с лишним раза – с 10 до 22 млрд. долларов. Но это экономически невыгодно России, так как в соответствии с соглашением о разделе продукции, Российское государство начинает получать прибыль лишь только после того, как иностранные акционеры оправдают все свои затраты.

В 2006 году в средствах массовой информации появились публикации, а также заявления некоторых руководителей органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации о нарушениях условий реализации проекта «Сахалин-2». Вследствие этого вокруг реализации соглашения «Сахалин-2», имеющего важное международное значение, складывается негативное отношение к иностранным инвестициям в России. Чаще всего делаются ссылки на нарушения экологического законодательства с предложениями о пересмотре ранее выданных разрешений и согласований.

Хотелось бы обратить внимание, прежде всего, на то, что при бурении нефтяных скважин образуется огромное количество ядовитых газов. Вопреки запретам российских законов токсичные отходы бурения и нефтедобычи на сахалинском шельфе сбрасываются в море, иногда даже без предварительной очистки. Таких отходов иностранными инвесторами на сегодняшний день сброшено уже более 100 тысяч тонн. Ученые доказали, что буровые и нефтяные отходы губительно действуют практически на все морские организмы. Охотское море богато не только нефтью, крабами, креветками, другими морепродуктами. Их добыча и переработка приносит доход неизмеримо большему количеству жителей Дальнего Востока, чем нефтяная промышленность.

Грубыми являются нарушения лесного законодательства, связанные с самовольным расширением полосы отвода от четырех до пяти раз сверх нормативно установленной. В десятках мест обнаружены отклонения от трассы трубопровода, сопровождающиеся вырубкой лесного массива. Значительная часть деревьев вдоль трассы

трубопровода также обречена на гибель, поскольку они завалены грунтом. Необходимо отметить, что грунт по проекту должен был складироваться на специально отведенных площадках, чего в процессе работы выполнено не было.

При прохождении водотоков наблюдаются массовые случаи завала нерестовых рек вынутым из траншеи грунтом. В результате уничтожены десятки нерестилищ ценных пород рыб.

В результате дноуглубительных работ в заливе Анива весь вынутый грунт сваливался на территории залива, что существенно изменило рельеф дна, засыпаны места кормления рыбы и моллюсков, нанесен ущерб биоразнообразию залива.

По результатам проверок Федерального агентства водных ресурсов было приостановлено 12 лицензий на водопользование, выданных одной из компаний подрядчиков проекта «Сахалин-2», которая осуществляла работы по строительству нефтегазопроводов с нарушением требований Водного кодекса. Нарушения водного законодательства при прокладке магистральных трубопроводов связаны с нарушениями русла рек, складированием грунта в водоохраных зонах и обрушением берега по всем водостокам, гибелью рыбы, уничтожением нескольких сот нерестовых рек. При применении таких санкций подрядчик проекта – компания «Старстрой-2» утратила право заниматься основной деятельностью, т.е. вести строительство сухопутного участка нефтепровода, по которому добываемая нефть должна поступать с платформы на сушу, а затем в порт отгрузки, до момента устранения экологических нарушений. Для устранения выявленных нарушений компании был установлен 2-месячный срок. В противном случае лицензии должны быть отозваны.

Еще одна существенная претензия экологов заключается в том, что платформа на Пильтун-Астохском месторождении построена в опасной близости от места кормления уникальной северо-западной популяции серых китов. Эта популяция подвержена большому риску исчезновения, она насчитывает всего 100 особей, из которых только 23 –продуктивные самки. Именно поэтому особое внимание обращается на риски, связанные со строительством платформы вблизи китового пастбища, которое поставит на грань исчезновения популяцию серых китов, занесенных в Красную книгу серых китов. В то же время добыча нефти на северо-востоке Сахалина резко сокращает численность стад наваги и сельди, являющихся главными объектами питания коренных народов-нивхов. Администрация компании «Сахалин энерджи» как главного оператора проекта не выполнила обязательств по своевременному и полному обеспечению государственных органов и общественности информацией по экологическому мониторингу.

В последние годы более активной стала деятельность Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по контролю за соблюдением экологического законодательства по проекту «Сахалин-2». Справедливости ради надо отметить, однако, что не только Росприроднадзор, но и Министерство природных ресурсов выступили не столько инициаторами решения данной проблемы, сколько среагировали на обращения общественности. Начиная с июля 2003 года, с утверждения положительного заключения государственной экологической экспертизы, целый ряд российских и международных экологических организаций, в том числе Гринпис, Фонд дикой природы, Экологическая вахта Сахалина направляли десятки обращений в судебные органы, в органы исполнительной власти внимательно рассмотреть вопросы экологической безопасности, вопросы экономики проекта «Сахалин-2». Ими был передан также в распоряжение Министерства природных ресурсов РФ наглядный фотографический материал, свидетельствующий о нарушениях природоохранного законодательства.

В октябре 2006 года МПР РФ через Генеральную прокуратуру добился отмены своего приказа от 15 июля 2003 года, которым было утверждено заключение экспертной комиссии государственной экологической экспертизы по второму этапу проекта. С отменой экологической экспертизы по проекту «Сахалин-2» запрещалась хозяйственная и иная деятельность до получения нового заключения государственной экологической экспертизы и устранения всех нарушений природоохранительного законодательства.

Основанием для отмены приказа МПР явилось невыполнение рекомендаций, данных в заключении государственной экологической экспертизы, многочисленные

отклонения от ТЭО проекта. При строительстве трубопроводов было допущено **60** значительных отклонений от утвержденной трассы. Отсутствовала необходимая проектная документация по прохождению особо опасных участков: **19** тектонических разломов, десятков селей и оползней. В **54** случаях в ходе работ была осуществлена вырубка леса без разрешительных документов, при чем там, где должна проходить трасса трубопроводов. По этим фактам в российском законодательстве возбуждаются уголовные дела.

Кроме того, вопреки рекомендациям не был проведен в соответствии с условиями местности комплекс противоэрозийных мероприятий, не выполнены рекомендации по строительству защитных противоэрозийных сооружений. Лицензии на водопользование выдавались не на генерального подрядчика Сахалин Энерджи, а на непосредственных исполнителей работ. Субподрядчики были зарегистрированы в других субъектах РФ, что осложняло экологический контроль и предъявление претензий за допущенные нарушения.

Нельзя также не отметить, что в последнее время Генеральная прокуратура РФ установила тесное и конструктивное взаимодействие с Министерством природных ресурсов РФ, выработан совместный комплексный подход к решению возникающих экологических проблем. Впервые в практику работы внедрена новая форма – совместное заседание коллегий Генеральной прокуратуры и Министерства природных ресурсов. На одном из совместных заседаний был выработан ряд эффективных мер по обеспечению экологической безопасности в сфере осуществления недропользования предприятиями нефтегазодобывающего комплекса.

По обоснованному мнению Генеральной прокуратуры РФ «Роснедра, Ростехнадзор и Росприроднадзор не выполняют свои обязанности, а нарушения природоохранительного законодательства носят массовый характер». Территориальные органы Росприроднадзора не всегда передают в правоохранительные органы материалы о нарушениях природоохранного законодательства. Роснедра не проверяют информацию об участниках аукционов на участки. Сегодня экологический контроль в стране раздроблен и соответственно он проводится крайне неэффективно. Между Росприроднадзором и Ростехнадзором нет достаточной координации в их деятельности. Широко распространены на практике коррупционные преступления, совершенные сотрудниками Росприроднадзора, которые нередко остаются безнакаzanными.

При этом органы прокуратуры обращают внимание и на то, что при выявлении нарушений не всегда возможно применять экономические санкции как альтернативу отзыва лицензии. Иные санкции у нас не применяются вовсе, т.е. нарушитель остается безнакаzanным, что поощряет нарушения.

Необходимо, однако, иметь в виду, что отзыв лицензий у недропользователей – это крайняя мера, так как экономические санкции более эффективны. Если речь идет о незначительных объемах нарушениях нормы добычи углеводородов, следует дать компании возможность их устранить. Если нарушается лицензионное соглашение по геологоразведке, компанию можно оштрафовать на сумму затрат на геологоразведку. А дальше нефтяники сами должны выбирать, что им выгоднее: разрабатывать месторождение или платить штраф.

Для того чтобы повысить статус Межведомственной комиссии по вопросам подготовки и реализации СРП, созданной при Минпромэнерго, необходимо преобразовать ее в постоянно действующую подкомиссию в составе Правительственной комиссии по вопросам топливно-энергетического комплекса и воспроизводства минерально-сырьевой базы и возложить на нее постоянный мониторинг, координацию и контроль хода реализации соглашений о разделе продукции, включая вопросы координации природоресурсного и экологического контроля и надзора за всеми организациями. Назрела также необходимость рассмотреть вопрос о концентрации контрольных, надзорных и иных природоохранных функций в едином федеральном государственном органе экологического контроля.

После подписания соглашения с британской стороной о продаже крупного пакета акций Газпром выкупил **18** апреля **2007** года **50%** акций плюс один крупный нефтяной газовый проект «Сахалин-2» по разработке шельфовых месторождений Сахалинской области.

Покупка акций проекта «Сахалин-2» была первым случаем, когда экологическое законодательство использовалось для перераспределения контроля над крупными проектами в мировой энергетике. Ранее для этих целей использовались главным образом налоговые претензии, что и привело к крушению НК «ЮКОС», который был ликвидирован в ноябре 2007 года.

Включение компании «Газпром» в число российских инвесторов проекта «Сахалин-2» должно усилить роль государства за ходом реализации соглашения, увеличить долю российских подрядчиков в капитальных вложениях, долю государства в прибыльной продукции, гарантировать успешное завершение строительства всех объектов и их длительную экологически безопасную эксплуатацию.

THE STATE CONTROL OVER OBSERVANCE OF THE LEGISLATION ON AGREEMENTS ON PRODUCTION SECTION: FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

G.E. BYSTROV

*The Russian state
agrarian university –
MAA K.A. Timirjazeva's
name*

*e-mail:
geordanb@birulevo.net*

Questions of maintenance of the state control are considered at realization by investors of the right of use by bowels on the basis of civil-law contracts on section of production, concluded with the state. The analysis of some the major agreements taking into account their conformity to the operating Russian legislation on bowels and to interests of economy of Russia is carried out. Problem questions in definition of limits and the bases of responsibility of the state and investors in case of infringement of conditions of contracts on production section come to light.

Key words: the agreement; production section; the legislation on bowels; depths using; an ecological offence.

ДОГОВОР БЫТОВОГО ПОДРЯДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

С.В. ТЫЧИНИН

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: Tychi-
nin@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены особенности правового регулирования договора бытового подряда в условиях реформирования гражданского права РФ. Определены признаки и элементы обязательственных отношений в области бытового подряда. Формулируются положения об основаниях и пределах ответственности сторон договора, выявляется специфика защиты прав и интересов потребителей бытовых услуг.

Ключевые слова: правовое регулирование, договор, бытовой подряд, подрядчик, заказчик, права потребителя.

Общие положения. Бытовой подряд имеет как общие, так и отличительные с подрядом черты и соответствующее этим различиям специальное правовое регулирование. Договор бытового подряда опосредует отношения по выполнению отдельными предпринимателями индивидуальных заказов граждан, направленных на удовлетворение их бытовых и других личных потребностей. Полученный в процессе исполнения названного договора результат передается его заказчику. Таким образом, договор бытового подряда охватывает не только отношения товарного обращения, но и производства материальных благ.

По договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу (п.1 ст. 730 ГК).

Договор бытового подряда является взаимным, консенсуальным и возмездным. Договор бытового подряда может включать элементы других договоров и таким образом приобретать черты смешанного договора (п. 3 ст. 421 ГКФ). Так, отношения сторон по оплате стоимости материала (п. 1 ст. 733 ГК) содержат признаки договора купли-продажи; отношения по предоставлению материала в кредит (абз. 1 п. 1 ст. 733 ГК) – признаки договора коммерческого кредита. Использование в договоре бытового подряда различного рода формуляров или иных стандартных форм, предложенных подрядчиком, свидетельствует о наличии признаков договора присоединения.

Договор бытового подряда относит к числу публичных договоров (ст. 426 ГК). Публичность договора обязывает подрядчика выполнять работы по договору бытового подряда в отношении каждого гражданина, который к нему обратится, и на одинаковых условиях, кроме случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей.

Поскольку по общему правилу подрядные работы выполняются из материала подрядчика и его средствами (п. 1 ст. 704 ГК), постольку отсутствие у подрядчика необходимых материалов является основанием для отказа в заключении договора. При этом обязанность по доказыванию отсутствия возможности выполнить соответствующие работы возложена на подрядчика.

Кроме того, публичность договора бытового подряда налагает на подрядчика обязанность до заключения договора предоставить заказчику необходимую достоверную информацию о предлагаемой работе, ее видах и об особенностях, о цене и форме оплаты, иные относящиеся к предмету договора сведения (п. 1 ст. 732 ГК).

Нормы о бытовом подряде (по прежней терминологии – бытовом заказе¹) содержались в ГК РСФСР 1964 г. и в правилах о договорах подряда по обслуживанию бы-

¹ Фархтдинов Я.Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. Казань, 1983. С.18.

товых потребностей граждан. По отдельным видам обслуживания граждан действовали типовые договоры бытового заказа. Детальной же регламентации рассматриваемый договор в советском гражданском законодательстве не получил.

В отличие от большинства иных договоров, развитию законодательства о бытовом подряде предшествовало принятие в первой половине 90-х гг. прошлого века нормативных актов в области защиты прав потребителей. В связи с вступлением в силу части второй ГК возникла необходимость в согласовании его норм, касающихся прав потребителей, с нормами специального законодательства о защите прав потребителей. Соответствующие поправки вносились неоднократно, однако окончательно решить вопрос о дифференциации норм ГК и законодательства о защите прав потребителей не удалось.

В настоящее время важнейшим источником правового регулирования договора бытового подряда является §2 гл. 37 ГК.

Для обеспечения гарантий прав заказчика в договоре строительного подряда ГК предусматривает возможность применения нормы § 2 гл. 37 ГК о правах заказчика к отношениям по договору строительного подряда, если работы выполняются для удовлетворения личных потребностей заказчика (п. 3 ст. 740 ГК). В данном случае речь идет не о субсидиарном применении соответствующих норм, а предоставляется возможность заказчику-потребителю в договоре строительного подряда в полном объеме воспользоваться правами заказчика по бытовому подряду.

Участие в договоре бытового подряда гражданина, как более слабой стороны по отношению к подрядчику, компенсируется распространением на отношения по бытовому подряду норм о защите прав потребителей. Согласно п. 3 ст. 730 ГК к отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным ГК, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними. Т.е. законодатель отдает приоритет в регулировании отношений по договору бытового подряда нормам ГК: общим положениям о подряде, о договоре, об обязательствах, о сделках; общим началам гражданского законодательства. Законодательство о защите прав потребителей имеет субсидиарное применение к отношениям по договору бытового подряда².

В иерархии законодательства о защите прав потребителей ведущая роль отводится ФЗ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г.³, содержащему главу III о защите прав потребителей при выполнении работ и услуг. Названный Закон не только конкретизирует нормы ГК о бытовом подряде, но и устанавливает правила, не предусмотренные ГК (например, последствия нарушения сроков начала и окончания выполнения работ, взыскание неустойки за их нарушение, а также за просрочку выполнения требований заказчика по поводу недостатков работ и сроков исполнения этих требований).

Гражданско-правовые нормы, направленные на защиту прав потребителя при выполнении работ, содержатся и в других федеральных законах: ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 2 января 2002 г.⁴; ФЗ «О техническом регулировании» от 15 декабря 2002 г.⁵ и др.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья / Под ред. С.А. Степанова. М., 2006. С. 673 (автор – Мурзин Д.В.). Иную точку зрения занимает М.И. Брагинский, отводя в горизонтальной иерархии законодательства о бытовом подряде законодательству о защите прав потребителей приоритетное место по отношению к общим положениям ГК о подряде и обязательствах. См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ оказании услуг. С.80-81.

³ Ведомости РФ. 1992. № 15. Ст. 766; СЗ РФ. 1996. №3. Ст. 140; 1999. № 51. Ст. 6287; 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 2; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 45. Ст. 4377; 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5275; 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3439; 2006. № 43. Ст. 4412; 2006. № 48. Ст. 4943.

⁴ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150; 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 2; 2003. № 2. Ст. 167; 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700; 2004. № 35. Ст. 3607; 2005. № 19. Ст. 1752; 2005. № 50. Ст. 5242; 2006. № 1. Ст. 10; 2006. № 14. Ст. 1458; 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 29.

⁵ СЗ РФ. 2002. №52 (часть I). Ст. 5140; 2005. № 19. Ст. 1752; 2007. № 19. Ст. 2293.

Прерогатива принятия подзаконных актов в области защиты прав потребителей отведена Правительству РФ, которое принимает правила, обязательные при заключении и исполнении работ, в том числе и работ по бытовому подряду. К числу таких актов относятся: постановление Правительства РФ «Об утверждении правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации» от 15 августа 1997 г.⁶; постановление Правительства РФ «Об утверждении правил оказания услуг (выполнения работ) по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств» от 11 апреля 2001 г.⁷; постановление Правительства РФ «О порядке предоставления коммунальных услуг» от 23 мая 2006 г.⁸. Правительство РФ не вправе поручать федеральным органам исполнительной власти принимать такого рода акты (п. 2 ст. 1 Закона «О защите прав потребителей»).

Применение законодательства о защите прав потребителей в регулировании отношений по бытовому подряду нашло отражение в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» от 29 сентября 1994 г.⁹.

Элементы договора бытового подряда. Наибольшей спецификой в договоре бытового подряда обладает субъектный состав. На стороне подрядчика выступает лицо, осуществляющее соответствующую предпринимательскую деятельность, т.е. такую предпринимательскую деятельность, которая направлена на удовлетворение личных потребностей граждан (пошив одежды, ремонт автомобиля, изготовление мебели и т.п.). Указанным лицом может быть коммерческая организация или гражданин-предприниматель. Соответственно, в рассматриваемом договоре не может быть подрядчиком предприниматель, осуществляющий деятельность, не связанную с удовлетворением личных потребностей граждан; некоммерческая организация¹⁰; гражданин, не являющийся предпринимателем.

В случае, когда характер выполняемой работы и его результат зависит от того, какое конкретно лицо будет выполнять работу, подрядчик должен указать это лицо в договоре (п. 1 ст. 732 ГК).

В качестве заказчика выступает гражданин, в том числе и гражданин-предприниматель, имеющий намерение использовать создаваемый для него подрядчиком результат в личных целях. Не относятся к предмету договора бытового подряда отношения, возникающие между гражданами по удовлетворению личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также отношения, возникающие в связи с выполнением для гражданина работ не для личных, семейных, домашних и иных нужд, а для осуществления предпринимательской деятельности¹¹.

Существенным условием договора бытового подряда является предмет, представляющий собой результат, полученный по окончании выполненной подрядчиком работы. Хотя в определении договора бытового подряда отсутствует указание на результат, его наличие подтверждается общим определением подряда (п.1 ст. 702 ГК), а также содержанием ст.ст. 737 и 738 ГК.

⁶ СЗ РФ. 1997. № 34. Ст. 3979; 1999. № 41. Ст. 4923; 2000. № 41. Ст. 4083; 2005. № 7. Ст. 560.

⁷ СЗ РФ. 2001. № 17. Ст.1712; 2007. № 5. Ст. 668.

⁸ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2501.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 1995; № 1. 1997; № 3. 1997; № 2. 2001; № 12. 2001; № 5. 2007; Российская газета. 2007. 23мая. № 107.

¹⁰ В литературе отдельные ученые относят некоммерческие организации к числу подрядчиков рассматриваемого договора. См., напр.: Кротов М.В. Бытовой подряд // Гражданское право. Учебник. В 3 т. Т.2. 4-е изд. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С.379; Мищенко Е.А. Публичный договор подряда // Юрист. № 7. 2003. С.26-30. С такой позицией согласиться сложно. Основная деятельность и разрешенная в установленном порядке предпринимательская деятельность некоммерческих организаций в конечном итоге направлена на достижение различных общественных благ (п.2 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях»), а не личных потребностей граждан.

¹¹ Такой вывод следует из содержания п.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» от 29 сентября 1994 г., предусматривающего пределы применения законодательства о защите прав потребителей // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 7; 1997. № 1; 1997. № 3; 2001. № 2; 2001. № 12; 2007. № 5.

Созданный подрядчиком результат по своим свойствам и назначению не должен использоваться в предпринимательской деятельности. Так, если гражданин заключит договор на изготовление партии костюмов с целью последующей их реализации, то такой договор квалифицировать в качестве бытового подряда нельзя.

Если заказчик в договоре бытового подряда не поставил подрядчика в известность о специальных целях использования создаваемого результата или законом не предусмотрены обязательные требования к его качеству, то результат должен отвечать целям, для которых он обычно используется.

Цена договора бытового подряда является существенным условием, так как должна быть определена соглашением сторон до его заключения (п. 1 ст. 731, ст. 735 ГК). В состав цены входит компенсация издержек подрядчика и причитающееся ему вознаграждение.

По общему правилу стороны свободны в определении объема цены договора. В случае, когда государственные органы соответствующих уровней утверждают тарифы на выполнение подрядных работ, цена договора не может превышать пределы, установленные этими органами.

С согласия заказчика цена работы может быть уменьшена после окончания работы с учетом стоимости остающегося у подрядчика неиспользованного материала (абз. 2 п. 12 Правил бытового обслуживания населения).

При выполнении работ, имеющих, как правило, продолжительный срок исполнения, цена работы может быть определена твердой или приблизительной сметой, содержащей подробный перечень затрат по их выполнению. Вместе с тем, Закон «О защите прав потребителей» предусматривает обязательное составление сметы в договоре бытового подряда, когда на ее составлении настаивает любая из сторон договора (ч. 2 п. 1 ст. 33 Закона). Изменение твердой цены, закреплённой в смете, по общему правилу не допускается, за исключением случаев, когда существенно возросла стоимость материалов и оборудования, которое нельзя было предусмотреть при заключении договора. Отказ потребителя от исполнения этого требования наделяет подрядчика правом расторгнуть договор в судебном порядке.

Законодательно допускается повышение приблизительной сметы, когда возникла необходимость выполнения дополнительных работ. Об этом подрядчик обязан своевременно предупредить заказчика. Отказ заказчика от повышения приблизительной сметы наделяет подрядчика правом отказаться от выполнения работ и потребовать от потребителя уплаты цены за выполненную работу. Если заказчик не был своевременно предупрежден об изменении приблизительной цены, то подрядчик обязан исполнить обязательства по договору в пределах приблизительной сметы (п. 3 ст. 33 Закона о защите прав потребителей).

Форма договора бытового подряда подчиняется общим положениям ГК РФ о форме сделок (ст.ст. 158-165 ГК) и уточняется в п. 4 Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации, в соответствии с которыми названный договор оформляется в простой письменной форме (квитанция, иной документ) и должен содержать следующие сведения: фирменное наименование (наименование) и местонахождение (юридический адрес) организации-исполнителя (для индивидуального предпринимателя – фамилия, имя, отчество, сведения о государственной регистрации); вид работы; цена работы; точное наименование, описание и цена материалов (вещи), если работа выполняется из материалов исполнителя или из материалов (с вещью) потребителя; отметка об оплате потребителем полной цены работ либо о внесенном авансе при оформлении договора, если такая оплата была произведена; даты приема и исполнения заказа; гарантийные сроки на результаты работы, если они установлены федеральными законами, иными правовыми актами Российской Федерации или договором либо предусмотрены обычаем делового оборота; другие необходимые данные, связанные со спецификой выполняемых работ; должность лица, принявшего заказ, и его подпись, а также подпись потребителя, сдавшего заказ.

Дополнением к повышенному уровню обеспечения прав заказчика является норма Правил бытового обслуживания населения о необходимости выдачи подрядчиком заказчику одного экземпляра договора. Значительная же часть подрядных работ

выполняется в присутствии потребителя. В таком случае нет необходимости выдавать экземпляр договора, а выполнение работы может оформляться путем выдачи кассового чека, билета и т.п.

В случае утраты экземпляра договора или иного документа, подтверждающего заключение договора подряда, изделие, указанное в документе, выдается на основании письменного заявления потребителя по предъявлении им паспорта или иного документа, удостоверяющего личность потребителя.

Важнейшим условием надлежащего исполнения обязательств по договору бытового подряда является соблюдение сроков выполнения работ. Законодательно установлено два способа определения сроков выполнения работ: нормативный и договорный (ст.ст. 27, 38 Закона «О защите прав потребителей»). Нормативный срок может устанавливаться в правилах о выполнении подрядных работ на основе постановления Правительства РФ. Реально же Правительство РФ не приняло ни одного нормативного акта, устанавливающего такого рода сроки. Следовательно, применяется договорный способ установления сроков, что вполне согласуется с общими положениями о подряде (ст. 708 ГК). В договоре делается отметка о фактической дате выполнения работы.

Особенности содержания договора бытового подряда. В силу различных обстоятельств заказчик может не явиться за получением созданного подрядчиком результата либо уклоняться от его приемки. В таких случаях подрядчик вправе за разумную цену продать результат работы, а вырученную сумму внести в депозит нотариуса или суда в порядке, предусмотренном ст. 327 ГК (ст. 738 ГК). Право реализации невосстановленного имущества возникает у подрядчика по истечении двух месяцев со дня письменного предупреждения заказчика о необходимости получить произведенный результат. С момента зачисления денежных средств в депозит обязательство считается исполненным: подрядчик утрачивает права на эти денежные средства, а заказчик приобретает на них право собственности. Нотариус или суд извещает заказчика о внесении подрядчиком денежных средств заказчика

Важнейшей обязанностью подрядчика является предоставление заказчику до заключения договора бытового подряда широкого спектра необходимой и достоверной информации, связанной с выполнением работ. Требования к содержанию информации формулируются в ст. 732 ГК, Законе «О защите прав потребителей», Правилах бытового обслуживания населения.

По своей структуре информация, предоставляемая подрядчиком, должна содержать ряд сведений: сведения, характеризующие подрядчика; сведения, характеризующие выполняемые работы (результат); сведения ознакомительного характера.

К числу сведений, характеризующих подрядчика, относятся: фирменное наименование (наименование) организации; место нахождения (юридический адрес); данные о государственной регистрации индивидуального предпринимателя с указанием наименования зарегистрировавшего его органа; перечень выполняемых работ и форм их предоставления; режим работы; данные о лице, которое будет ее выполнять (если по характеру работы это имеет значение); информация о номере лицензии, сроке ее действия, а также об органе, выдавшем лицензию (при выполнении работ, подлежащих лицензированию); дата и период приостановления работ (в случае временного приостановления деятельности подрядчика для проведения санитарных, ремонтных и иных мероприятий).

К сведениям, характеризующим выполняемые работы (результат), относятся: вид и особенности выполнения определенных видов работ; сведения об основных потребительских свойствах результата работ; цена на выполняемые работы, а также на используемые при этом материалы, запасные части и фурнитуру исполнителя (обозначенные на их образцах); сведения о порядке и форме оплаты; перечень оказываемых услуг (выполняемых работ) и форм их предоставления; обозначения стандартов, обязательным требованиям которых должны соответствовать работы; сроки выполнения работ, в том числе гарантийные сроки, срок службы или срок годности товаров (работ), если они установлены федеральным законодательством, договором либо предусмотрены обычаем делового оборота; сведения о необходимых действиях потребителя по истечении указанных сроков и возможных последствиях при невыполнении таких действий, если товары (работы) по истечении указанных сроков представляют опас-

ность для жизни, здоровья и имущества потребителя или становятся непригодными для использования по назначению; сведения о подтверждении соответствия работ установленным требованиям (номер сертификата соответствия, срок его действия, орган, его выдавший, или регистрационный номер декларации о соответствии, срок ее действия, наименование исполнителя, принявшего декларацию, и орган, ее зарегистрировавший); требования, которые должен соблюдать подрядчик в целях эффективного и безопасного использования результата работы, а также о возможных для самого заказчика и других лиц последствиях несоблюдения соответствующих требований; другие относящиеся к договору и соответствующей работе сведения (по просьбе заказчика).

К сведениям ознакомительного характера относятся: содержание Правил бытового обслуживания населения; адрес и телефон подразделения по защите прав потребителей органа местного самоуправления, если такое подразделение имеется; образцы договоров (квитанций, иных документов) о выполнении работ; образцы (модели) изготавливаемых изделий, альбомы и журналы с моделями изделий и т.п.; перечень категорий потребителей, имеющих право на получение льгот, а также перечень льгот, предоставляемых при выполнении работ в соответствии с федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации. Перечисленная ознакомительная информация должна находиться в удобном для обозрения месте, излагаться на русском языке и дополнительно, по усмотрению исполнителя, на государственных языках субъектов Российской Федерации, родных языках народов Российской Федерации (абз. 5 п.3 Правил бытового обслуживания населения).

Отдельные виды работ могут производиться подрядчиком на дому. В этом случае обязанность по обеспечению явки работника в согласованное с заказчиком время лежит на подрядчике.

Надлежащее исполнение обязательства по договору бытового подряда в ряде случаев зависит от качества материала, из которого изготавливается та или иная вещь. При выполнении подрядчиком работ из своего материала подрядчик обязан применять (использовать) для выполнения заказа материал, соответствие которого установленным требованиям подтверждено документом (сертификатом, декларацией соответствия), если это его соответствие подлежит законодательству Российской Федерации обязательному подтверждению.

Как профессиональный исполнитель подрядчик обязан немедленно предупредить потребителя и до получения от него указаний приостановить выполнение работы при обнаружении непригодности или недоброкачества переданных потребителем материала, оборудования, технической документации или переданной для переработки (обработки) вещи. Аналогичные действия подрядчик должен совершить и при угрозе наступления возможных неблагоприятных для заказчика последствий выполнения его указаний о способе выполнения работы; иных не зависящих от исполнителя обстоятельств, которые грозят годности или прочности результатов выполняемой работы либо создают невозможность ее завершения в срок (п. 11 Правил бытового обслуживания населения).

На подрядчике лежит обязанность по сохранности и правильному использованию предоставленного заказчиком материала или его части для выполнения работ (п. 12 Правил бытового обслуживания населения). После окончания работы исполнитель обязан представить потребителю отчет об израсходовании материала. Неиспользованный материал подлежит возврату заказчику или, как было выше отмечено, подлежит зачету в состав цены договора.

При полной или частичной утрате (повреждении) материала (вещи), принятого от заказчика, подрядчик обязан в 3-дневный срок заменить его однородным материалом (вещью) аналогичного качества. С согласия заказчика подрядчик может изготовить изделие из однородного материала (вещи) в разумный срок, а при отсутствии однородного материала (вещи) аналогичного качества возместить потребителю двукратную цену утраченного (поврежденного) материала (вещи), а также расходы, понесенные потребителем.

В совокупности специфических прав заказчика по договору бытового подряда приоритетное место занимает право на информацию, которое в случае его нарушения обеспечивается возможностью наступления ряда неблагоприятных последствий

для нарушителя. Так, если подрядчик не предоставил возможность незамедлительно получить в месте заключения договора бытового подряда необходимую и достоверную информацию о предлагаемой работе, ее видах и об особенностях, о цене и форме оплаты, заказчик вправе потребовать от подрядчика возмещения убытков, вызванных необоснованным уклонением от заключения договора (п. 2 ст. 732 ГК). За аналогичные действия подрядчика, повлекшие недостатки после передачи результата работы вследствие отсутствия у заказчика такой информации, заказчик также вправе требовать возмещения убытков.

В случаях, когда вследствие неполноты или недостоверности полученной от подрядчика информации был заключен договор на выполнение работы, не обладающей свойствами, которые имел в виду заказчик, последний вправе требовать расторжения заключенного договора бытового подряда без оплаты выполненной работы, а также возмещения убытков (абз.2 п. 2 ст. 732 ГК).

На практике нередки случаи навязывания подрядчиком дополнительных работ за плату без согласия заказчика. Заказчик вправе отказаться от оплаты таких работ, а если они оплачены – потребовать от исполнителя возврата уплаченной суммы (п. 1 ст. 731 ГК, абз.3 п.6 Правил бытового обслуживания населения).

Важнейшей гарантией свободного осуществления прав заказчика является предоставление заказчику полной свободы в любое время до сдачи работы отказаться от исполнения договора, уведомив об этом подрядчика (п. 2 ст. 731 ГК). Заказчик, принявший такое решение, обязан уплатить подрядчику часть установленной цены в размере, пропорционально части работы, выполненной подрядчиком до момента получения соответствующего уведомления, а также возместить расходы подрядчика, которые он произвел в этот период для исполнения договора.

Нарушение подрядчиком начала, окончания и промежуточных сроков выполнения работ или наличие реальной угрозы ее невыполнения в срок предоставляет заказчику возможность воспользоваться способами защиты, закрепленными в п.26 Правил бытового обслуживания населения: назначить исполнителю новый срок; поручить выполнение работы третьим лицам за разумную цену или выполнить ее своими силами и потребовать от исполнителя возмещения понесенных расходов; потребовать уменьшения цены за выполнение работы; расторгнуть договор о выполнении работы. Кроме того, заказчик вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков выполнения работы.

За нарушения названных сроков или назначенных заказчиком новых сроков подрядчик уплачивает заказчику за каждый день (час, если срок определен в часах) просрочки неустойку (пени) в размере трех процентов цены выполнения работы, а если цена выполнения работы соответствующим договором не определена – общей цены заказа. Договором о выполнении работ между потребителем и исполнителем может быть установлен более высокий размер неустойки (пеней). Общий же размер неустойки не может превышать цену работы (заказа).

Ряд специфических прав возникает у подрядчика в связи с обнаружением недостатков в выполненной работе и в случае ненадлежащего выполнения или невыполнения работы по договору бытового подряда.

Объем прав заказчика при обнаружении недостатков работы зависит от того, являются ли эти недостатки существенными или таковыми не являются (назовем их условно несущественными). Различие названных недостатков проводится в преамбуле к Закону «О защите прав потребителей». К существенным недостаткам работ относятся: неустранимый недостаток; недостаток, требующий несоразмерных расходов или затрат времени по его устранению; недостаток, который выявляется неоднократно; недостаток, который проявляется вновь после его устранения; другие подобные недостатки. К несущественным недостаткам работ относятся: несоответствие работы обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном законом порядке; несоответствие работы условиям договора; несоответствие работы целям, для которых работы такого рода обычно используются, или целям, о которых подрядчик был поставлен в известность заказчиком при заключении договора; несоответствие работы образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

Характер недостатка работы тесно связан со сроками, в течение которых заказчик вправе предъявить претензии к подрядчику.

Так, при обнаружении несущественных недостатков во время приемки результата работы или после его приемки в течение гарантийного срока, а если он не установлен, – разумного срока, но не позднее двух лет (для недвижимого имущества – пяти лет) со дня приемки результата работы, заказчик вправе совершить определенные действия: а) по своему выбору осуществить одно из предусмотренных в ст. 723 ГК прав; б) потребовать безвозмездного повторного выполнения работы или возмещения понесенных им расходов на исправление недостатков своими средствами или третьими лицами.

В случае обнаружения существенных недостатков результата работы заказчик вправе предъявить подрядчику требование о безвозмездном их устранении. Условием удовлетворения такого требования является предоставление заказчиком доказательств, подтверждающих возникновение недостатков до принятия результата работы заказчиком или по причинам, возникшим до этого момента (п. 1 ст. 737 ГК). Таким образом достигается разумный компромисс между интересами заказчика и подрядчика в случае возникновения между ними спора.

Требование заказчика о безвозмездном устранении существенных недостатков может быть предъявлено подрядчику, если указанные недостатки обнаружены по истечении двух лет (для недвижимого имущества – пяти лет) со дня принятия результата работы заказчиком, но в пределах установленного для результата работы срока службы или в течение десяти лет со дня принятия результата работы заказчиком, если срок службы не установлен.

В случае отказа подрядчика от безвозмездного устранения существенных недостатков заказчик вправе в пределах того же срока предъявить следующие требования: о возврате части цены, уплаченной за работу; о возмещении расходов, понесенных в связи с устранением недостатков заказчиком своими силами или с помощью третьих лиц; об отказе от исполнения договора и возмещении причиненных убытков.

Ненадлежащее выполнение или невыполнение работы по договору бытового подряда наделяет заказчика правами, предоставленными покупателю в соответствии со статьями 503 – 505 ГК.

Основные обязанностями заказчика – принять и оплатить выполненную подрядчиком работу.

На отношения по приемке работы (ее результата) распространяются общие нормы о подряде (ст. 720 ГК), частично продублированные в п. 14 Правил бытового обслуживания населения.

Расчеты заказчика с подрядчиком осуществляются по общему правилу после завершения работ и сдачи ее результата подрядчику. Возможна оплата работы и при заключении договора. С согласия заказчика работа может быть оплачена им при заключении договора полностью или путем выдачи аванса.

При исполнении договора бытового подряда возникает необходимость в расчетах не только за издержки и вознаграждение подрядчика, но и за оплату материала, из которого в процессе выполнения работы создается конечный результат. Специфика расчетов за материал и некоторые иные правовые последствия зависят от того, кому из сторон договора он принадлежит. Если материал принадлежит подрядчику, то оплату при заключении договора производит заказчик полностью или в части, определенной в договоре, с окончательным расчетом при получении заказчиком выполненной подрядчиком работы (п. 1 ст. 733 ГК). По соглашению сторон, материал может быть предоставлен подрядчиком в кредит, в том числе с условием оплаты материала в рассрочку. Определенная при заключении договора цена, предоставленного подрядчиком материала не подлежит перерасчету в случае ее последующего изменения.

Если работа выполняется из материала заказчика, то материал подлежит четкой идентификации путем указания в соответствующих документах (квитанции, заказе) наименования, количества, качества, цвета, формы и т.п. Такое требование обусловлено существенной переработкой материала, в результате чего утрачиваются его первоначальные свойства. Обязательным так же является указание согласованной сторонами цены материала, которую подрядчик вправе оспорить в суде как более слабая сторона в договоре.

Заказчик, предоставивший материал для выполнения работы, отвечает за его качество по правилам об ответственности продавца за товары ненадлежащего качества в соответствии с гражданским законодательством.

При выполнении работ на дому у потребителя или в ином месте, указанном потребителем, потребитель обязан создать необходимые условия для выполнения работы. Содержание названных условий должно быть предусмотрено в договоре.

Список литературы

1. Фархтдинов Я.Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. Казань, 1983.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья / Под ред. С.А. Степанова. – М., 2006.
3. Ведомости РФ. 1992. – № 15.
4. СЗ РФ.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 1995; № 1. 1997; № 3. 1997; № 2. 2001; № 12. 2001; № 5. 2007; Российская газета. 2007. 23мая. № 107.
6. Кротов М.В. Бытовой подряд // Гражданское право. Учебник. В 3 т. Т.2. 4-е изд. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого., Мищенко Е.А. Публичный договор подряда // Юрист. № 7. 2003.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 7; 1997. № 1; 1997. № 3; 2001. № 2; 2001. – № 12; 2007. № 5.

LEGAL REGULATION OF CONSUMERS' COOPERATIVE SOCIETY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF ECONOMY

S.V. TYCHININ

Belgorod State University

e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

In article features of legal regulation of the contract household подряда in the conditions of reforming of civil law of the Russian Federation are considered. Signs and elements of obligations relations in the field of household подряда are defined. Positions about the bases and limits of a responsibility of the parties of the contract are formulated; specificity of protection of the rights and interests of consumers of household services comes to light.

Key words: legal regulation, the contract, household successively, the contractor, the customer, the consumer rights.

ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Ю.В. ДЕРИШЕВ

*Омский юридический
институт*

*e-mail: deri-
shev.omsk@mail.ru*

В статье исследуются проблемы гармонизации уголовного досудебного производства в России. Затрагиваются проблемы реформирования правоохранительной системы, в том числе – органов, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам. Обосновывается необходимость построения целостной системы досудебного производства.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебные стадии, досудебное производство, предварительное расследование.

Первые годы нового тысячелетия с очевидностью свидетельствуют о сохранении довольно серьезных деструктивных процессов, происходящих в мировой цивилизации, где Россия, с ее перманентными государственно-правовыми экспериментами и вековыми противоречиями, столкнется с проблемой определения оптимальных путей дальнейшего развития. Поиск русской *национальной идеи* должен, наконец, опереться на эволюционный путь развития государства и общества при четких ориентирах поступательного движения, в основе которого следует определить преимущественно юридические средства реформирования отношений в социуме. В связи с этим особое значение приобретает проводимая в стране судебно-правовая реформа, которая позволила оценить аксиологию задуманного, но ожидаемых результатов пока не дала, в том числе по причине допущенных стратегических и тактических ошибок. Необходимо признать, что многие ее направления ограничились лишь накоплением нормативного материала, «техническим», не всегда взвешенным преобразованием отдельных государственно-правовых институтов по аналогу западных образцов, что не добавило доверия населения к проводимым реформам и лишь обострило проблему правового нигилизма.

Преступность как объективный критерий современной ситуации в стране в ее транснациональном и национальном проявлении становится главной угрозой современности (борьба с ней небеспопечно названа «третьей мировой войной»). В силу

этого позитивные изменения в любой сфере государственной и общественной жизни требуют, прежде всего, минимизации последствий влияния растущего криминала. Реформирование уголовной юстиции во многом приобретает в связи с этим политический характер и требует преобразований во всех сферах социально-политического контроля преступности.

Ослабление данной государственной функции связано как с низким уровнем целедостижения существующей правоохранительной системы, в том числе – органов, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам, реальные возможности которых не адекватны масштабам современной криминальной угрозы именно по причине серьезных недостатков их функционально-правового построения, так и с активной, недостаточно продуманной либерализацией и несовершенством действующего законодательства. Данные обстоятельства стимулировали развитие в последние годы проблемы конкуренции эффективности национального уголовного судопроизводства и необходимости обеспечения процессуальных гарантий его участников.

Необходимо также признать, что уголовно-процессуальная политика Российской Федерации последних лет наряду с шагами, серьезно корректирующими «идеологию» российского уголовного судопроизводства (реальное привнесение в него идей разделения властей, состязательности и презумпции невиновности, усиление роли суда на всех этапах производства, приоритет личностных ценностей и т.п.), дала толчок для модернизации некоторых организационных и правовых конструкций, в частности, определяющих строй и порядок досудебного, предварительного производства по уголовным делам. Вместе с тем достаточно очевидно, что обновленное уголовно-процессуальное законодательство подвинуло к соответствию с международными стандартами, в первую очередь, судебные стадии, по сути, кардинально не изменив «старый режим» предварительного производства по уголовным делам и, таким образом, тенденция отставания реформирования досудебного производства от решения *судостроительных* и *судопроизводственных* вопросов продолжает сохраняться. Как результат, современное состояние досудебного производства не позволяет оптимально решать поставленные перед ним задачи, что свидетельствует о крайней необходимости его оптимизации.

История свидетельствует, что наиболее существенные изменения в институтах досудебного производства обычно происходили в русле широкомасштабных судебных реформ, которые сами при этом органично вписывались в исторические, экономические, политические и нравственно-самобытные процессы жизнесуществования России, являясь при этом следствием глобальных исторических процессов, зачастую предшествующих смене общественно-экономических формаций. При этом наибольший эффект проведения государственно-правовых реформ в России достигался в том случае, когда они проводились в комплексе, с учетом опыта прошлого, а также интересов всех правовых сфер и институтов.

Вместе с тем для построения полноценной концепции уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России необходимо добиться *диалектического единства двух ее составляющих*: оптимизации процедур и оптимизации функционально-правового построения, что может (и скорее, должно) стать методологической программой определения путей совершенствования данной фазы отечественного уголовного процесса.

Как представляется, процессуальная наука пока не может выйти на стройную конструкцию досудебного производства, как нет целостного представления по указанным вопросам у разработчиков УПК и практических работников следственного аппарата страны. Подобное стало возможным в условиях отсутствия у государства и процессуальной науки достаточно выверенной *концепции процедурного и организационно-правового (функционального) построения уголовного досудебного производства*.

Основными источниками развития негативных тенденций, снижающих аксиологическое значение уголовного досудебного производства и одновременно выступающих причинами и побуждающими факторами для его реформирования, как представляется, выступают:

– отсутствие достаточно выверенной концепции модельного построения и совершенствования уголовного досудебного производства;

– дисгармония развертывания судебно-правовой реформы в России, в результате которой досудебное производство в своем правовом развитии отстает от преобразования других институтов уголовного судопроизводства;

– преобладание *экстенсивного* пути совершенствования деятельности органов досудебного производства;

– одностороннее укрепление независимости суда при одновременном игнорировании «полной ведомственной подчиненности» органов предварительного следствия, сохраняющей открытым канал воздействия на судебные решения через доступного для постороннего вмешательства и влияния следователя;

– историческое обезличивание процессуальной фигуры следователя при нарастании тенденции дальнейшего падения авторитета и престижности следственной профессии;

– отставание организационно-правового обеспечения реализации нового законодательства при высокой затратности правоприменения;

– устойчивость правового нигилизма, выражающегося в наличии у должностных лиц и граждан установки на достижение социально значимых результатов при предельно минимальном использовании правовых средств в практической правоприменительной деятельности;

– отсутствие взвешенного компромисса между научным сообществом и государством и, как следствие, недостаточной востребованностью законодателем предложенных в последние годы теоретических наработок по направлениям совершенствования уголовного судопроизводства.

Необходимость в предварительном (*prima facie*) исследовании обстоятельств совершенного преступления присутствует в любом уголовном процессе независимо от модели, однако для российского судопроизводства оно всегда имело (и сохраняет) особое значение: географические, демографические, социально-политические и экономические характеристики страны, и, как следствие, ограниченный доступ к правосудию препятствуют оперативности судебного разбирательства и требуют не только обязательной досудебной подготовки материалов (своеобразной «консервации» доказательств), но и их предварительного исследования «до суда и для суда», что и определяет аксиологическое значение и положение досудебного производства в системе российского уголовного процесса.

Как известно, этимологическая природа категории «досудебное производство» определяется делением всего уголовного процесса на отдельные этапы (производства), имеющие свое назначение и правовые средства достижения намеченной цели. Идею законодателя на уровне кодификации перейти от традиционной для России модели постинквизиционного уголовного процесса континентального типа к «модному» типу состязательного процесса нельзя признать практически (и даже теоретически) реализованной, так как в УПК РФ *de jure* выделено относительно самостоятельное предварительное производство, предшествующее и обеспечивающее судебное разбирательство, и собственно судебное (окончательное) производство, что свидетельствует о сохранении приверженности российского судопроизводства к *смешанному типу* своего построения.

В современном отечественном уголовном процессе предварительное производство реализуется через функцию *досудебного уголовного преследования*, которое возникает при фактическом ограничении прав лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные правоотношения в связи с установлением его причастности к совершенному преступлению, и заключается в осуществлении процессуальной подготовки и обоснованию материально-правовой стороны уголовного иска к данному субъекту. Дифференциация процессуальной формы досудебного уголовного преследования предполагает наличие двух процедурных режимов: более квалифицированного производства, именуемого в УПК РФ предварительным следствием, и сокращенного производства – дознания, что свидетельствует о формировании в российском уголовном процессе *прокурорского расследования* (уголовного преследования) по германскому типу. Так, реорганизация следственного аппарата органов прокуратуры и процедурные изменения, касаемые организации прокурорского надзора и ведомственного прокурорского контроля в сфере предварительного расследования в полной мере подтверждают данную тенденцию.

Очевидно, что отказ современного законодателя в рамках УПК РФ от досудебного *исследования* обстоятельств совершенного преступления в пользу уголовного *преследования* (прокурорского дознания) повлечет за собой снижение качества досудебного производства, а это, при значительном повышении требований законодателя к стандартам доказывания (особенно при разрешении дела в суде с участием присяжных заседателей), может привести к определенному «дисбалансу» всего уголовного судопроизводства. Перерождение предварительного следствия в «прокурорское дознание», а процессуально самостоятельного следователя в зависимого от прокурора «ведомственного дознавателя» (т.е. следователя – только по наименованию) явилось результатом исторического игнорирования правовой природы и предназначения предварительного следствия – предварительного, т.е. досудебного исследования обстоятельств совершенного преступления (чтобы создать в России крепкую *судебную власть* нельзя ликвидировать *власть следственную*)¹.

При этом следует учитывать, что современное зарубежное уголовное досудебное производство, не зависимо от типологии, эволюционирует под влиянием тенденции взвешенного утверждения в нем публичных (розыскных) начал, что выражается в повышении роли и эффективности функционирования органов исполнительной власти (чаще всего полиции) в доследственном и сокращенном производстве через увеличение удельного веса действий, проводимых полицией по собственной инициативе и самостоятельно, при стремлении сделать расследование менее формальным и постепенном стирании жестких границ между сутобо процессуальными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Это соответствует русской дореволюционной модели доследственного производства и может использоваться для его современного и перспективного развития.

В связи с этим (в качестве путей реформирования) уголовное судопроизводство как часть (подсистему) правоохранительной системы государства, необходимо строить на основе *принципа разделения властей*, не допускающего возложения на один орган различных по характеру функций, а также осуществления одной функции органами различных ветвей власти, что должно найти отражение в разграничении уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, расследования и разрешения дела по существу, и, в свою очередь, при учете отдельных концептуальных положений, обеспечит взвешенную инкорпорацию состязательности в уголовное досудебное производство.

Досудебное производство, как единая (унитарная) фаза уголовного процесса, предшествующая судебному разрешению уголовного дела, должно начинаться осуществляемым в рамках уголовно-процессуального и административного (оперативно-розыскного) законодательства *полицейским дознанием* по проверке заявлений и сообщений о противоправных действиях и установлению оснований для начала производства предварительного расследования по уголовному делу², а также по раскрытию преступления, и: либо передачи дела следователю для производства предварительного следствия либо направлении дела в суд после проведения *сокращенного (ускоренного) расследования*, осуществляемого органами дознания.

Основным критерием выбора режима предварительного расследования должно выступать *возможность разрешения* спора между сторонами при рассмотрении уголовного иска с исследованием обстоятельств дела или без такового: в первом случае обязательно производство предварительного следствия (с элементами состязательности), во втором – допускается сокращенное производство. При этом дифференциация должна предполагать *гибкость выбора* режимов досудебного производства исходя из особенностей уголовного дела (например, по ходатайству сторон перед судом) при дальнейшем законодательном поиске *альтернатив* уголовному преследованию.

Как представляется, в этой схеме состязательные начала в досудебное производство допускаются при осуществлении предварительного следствия, но в разумных пределах ограничиваются в ходе доследственного и сокращенного производства по

¹ См.: Деришев Ю.В. Предварительное следствие: исследование или преследование // Рос. юстиция. – 2002. – № 10. – С.34-35.

² См. об этом: Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – «реликт социалистической законности» // Рос. юстиция. – 2003. – № 8. – С.34-36.

уголовным делам, не требующим предварительного следствия. При этом субъект уголовного процесса, производящий предварительное следствие – *судебный следователь*, полностью освобождается от обвинительных функций при строгой нормативной регламентации его процессуальной независимости от органов, осуществляющих прокурорский надзор и оперативно-розыскную деятельность. Прокурор в досудебном производстве должен выступать в *разных ролях*: при производстве предварительного следствия – исключительно как сторона обвинения, лишённая надзорных полномочий; в доследственном и сокращённом производствах – как процессуальный руководитель уголовного преследования, совмещающий функцию обвинения и надзора за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Разделение функций разрешения уголовного дела и осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью производства предварительного следствия, а также минимизация возможного «ведомственного» судебного влияния обеспечивается введением относительно автономной от суда фигуры *следственного судьи* (при судебном-следственных палатах или судебном-следственных коллегиях), выполняющего сформировавшуюся в отечественном уголовном процессе самостоятельную судебную-контрольную функцию³.

Данные предложения процедурного и организационно-функционального преобразования уголовного досудебного производства должны, в свою очередь, опираться на ряд выводов концептуального характера.

Во-первых, по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе *следственная власть* является производной от власти судебной при полном *тождестве их назначения*, в связи с чем предварительное следствие есть *функция юстиции*, а следователь, соответственно, должен рассматриваться как ее представитель и находиться *при суде*. Любое иное построение следственного аппарата, так или иначе, ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов ведомств, которые он представляет. Принадлежность к судебной власти, а также ее отделение от власти административной обеспечивает не только процессуальную самостоятельность следователя, но является подлинной предпосылкой вынесения законного, объективного и справедливого приговора.

Во-вторых, возвращение в Россию института судебного следователя носит не только юридический, но и идеологический, социально-политический и организационно-технический характер в плане реформирования уголовного досудебного производства. В связи с этим следственный аппарат должен быть организован при судебном ведомстве, в качестве самостоятельного Следственного департамента Верховного Суда Российской Федерации и Следственных департаментов общих судов субъектов федерации.

В-третьих, вопрос о процессуальной независимости следователя должен оставаться актуальным для всех органов, осуществляющих уголовный процесс, и на всех его стадиях. Только *его непрерывность и преемственность* может исключить такое положение, когда зависимость следователя от посторонних влияний в силу ряда причин создает условия для вынесения судом неправомерного приговора. В связи с этим необходимо законодательно (предпочтительнее – на конституционном уровне) закрепить самостоятельность и автономность функции расследования (направления) уголовных дел, наряду с функциями обвинения (уголовного преследования), защиты и рассмотрения дела по существу, а также в качестве принципов досудебного производства – требования о независимости, несменяемости и неприкосновенности следователей. Более детальная регламентация правового положения следователя должна содержаться в Федеральном законе «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации».

Еще одно наблюдение методологического плана. Представляя несколько упрощенно эволюцию отечественной уголовно-процессуальной науки, можно констатировать наличие периодической и в разной степени масштабной реконструкции или «точечного», а порой лишь фасадного ремонта уже ранее возведенного человеческого

³ Подробнее об этом см.: Деришев Ю.В. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С.79-81.

цивилизацией здания правосудия. Необходимо признать, что даже радикальные социальные и иные революции *основные устои* уголовного судопроизводства *в силу высокой степени его консервативности* кардинально изменить не смогли.

По наблюдениям ученых *кумулятивистскому* (накопительному) подходу в развитии и реконструкции науки противопоставляется, как более современный и приближенный к реальности, *антикумулятивистский* метод историко-научных исследований, где теоретические концепции постоянно выдвигаются и опровергаются, конкурируют между собой⁴. В истории науки наступает «перерыв постепенности» или научная революция, которая влечет за собой и изменение парадигмы знаний и представлений об объекте исследования.

Можно признать, что введение последнего отечественного УПК и есть попытка сменить на уровне кодификации парадигму уголовного судопроизводства и перейти от традиционной для России модели постинквизиционного смешанного уголовного процесса континентального типа к «ультрасовременному варианту» состязательного процесса⁵. Однако, парадигма возникает на основе допарадигмального накопления знаний при достижении консенсуса между учеными – когда все с ней согласны и исходят из общепринятых положений, принимая их как данность⁶. Подобного, как представляется, российское научное сообщество в данный момент не имеет. На момент принятия УПК РФ сложилась парадоксальная ситуация – процессуальная наука «отстала» от убежавшего вперед, очень радикально настроенного законодателя!

По мнению ученых, с компаративистской позиции «многострадальный» УПК РФ по степени радикальности и амбициозности замысла сопоставим, по крайней мере, в рамках европейских реформ разве что с нашедшей итальянской кодификацией 80-х гг. XX в.⁷ Вместе с тем, замыслы законодателя не были достаточно выверены в тактическом и тем более в стратегическом плане. На отсутствие четкой концепции уголовно-процессуальной реформы указывают не только быстро наступившие контрреформы, но в большей степени непосредственное содержание законодательных корректив. Если не точкой в этом процессе, то достаточно серьезным аргументом в пользу данных выводов явились июньские (2007 г.) изменения отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Согласно Федеральным законам от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ и 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ в УПК РФ и другие федеральные законы внесены существенные (кардинальные, «контрреформенные») коррективы, серьезно изменившие организацию предварительного следствия и положение прокурора в досудебном производстве, фактически возвращающие дознание, приближающееся по процессуальному режиму к предварительному следствию. Уже сам факт реорганизации расследовательского аппарата Российской Федерации после принятия процедурного законодательства (а не в унисон с этими процессами) свидетельствует об отсутствии единого представления реформаторов о концепции досудебного производства по уголовным делам. Об этом же свидетельствует изменение режима возбуждения уголовного дела, «отмена» формализованных бланков процессуальных документов и другие изменения УПК РФ.

Как представляется, современная уголовно-процессуальная политика России должна строиться на основе выработанной в рамках общей юридической доктрины *собственной теоретической концепции*, которая в качестве обязательных базовых положений должна отразить: адекватную оценку сложившейся в современном российском обществе социальной, политической, экономической, духовной и правовой ситуации; реальные возможности права адекватно противостоять преступности; ключевые проблемы и противоречия развития социума и государства; стратегические и тактические цели и ориентиры дальнейшего развития законодательства; наиболее эффективные (оптимальные) средства и методы их достижения.

⁴ «Если наука строит свое здание, то это кунсткамера ошибок в той же степени, что и музей достижений». Мартишина Н.И. Введение в гносеологию. – Омск, 1997. – С.62.

⁵ Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51-54.

⁶ См., напр. Кун Т. Структура научных революций. Перевод с англ. – М., 1975.

⁷ Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51-54.

При этом оптимальный выбор наилучших вариантов построения системы досудебного производства и придание ему национального характера требует от законодателя учета не только интересов государства и общества, но также и господствующей в России *антропологической модели*, объединяющей менталитет народа и исторически сформировавшиеся представления социума о механизме сдерживания преступности: необходим учет отечественного и зарубежного, исторического и современного опыта функционирования данного правового образования при формировании «защитного пояса» от проникновения в российское уголовное судопроизводство несвойственных ему функционально-правовых форм и механизмов.

В заключении необходимо отметить два обстоятельства:

– концептуально дальнейшую эволюцию российского уголовного процесса следует связывать с постепенным переходом на рельсы *постсостязательной (публично-состязательной смешанной) модели* судопроизводства, где состязательные начала активно допускаются и при производстве предварительного следствия (при полном их сохранении в судебном производстве) в той степени, в которой они не позволят «заблокировать» назначение уголовного процесса – установление юридической истины по уголовному делу.

– объективным критерием демократичности и гуманности любого существующего политического режима, а с ним и господствующей модели уголовного процесса, является достижение усилиями государства *ювелирной гармонизации* создаваемого эффективного судопроизводства и неукоснительного обеспечения правовых гарантий и законные интересы лиц, в него вовлекаемых.

Список литературы

1. Деришев Ю.В. Предварительное следствие: исследование или преследование // Рос. юстиция. – 2002. – № 10
2. Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – «реликт социалистической законности» // Рос. юстиция. – 2003. – № 8.
3. Деришев Ю.В. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. – 2004. – № 3.
4. Мартишина Н.И. Введение в гносеологию. – Омск, 1997.
5. Головки Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5.
6. Кун Т. Структура научных революций. Перевод с англ. – М., 1975.

ACTUAL PROBLEMS OF HARMONISATION OF THE CRIMINAL PRE-JUDICIAL MANUFACTURE OF RUSSIA

J.V. DERISHEV

The Omsk legal institute

*e-mail: deri-
shev.omsk@mail.ru*

In article problems of harmonization of criminal pre-judicial manufacture in Russia are investigated. Problems of reforming of law-enforcement system, including – the bodies which are carrying out pre-judicial manufacture on criminal cases are mentioned. Necessity of construction of complete system of pre-judicial manufacture is proved.

Key words: criminal trial, judicial stages, pre-judicial manufacture, preliminary investigation.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Г.Ю. ЛЕСНИКОВ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

В статье прослеживается эволюция представлений об уголовной политике, подчёркивается её полинормативная основа. Кроме того, отмечается необходимость комплексного обеспечения уголовной политики, важность различных норм внеправового характера, составляющих основу морально-нравственного противодействия преступности. Уголовно-правовой запрет рассматривается в качестве крайней и временной меры нормативного регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное право, уголовно-правовой запрет.

В отечественной науке проблемам уголовной политики уделялось значительное внимание, так как она всегда отражала очередной политический этап в развитии Российского государства. Причем интерес к уголовной политике то усиливался, то ослабевал в зависимости от содержания политических процессов, проходивших в обществе.

Исторически представления об уголовной политике возникли в ситуации, когда догма уголовного права, построенная по системе гражданского права (основу которого составляло римское право), оказалась несостоятельной для освещения существовавшей тогда преступности, ее причин и мер борьбы с нею.

Помимо организации борьбы с преступностью на уголовную политику в тот момент возлагали и те задачи, которые сейчас выполняет современная криминология. Периоды повышенного интереса к уголовной политике чередовались с периодами ее полного неприятия. В дальнейшем теория уголовного права так и продолжала сохранять свое значение общетеоретической и методологической базы дисциплин уголовно-правового цикла. Для уголовного права современной России методологически важен тезис о том, что нормы уголовного права, как и все законодательство о борьбе с преступностью, призваны отражать определенные уголовно-политические требования.

Современная уголовная политика существенно шире по содержанию, чем уголовно-правовая политика. По отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслям права уголовная политика выполняет методологическую роль. На практике несоблюдение этого тезиса привело к разновременному и рассогласованному принятию основных кодифицированных актов антикриминального направления (например, УК и УПК РФ), а бессистемное последующее изменение уголовного законодательства, не сопровождающееся ресурсным обеспечением (организационным и финансовым) продолжает оказывать негативное влияние на деятельность всей правоохранительной системы России.

Актуальность современных исследований уголовной политики обусловлена поисками оптимальных путей предупреждения и борьбы с преступностью не только в рамках уголовного законодательства (материального, процессуального и исполнительного). По нашему мнению уголовная политика имеет полинормативную основу. Как часть внутригосударственной политики она должна строиться и осуществляться на основе политических директив, нормах права, морали (нравственности), религиозных нормах, обычаях, а также корпоративных нормах. Определяющими именно для российской уголовной политики должны быть базовые нормативные ценности, включающие российские традиции, обычаи, нормы морали, религии. В этом залог ее национальной адаптации и как следствие – эффективности. Кроме того, следует учитывать, что в демократическом государстве, несмотря на провозглашение приоритета личности, предполагается определенное самоограничение прав и свобод личности на добровольной основе в целях ее же безопасности, которую обеспечивает государство совместно с другими элементами гражданского общества. Вместе с тем, оно не должно носить характера тотального контроля с постепенной девальвацией уже достигнутых демократических завоеваний.

Отмечая необходимость комплексного обеспечения уголовной политики, необходимо подчеркнуть важность различных норм внеправового характера, составляющих основу морально-нравственного противодействия преступности. Их значение особенно заметно на этапе предупреждения преступности и в процессе ресоциализации преступников. То, что в России практически отсутствуют в системном виде указанные мероприятия, не свидетельствует об их неэффективности и нецелесообразности. Характеризуя теорию и практику современной уголовной политики необходимо отметить, что правовые (в данном случае уголовно-правовые) и организационные меры должны основываться на государственной антикриминальной идеологии, и быть вынужденными мерами, в случае, когда иные меры социального регулирования не смогли повлиять на социально опасное явление.

Уголовно-правовой запрет рассматривается в качестве крайней и временной меры нормативного регулирования общественных отношений. Срок его действия – от криминализации до декриминализации. Безусловно, этот принцип не может быть, одинаково применим ко всем нормам, входящим в систему уголовно-правовых запретов, однако концептуально к этому следует стремиться.

Для эффективного действия запрета предлагается создание среднесрочных программ по каждому виду общественно опасного деяния. Эти программы должны содержать комплекс внеправовых мер, направленных на формирование негативного отношения к общественно опасному поведению и ставить цель возможной декриминализации в будущем. Таковыми могут быть меры, направленные на повышение уровня культуры, правосознания, создание сводов корпоративных норм (например, Кодекс предпринимателя), деятельность религиозных конфессий, формирование общественного мнения о работе органов уголовной юстиции с помощью средств массовой информации и т.д.

Указанные выше среднесрочные программы «существования конкретного уголовно-правового запрета» должны также включать: разработку мер, направленных на формирование сознательного негативного отношения к криминализованному социальному явлению; включение в различные своды корпоративных правил норм, связанных с неприятием и осуждением соответствующего поведения; проведение научных исследований по изучению криминализованного деяния с соответствующими предложениями по его декриминализации в перспективе; существенное повышение уровня раскрываемости преступлений, неотвратимости ответственности, показывающих всю невыгодность преступного поведения.

По мере изменения ситуации в России в лучшую сторону степень криминализации в обществе будет снижаться, а степень декриминализации – значительно вырастет. В настоящее время именно объем и содержание криминализации общественно опасных деяний определяют характер тех уголовно-политических стратегий, которые наиболее эффективны с учетом существующей в стране преступности. Что же касается внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, они, как и прежде, могут быть оправданы только при наличии трех условий: 1) выявлена социальная потребность в этих изменениях (например, обнаруживавшихся трудностей борьбы с новыми видами опасных деяний); 2) дана экспертная оценка возможности решить обнаруженную проблемную ситуацию правовыми средствами (избыточные правовые запреты или необоснованная их отмена дискредитируют политику борьбы с преступностью, порождают правовой нигилизм населения); 3) установлена невозможность адекватного решения проблемной ситуации в рамках действующего права¹. Но даже соблюдение названных трех условий еще не гарантирует эффективности правового регулирования борьбы с преступностью.

Тенденция на постепенное свертывание уголовно-правовой репрессии, как стратегическая установка, уже сейчас требует расширения и усиления мер профилактики преступлений.

¹ Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. – М., 1995. – с. 32

Современная ситуация в уголовном законодательстве свидетельствует о наличии реальной возможности формулирования качественных уголовно-правовых норм в ответ на появление массовидных социальных явлений, нуждающихся именно в уголовно-правовом регулировании. Однако процессу законотворчества объективно необходима качественная прогностическая информация, сбор и формирование которой в нынешних условиях можно обеспечить, причем в различных объемах и под конкретные задачи. Несомненно, принятию законодателем решения об установлении или исключении уголовно-правового запрета должен предшествовать этап прогнозирования последствий криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, то есть последствий целенаправленного дифференцированного воздействия на преступность в рамках осуществляемой уголовной политики и связанных с организацией деятельности органов уголовной юстиции². Именно уголовно-правовое прогнозирование позволяет определить приоритеты уголовной политики, сформулировать задачи как текущие, так и перспективные, выделить из них главные, способствовать разработке механизма последовательного осуществления выработанных решений.

На современном этапе уголовная политика не имеет единого нормативного документа, а представляет собой систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по предупреждению и борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Несмотря на провозглашение приоритета интересов личности в правовом демократическом государстве, степень ее правовой защищенности в Российской Федерации, по-прежнему находится на весьма низком уровне. Заметно снижается уровень участия населения в противодействии преступности в результате ненадлежащего выполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами.

Оценки современной уголовно-правовой ситуации в стране и ее влияние на формирование уголовной политики Российской Федерации свидетельствует о том, что ряд традиционных статистических показателей недостаточно достоверно отражает реальную степень напряженности оперативной обстановки. Это касается в первую очередь регистрируемого количества краж, преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также показателей, отражающих уровень экономической преступности, наркопреступности, организованной преступности и коррупции. В связи с постоянно вносимыми изменениями в действующее законодательство и структурными преобразованиями в правоохранительной системе тенденции условности статистических показателей преступности продолжают усиливаться. Это требует иных методов оценки состояния преступности и уровня борьбы с ней.

Современное общественное мнение, оценивает криминальную ситуацию в стране как достаточно напряженную – фиксируется высокий уровень криминальной угрозы, как в отношении личности, так и в отношении имущества граждан. При этом, несмотря на данные, официально регистрируемой преступности, социологические опросы указывают на то, что уровень криминальных угроз, как для личности, так и для собственности, а в ряде случаев и для общественной и национальной безопасности, продолжает оставаться высоким. Одним из факторов, создающих повышенное состояние тревожности у населения отмечается типичное для регионов России явление информационной напряженности, т.е. создаваемую средствами массовой информации гиперболизированную картину преступности в общественном сознании. Люди страдают не столько от реального посягательства на их права, сколько от чрезмерного страха стать жертвой преступления. По мнению российского ученого А. Колесникова, «если доля населения, пораженная синдромом запредельной тревоги, переходит 70-75% рубеж, то наступает массовая демотивация активности по большинству ее векторов»³. Такая ситуация объективно приводит к ожиданию населения адекватного усиления уголовной репрессии со стороны государства. Однако современную уголовную

² Бородин С.В. Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. – М., 1994. – с.26

³ Инф. сб. «Безопасность». 2004. № 9-10. – с.24

политику России можно реально охарактеризовать как радикально-либеральную, когда «интенсивность противодействия преступности явно не соответствует масштабам и степени общественной опасности криминальных угроз, принявших глобальный характер»⁴.

В этих условиях уголовное законодательство, являясь основой этого противодействия, нуждается в серьезной коррекции с учетом отражения в нем изменившихся уголовно-политических реалий

Список литературы

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006.
2. Бородин С.В. Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. – М., 1994.
3. Инф. сб. «Безопасность». 2004. № 9-10.
4. Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. – М., 1995.

PROBLEMS OF A PARITY OF A CRIMINAL POLICY AND CRIMINAL LAW

G.J. LESNIKOV

*The All-Russia scientific
research institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

In article evolution of representations about the criminal policy is traced, its poly-normative base is underlined. Necessity of complex maintenance of a criminal policy, importance of various norms under law character, making a basis of moral counteraction of criminality is besides, marked. The Criminally-legal interdiction is considered as extreme and a provisional measure of standard regulation of public relations.

Key words: the criminal policy, criminal law, a criminally-legal interdiction.

⁴ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – с. 63

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.Л. НУДЕЛЬ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: nu-
del@bsu.edu.ru*

В статье проводится ретроспективный и сравнительно-правовой анализ научных систематизаций преступлений в дореволюционный период и место в них посягательств на отношения в сфере экономической деятельности, рассматриваются наиболее авторитетные классификации ведущих российских ученых-юристов.

Ключевые слова: уголовно-правовые нормы, преступления в сфере экономической деятельности, уголовный закон, историческое развитие.

Несколько лет тому назад мы стали свидетелями начала кардинальных изменений во всех сферах жизни Российского общества. В экономике страны реальностью стал способ организации производства материальных благ, движения товаров и оказания услуг на основе частной собственности, конкуренции, предпринимательской инициативы. Отношения, присущие государствам с рыночной экономикой, юридически были провозглашены в качестве составляющей основ конституционного строя¹. Преобразования в экономической и политической сферах общества сопровождались активной законотворческой деятельностью практически во всех отраслях права. Не явилось исключением уголовное право.

С 1 января 1996 года был введен в действие Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором содержится гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Появление этой главы поставило под охрану новые отношения, сложившиеся в сфере экономической деятельности.

В уголовно-правовой литературе акцентируется внимание на проблемах развития, применения и совершенствования законодательства, направленного на защиту отношений в сфере экономической деятельности.

Не умаляя значения работ посвященных современному уголовному законодательству, хотелось бы заметить, что уяснение содержания уголовно-правовых норм в сфере экономической деятельности, их места в системе уголовного законодательства останется неполным без изучения имеющегося исторического наследия в области права. Отмечая роль исторического метода исследования, который будет здесь использован, уместно будет напомнить слова Л. Станиславского; «Неоспоримо, что законоведению, которого исходною точкою была история, будет всегда иметь за собою одно важное преимущество – основательность»².

За отправную точку историко-правовой части исследования в рамках настоящего параграфа целесообразно взяты пореформенные 60-е годы XIX столетия, характерной особенностью которых было активное развитие капитализма в России.

В памятниках уголовного права не было единой группы преступлений, которые объединены в действующем Уголовном кодексе под названием «преступления в сфере экономической деятельности». Тем не менее, анализ уголовного законодательства XIX столетия позволяет с уверенностью сказать, что уже тогда в обществе существовало осознание необходимости криминализации деяний, напоминающих преступления гл. 22 действующего уголовного закона.

Прежде чем приступить к анализу научных трактовок ученых прошлого о месте аналогов деяний, которые официально именуется преступлениями в сфере экономической деятельности, а в научных работах иногда экономическими преступлениями³,

¹ Конституции РФ // Российская газета. 1993. №237

² Станиславский А. Исследование начал имущественных отношений в древнейших памятниках русского законодательства. – Казань, 1855. С. 1, 25.

³ Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999.

остановимся на значении, которое уже тогда придавалось систематизации преступлений. «Имея своим предметом отдельные преступные деяния, – писал И.Я. Фойницкий, – различные как по важности их для общежития, так и по внутренней их природе, особенная часть обнимает огромное их число. Правильное распределение их необходимо как для законодателя, в видах облегчения судебной практике возможно более верного применения уголовного закона, так и для науки права, в видах уразумения истинного существа преступных деяний. Система распределения их называется классификацией преступных деяний»⁴.

подавляющее большинство авторов в основу построения научной системы преступлений берет именно объект преступного посягательства, ибо, как метко замечает Э.Л. Немировский, «классификация по объекту представляет интерес для особенной части»⁵.

Без анализа системы преступлений не представляется возможным определить место деяния, которые с точки зрения современного законодателя относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности. Научные системы формировались и эволюционировали под влиянием господствовавших в обществе идей теории государства и права, философии права и других наук мировоззренческого толка, практических шагов в законотворчестве.

Простейшие классификации преступлений встречаются в научной литературе начала XIX столетия. К примеру, И.М. Наумов⁶ делил все преступления на две группы – против права гражданского и права уголовного, относя к первым, деяния против имущества и имущественных прав. Более совершенную систему уголовных преступлений и законов о преступлениях мы встречаем у М.М. Сперанского, делящего их на две большие группы. «Сколь ни многосложны, кажутся деяния, – писал М.М. Сперанский, – но все они относятся к государству вообще, или к частным лицам в особенности. Из сего двоякого отношения деяний возникают два главных разделения законов. Законы, устанавливающие отношения частного человека ко всему государству, называются законами права публичного или политическими. Законы, которыми учреждаются отношения частных лиц между собою, именуется законами гражданскими»⁷. В работах по русскому уголовному праву подразделение преступлений на две группы: против частной сферы и против государства⁸ встречается до начала второй половины XIX столетия.

Нельзя не упомянуть, что в определенной мере развитию взглядов на систему преступлений способствовало принятие во Франции Code penal 1810 года, который разделил преступления и проступки на публичные (*contre la chose publique*) и частные (*contre les particuliers*). К первой группе преступлений были отнесены не только посягательства против государства (гл. 1), но и против конституции (гл. 2), а также против общественного спокойствия (гл. 3). В последнюю группу вошли и такие, как: подлоги, нищенство, бродяжничество, недозволенное сообщество и проступки печати.

Чрезмерно широкий объем, придававшийся понятию «публичное преступление», включение в эту группу деяний, посягавших на интересы государства, а также личности, обусловил выделение в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны «общественных благ». Анализируя преступления против общества. Л.С. Белогриц-Котляревский писал: «Посягательства этого рода отличаются от государственных преступлений не только тем, что объектом их является не подвижной, крайне изменчивый политический интерес, а более или менее постоянный, непреходящий интерес всего общества, независимый от той или другой, формы политического

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. С.2, 408.

⁵ Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. – Одесса, 1917. С.168

⁶ См.: Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. – СПб., 1813. С.14.

⁷ Виндвер М.М. К вопросу об источниках 10 тома Свода законов (записка Сперанского). – СПб., 1897. С.5.

⁸ Солнцев Г. Российское уголовное право. – Казань, 1820. С. 74

уклада, но еще и тем, что непосредственно здесь подвергается нападению общество, а не государство. Посягательства на эти интересы непосредственно колеблет основы всего или, вернее, всякого общежития»⁹.

В более поздних работах русских криминалистов¹⁰ все чаще встречается деление преступлений на три большие группы: против благ отдельного лица, против общества и против государства, которое становится общепринятым. В основании построения системы Особенной части русского уголовного права лежала идея о том, что все разнообразные отношения человека к человеку распадаются на три главные сферы: частногражданскую, общественную, и государственную. Следовательно, и преступные деяния, писал И.Я. Фойницкий, «направляясь против отношений одной из этих сфер, распадаются на три группы, которым усвоены названия посягательств противу отдельного лица или частных благ, против общества и против государства»¹¹. Огромное количество составов преступлений, содержащихся в уголовных законах Российской империи, не могло четко уложиться в рамках предложенной схемы. Подобная ситуация обусловила потребность выделения в каждой из названных сфер трехчленной классификации более мелких рубрик. Базисом для подобного деления выступали отличия в объектах преступных посягательств. Отталкиваясь от таких различий, И.Я. Фойницкий делил все преступления против частной сферы «на посягательства против благ личности, каковы жизнь, здоровье, честь, свобода, и на посягательства противу имущества»¹². Наибольшую сложность представляло построение научной классификации преступлений против общества. Проблема заключалась в большом количестве посягательств, относившихся доктриной в разряд преступлений против общества, в силу разнохарактерности они способны были причинять вред различным отношениям в рамках, трехчленной классификации. Анализ общей концепции построения научной системы Особенной части уголовного права, основу которой составила трехчленная классификация главных сфер жизни российского общества, заставляет сделать вывод о том, что общего понятия экономических преступлений не существовало. Деяния, которые отнесены действующим уголовным законодательством к названной группе преступлений, были распределены внутри законодательной (официальной) системы преступлений.

В целях более полной характеристики объектов преступных посягательств, совершаемых в сфере экономической деятельности, и наиболее корректного определения места их в системе преступлений Особенной части обратимся к анализу каждой из основных сфер уголовно-правовой охраны (частных благ, общества и государства).

Представители науки уголовного права в XIX столетии под государством понимали не только институты власти. В государстве, писал П.Д. Калмыков, «различают; 1) главу его, 2) органическое тело государства и 3) собственность государства»¹³. В группе посягательств, которые названы преступлениями против государственной собственности, находились деяния, названные нами «экономическими» преступлениями. В классификации П.Д. Калмыкова¹⁴ они получили общее название преступлений против собственности государства. Сюда были отнесены посягательства против казенного имущества; монетного права казны; прав казны на различные доходы (с гербовой бу-

⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. – Киев, 1903. С.460, 485, 562.

¹⁰ Есипов В.В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и общества. – М., 1912. С.20-21.

¹¹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. – СПб., 1866. – Ключевые слова: уголовно-правовые нормы, преступления в сфере экономической деятельности, уголовный закон, историческое развитие. С. 447, 519.

¹² Фойницкий И.Я. Курс уголовного права Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. С.2, 408.

¹³ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. – СПб., 1866. С.447, 519.

¹⁴ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. – СПб., 1866. С. 447, 519.

маги, горной промышленности, соляного, питейного, табачного и таможенного промыслов). Последняя группа преступлений, по мнению Калмыкова, не подлежала дальнейшей научной классификации в силу огромного множества деяний и их разнообразности. Все преступления против собственности государства помещались в разд. 7 «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» Уложения о наказаниях 1845 г. (в редакции 1885 г). Преступлениями против казенного имущества автор называл предусмотренные ст. 548–555 Уложения. В их числе – охота и ловля, в запрещенное время и в запрещенном месте, другие виды «самовольного пользования». Объектом этих преступлений считалось право владения и пользования казны своим имуществом. Второй класс преступлений против собственности государства составляли посягательства против монетного права, а их объектом называлась обязанность не нарушать права казны на чеканку монеты и выпуск кредитных билетов. Объектом третьей группы посягательств являлась обязанность платить казне установленные таможенные пошлины и налоги.

Практически аналогичная система преступлений против собственности государства была предложена А. Лохвицким в его курсе русского Уголовного права. Количество посягательств, относимых ранее к «самовольному пользованию», включаемых в группу преступлений против казенного имущества, значительно сократилось. Причиной тому послужило включение в Уложение о наказаниях ст. 548, которая декларировала защиту казенной собственности с помощью уголовно-правовых норм, охраняющих частную собственность. Лишь наиболее опасные виды деяний, такие как разработка на казенной земле золота, серебра или платины, по-прежнему включаются в подгруппу «самовольное пользование». Меняется взгляд на фальшивомонетничество и его объект. Вредность подделки монеты автор видит уже не в нарушении права, принадлежащего государству, а в подрыве «общественного кредита»¹⁵. Такой же позиции придерживался в отношении таможенных нарушений и А. Лохвицкий. Другие же авторы все чаще стали включать названные преступления в группу «посягательств общественных».

Господствующая доктрина к посягательствам против частных благ относала обширную группу преступлений, носивших название имущественных. На характеристике научных воззрений об имущественных преступлениях следует остановиться более подробно, поскольку именно в среде этих посягательств возникает, развивается группа посягательств, интегрировавших впоследствии в «экономические преступления».

Понимание имущественных преступлений как посягательств на частную сферу связано с выделением «уголовной неправды» из «неправды гражданской». «Каждое неправильное действие по отношению к чужому имуществу, – пишет А. Станиславский, – считается теперь злодеянием, воровством, а виновный в том – татем или вором»¹⁶. Отнесение доктриной уголовного права имущественных преступлений к посягательствам на частную сферу не означало, однако, что вред этими преступлениями причинялся исключительно отдельным индивидам. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. составы имущественных посягательств содержались в пяти главах разд. 12 «О преступлениях и проступках против частных лиц». Кроме того, составы имущественных преступлений встречаются почти во всех разделах, например в разд. 5 «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

Первоначально доктрина имущественных преступлений исходила из понимания их как грубого нарушения субъективных прав граждан на вещи. Предметом таких посягательств выступало чужое движимое имущество в смысле физической вещи – *res, in corpore*. Сами посягательства получили общее название – «похищение». К числу признаков, характеризующих похищение, относились: изъятие виновным из владения другого лица чужого имущества; перенесение его в свое владение; наконец,

¹⁵ Лохвицкий А. Курс русского Уголовного права. – СПб., 1871. С.474.

¹⁶ Станиславский А. Исследование начал имущественных отношений в древнейших памятниках русского законодательства. – Казань, 1855. С. 1, 25

последствие такой деятельности – «ущерб на стороне потерпевшего и совпадающая с ним по предмету прибыль в имуществе виновного»¹⁷.

Развитие экономического оборота, составляющего основную движущую силу гражданского общества, значительно усложнило отношения по поводу имущества. Появились новые виды деяний, которые наносили имущественный вред, но не подпадали под понятие «похищения». То обстоятельство, что вред причинялся отношениям, складывающимся в сфере гражданского оборота, служило основанием расширения круга имущественных преступлений. Общее состояние уголовно-правовой охраны имущественной сферы, характерное не только для России XIX столетия, было точно подмечено немецким криминалистом Ф. Листом, который писал: «Обязательственные права пользуются ею лишь частично. Из вещных прав этой охраной пользуется собственность, но и то лишь против присвоения движимого имущества и повреждения имущества»¹⁸.

Со становлением гражданского оборота всё более усложняется объект правовой охраны имущественных преступлений. Наряду с правом собственности и имущественными правами, как-то: владения, распоряжения, пользования, а также обязательственными сюда начинают относить «имущество вообще».

Единого понимания «имущества вообще» в среде криминалистов конца XIX и начала XX столетий не было. На этот предмет основными были две точки зрения. Согласно первой, родоначальником которой являлся немецкий криминалист А. Меркель, под «имуществом вообще» понималась совокупность ценностей, находящихся у субъекта (экономическая теория имущества). В России эту точку зрения отстаивал К.П. Победоносцев, который предлагал «прибегнуть к отвлечению и, не останавливаясь на содержании права, соединенного с каждым отдельным предметом обладания, представить все имущество в виде отвлеченного количества»¹⁹. В последующем в соответствии с экономической теорией имущества под ним стали понимать «умопостижимую денежную массу»²⁰.

Сторонники второй точки зрения для выработки понятия «имущества вообще» использовали положения юридической теории имущества и определяли его «как совокупность ценностей, предоставленных правом, как совокупность принадлежащих лицу прав, имеющих меновую стоимость»²¹.

Среди русских правоведов, изучавших объект имущественных преступлений, получила распространение классификация имущественных посягательств, основу которой составляли две основные группы.

Первые были направлены против «материальной вещи» или «определенного предмета внешнего мира, являющегося объектом имущественных прав другого лица». Вторые направлялись против «имущества понимаемого, как право на имущество, совокупность имущественных благ, охватывающих собой как материальные вещи, так и те или иные права на имущество, а также имущественные выгоды»²².

В разъяснении правительствующего Сената имущество трактовалось весьма пространно – как «все сущее, входящее в сферу экономического оборота и правовых отношений»²³.

¹⁷ Проект уголовного уложения. Посягательства имущественные. Объяснения Редакционной комиссии. – СПб., 1887. С.184.

¹⁸ List F. *Lehituch des Dculschen Suafrechts*. 1921. S. 438.

¹⁹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. – СПб., 1896. С. 1-ая и след.

²⁰ Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. №5. С. 75.

²¹ Аносов И. Злоупотребление доверием. – М., 1915. С.33, 66.

²² Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. – М., 1928. С.6.

²³ Летник К.А., Бростерм А.И. Преступления, проступки и наказания по Уставу о Наказаниях. – М., 1912. С.126.

Расширение содержания понятия «имущество», за счет включения в его состав имущественной выгоды (имущественного интереса), в сочетании с отнесением деяний, посягающих на такое имущество, к частноправовой сфере способствовало отнесению новых преступлений к категории имущественных. Среди этих преступлений возросло количество посягательств, называемых современными исследователями преступлениями экономическими.

Необходимо сказать, что универсальной точки зрения по поводу системы имущественных преступлений не было. В широко известной работе И.Я. Фойницкого «Посягательства личные и имущественные»²⁴ была предложена следующая классификация имущественных посягательств: похищение чужого движимого имущества; присвоение чужого движимого имущества, завладение чужим недвижимым имуществом; повреждение имущества; наказуемая недобросовестность в отношениях по имуществу; посягательства против отвлеченной собственности; посягательства против отдельных частей собственности,

В первую группу преступлений с определенными оговорками относилось мошенничество, разновидностью которого теория и уголовное законодательство (ст. 173 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) считали обман: в количестве товара или иных вещей, обмер, обвес при продаже, купле или мене; в качестве товара; в расчете платежа и при размене денег. Как известно, такие действия современный уголовный закон называет обманом потребителей.

Отдельные экономические преступления нашли свое место в группе «наказуемой недобросовестности в отношениях по имуществу». В рассматриваемой системе имущественных преступлений наказуемая недобросовестность включала в себя следующие подгруппы деяний: злоупотребление доверием (*Untreu*); наказуемое пользование доверчивостью, неопытностью и страстями лица для причинения ему вреда по имуществу; наказуемые сделки по имуществу; наказуемое неисполнение и уклонение от исполнения имущественных обязательств, в частности банкротство и неосторожная несостоятельность; деяния, наказуемые в целях предупреждения и устранения опасности неисполнения или уклонения от исполнения обязательств по имуществу.

Общее понятие «злоупотребление доверием» русскому уголовному законодательству становится известно с принятием Уголовного Уложения 1903 года. Причины, побудившие разработчиков предусмотреть в Уложении данное преступление и прилегающие к нему деяния, будут названы несколько позже. Здесь же отметим, что в числе существенных элементов злоупотребления доверием ученые называли наличие полномочий на стороне деятеля, употребление этого полномочия вопреки интересам доверителя и имущественный вред от него доверителю²⁵.

К частным случаям злоупотребления доверием причислялись преступления, аналоги которых находятся в гл. 22 и 23 Уголовного кодекса России. Это, например, деяние, состоящее в открытии тайн приказчиками в ущерб кредиту их хозяев (ст. 1187 Ул. о нак.). Сюда было отнесено использование капиталов, полученных от правительства на цели, не предназначенные для этого, выпуск не обеспеченных облигаций, закладных листов, выпуск облигаций или иных ценных бумаг в количестве свыше разрешенного (ст. 579, 580 Уг. ул.).

Единого взгляда на эти преступления как на имущественные и разновидность злоупотребления доверием не было. Дело в том, что понимание имущества здесь было чрезмерно расширено, а конструкции составов преступлений не требовали наступления вреда в виде имущественного ущерба. Термин «злоупотребление доверием» по отношению к названным деяниям использовался в широком смысле слова. Под доверителем понималось правительство, с разрешения которого существовали акционерные общест-

²⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. С.2, 408.

²⁵ Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. Краткий обзор начал от уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях 1855 года включительно. – СПб., 1892. С.113; Аносов И. Злоупотребление доверием. – М., 1915. С.40.

ва, кредитные установления и товарищества. Учитывая характер общественной опасности этих деяний и особенности конструкции их в уголовном законе, И. Аносов полагал, что преступления, описанные в ст. 579 и 580, нельзя рассматривать в теоретическом смысле, как вид злоупотребления доверием. «Правильнее, – писал он, – было бы отнести эти деяния, не увлекаясь их общеопасностью, тождеством субъектов со ст. 578, в гл. 16 Уложения, ... куда они, как и аналогичные им указанные ст. 322-325 и другие, по своему предупредительному характеру более подходят»²⁶.

Похожую позицию занимал В.Д. Набоков²⁷, называвший деяния, предусмотренные ст. 579-580 Уголовного Уложения 1903 г., примыкающими к злоупотреблению доверием. В группу «наказуемых сделок по имуществу» были отнесены продажа и покупка шлихового (самородного) золота, заведомо для виновного не освобожденного от оплаты горною податью (ст. 616 Ул. о нак.). Сюда же было включено хорошо известное современному уголовному закону преступление, состоящее в покупке и продаже имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 1670 Ул. о нак.).

Самостоятельную подгруппу «наказуемой недобросовестности по имуществу» образовывали деяния, посягавшие на имущественные интересы, вытекающие из обязательственных отношений. Преступления эти получили название уголовно-наказуемого «банкротства» (в широком смысле слова). Объектом банкротства признавались права кредиторов на удовлетворение имущественных требований²⁸, а также «чужие обязательственные права»²⁹. Уголовно-наказуемым банкротством являлась несостоятельность подложная (злонамеренное банкротство) и несостоятельность неосторожная (простое банкротство)³⁰.

Наконец, последнюю подгруппу «недобросовестности по имуществу», по классификации И.Я. Фойницкого, составляли преступления, примыкающие к уголовно-наказуемому банкротству. Сюда включались злоупотребления служащих в различных коммерческих учреждениях (банках, товариществах на паях, акционерных обществах); деяния, наказываемые в целях предупреждения дальнейшего развития несостоятельности; недобросовестные действия, совершаемые во вред кредиторам при отсутствии признаков уголовно-наказуемого банкротства³¹.

Отдельные посягательства, относимые к экономическим преступлениям, были включены в группу посягательств «против отвлеченной собственности». К отвлеченной собственности, наряду с правами, принадлежащими авторам на художественные произведения и изобретения, относили и права на использование товарных знаков (промышленную собственность). Примером уголовно-правовой охраны прав на использование товарных знаков (промышленной собственности) являлась норма ст. 1357-1 Уложения о наказаниях.

Весьма близкие к рассмотренной системе имущественных преступлений классификации предлагались другими исследователями³². Отличия состояли в количестве преступлений, которые относили к имущественным.

Так, например, Л.С. Белогриц-Котляревский к числу имущественных преступлений относил стачки (соглашения) торговцев или промышленников с целью повышения цен на предметы первой необходимости или понижения цен, результатом ко-

²⁶ Аносов И. Злоупотребление доверием. – М., 1915. С.33, 66.

²⁷ См., Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части Русского уголовного права Книги 1 и 2. – СПб., 1903. С.155, 162.

²⁸ См., Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части Русского уголовного права Книги 1 и 2. – СПб., 1903. С.155, 162.

²⁹ Круглевский А.Н. Имущественные преступления. – СПб., 1913. С.72, 274.

³⁰ Устав Судопроизводства Торгового. Свод законов Российской Империи. Т. II. Часть 2. – СПб., 1893. С.482-483.

³¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. С.2, 408.

³² Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части Русского уголовного права. Вып. 1. Книги 1 и 2. – СПб., 1903; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. – М., 1909.

торых было ограничение или прекращение их поставки и реализации (ст. 913, 1180 Ул. о нак.). Объясняя отнесение их к числу имущественных, он писал, что эти деяния «угрожают опасностью не одному только личному интересу потерпевшего, но и интересам всего общежития, правильное течение экономического оборота, ... подрывая самые его основы, его коренные устои. Однако, это последнее значение действий, о которых идет речь, не уничтожает господствующей природы их, как посягательств против частных лиц»³³.

Оригинальная система имущественных преступлений была предложена А.Н. Круглевским³⁴. Ее фундаментом служили следующие объекты посягательств: право собственности, какие-либо части права собственности (владение, распоряжение, пользование), психические явления (переживания по поводу нарушения имущественных интересов) и имущественные действия. Являясь противником позиции понимания «имущества вообще» как совокупной имущественной массы, автор расширял объект имущественных преступлений за счет включения в него имущественных интересов, нарушение которых вызывает психические явления (переживания лица) и имущественных действий. Под имущественными действиями подразумевалась свобода поведения лица в отношении, принадлежащего ему имущества либо имущественных прав.

К группе посягательств на психические имущественные блага были отнесены действия, состоящие в нарушении чужой деловой или промышленной тайны. При совершении преступления, состоящего в разглашении служащим коммерческой тайны с целью причинить вред хозяину (ст. 545 Уг. ул.), непосредственным объектом преступления признавалось доверие публики к промышленной или торговой деятельности лица или коммерческого предприятия.

Такие преступления, как банкротство во всех его видах, а также деяния, примыкающие к банкротству, относились к посягательствам на имущественные действия. Сюда же принадлежали незаконная конкуренция и разглашение чужой промышленной тайны с целью предоставления для использования ее третьими лицами.

Криминалисты, понимавшие имущество в более узком смысле слова, (как сумму имущественных прав), исключали из числа имущественных преступлений деяния, нарушающие отношения в сфере обязательственных отношений и отношения, обеспечивающие право отвлеченной собственности. Так П.П. Пусторослев писал, что «ни банкротство, ни ростовщичество, ни прочие посягательства против так называемой отвлеченной собственности ... не должны быть зачисляемы в число имущественных уголовных преступлений»³⁵. Объектом таких преступлений он называл «неприкосновенность имущественной состоятельности населения, как составной части народа»³⁶.

Иные ученые, в свою очередь, расширяли перечень имущественных преступлений за счет отнесения к объекту посягательства его составных частей (предметов). Так, А.Н. Трайнин называет объектом банкротства имущество должника, «образующего конкурсную массу»³⁷.

При выработке научной классификации деяний, посягающих на общественную сферу жизни, ее составители, очевидно, испытывали еще большие трудности, чем при построении системы имущественных преступлений.

Свидетельством тому являются значительные отличия изученных классификаций по количеству групп деяний, их названиям и внутреннему содержанию. Принцип деления всех преступлений на частные и публичные, использовавшийся всеми криминалистами, не подвергался сомнению, однако, как справедливо отмечал И.А. Покровский: «Граница между публичным и частным правом на протяжении ис-

³³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. – Киев, 1903. С.460, 485, 562.

³⁴ Круглевский А.Н. Имущественные преступления. – СПб., 1913. С.72, 274.

³⁵ Пусторослев П.П. Из лекций по особенной части русского уголовного права. – Юрьев, 1908. С.135-136

³⁶ Там же.

³⁷ Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. – СПб., 1913. С.54.

тории далеко не всегда проходила в одном и том же месте, области одного и другого многократно менялись». Кроме того, «в каждый данный момент эти границы не представляют резкой демаркационной линии. Как по сию, так и по ту сторону границы, как в области публичного, так и в области частного права всегда есть большие или меньшие отступления в сторону противоположного принципа»³⁸.

Существенной особенностью преступлений против общественной сферы криминалисты считали их способность причинять вред общественному доверию. Отмечая такое свойство общественных посягательств, Н.А. Неклюдов писал, что они грозят «неопределенной массе лиц и предметов или же вводят в обман общественное доверие не только частных, но и должностных лиц, посредством подлога и подделки документов и знаков, служащих удостоверением какого-либо житейского факта, события или отношения»³⁹.

Все общественные преступления автор делил на две большие группы: 1) «общеполитические», куда были отнесены такие, как поджог, порча железной дороги и им подобные и 2) направленные на «сокрытие истины, существенной для всего общества, как, например, подлог, подделка, лжесвидетельство»⁴⁰.

Во вторую группу деяний были помещены преступления против монетного Устава (ст. 556-560 Ул. о нак.), получившие обобщенное название «монетные». Сюда также включались: подделка таможенных клейм и ярлыков (ст. 776), наложение фальшивых клейм (ст. 758, 776, 784), подделка заводских клейм и знаков (ст. 1354) и подделка пробирных клейм, налагаемых пробирными учреждениями (ст. 1396).

Общественная опасность подделок клейм и знаков, подчеркивалась Н.А. Неклюдовым. Цель ст. 1354 Уложения о наказаниях состоит в том, чтобы «оградить промышленников от противозаконной конкуренции, заключающейся в выдаче произведений промышленности одного фабриканта за произведения другого фабриканта, посредством наложения на них клейм или знаков, составляющих собственность последнего»⁴¹.

Преступления против «общественного доверия» относились к общественным посягательствам и по классификации Л.С. Белогриц-Котляревского. «Названные посягательства, – замечает он, – можно свести к трем типам: подлог документов, подделка печатей, штампов и клейм или удостоверительных знаков и подделка денежных и ценных знаков»⁴².

Особую общественную опасность из названных преступлений представляли деяния, связанные с подделкой денежных знаков, их использованием и сбытом. Эти преступления, однако, не всегда входили в группу посягательств на общественную сферу жизни. Изначально подделка монеты рассматривалась как преступление против государства в узком смысле этого слова⁴³. Позднее распространился взгляд на подделку денежных знаков как на преступление против государственной казны.

Отнесение подделки монеты к посягательствам против государства было связано с исключительным правом на чеканку монеты государем (монархом). По свидетельству М. Моргулиса⁴⁴, со смягчением наказаний за подделку монеты на преступление стали смотреть как на деяние, причиняющее вред частным лицам. Сложность объекта этого преступления тонко подметил А. Кистяковский. Он писал: «Рассматриваемое с точки зрения имущественных преступлений, оно принадлежит к обширному семейству похищений и притом посредством обмана, с нарушением веры и доверия как общественного, так и частного. По способу совершения это преступление принадле-

³⁸ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград, 1917. С.40-41.

³⁹ Неклюдов Н.А. Руководство Особенной части русского уголовного права. – СПб., 1887. С.2, 114, 208.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Вольтер М.Ф. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М., 1959. С. 87.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Моргулис М. О подделке денежных и ценных знаков по проекту нового уложения. – Одесса, 1894. С.2.

жит к семейству подделок, подлогов»⁴⁵. С развитием экономических отношений, увеличением объема товарной массы и появлением новых денежных знаков «составители кодексов, пораженные этою стороною орудий оборота, стали относить подделку к преступлениям против веры и общественного доверия»⁴⁶.

Наиболее, детальная классификация преступлений и проступков против публичного строя была дана в работе В.В. Есипова⁴⁷. Принимая во внимание сложный характер объектов преступлений, при построении своей системы он использовал смешанный подход, отказавшись от строгого деления посягательств на частные и публичные. «Преступления против повинностей, монетные и таможенные» были помещены в группу посягательств «против прав государства и общества», а «преступления против общественного благоустройства и благочиния» вошли в посягательства «против прав общества и прав частных».

В советский период подход к построению научной классификации преступлений коренным образом меняется. Последняя известная нам научная классификация, в основу которой был положен принцип деления преступлений на частные и публичные, принадлежала С.В. Познышеву⁴⁸.

Автор выделял четыре вида общественных преступлений: 1) нарушения установленного законом порядка выполнения гражданами определенных видов деятельности, 2) разные виды подделки предметов, имеющих особое социальное значение, денежных знаков и документов в том числе, 3) должностные преступления и преступления против порядка управления, 4) посягательство на государство в целом.

Объектам первой группы посягательств автор полагал «идеальное общественное благо», которое заключается в свободном проявлении творческих сил и способностей личности и выражается в выборе рода деятельности и занятии этой деятельностью с соблюдением правил, установленных в обществе. Большинство посягательств на указанный объект было предусмотрено в различных главах разд. 8 «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» Уложения о наказаниях 1885 г. и в гл. 3 «О проступках против благочиния, порядка и спокойствия» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В своей массе преступления и проступки такого рода выражались в несоблюдении правил и порядка занятия торговлей и иными видами предпринимательской деятельности.

Объектом деяний второй группы С.В. Познышев называет общественное благо, состоящее в подлинности предметов, которым закон придает значение денежных знаков или за которыми признает силу удостоверить возникновение, прекращение, изменение или характер событий, имеющих юридическое значение⁴⁹. Преступления этой группы практически те же самые, что были названы при рассмотрении классификаций других криминалистов.

С позиции предмета исследования наибольший интерес вызывает четвертая группа посягательств. Объектом их была названа организация государства, его благополучное существование. К преступлениям, посягающим на этот объект, были причислены именовавшиеся ранее преступлениями против «имущества казны» или «собственности государства». Здесь же они получили название преступлений против «финансово-хозяйственной сферы государства». Последние заключались в неуплате налогов и таможенных пошлин, к разновидности которых относилась контрабанда. «Все они, – писал С.В. Познышев, – представляют собою известные формы неповиновения, неисполнения закона, но наиболее существенно и объединяет их в особую группу со-

⁴⁵ Кистяковский А. О нарушениях уставов монетных. Историко-юридическое исследование В. Сокольского. Киев, 1873 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1871. №6. С.282-283.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Есипов В.В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и общества. – М., 1912. С.20-21.

⁴⁸ Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. – М., 1923. С.141, 154, 262.

⁴⁹ Там же.

держатся в них элемент посягательства на финансовую сферу, на финансовое благосостояние»⁵⁰. Объектом преступлений называются теперь не чьи-либо права, а сфера экономики, нормальное движение денежных потоков.

Подводя итог проведённому обзору авторских классификаций, отметим, что источником построения всех рассмотренных научных систем преступлений являлось уголовное законодательство, представленное в первую очередь Уложением о наказаниях и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также Уложение уголовное 1903 года. Единой и всеми признаваемой системы преступлений не было, однако все классификации объединяло признание объектом уголовно-правовой охраны законных прав и интересов государства, общества и личности.

Список литературы

1. Конституции РФ // Российская газета. 1993. №237
2. Станиславский А. Исследование начал имущественных отношений в древнейших памятниках русского законодательства. – Казань, 1855.
3. Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912.
5. Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. – Одесса, 1917.
6. Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. – СПб., 1813.
7. Винввер М.М. К вопросу об источниках 10 тома Свода законов (записка Сперанского). – СПб., 1897.
8. Солнцев Г. Российское уголовное право. – Казань, 1820.
9. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. – Киев, 1903.
10. Есипов В.В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и общества. – М., 1912.
11. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. – СПб., 1866.
12. Лохвицкий А. Курс русского Уголовного права. – СПб., 1871.
13. Проект уголовного уложения. Посягательства имущественные. Объяснения Редакционной комиссии. – СПб., 1887.
14. List F. Lehituch des Dculschen Suafrechts. 1921.
15. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. – СПб., 1896.
16. Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. №5.
17. Аносов И. Злоупотребление доверием. – М., 1915.
18. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. – М., 1928.
19. Летник К.А., Бростерм А.И. Преступления, проступки и наказания по Уставу о Наказаниях. – М., 1912.
20. Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. Краткий обзор начал от уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях 1855 года включительно. – СПб., 1892.; Аносов И. Злоупотребление доверием. – М., 1915.
21. Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части Русского уголовного права Книги 1 и 2. – СПб., 1903.
22. Круглевский А.Н. Имущественные преступления. – СПб., 1913.
23. Устав Судопроизводства Торгового. Свод законов Российской Империи. Т. II. Часть 2. – СПб., 1893.
24. Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части Русского уголовного права. Вып. 1. Книги 1 и 2. – СПб., 1903; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. – М., 1909.
25. Пусторослев П.П. Из лекций по особенной части русского уголовного права. – Юрьев, 1908.

⁵⁰ Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. – М., 1923. С.141, 154, 262.

26. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. – СПб., 1913.
27. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград, 1917.
28. Неклюдов Н.А. Руководство Особенной части русского уголовного права. – СПб., 1887.
29. Вольтер М.Ф. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М., 1959.
30. Моргулис М. О подделке денежных и ценных знаков по проекту нового уложения. – Одесса, 1894.
31. Кистяковский А. О нарушениях уставов монетных. Историко-юридическое исследование В. Сокольского. Киев, 1873 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1871. №6.
32. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. – М., 1923.

SYSTEM OF CRIMES IN ECONOMIC ACTIVITIES SPHERE DURING THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

S.I. NUDEL

Belgorod State University

***e-mail:
lnudel@bsu.edu.ru***

In article the retrospective and rather-legal analysis scientific of systematizes crimes during the pre-revolutionary period and a place in them of encroachments on relations in economic activities sphere is carried out, the most authoritative classifications of leading Russian scientists-lawyers are considered.

Key words: criminally-rule of law, crimes in economic activities sphere, the criminal law, historical development.

РОЛЬ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ С НАРКОТИЗМОМ

**Л.А. ПРОХОРОВ¹⁾
М.Л. ПРОХОРОВА²⁾**

*¹⁾ Кубанский
государственный
университет*

*²⁾ Кубанский
государственный
аграрный
университет*

Рассматривается вопрос об определении места норм международного уголовного права в формировании национального уголовного законодательства о борьбе с наркотизмом. Подчёркивается необходимость ориентации национальных законодателей на соответствующие международно-правовые установления, а также совершенствования процесса формирования российского уголовного закона в части установления ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и криминализации соответствующих деяний в свете требований международного уголовного права.

Ключевые слова: наркотизм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, наркокартели, меры борьбы, национальное уголовное законодательство, международное уголовное право.

Современный этап существования человеческого общества характеризуется небывалой доселе, беспрецедентной экспансией организованной национальной и транснациональной преступности и ряда негативных социальных явлений и пороков, непосредственно с ней связанных, в том числе наркотизма. Как справедливо отмечается в специальной литературе, «в связи со складывающимися криминологическими условиями человечество в начале XXI в. оказалось в криминальном капкане»¹.

Сложившаяся в мире ситуация вынуждает мировое сообщество разрабатывать и осуществлять программы по сдерживанию преступности и прочих социальных патологий, по контролю над ними, ибо пассивность в подобных условиях может привести к краху цивилизации и возврату человечества на исходные позиции. Выраженное расширение масштабов транснациональной преступности и прочих асоциальных проявлений актуализирует задачу объединения усилий государств в противостоянии им.

Как уже отмечалось, наркотизм, получивший в настоящее время колоссальное распространение в мире и ставший неким «брендом» современности, представляет собой одну из наиболее уродливых патологий, свойственных общественному организму, одну из наиболее пернициозных социальных болезней, неразрывно сопряжённых с преступностью, причем преступностью транснациональной. Одна из составляющих названного явления – преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – носит ярко выраженный международный характер. Причем примечательно то обстоятельство, что таковой она стала сразу же после своего «рождения». Первые наркотические средства, известные человечеству, имели природное (растительное) происхождение: и наркотики опийной группы, и производные конопли, и кокаин. Соответствующие растения произрастали лишь в определенных регионах мира, поэтому их распространение в иных его частях требовало, как минимум, пересечения государственных границ и объединения усилий представителей различных государств. С течением времени ситуация, безусловно, усугубилась: механизм соответствующей преступной деятельности усложнился; международная наркопреступность обрела, преимущественно, организованный характер; более рельефным стало международное «разделение труда» в рамках нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ; национальная и интернациональная наркомафия все решительнее пытается оказывать влияние на политические процессы внутри государств и на международной арене.

Как известно, вывод о пагубном воздействии наркотиков на человека, приводящем к ряду необратимых патологических изменений функций и систем организма,

¹ Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005. – с.4.

был сделан лишь к началу XIX века. В конце XIX – начале XX вв. в ряде государств появились и первые нормативные акты, направленные на ограничение неконтролируемого оборота этих препаратов (США, Франция, Россия), а также и первые международно-правовые документы, посвященные этой проблеме, что свидетельствует об осознании государствами уже в тот исторический период интернационального характера незаконной деятельности с наркотиками.

Родоначальницей процесса формирования международного законодательства о борьбе с наркотизмом следует считать Шанхайскую опииную комиссию, созванную в 1909 году (5-26 февраля), в работе которой приняли участие представители 13 государств Европы, Америки и Азии (в том числе Англия, Германия, Китай, Россия, Франция, США, Япония). На конференции была предпринята попытка определения путей ограничения незаконного оборота и пресечения незаконного ввоза опиума в страны Европы и США из азиатских государств². Положения Шанхайской опиинной комиссии носили сугубо рекомендательный характер; на государства-участников не были возложены никакие конкретные правовые обязательства; не был определен круг деяний, связанных с нелегальным оборотом опиума, подлежащих криминализации и влекущих уголовное наказание. Как справедливо констатируется в литературе, подобное содержание решений конференции предопределило отсутствие каких-либо позитивных результатов её проведения³.

23 января 1912 года 58 государств мира, в том числе Россия, подписали Гаагскую международную опииную конвенцию. В ней были сформулированы некоторые принципы политики государств в сфере организации оборота наркотиков, противодействия их нелегальному обращению и международного сотрудничества государств в соответствующей области, а также впервые был представлен Перечень наркотиков, в который вошли курительный опиум, опиум-сырец, морфин, кокаин⁴. И вновь мировое сообщество не конкретизировало направления соответствующей деятельности, не определило форм сотрудничества, ограничившись хоть и важными, но в большей степени всё-таки декларативными положениями.

В большей части декларативный характер носили положения и Женевской конвенции 1925 года о запрещении изготовления, внутренней торговли и использования очищенного опиума⁵, и Женевской конвенции 1931 года об ограничении изготовления и регулировании распространения наркотиков⁶.

Более или менее ощутимый вклад в развитие международно-правовой базы противодействия наркотизму и организации международного сотрудничества в этой сфере внесла Женевская конвенция 1936 года о запрещении незаконной торговли наркотическими веществами⁷. Её заслугой является определение круга условий выдачи преступника иностранному государству и подходов к решению вопроса о наказании участников нелегального оборота наркотиков.

Таким образом, до второй половины XX века решительных и действенных шагов, направленных на противодействие наркотизму в мировом масштабе, не предпринималось. Как знать, прояви в тот период мировое сообщество больше активности и наступательности, предприми реальные меры, не ограничиваясь декларациями и об-

² Рексед Б., Эдмондсон К., Хан И., Самсом Р. Дж. Руководство по контролю над наркотическими средствами и психотропными веществами (в контексте международных договоров). Женева, 1984. – М., 1987. – с.18, Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон, 2003. – с.117.

³ Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон, 2003. – с.117.

⁴ Рексед Б., Эдмондсон К., Хан И., Самсом Р. Дж. Руководство по контролю над наркотическими средствами и психотропными веществами (в контексте международных договоров). Женева, 1984. – М., 1987. – с.19, Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон, 2003. – с.117.

⁵ Собрание законодательства СССР. 1937. II отд. №17. Ст. 106.

⁶ Собрание законодательства СССР. 1937. II отд. №17. Ст. 107.

⁷ Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон, 2003. – с.118.

щими исходными положениями, возможно, сейчас человечество не столкнулось бы со столь мощным распространением наркотизма, в том числе и соответствующего вида преступности транснационального характера. В программе ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности отмечается, что «незаконные наркотики представляют собой проблему глобального уровня, поскольку в мире злоупотребляют наркотиками более 200 млн. человек. Это зло затронуло все слои общества: городской интеллигент нюхает кокаин в ночном клубе; беспризорные дети нюхают клей в городских трущобах в развивающихся странах; крестьянин употребляет опиный мак, который сам и выращивает; подростки балуются «экстази» в комфортабельных пригородных домах. Потребление наркотиков ведет к потере заработка, резкому росту расходов на здравоохранение, распаду семей и ухудшению обстановки там, где живут наркоманы. Внутривенное введение наркотиков приводит к быстрому распространению ВИЧ/СПИДа и гепатита. Существует прямая связь между наркотиками и повышением уровня преступности и насилия. Наркокартели подрывают работу правительственных органов и коррумпируют законный бизнес. В отдельных странах более половины краж совершаются наркоманами, идущими на воровство, чтобы добыть средства для приобретения наркотиков. За счет доходов от незаконных наркотиков финансируются некоторые из самых кровавых вооруженных конфликтов. Цена наркомании с точки зрения финансовых затрат огромна. Громадные суммы расходуются каждый год на укрепление полиции, пограничных сил, судебных систем, а также на программы лечения и реабилитации наркоманов. Но приходится платить и не менее огромную социальную цену: уличное насилие, бандитские разборки, страх, упадок городов, разрушение жизни людей»⁸.

Во Всемирном докладе ООН о наркотиках, подготовленном Управлением этой организации по борьбе с наркотиками и преступностью в 2006 году, сказано: «На сегодняшний день примерно 200 млн. человек, или 5% населения в возрасте от 5 до 64 лет, употребляют наркотики. Число же тех, кого обычно называют наркозависимыми лицами, составляет примерно 25 млн.». По данным доклада, самый распространенный наркотик в мире – марихуана, ее употребляют 162 миллиона человек; число злоупотребляющих опиатами составляет примерно 16 миллионов, из них 11 миллионов используют героин; примерно 13 миллионов человек зависят от кокаина. В документе содержится информация о том, что каждый год в Европейском союзе от передозировки наркотических средств умирает около 8 тысяч человек, но общее число умерших по причинам, так или иначе связанным с их употреблением, в три раза больше – около 20 тысяч человек⁹.

В сложившейся крайне тревожной ситуации государства осознали необходимость принятия действенных мер, направленных на сдерживание наркотизма, и потребность их реализации в режиме тесного международного сотрудничества. На это обстоятельство обращено внимание и в упомянутой программе ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности. В ней отмечено, что «долгие годы страны взваливали вину за распространение наркомании друг на друга, но теперь международное сообщество, опираясь на единую волю правительств, движется к тому, чтобы ликвидировать незаконную торговлю наркотиками во всем мире».

В настоящее время международно-правовые основы формирования национального законодательства о борьбе с наркотизмом, в том числе уголовного, заложены в трех основных международно-правовых документах, разработанных и принятых в рамках деятельности Организации Объединённых Наций. Имеются в виду Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года¹⁰, Конвенция о психотропных веществах 1971 года¹¹ и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года¹².

⁸ www.narkotiki.ru

⁹ Там же.

¹⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. – М., 1970. С. 105-134.

¹¹ Сборник международных договоров СССР. Вып. XXXIV. – М., 1981. С. 416-434.

¹² Материалы Конференции ООН для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. – Вена, 1988.

Названные Конвенции действительно содержат базовые положения, достаточно конкретные и определенные, позволяющие ориентировать на них национальное право в соответствующей его части и обеспечивать более эффективное его воздействие на процесс преодоления наркотизма. Это уже не свод деклараций и общих, не вполне определенных установлений, а «международно-правовой акт, содержащий стройную систему сконцентрированных воедино норм, являющихся в совокупности правовым фундаментом борьбы с наркотизмом в мировом масштабе»¹³.

Остановимся на наиболее значимых для формирования национального уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, положениях, содержащихся в названных выше Конвенциях.

Принимая Конвенции, государства-участники в их преамбулах провозгласили, что они озабочены здоровьем и благополучием человечества, масштабами и тенденцией роста незаконного производства, спроса и оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые представляют собой серьезную угрозу для людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества, все большим распространением незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ среди различных социальных групп и особенно тем, что дети во многих районах мира используются в качестве потребителей незаконных наркотических средств и психотропных веществ и эксплуатируются при их незаконном производстве и обороте, что представляет собой огромную опасность; признают, что наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества; осознают взаимосвязь между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств; признают также, что незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания; сознают свою обязанность предотвратить это зло и бороться с ним; принимают во внимание, что искоренение незаконного оборота является коллективной обязанностью всех государств и что эффективные меры против злоупотребления наркотическими средствами требуют принятия координированных и универсальных мер, и понимают, что такие универсальные меры требуют международного сотрудничества, направленного на достижение общих целей.

Единая конвенция 1961 года содержала целый комплекс положений, касающихся вопросов определения системы мер, во-первых, по организации контроля за легальным оборотом наркотиков (с установлением перечня соответствующих препаратов и круга социально полезных целей – медицинских, исследовательских и др., для достижения которых допустимо использование наркотиков) и, во-вторых, по борьбе с незаконным их обращением.

Особое внимание следует обратить на положения ст.36 «Постановления о наказаниях», ст. 37 «Наложение ареста и конфискация», ст. 38 «Меры борьбы со злоупотреблениями наркотическими средствами» Конвенции.

Пункт 1 статьи 36 определил круг деяний, подлежащих криминализации в рамках национального уголовного законодательства, и влекущих уголовное наказание при противоправном и умышленном их совершении. К ним отнесены, в частности, культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление; хранение; предложение, предложение с коммерческими целями, маклерство; распределение; покупка; продажа; доставка на каких бы то ни было условиях, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств. При этом в Конвенции содержится положение, согласно которому Страна может признавать преступным и всякое другое действие, являющее собой нарушение постановлений Конвенции. Таким образом, в части криминализации иных деяний с наркотиками, не названных в ст.36, уголовная юрисдикция государств-участников не ограничена.

¹³ Гасанов Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: Международный и сравнительно-правовой аспекты. – М., 2000. – с.60.

В соответствии с Конвенцией серьезные преступления должны подлежать строгому наказанию – тюремному заключению или иным способом лишению свободы. Вместе с тем для лиц, страдающих наркоманией и совершающих незаконные действия с наркотиками без цели распространения, предусматривается возможность замены осуждения или наказания мерами, направленными на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество. Эти меры могут применяться и в дополнение к наказанию.

Конвенция о психотропных веществах 1971 года содержит положения, практически дублирующие представленные выше, но сформулированные применительно к психотропным веществам. Ею также определен перечень соответствующих препаратов, требования к организации их легального оборота и осуществлению контроля за ним, круг деяний, признаваемых преступными при условии их умышленного совершения в нарушение установлений Конвенции, подходы к наказанию участников незаконного их обращения.

Бесспорной заслугой Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. является установление подлежащих криминализации в национальном уголовном законодательстве государств участников деяний, прямо либо опосредованно связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 3 «Правонарушения и санкции»). Причем, это уже не только посягательства, непосредственно связанные с организацией и осуществлением данного оборота, но и правонарушения, направленные на легализацию и сокрытие незаконно полученных в результате доходов, а также деяния, совершаемые в той же сфере, которые могут быть признаны преступлениями в силу обусловленности такого решения конституционными положениями и основными принципами правовой системы государства-участника.

Соответственно, во всех трёх Конвенциях содержатся положения, касающиеся вопросов формирования национального законодательства, направленного на противодействие наркотизму, и, несомненно, вопросов криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Ориентированность национальных законодателей на соответствующие международно-правовые установления, вне всяких сомнений, будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовых средств борьбы с названным явлением и расстановке в ней правильных акцентов. Вместе с тем заметим, что процесс формирования российского уголовного закона в части установления ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и криминализации соответствующих деяний при оценке его в ракурсе положений международного уголовного права вызывает некоторые нарекания и требует определенного совершенствования.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005.
2. Рексед Б., Эдмондсон К., Хан И., Самсом Р. Дж. Руководство по контролю над наркотическими средствами и психотропными веществами (в контексте международных договоров). Женева, 1984. – М., 1987.
3. Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон, 2003.
4. Собрание законодательства СССР. 1937. II отд. №17. Ст. 106.
5. Собрание законодательства СССР. 1937. II отд. №17. Ст. 107.
6. www.narkotiki.ru
7. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. – М., 1970.
8. Сборник международных договоров СССР. Вып. XXXIV. – М., 1981.
9. Материалы Конференции ООН для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. – Вена, 1988.
10. Гасанов Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: Международный и сравнительно-правовой аспекты. – М., 2000.

ROLE OF NORMS OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN FORMATION OF THE NATIONAL CRIMINAL LEGISLATION ON STRUGGLE WITH NARCOTISM

L.A. PROKHOROV¹⁾
M.L. PROKHOROVA²⁾

¹⁾ *The Kuban state
University*

²⁾ *The Kuban state
agrarian university*

The question on definition of a place of norms of the international criminal law in formation of the national criminal legislation on struggle with наркотизмом is considered. Necessity of orientation of national legislators on corresponding international legal establishments, and also perfection of process of formation of the Russian criminal law regarding an establishment of responsibility for the crimes connected with a drug trafficking, and criminalization of corresponding acts in the light of requirements of the international criminal law is underlined.

Key words: .narcotizm, illegal circulation of narcotics and psychotropic substances, narco-cartels, struggle measures, the national criminal legislation, the international criminal law.

КРИМИНОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА ЗАКОННОСТИ В ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Л.Т. БОРОДАВКО
А.Б. СВИСТИЛЬНИКОВ
В.Н. ШАРУТЕНКО

*Белгородский
юридический
институт МВД России*

В статье обоснована высокая эффективность использования генетической экспертизы при идентификации личности, выделены два основных направления использования ДНК-анализа при осуществлении розыскной деятельности. Особое внимание уделено проблемам, имеющим место при создании и использовании баз данных ДНК в России.

Ключевые слова: идентификация личности, генетическая экспертиза, ДНК-анализ.

Одной из приоритетных задач, выполняемых в процессе осуществления органами внутренних дел своей повседневной деятельности, является идентификация личности.

На территории России ежегодно пропадает без вести порядка 60 тыс. человек и обнаруживается до 30 тыс. неопознанных трупов¹. Все чаще происходят крупномасштабные техногенные катастрофы, аварии, природные катаклизмы, поэтому проблема увеличения количества неидентифицированных останков граждан за последние десятилетия приобрела особую остроту. Перед органами внутренних дел встаёт серьёзная задача идентификации останков неизвестных лиц в состоянии выраженной гнилостной трансформации, расчленения, скелетирования, обугливания и т.п.

В этой связи на первый план выходит один из биометрических способов идентификации личности – ДНК-анализ или, как его ещё называют, генотипоскопия, генная «дактилоскопия», генетическая экспертиза. Этот способ идентификации личности во всем мире признан наиболее универсальным, эффективным и достоверным, так как с его помощью можно идентифицировать самые различные объекты биологического происхождения, если в них сохранилось небольшое количество молекул ДНК или их частей.

¹ Культин, А.Ю. Криминалистическое исследование STR-локусов ДНК костных останков человека в целях идентификации личности [Текст]: Методические рекомендации / А.Ю. Культин, И.В. Стороженко, М.Г. Пименов, С.А. Кондрашов. – М.: Щербинская типография, 2004. – с.2.

Первым сообщением о возможности использования анализа молекулы ДНК для идентификации человека сделал британский профессор Алек Джеффрейс, опубликовавший в июле 1985 года в журнале «Nature» свою статью «Индивидуально-специфичные «отпечатки пальцев» ДНК человека»².

ДНК-исследования основаны на анализе генетического материала, содержащегося в объектах биологического происхождения³. В качестве объекта для выделения ДНК можно использовать любой биологический материал. Причем для идентификации достаточно совсем небольшого количества материала⁴. Для современных методов ДНК-анализа достаточно капли крови, образца слюны, оставшейся на выкуренной сигарете, небольшого количества иных биологических выделений и т.д.

В последнее время в экспертную практику активно внедряется метод амплификации. Он основан на способности ДНК воспроизводиться, что позволяет исследовать даже очень малое количество разрушенных молекул ДНК. Имеющиеся фрагменты ДНК многократно копируются, тем самым объем материала, подлежащего исследованию, доводится до необходимого. С внедрением в практику этого метода устранено одно из основных препятствий на пути практического использования метода ДНК-анализа, заключающееся в ограниченном количестве качественного материала, необходимого для проведения результативного исследования.

Высокая эффективность использования генетической экспертизы при идентификации личности связана, главным образом, с обширными возможностями ДНК, представляющей собой хранилище генетической информации.

Прежде всего, это уникальность индивидуальной ДНК. Каждый человек в мире генетически неповторим (кроме однояйцевых близнецов, которые, по сути, являются клонами).

Кроме того, в отличие от белков или жиров, ДНК всех клеток органов и тканей одного организма имеют одинаковое строение, т.е. свойства ДНК биологического образца идентичны свойствам ДНК лица, которому этот образец принадлежит.

ДНК представляет собой стабильное химическое соединение, которое на протяжении всей жизни человека не изменяется, что позволяет исследовать биологические следы большой давности образования.

Молекула ДНК обладает высокой устойчивостью к воздействию окружающей среды, что позволяет проводить идентификацию даже в тех случаях, когда останки человека не могут быть отождествлены иными методами (например, в случае полного гнилостного разложения, обугливания и т.д.).

Свойства ДНК передаются по наследству, и эта особенность повсеместно используется при установлении либо подтверждении отцовства, материнства и др.

Разнообразие формы отдельно взятой молекулы ДНК настолько велико, что делает ее практически неограниченным источником идентификационных признаков. При этом следует отметить, что эффективность использования того или иного метода криминалистической идентификации во многом зависит как от уровня специальной подготовки экспертов, так и лиц, осуществляющих сбор информации, необходимой для проведения идентификации неопознанных трупов⁵.

Изучив накопленный опыт проведения генетических экспертиз, мы пришли к выводу, что при осуществлении розыскной деятельности ДНК-анализ может использоваться в двух основных направлениях.

Первое направление представляет собой сравнение образцов ДНК неопознанного трупа и ДНК лиц, которые, предположительно, являются его близкими кровными родственниками (мать, отец, сын, дочь и т.д.), т.е. так называемое попарное сравнение.

² Jeffreys, A.J. Individual-specific «fingerprints» of human DNA [Текст] / A.J. Jeffreys, V. Wilson, S.L. Jheon // Nature. – 1985. – p.76-79.

³ Чудинов, О.С. Техничко-экономическое обоснование внедрения ДНК-исследований в экспертно-криминалистическую деятельность и ее автоматизация [Текст] / О.С. Чудинов, М.Г. Пименов, А.Б. Абрамова // Эксперт-криминалист. – 2006. – № 3. – с.26-32.

⁴ Поляков, А. Возможности генетической экспертизы [Текст] / А. Поляков, С. Тверская // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 46. – с.25.

⁵ Черненко М.Д. Теория и практика идентификации неопознанных трупов в западноевропейских государствах: лекция [Текст] / М.Д. Черненко – М.: ВНИИ МВД РФ, 2007. – с.5-19.

В последние годы появилась SNP⁶ технология исследования ДНК, основанная на наночастицах, которая позволяет определять пол, расовую принадлежность, цвет глаз, цвет волос, цвет радужной оболочки и некоторые другие характеристики источника образцов ДНК. Использование этой технологии в будущем позволит существенно сократить круг проверяемых лиц при проведении мероприятий по установлению личности неопознанных трупов в ситуациях, когда общие признаки внешности установить невозможно (гнилостное разложение, скелетирование, расчленение трупа и т.д.).

Попарное сравнение требует определённых затрат времени, т.к. для его проведения необходимо найти источник образцов для сравнения, т.е. найти хотя бы одного предполагаемого кровного родственника, а также отобрать у него образцы для исследования.

В некоторых органах внутренних дел в последнее время используются специальные наборы, с помощью которых сотрудники территориальных ОВД могут самостоятельно, без привлечения специалистов, изымать образцы и, составив протокол изъятия, направлять их в экспертно-криминалистическое подразделение для дальнейшего ДНК-исследования.

Так, в ЭКЦ УВД по Белгородской области после изучения методов изъятия биологического материала человека, используемых в Великобритании, был разработан набор для мазка БН-1, предназначенный для получения букальных эпителий с внутренней поверхности щёк у лиц, ДНК которых необходимо исследовать. Этот простой набор в несколько раз дешевле зарубежных аналогов. Он представляет собой комплект из двух тубусов, в которых находятся ватные палочки. После отбора образцов, они подписываются, запаковываются и направляются в ЭКЦ.

Второе направление использования ДНК-анализа в розыскной работе заключается в сравнении образцов ДНК неопознанных трупов с результатами ДНК-анализов, проведенных ранее и введенных в базу данных. Данное направление позволяет существенно снизить себестоимость и время, требуемое для получения результата, но требует унификации и автоматизации ДНК-анализа. Хорошо проработанная материально-техническая база автоматизации ДНК-исследований позволяет проводить массовый анализ образцов с высокой степенью достоверности и высоким единообразием.

Большинство развитых стран к настоящему времени уже успели сформировать национальные базы данных ДНК и развить инфраструктуру для проведения криминалистических исследований ДНК. Помимо США, наиболее развитые базы данных ДНК сформированы в Великобритании, Австрии, Норвегии, Германии, Канаде и Австралии. В Великобритании базы данных ДНК начали функционировать в 1995 году. В настоящее время базы данных ДНК Великобритании ежедневно обрабатывают около 250 запросов по различным делам, и еженедельно с их помощью раскрывается в среднем по 800 преступлений, а в самой базе данных накоплено около 2,5 миллиона ДНК-профилей⁷.

Министерством внутренних дел России в последние годы также уделяется большое внимание развитию ДНК-анализа в экспертно-криминалистических подразделениях. В органах внутренних дел создана минимально необходимая лабораторная база для проведения ДНК-анализа и учета ДНК биологических следов. Всего функционируют 33 лаборатории в экспертно-криминалистических подразделениях страны, оснащенные 35 автоматизированными комплексами ДНК-анализа⁸ (в 2005 году их было всего 4)⁹. В соответствии с рекомендациями ЭКЦ МВД России, в рамках реализации Программы МВД России «Создание ЕИТКС ОВД», в этих лабораториях установ-

⁶ Single Nucleotide Polymorphism – нуклеотидный полиморфизм одной из составляющих комплементарную пару ДНК, признак мутации гена.

⁷ Чудинов, О.С. Техничко-экономическое обоснование внедрения ДНК-исследований в экспертно-криминалистическую деятельность и ее автоматизация [Текст] / О.С. Чудинов, М.Г. Пименов, А.Б. Абрамова // Эксперт-криминалист. – 2006. – № 3. – с.26-32.

⁸ Аналитическая справка о результатах работы экспертно-криминалистических подразделений ОВД России за 2007 г. по линиям работы отдела экспертиз биологических объектов ЭКЦ МВД России.

⁹ Основные итоги деятельности федеральных органов исполнительной власти в 2007 г. и задачи на 2008 г. [Электронный ресурс] // <http://www.government.ru/government/>.

лены автоматизированные комплексы исследования ДНК «Applied Biosystems». Внедрение данных комплексов позволило в несколько раз, по сравнению с ранее применявшимися методами «ручного» исследования ДНК, снизить время, необходимое для проведения генотипоскопии.

Однако, в создании и использовании баз данных ДНК в России существуют определённые проблемы, и не только технического характера.

Главной, на наш взгляд, является отсутствие соответствующей законодательной базы, регулирующей процесс сбора, обработки, использования и учёта результатов ДНК-анализа.

К настоящему времени благодаря работе криминалистических подразделений МВД России накоплено несколько тысяч ДНК-профилей, полученных при исследовании биологических следов. Однако правовой базы, регламентирующей все аспекты хранения и обработки ДНК профилей в России не существует. Более того, в соответствии с ч.1 ст.6. Федерального закона «О персональных данных»¹⁰, обработка персональных данных, к которым относится и ДНК, может осуществляться только с согласия субъектов (обладателей) персональных данных.

Исключением является обработка персональных данных на основании федерального закона, устанавливающего её цель, условия получения персональных данных и круг субъектов, персональные данные которых подлежат обработке, а также определяющего полномочия оператора. Но федеральный закон, регулирующий создание и использование ДНК-учетов, в России отсутствует.

В этой связи представляется крайне актуальной разработка Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», принятие которого планируется к 2011 году. Закон призван заложить правовую основу создания и использования баз данных ДНК в России.

Изучение его проекта показывает, что рассматриваемый нормативно-правовой акт требует доработки.

Так, в соответствии с существующим на настоящий момент законопроектом, обязательной геномной регистрации подлежат граждане, осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, результаты типирования ДНК биологических следов, изъятых с мест совершения преступлений, а также ДНК неопознанных трупов.

Вызывает недоумение позиция разработчиков законопроекта, которые обязательную геномную регистрацию ограничили вышеуказанной категорией лиц. Ведь ДНК является таким же биологическим идентификатором, как и следы пальцев рук, однако перечень лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации в соответствии с Федеральным законом «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»¹¹, намного шире.

Разработчиков законопроекта можно понять, если ограничение связано с предполагаемым увеличением материальных затрат при расширении перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации.

Мы не разделяем позицию разработчиков. Ведь закон принимается не на один год, и даже не на один десяток лет. Стоимость ДНК-анализа только за последние несколько лет уменьшилась на порядок, и продолжает снижаться. А для того, чтобы эффективность использования базы данных ДНК была на высоком уровне, её необходимо максимально наполнить.

Поэтому мы считаем, что следует расширить перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации и включить в него военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, выполняющих задания в зонах боевых действий; членов экипажей воздушных судов; лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, а также осужденных к лишению свободы за совершение преступлений всех категорий, а не только тяжких и особо тяжких.

¹⁰ О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф.

¹¹ О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 1998 г. №128-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что метод ДНК-анализа, доказавший свою эффективность при установлении личности, является одним из приоритетных направлений развития криминалистики в России. Этот метод активно внедряется в практику органов внутренних дел и это не дань моде, а следствие его широких возможностей. С его помощью на практике решаются задачи, которые ранее были практически неразрешимыми. С появлением этого метода органы внутренних дел получили универсальный инструмент идентификации личности. Кроме того, научно подготовлено еще более широкое использование ДНК-анализа в решении задач идентификации личности человека по следам и объектам биологического происхождения. С появлением этого метода органы внутренних дел получили универсальный инструмент идентификации личности.

Список литературы

1. Культин, А.Ю. Криминалистическое исследование STR-локусов ДНК костных останков человека в целях идентификации личности [Текст]: Методические рекомендации / А.Ю. Культин, И.В. Стороженко, М.Г. Пименов, С.А. Кондрашов. – М.: Щербинская типография, 2004.
2. Jeffreys, A.J. Individual-specific «fingerprints» of human DNA [Текст] / A.J. Jeffreys, V. Wilson, S.L. Jheon // *Nature*. – 1985.
3. Чудинов, О.С. Технично-экономическое обоснование внедрения ДНК-исследований в экспертно-криминалистическую деятельность и ее автоматизация [Текст] / О.С. Чудинов, М.Г. Пименов, А.Б. Абрамова // *Эксперт-криминалист*. – 2006. – № 3.
4. Поляков, А. Возможности генетической экспертизы [Текст] / А. Поляков, С. Тверская // *ЭЖ-Юрист*. – 2005. – № 46.
5. Черненко М.Д. Теория и практика идентификации неопознанных трупов в западноевропейских государствах: лекция [Текст] / М.Д. Черненко – М.: ВНИИ МВД РФ, 2007.
6. Аналитическая справка о результатах работы экспертно-криминалистических подразделений ОВД России за 2007 г. по линиям работы отдела экспертиз биологических объектов ЭКЦ МВД России.
7. Основные итоги деятельности федеральных органов исполнительной власти в 2007 г. и задачи на 2008 г. [Электронный ресурс] // <http://www.government.ru/government/>
8. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф.
9. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 1998 г. №128-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф.

SEPARATE ASPECTS OF USE OF GENETIC EXAMINATION IN ACTIVITY OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

L.T. BORODAVKO
A.B. SVISTILNIKOV
V.N. SHARUTENKO

*The Belgorod legal
institute of the Ministry
of Internal Affairs
of Russia*

In article high efficiency of use of genetic examination is proved at identification of the person, two basic directions of use of DNA-analysis are allocated at realization of search activity. The special attention is given the problems which are taking place at creation and use of databases of DNA in Russia.

Key words: identification of the person, genetic examination, DNA-analysis.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

И.М. КОМАРОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail:

Komarov@bsu.edu.ru

В статье на основе общеметодологических подходов дается определение понятия информационной безопасности досудебного производства по уголовному делу, определяется ее структура на основе уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических и технических компонентов, формулируются некоторые виды угроз информационной безопасности досудебного производства и способы их нейтрализации для достижения следователем полного, объективного и всестороннего расследования преступлений.

Ключевые слова статьи: предварительное расследование, досудебное производство, информационная безопасность.

Под информационной безопасностью в Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства¹.

Свои определения информационной безопасности сформулировала и наука. Правда, в научной литературе отсутствуют однозначные подходы к определению этого понятия. Часть авторов определяет информационную безопасность на основе, в целом, технического подхода к этому понятию. Так, например, поступают в своей коллективной статье В.Ю. Статьев и В.А. Тиньков. Они пишут, что информационная безопасность есть защита информации и поддерживающей ее инфраструктуры с помощью совокупности программных, аппаратно-программных средств и методов с целью недопущения причинения вреда владельцам этой информации или поддерживающей ее инфраструктуре².

Есть определения, отражающие более широкое представление об информационной безопасности. Они включают и источники информации, и информационные системы ее передачи и даже создание систем дезинформации. Об этом пишет Г.Г. Феокистов³.

Достаточно активно в научном обиходе используются определения информационной безопасности данные А.Д. Урсулом⁴ и В.В. Крыловым⁵.

Вместе с тем, в криминалистической литературе отсутствуют определения информационной безопасности конкретных стадий уголовного судопроизводства, где осуществляется процесс доказывания, в частности стадии досудебного производства, в пределах которой используются все известные способы собирания судебных доказательств. Предпримем попытку дать такое определение.

Выделяя его признаки, следует указать субъекта, осуществляющего защиту информации прикладного к возбуждению уголовного дела и предварительному расследованию характера, собственно защищаемую информацию, пределы, в которых данный вид защиты этим субъектом осуществляется, а также категорию лиц, посягающих на информацию.

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.

² Статьев Ю.В., Тиньков В.А. Информационная безопасность распределения информационных систем // Информационное общество. 1997. №1. – с.68.

³ Г.Г. Информационная безопасность общества // Социально-политический журнал. 1996. №5. – с.211-212.

⁴ Урсул А.Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития // НТИ. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1996. №1. – с.7.

⁵ Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации. – М., 1998. – с.59.

В соответствии с действующим Уголовно-процессуальным законодательством РФ досудебное производство вправе проводить дознаватель, следователь, а также надзирающий за ним прокурор, в пределах предоставленных ему процессуальных полномочий. Его информационная безопасность в силу должностных полномочий этих лиц должна быть обеспечена на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Относительно характера защищаемой информации можно сказать, что к ней следует отнести всю доказательственную и ориентирующую информацию, добываемую в процессе досудебного производства указанными выше субъектами. Также это информация, добываемая на основе сопровождения оперативными службами этапов возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, ее, дознаватель, следователь и прокурор, на основе принципов криминалистического взаимодействия с оперативными службами, используя в процессе расследования уголовного дела. Защита данной информации осуществляется на протяжении всего периода досудебного производства, а в исключительных случаях и в процессе судебного производства с целью обеспечения нормального слушания уголовного дела.

С учетом этих подходов, не вдаваясь в более детальный анализ приведенных признаков, информационную безопасность досудебного производства можно определить как деятельность дознавателя, следователя и прокурора (в пределах процессуальных полномочий) по созданию условий защищенности доказательственной, ориентирующей информации, а также информации добываемой на основе сопровождения уголовного дела оперативными службами на этапах его возбуждения и предварительного расследования, от негативного внутреннего и внешнего воздействия на эту информацию или ее носители со стороны заинтересованных лиц, с целью получения ими тактических выгод от результатов досудебного производства.

Данное определение дает возможность определить структуру (в целом) защиты указанной информации на стадии досудебного производства, то есть структуру информационной безопасности данной стадии.

Компонентами этой структуры, на основе процессуально-криминалистических подходов, в первую очередь можно считать уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминалистические и технические средства дознавателя, следователя и прокурора (в пределах предоставленных процессуальных полномочий), которые эти участники уголовного судопроизводства вправе использовать для обеспечения информационной безопасности вверенного (поднадзорного) досудебного производства. Важным компонентом этой структуры следует считать и элемент организационных основ досудебного производства, которым является взаимодействие органов предварительного расследования и оперативных служб, сопровождающих досудебное производство.

Относительно правовых (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) мер обеспечения информационной безопасности досудебного производства или иными словами правовой защиты доказательственной и ориентирующей информации от негативного внутреннего и внешнего воздействия на нее со стороны заинтересованных лиц с целью получения тактических выгод от результатов досудебного производства следует отметить, что базовыми положениями их применения являются требования ст. 310 УК и 161 УПК Российской Федерации.

Определив тактику досудебного производства, лицо, осуществляющее (участвующее, надзирающее) расследование уголовного дела на основе оперативно-ситуационного прогнозирования должно определить (определять) круг лиц, участие которых в досудебном производстве требует принятия защитных мер к ним в виде предупреждения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. В случае нарушения предупреждения в отношении соответствующих участников уголовного судопроизводства должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, должны быть приняты предусмотренные правовые меры, вплоть до возбуждения уголовного дела с судебной перспективой его рассмотрения.

Арсенал криминалистических средств, разработанных для защиты информации, представляет собой комплекс из тактических приемов, криминалистических комбинаций и операций – технического, тактического и методического характера, ис-

пользование которых в досудебном производстве обеспечивает тактические преимущества процессуального субъекта, осуществляющего в соответствии с законом уголовное преследование, перед участниками уголовного судопроизводства, имеющими противоположный процессуальный интерес.

Техническую и оперативно-техническую защиту досудебного производства по поручению и под контролем дознавателя, следователя и прокурора осуществляют оперативные службы. В подавляющем большинстве случаев это службы структуры Министерства внутренних дел РФ.

Для осуществления соответствующих мероприятий разработана правовая база, в основе которой лежит Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». Использование технических и оперативно-технических средств защиты предварительного расследования регламентируется также специальными нормативными документами, например, приказами МВД России от 7.07.1995 №213 «О принятии на вооружение специальных технических средств», от 19 июля 1996 года №306 «Об утверждении инструкции об основах организации и тактики проведения оперативно-технических мероприятий» и пр.

Взаимодействие органов предварительного расследования и оперативных служб, сопровождающих досудебное производство, в качестве компонента структуры его информационной безопасности представляет собой согласованную деятельность лица, производящего расследование уголовного дела (прокурора, в пределах процессуальных полномочий) и оперативных сотрудников, совместно осуществляющих мероприятия по защите информации досудебного производства каждый своими правовыми способами и средствами, в пределах предоставленных Законом компетенций на основе определенных целей, координируемых должностным лицом в производстве (под надзором) которого находится соответствующее уголовное дело.

Однако информационную безопасность досудебного производства в современных условиях борьбы с преступностью, как структуру компонентов нельзя представить без такого компонента как методы и средства обеспечения информационной безопасности компьютерных систем, обслуживающих досудебное производство.

Положительная динамика компьютеризации органов, ведущих предварительное расследование, в последние годы достаточно активно ставит вопросы о необходимости разработки новых и совершенствовании уже имеющихся методов и средств обеспечения информационной безопасности компьютерных систем, обслуживающих этапы досудебного производства.

Дознаватель, следователь, а также прокурор, осуществляющий надзор за предварительным расследованием, либо участвующее в нем имеют в своем распоряжении персональные компьютеры. Они не только технически обеспечивают их труд, но и служат, в определенном смысле, личной базой данных, где систематизируется, накапливается и сохраняется информация доказательственного, ориентирующего и розыскного характеров, как о текущих, так и о других уголовных делах, которые в разное время были приостановлены, прекращены или направлены в суд.

Персональными компьютерами оснащены экспертные и криминалистические подразделения, обеспечивающие оперативность и объективный ход предварительного расследования преступлений. В настоящее время, на основе специальных программ осуществляется экспертно-криминалистическая деятельность по производству значительного числа судебных экспертиз. В качестве примера этому можно привести устоявшийся вид дактилоскопического исследования на основе систем «Сондо» и «Папилон». Экспертно-криминалистическая деятельность, кроме того, сопровождается определенными видами накопительной деятельности, формирующейся в банки дактилоскопических данных, данных о различных следах огнестрельных орудий, примененных на месте совершения преступлений, различных веществ, изъятых в этих местах и прочей информации.

Указанные виды деятельности следственных и экспертных подразделений обслуживаются специальными техническими подразделениями, которые не только разрабатывают программное обеспечение для них, но и готовят специальные компьютерные программы по защитами этого обеспечения. Эти подразделения в свою очередь

(наряду со следственными и экспертными подразделениями) также нуждаются в мерах по защите от несанкционированного проникновения в их деятельность со стороны заинтересованных лиц.

Мы намеренно не вдаемся в глубокий анализ содержания деятельности следственных, экспертно-криминалистических подразделений и технических подразделений, обеспечивающих их функционирование, на основе применения персональных компьютеров и их программного обеспечения на стадии досудебного производства, так как сказанным хотим лишь указать на возрастающую актуальность обеспечения информационной безопасности деятельности всех органов и должностных лиц, связанных с возбуждением уголовного дела и его предварительным расследованием.

Целью более детального исследования в этой части статьи является рассмотрение вопросов о методах и средствах обеспечения информационной безопасности компьютерных систем участников уголовного судопроизводства, осуществляющих уголовное преследование и связанных с досудебным производством.

Любая компьютерная система может состоять из нескольких компонентов, которые можно разбить на следующие группы:

- аппаратные средства – компьютер и его составные части (процессор, память, контроллеры, кабели, линии связи и пр.);
- программное обеспечение – операционная система (утилиты, драйверы и пр.) и системные программы, а также прикладное программное обеспечение, в том числе периферийных устройств;
- данные – хранимые временно и постоянно на внешних носителях и печатные, архивы и базы данных, системные журналы и т.д.;
- пользователи, то есть непосредственно эксплуатирующие компьютерную систему люди (дознаватели, следователи, эксперты, программисты).

С учетом этого, в первую очередь, следует дать несколько определений понятий органически связанных с информационной безопасностью досудебного производства.

Это понятие информационная безопасность компьютерных систем досудебного производства. Оно включает в себя защищенность компьютерных систем дознавателей, следователей, прокуроров, экспертов, а также сотрудников, обеспечивающих техническое обслуживание досудебного производства от случайного или преднамеренного вмешательства противодействующих ему лиц в установленный правовой и технический порядок функционирования этих систем, а также от попыток хищения, изменения или разрушения компонентов этих систем.

Природа воздействия на них может быть разной. Однако для нас наибольший интерес представляют не события стихийного и случайного характера, а, как уже было сказано, действия преднамеренного характера, нацеленные на умышленное причинение вреда компьютерным системам для нарушения их нормального функционирования и получения этим тактических выгод в процессе досудебного производства.

Информационная безопасность компьютерных систем, обеспечивающих функционирование досудебного производства, достигается принятием должностным лицом соответствующей правоохранительной структуры мер по обеспечению конфиденциальности и целостности содержащейся в ней информации, а также доступности и целостности компонентов и ресурсов компьютерной системы, находящейся в его пользовании.

Опуская понятия доступ к информации и санкционированный доступ к информации, так как они, по нашему мнению, в данном контексте не требуют специального толкования, остановимся на понятии несанкционированного доступа к информации досудебного производства. Он, обычно, характеризуется нарушением установленных правил разграничения порядка такого доступа. Нарушителями правил разграничения доступа данного вида являются обычно лица, заинтересованные в получении соответствующей информации о ходе досудебного производства.

Данное понятие непосредственно связано с конфиденциальностью данных, которые не подлежат открытому пользованию в процессе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования субъектам, не имеющим на них процессуального права. Конфиденциальность данных досудебного производства можно рассматривать как статус, предоставленный им и определяющий требуемую степень их защиты, то

есть это свойство данных, содержащихся в доказательственной и ориентирующей информации уголовного дела быть известными только допущенным и прошедшим проверку субъектам системы, то есть участникам уголовного судопроизводства, на которых мы указывали ранее.

По цели воздействия можно различать три вида угроз безопасности компьютерных систем обслуживающих досудебное производство. Среди них – угрозы нарушения конфиденциальности информации, нарушения ее целостности и работоспособности системы.

Угрозы нарушения конфиденциальности направлены на разглашение конфиденциальной или процессуальной секретной информации. При реализации этих угроз информация становится известной лицам, которые не должны иметь к ней доступа. Эта угроза имеет место всякий раз, когда получен несанкционированный доступ к закрытой информации досудебного производства, хранящейся в компьютерной системе или передаваемой от одной системы к другой. Негативные последствия от угроз безопасности компьютерных систем данного вида могут представлять собой последствия разглашения содержания базы данных, обеспечивающих нормальное функционирование правоохранительных структур. Например, сведений о налогах, уплачиваемых физическими лицами.

Угрозы нарушения целостности информации направлены на изменение или искажение хранящейся в системе или передаваемой по сети информации, приводящее к нарушению ее качества или полному уничтожению. Данный вид угрозы может воспрепятствовать нормальному функционированию различных учетов уголовной регистрации, которые используются для решения ряда задач расследования преступлений.

Угрозы нарушения работоспособности направлены на создание таких ситуаций, когда определенные преднамеренные действия либо искажают работоспособность компьютерной системы, либо блокируют доступ к некоторым ее ресурсам. Рассматривая последствия этой угрозы можно сказать, что негативное противодействие досудебному производству на ее основе может обеспечить достаточно эффективный сбой в деятельности следователя, в случаях, когда основная процессуальная документация по уголовному делу заведена в память компьютера и распечатывается оттуда для материалов уголовного дела. Например, несанкционированный доступ к постановлению и привлечение лица в качестве обвиняемого или обвинительному заключению по уголовному делу создает возможность искажения содержания этих документов, что впоследствии может повлечь как затягивание сроков предварительного расследования, так и оправдательное решение суда по этому делу.

Нейтрализации, указанных выше угроз безопасности компьютерных систем, обслуживающих досудебное производство, способствуют различные способы и средства. Среди них достаточно эффективными являются современные криптографические системы. Разработанные на их основе средства защиты основываются, прежде всего, на теоретическом аппарате криптографии. Криптография позволяет решить основные проблемы защиты данных – целостности информации и ее конфиденциальности в процессе возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования.

По мнению авторов монографии «Информационная безопасность: основы правовой и технической защиты информации», ее можно определить как совокупность методов преобразования данных, направленных на то, чтобы сделать эти данные бесполезными для противника⁶.

Конфиденциальность информации, т.е. ее свойство быть известной только допущенным и прошедшим проверку субъектам системы (дознавателям, следователям и пр.), достигается за счет лишения возможности лиц противодействующих досудебному производству извлечь информацию из канала связи. Целостность информации сохраняется за счет лишения этих лиц возможности изменить смысл сообщения или добавить в него информацию в своих интересах или интересах третьих лиц.

⁶ Информационная безопасность: основы правовой и технической защиты информации: учебное пособие / В.А. Мазуров, А.В. Головин, В.В. Поляков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – с.161.

С учетом того, что проблемы конфиденциальности и целостности информации тесно связаны между собой, методы решения одной из них часто применимы для решения другой и, в основном, базируются на использовании криптографических шифров и процедур шифрования и расшифрования.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам более подробно остановиться на исследовании возможностей применения современных криптографических систем, криминалистического обеспечения информационной безопасности досудебного производства. Однако, обозначив актуальные аспекты проблемы, мы надеемся на то, что она вызовет у криминалистов интерес и послужит основой для дальнейших научно-прикладных изысканий.

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.
2. Статьев Ю.В., Тиньков В.А. Информационная безопасность распределения информационных систем // Информационное общество. 1997. №1.
3. Феоктистов Г.Г. Информационная безопасность общества // Социально-политический журнал. 1996. №5.
4. Урсул А.Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития // НТИ. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1996. №1.
5. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации. – М., 1998.
6. Информационная безопасность: основы правовой и технической защиты информации: учебное пособие / В.А. Мазуров, А.В. Головин, В.В. Поляков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.

KRIMINALISTICHSKY ASPECTS OF INFORMATION SAFETY OF PRE-JUDICIAL MANUFACTURE

I.M. KOMAROV

Belgorod State University

e-mail: Komarov@bsu.edu.ru

In article on a basis общеметодологических approaches definition of concept of information safety of pre-judicial manufacture on criminal case is made, its structure on the basis of criminally-legal, criminally-remedial is defined, криминалистических and technical components, some kinds of threats of information safety of pre-judicial manufacture and ways of their neutralization for achievement by the inspector of full, objective and all-round investigation of crimes are formulated.

Key words: preliminary investigation, pre-judicial manufacture, information safety.

РАЗВИТИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВОДИМЫХ В РОССИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В.П. РЕВИН

*Московский
государственный
университет
приборостроения
и информатики*

В статье проводится анализ корреляции социально-экономических показателей развития государства и состояния преступности. Обозначены причины роста экономической преступности в России на современном этапе. Отмечены её существенные черты: высокий уровень организованности; связь с отдельными представителями властных структур; усиление внешнеэкономического, межнационального и межрегионального характера преступной деятельности.

Ключевые слова: преступность, социально-экономические отношения, приватизация, кредитно-финансовая система, пореформенный период, криминогенная ситуация.

В начале XXI века преступность, регистрируемая в России, перешагнула 3-х миллионный рубеж. Много это или мало?¹ Думаю, что этот показатель ничего иного не отражает кроме уровня добросовестности правоохранительных органов, осуществляющих регистрацию преступлений. А они, как известно, не всегда, в силу различных причин, нацелены на раскрытие и расследование совершенных преступлений. По экспертным оценкам в России реально совершается от 15 до 20 млн. преступлений². Высокая латентность характерна для многих видов насильственных, корыстных, должностных и экономических преступлений³.

Рассмотрим, как трансформация социально-экономических отношений при проведении реформ отражается на преступности современной России.

Прежде всего, следует отметить стабильный рост регистрируемой преступности: если в 1986 г., который можно с большой долей условности определить как год начала реформ, в РСФСР было зарегистрировано 1338424 преступлений. В 1990 г. – 1839451 преступление, в 1995 г. в Российской Федерации – 2755669 преступлений, в 2000 г. – 2952367 преступлений, в 2005 г. – 3554738 преступлений, а в 2006 г. – 3855373 преступлений. Среднегодовой прирост (в абсолютных показателях) в указанные пятилетние периоды составил: свыше 100 тыс., менее 200 тыс., менее 40 тыс., более 120 тыс. соответственно. Таким образом, наибольший прирост приходится на 1991-1995 гг., наименьший – на 1996–2000 г.г. Отсюда можно сделать вывод: до середины 90-х годов прошлого века осуществлялись самые непродуманные действия по социально-экономическому реформированию, проводилась «дикая» приватизация государственной собственности и т.д., это выступало мощным криминогенным фактором. Вторая половина 90-х годов характеризовалась относительной стабильностью экономических отношений, переходом рыночных реформ в некое правовое русло, что позволило обществу, хотя бы частично задействовать антикриминогенный потенциал. В 2006 году регистрируется высокий уровень криминальной активности по сравнению с предыдущим годом (+ 8,5%), что связывается, прежде всего, с действием долгосрочных тенденций снижения уровня правосознания населения и активизацией в сфере экономики процесса перераспределения собственности в прошедшем году.

Внедрение рыночных отношений в известной степени упростили мотивы поведения многих людей, особенно молодежи. Существовавшие прежде (во многом формальные) идеологические конструкции были отброшены как ненужные в новых условиях реформируемой России. Корыстные мотивы в последние годы все в большей степени оказывают влияние на духовный мир людей. Деформация нравственных устоев

¹ Опрос, проведенный ВЦИОМ в декабре 2005 г. показал, что преступность занимает 2-е место среди факторов, беспокоящих население России. На 1-м месте находится рост цен на потребительские товары.

² Криминологическая ситуация в России на рубеже XXI века. / Под редакцией А.И. Гурова. – М., 2000. – с.3.

³ Например, регистрируемые факты умышленных убийств составляют по экспертным оценкам не более 60 %, а взяточничества – не более 3-4 %.

ведет к расширению масштабов и дальнейшей профессионализации корыстной и экономической, организованной форм преступности со специализацией на разработку и совершение замаскированных, изоциренных и крупных хищений, налоговых, таможенных преступлений, вымогательств, криминального передела собственности, похищений людей, заказных убийств и т.п.⁴

Степень проникновения преступности в сферу экономических отношений достигла к настоящему моменту уровня, который представляет реальную угрозу национальной безопасности России. Весомое криминологическое значение в пореформенный период приобрели должностные и коррупционные преступления. Наибольшее значение в начальный период реформ (примерно до 2000 г.) приобретали преступления в сфере приватизации, кредитно-финансовой системе, сокрытие и легализация доходов, полученных преступным путем, незаконные операции в сфере внешнеэкономической деятельности, при производстве и реализации алкогольной продукции. В последующий период (после 2000 г.) актуализировалась преступность компьютерная и в сфере высоких технологий, появились новые виды преступлений в сфере малого предпринимательства и на потребительском рынке, хищения драгоценных материалов и камней, углеводородного сырья, захват чужого бизнеса, получившее название «рейдерство»⁵ и др.

На экономическую преступность в наибольшей степени оказывали влияние следующие группы факторов.

Изменения в экономической системе государства, процесс приватизации обусловил, во-первых, обвальную смену формы собственности. Во-вторых, существенно расширил круг собственников. Приватизация началась еще до того, как были выработаны необходимые правовые, экономические и иные предпосылки для формирования законной и социально-ориентированной процедуры её осуществления. Не было сделано почти ничего для обеспечения сохранности имущества новых владельцев. При проведении либеральных реформ с большим опозданием формировался новый экономический и правовой механизмы. Таким образом, на состояние экономики России существенно сказались, прежде всего, криминогенные аспекты приватизации и либерализации экономики России начального периода реформ.

В связи с увеличением числа собственников, у которых возрастает объем ценного имущество, увеличилось количество корыстных преступлений. Наряду с кражами, мошенничеством, грабежами и иными посягательствами на чужое имущество растут преступления, посягающие на права собственников по пользованию и распоряжению имуществом. Собственника имущества под угрозой насильственных действий или шантажа вынуждают уступать часть своих прав в пользу других лиц. Это стало одним из основных путей формирования экономики криминального типа.

Ухудшение материального положения и социальных условий жизни значительной части граждан в ходе реформ серьезно сказываются на состоянии и структуре преступности. Социальные изменения порождены имущественным расслоением населения. Дифференциация населения порождает активное вовлечение в преступность неустроенной в жизни молодежи, преступную консолидацию, расширение масштабов организованной преступности и коррупции. Расслоение населения по доходам ведет также к усилению социальных антагонизмов, а совершение экономических преступлений и корыстных посягательств характеризуется бесцельной агрессии, иррациональной мотивацией. Эти явления будут усугубляться в связи с ростом безработицы, социальных антагонизмов, межнациональных и религиозных конфликтов и т.п. При этом следует отметить, что с расширением материальных потребностей и возможностей их удовлетворения отдельными группами населения в связи с переходом к рынку, расширяются проявления монополизма во многих сферах, ограничиваются возможности социальной сферы для большой группы населения. Это усиливает социальное напряжение в обществе, ведет к росту насильственных, корыстных, корыстно-насильственных преступлений, экстремизма, преступлений на почве национальной и религиозной ненависти⁶.

⁴ Почти в 9 раз возросла в 2005 году, по сравнению с предыдущим годом, сумма выявленного и взысканного ущерба только от налоговых преступлений. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005 года. – М., 2006. С. 3.

⁵ От англ. «raider» – набег.

⁶ По результатам доклада Московского бюро по правам человека около 60 % населения России в той или иной мере поддерживает националистические лозунги, 50 тыс. молодых лю-

Изменения в системе государственного устройства также оказывают влияние на корыстную и экономическую преступность. С процессами реформирования государственного и муниципального управления меняется порядок, определяющий правомочия органов исполнительной власти различного уровня, распоряжающихся денежными и материальными средствами тех или иных территорий. Эксперты уже высказывали предположение, что начнутся подвижки в группах «криминальной бюрократической буржуазии». Есть все основания ожидать, что эти группы во власти либо приближенные к власти не удовлетворятся сложившимся положением в структуре «государственного рэкета» и инициируют преступления, «рейдерские» захваты, объектами которых будут государственные и частнопредпринимательские структуры. Так, например, «рейдерство» только в Московской области приносит преступный доход равный 4 млрд. долларов США. Наблюдаются картельные соглашения о ценах, «дележе» потребительского рынка, наводнение его фальсифицированными товарами. Выступая на заседании расширенной коллегии Генеральной прокуратуры 3 февраля 2006 г. Президент РФ Путин В.В. привел следующие данные. Объем фальсифицированных товаров среди ювелирных изделий, видеопродукции, лекарственных средств составляет 70 и более процентов, а программного обеспечения – почти 90 процентов.

Все еще остающаяся «прозрачной» Государственная граница РФ с государствами СНГ не являются препятствием для реализации преступных замыслов. Более того, сложившаяся ситуация определенно способствует появлению новых видов преступной деятельности. Наряду с контрабандой различных предметов, в их числе и наркотиков, преступные группировки проявляют в последнее время повышенный интерес к предприятиям оборонного и ядерно-энергетического комплексов и отдельных их компонентов, осуществляют незаконный вывоз редкоземельных металлов, драгоценных природных камней, радиоактивных материалов и т.п.

Затянувшийся кризис экономики России требует обязательного учета этого положения при оценке криминогенной ситуации. Это, не только безработица, но и локальные отраслевые кризисы перепроизводства. Не находят сбыта по причине непомерно высоких цен многие виды продукции мясомолочной, кондитерской промышленности, отечественные автомобили и другие товары. На фоне этих товарных диспропорций совершаются самые различные преступления – от хищений наиболее ценных компонентов до покрытия за счет государства издержек производства частных либо со смешанным капиталом предприятий. Масштабное банкротство предприятий наблюдается в последнее время несколько реже, чем ранее. Но в последние 2-3 года нарабатанные приемы и процедура банкротства все чаще используется криминалом для противоправного завладения не только имуществом, но и бизнесом.

Рассогласованность различных звеньев производственного механизма, нарушение складывавшихся десятилетиями пропорций прежних экономических отношений продолжают оставаться предпосылками для масштабной коррумпированности, колоссальных по своему размаху и причиняемому ущербу финансовых махинаций и мошенничества. Достаточно сказать, что материальный ущерб от преступлений в 2005 году вырос в 5,1 раза по сравнению с 2004 годом и составил 1399,6 млрд. рублей⁷, что почти в 2 раза превышает объем стабилизационного фонда России, формирующегося уже несколько лет.

Высокий уровень организованности современной преступности и её связь с отдельными представителями властных структур позволяют нейтрализовать некоторые формы социального контроля. Преступные организации стремятся легализовать свою деятельность, придать ей легитимный характер. Они создают или приобретают официальные коммерческие структуры, которые используют для отмывания денег, добытых преступным путем. Это относится, прежде всего, к приватизированным предприятиям торговли, коммерческим банкам, риэлтерским фирмам, автомобильным сервисным центрам и др.

Указанные тенденции будут оказывать серьезное влияние на экономическую ситуацию, порождать новые, ранее неизвестные и недоступные в силу своей сложности и масштабности преступления, а также преступления, требующие высокой организации при выполнении преступного замысла.

дей причисляют себя к скинхедам. Ими в 2005 году совершено 25 убийств и более 200 нападений на этнической почве.

⁷ Данные МВД России за 2005 год.

В насильственной преступности наметилась совершенно определенная линия на сращивание с экономической преступностью. Формирование криминальных и полукриминальных структур вокруг производственных, коммерческих и иных бизнес структур будет еще долго сопровождаться самыми разнообразными насильственными действиями – поджогами, взрывами, убийствами должностных лиц конкурирующих фирм, банков, нападений на сотрудников правоохранительных органов.

Набирает силу тенденция усиления внешнеэкономического, межнационального и межрегионального характера преступной деятельности. В этой деятельности в настоящее время совершаются преступления как примитивно-вульгарного толка, характеризующиеся похищением, переправкой и продажей за границей любого товара, сырья по демпинговым ценам, так и сложные, многоходовые, масштабные преступления. Участники организованных сообществ используют при этом недостатки нашего внешнеэкономического механизма, системы лицензирования и квотирования, налогообложения, ценовой политики. Преступники, до установления конвертации, используют явно заниженный курс рубля по отношению к доллару и евро. Разница между курсом рубля и его покупательной способностью приносят огромные валютные барыши, которые укрываются от налогов и размещаются в иностранных банках за рубежом. Участие в таких операциях пока что остается практически безнаказанным.

Заметно увеличится число преступлений в кредитно-финансовой сфере, поскольку либерализация экономической деятельности, упрощение условий кредитования, прекращение Центральным банком кассового планирования, значительный объем взаимных неплатежей сопровождается появлением новых правонарушений. К их числу относятся злоупотребления капиталовложениями и действия, причиняющие ущерб партнерам и акционерам, подделка гарантийных писем, электронных платежных документов и иные компьютерные преступления, нарушающие права потребителей услуг, коммерческие «взятки», и т.п. В связи с развитием коммуникаций и основанных на них расчетов увеличивается количество хищений денежных средств путем несанкционированного доступа в компьютерные сети и перевод чужих денежных средств на другие счета, хищения с использованием ценных бумаг, электронных платежных и кредитных карт и т.п.

Все изложенное требует разработки адекватных законодательных мер противодействия преступности, совершенствования правоприменительной деятельности и мер профилактики.

Список литературы

1. Криминологическая ситуация в России на рубеже XXI века. / Под редакцией А.И. Гурова. – М., 2000.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005 года. – М., 2006.
3. Данные МВД России за 2005 год.

CRIMINALITY DEVELOPMENT IN A CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC REFORMS SPENT TO RUSSIA

V.P. REVIN

The Moscow state university of instrument making and computer science

In article the analysis of correlation of social and economic indexes of development of the state and a criminality condition is carried out. The reasons of growth of economic criminality in Russia at the present stage are designated. Its essential lines are noted: high level of organization; communication with separate representatives of power structures; strengthening of the external economic, international and inter-regional character of criminal activity.

Keywords: criminality, social and economic relations, privatization, credit and financial system, пореформенный the period, криминогенная a situation.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА *

Е.Е. ТОНКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru*

В статье представлено состояние наркотизации образовательной среды российского общества, определены принципы и ценностные ресурсы организационного и социально-правового противодействия наркотизации, предложена система (модель) противодействия наркотизации образовательной среды, прошедшая апробацию на юридическом факультете Белгородского государственного университета.

Ключевые слова: образовательная среда, наркотизация, противодействие, ценностные ресурсы.

Приоритетные национальные проекты в сфере образования представляют собой инновационный подход к управлению в образовательном пространстве. Государственная образовательная политика как социальный феномен характеризуется особым статусом в силу известных особенностей ее субъекта и тех свойств, которые выделяют государство из других институтов общества. Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, образовательная политика выполняет роль мощного активатора общественной жизни и обеспечивает идеологическое сопровождение процесса государственного управления.

Эффективное функционирование высшего учебного заведения обеспечивается целым рядом факторов и сложившихся обстоятельств. Среди них одно из ведущих мест в последнее время устойчиво занимает уровень наркотизации образовательной среды. При этом *наркотизация* рассматривается нами как процесс негативных социальных изменений в образовательной среде под воздействием распространения наркомании. Возникновение и развитие наркотизации, как социального явления, тесно взаимосвязано с эволюцией ценностных ориентаций общества, с характером принятых ролей, динамическим состоянием личности, содержанием мотиваций деятельности, которые определяют характер и направленность поведения обучаемых. Содержание и направленность ценностных ориентаций образовательной среды являются устойчивыми регуляторами как индивидуального поведения, так и ее состояния в целом.

Совокупность ценностей, выступающих в качестве объективных детерминант процесса управления противодействием наркотизации, утверждается в жизни не спонтанно, а зависит от социально-экономических и политических отношений в государстве, носит целостный характер и представляет собой познавательно-действующую систему (ценности-знания, ценности-цели, ценности-средства, ценности-качества).

В процессе непосредственного осуществления социально-правового противодействия наркотизации образовательная среда овладевает соответствующими ценностями, то есть фактически «субъективирует» их. Уровень субъективации ценностей рассматривается как индикатор готовности образовательной среды к восприятию мер социально-правового противодействия.

К сожалению, несмотря на принимаемые усилия государственных и общественных институтов, криминальная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков становится в глазах студенческой молодежи социально престижным занятием. Если ранее лица, сознательно преступившие закон, ассоциировались в массовом сознании с маргинальными слоями общества, то в настоящее время их можно считать самостоятельной социальной группой. Правовой нигилизм, участие в противоправной деятельности, принадлежность к тем или иным преступным кланам и группировкам

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Организация социально-правового противодействия наркотизации образовательной среды вуза», проект № 08-03-00157а.

нередко становится пределом желаний и социальных ожиданий. Как показывают результаты опросов, часть молодежи мечтает войти в состав криминальных структур.

Возрастающее распространение таких стереотипов и ориентаций позволяет предположить наличие больших перспектив у российской наркомафии, которая имеет значительные социальные ресурсы. В целом рост наркопреступности является симптомом, предвестником нарастающих социальных катаклизмов в стране. На этом тревожном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной стратегии противодействия наркотизации общества.

В Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации отмечалось, что «государственная политика по контролю за наркотиками должна обеспечивать баланс мер, направленных на предупреждение и пресечение незаконного предложения наркотических средств и уменьшения спроса на них, и строиться по следующим главным направлениям: совершенствование порядка регулирования законного оборота наркотических средств; борьба с их незаконным оборотом; предупреждение незаконного потребления этих средств; лечение и социальная реабилитация больных наркоманией»².

В Концепции были определены первоочередные задачи по совершенствованию и правовому обеспечению деятельности по контролю за оборотом наркотиков, созданию межведомственной системы сбора и анализа информации об их распространении, широкому внедрению объективных методов идентификации наркотических средств, совершенствованию медицинских и юридических подходов к раннему выявлению их незаконных потребителей, а также выделению групп населения с повышенным риском незаконного потребления наркотиков и дифференцированному проведению в отношении них предупредительных мероприятий.

Прошедшее с момента принятия Концепции время показало, что государство не справляется с возложенными на него функциями в рассматриваемой сфере, а его деятельность не отвечает философии осуществляемых реформ. Изложенный в Концепции неблагоприятный общий прогноз ситуации с наркотиками не только подтвердился, но и существенно усугубился прогрессирующими негативными процессами. В результате допущенных в ходе реформ ошибок, поспешности и некомпетентности было потеряно не только время, но и упущено много возможностей.

Распространению наркотизации способствовало и то, что в 90-х годах российское общество еще не осознавало всех масштабов опасности, которую несет расширение неконтролируемого использования психоактивных веществ. Общественное мнение в отношении значимости политики противодействия наркотизации длительное время не формировалось, пока проблема не затронула интересы существенной части населения страны. Выступления политиков, руководителей органов законодательной и исполнительной властей, ученых, представителей творческой интеллигенции, в которых была представлена вызывающая тревогу объективная картина развития наркоситуации в стране, обращало внимание на необходимость принятия экстренных мер по противодействию наркотизации, в условиях отсутствия действенной государственной антинаркотической политики, не смогли консолидировать общество для реального решения проблем борьбы с наркобизнесом и наркоманией.

Принципы государственной политики, перечисленные в ст. 4 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»³, нуждаются в переосмыслении, дополнении и переоценке с учетом достигнутых результатов, анализа просчетов и промахов, определения новых подходов и актуализации задач. Формирование свободного гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевают господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно распола-

² Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: Утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 июля 1993 года № 5494-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1265.

³ Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

гать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими осуществлять надежное противостояние угрозе наркотизации, которую мы рассматриваем как опасное социальное явление, возникающее вследствие прогрессирующего распространения наркомании.

Тем самым актуализируется проблема научного обеспечения социально-правового противодействия наркотизации общества, которая должна осуществляться в неразрывной связи с деятельностью по защите прав и свобод человека и гражданина, установлению конституционного правопорядка, сохранению психического здоровья молодежи при соблюдении принципов сбалансированного применения воспитательных, организационных и принудительных мер, скоординированного решения задач правоохранительной и социальной направленности.

Правовая действительность в российской образовательной среде нередко упрощается искусственно, однако количество проблем в ней не уменьшается. Имеющийся массив научной информации, к сожалению, не дает достаточного понимания общественных процессов и явлений. Кроме того, наркотизация образовательной среды представляет собой такую проблемную ситуацию, когда общество больше всего заинтересовано не только в объяснении причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения.

Поэтому социально-правовое противодействие наркотизации не может ограничиться объяснительной или прогностической функцией, а обязано довести познание до предложения реальных мер. Методологическим инструментом реформирования системы противодействия наркотизации должна стать соответствующая государственная политика, направленная на оптимизацию управления исследуемым процессом. Рассмотрение политики и права в плоскости социальной технологии предполагает, что методология противодействия наркотизации должна выстраиваться не только с позиции ее системности, но и функциональности.

Это дает веские основания оценивать в рамках политической и правовой системы государства эффективность рассматриваемого процесса, то есть качество совместной деятельности государства и общества по решению поставленной задачи. Одновременно выдвигается требование, реализация которого может обеспечить реальные успехи в развитии практических усилий: в условиях происходящей трансформации общественных отношений осуществить прежде всего смену парадигмы в самом подходе к существу взаимодействия политики и права в сфере противодействия наркотизации образовательной среды.

Как справедливо отмечают Д.Н. Бахрах и Л.А. Гуцина, «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»⁴.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю⁵.

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений в сфере оборота наркотиков или дополнительном их установлении, а в отношении к ним субъектов организации образовательной среды. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения обучаемых, раз-

⁴ Бахрах Д.Н., Гуцина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

⁵ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P.271.

витии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности, моралью. При этом мы имеем в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение процесса противодействия наркотизации качественно иным содержанием, подразумевающим, в том числе, использование нравственного потенциала образовательной среды.

В социально-правовом механизме противодействия наркотизации присутствует сложная духовная составляющая, что требует расширения методологических границ до философских и психолого-педагогических параметров. Современное состояние исследований рассматриваемого направления характеризуется поэтому многообразием методических и формально-юридических подходов.

Социально-правовое противодействие наркотизации, в отличие от борьбы с ней, включает в себя не только деятельность правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, но и целенаправленные антинаркотические мероприятия, организованные в образовательной среде.

Несмотря на значительное количество работ теоретического и прикладного характера, исследующих в различных аспектах проблемы противодействия наркотизации общества, отчетливо просматривается недостаточность фундаментальных исследований правовых и организационных форм деятельности в образовательной среде, особенностей механизма социально-правового регулирования, соотношения общественных и правовых усилий при формировании антинаркотической стратегии, конфликта правовых ограничений и правовых возможностей. До настоящего времени не разработан Федеральный закон «О противодействии наркотизации», который мог бы стать основой консолидации усилий государства и общества в решении поставленных задач.

С учетом этого, проблема совершенствования процесса противодействия наркотизации имеет общественно значимый характер и необходимость ее разрешения в условиях современной глобализации требует выхода на общеметодологический уровень научного освоения.

Теоретическая модель социально-правового противодействия наркотизации образовательной среды включает следующие компоненты:

- *интеллектуально-идеологический*, подразумевающий формирование толерантного политического сознания и ценностей антинаркотической культуры, ориентированных на поиск компромиссов, согласия и равновесия;
- *функционально-инструментальный*, определяющий систему управления противодействием наркотизации и ее деятельностьную сторону – функции и социально-правовые формы их реализации, образующие целостный механизм взаимодействующих обеспечительных средств, оказывающий позитивное воздействие на исследуемую неблагоприятную тенденцию в образовательной среде;
- *структурно-нормативный*, олицетворяющий систему социальных и правовых механизмов, участвующих в процессе противодействия наркотизации образовательной среды;
- *поведенческий*, который следует из системы фактически складывающихся отношений в сфере противодействия наркотизации образовательной среды.

Целью социально-правового противодействия наркотизации является обеспечение такого уровня влияния на образовательную среду, при котором дестабилизирующее влияние источников и факторов распространения наркомании было бы устранено или минимизировано. Алгоритм противодействия наркотизации общества носит процессуальный характер, так как содержит нормативно-организационное упорядочение совместной деятельности государства и общества по решению поставленной проблемы.

Субъектный состав рассматриваемых процессуальных отношений характеризуется участием в них общественных институтов, реализующих свои полномочия в соответствии с правовым статусом. Общественные институты обеспечивают воспроизводство, стабильность и регулирование социальной деятельности, сохранение идентичности социума, усиливают социальные связи и внутригрупповую сплоченность образовательной среды.

Предметную сторону процесса социально-правового противодействия наркотизации образуют программы, концепции, нормативно-правовые акты, которые характеризуют алгоритм и интенсивность управленческого воздействия. В более обобщенной интерпретации предметом процессуальной деятельности является обеспеченное юридическими средствами социальное противодействие наркотизации.

Процедурная сторона социально-правового противодействия наркотизации общества отражает протяженность во времени – нормативное закрепление порядка, этапов, стадий осуществления властно-организующей деятельности. Процедура, как порядок совершения процессуальных действий, занимает в содержании противодействия строго определенное место, находится в логической взаимосвязи с предметным и статутным, закрепляющим властные полномочия, компонентами.

Обеспечительная сторона социально-правового противодействия наркотизации направлена на предотвращение бездействия субъектов государственно-властной деятельности в тех случаях, когда они обязаны действовать и приводить в движение властные полномочия, либо, когда управомоченные субъекты принимают неправомерные акты или же прямо нарушают порядок реализации своих полномочий.

Результативность социально-правового противодействия наркотизации общества получает отражение в объективном аналитическом обобщении мониторинга состояния распространенности наркомании и сведений правоохранительных органов о выявленных нарушениях законодательства, регламентирующего оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Потребность обучаемых в личностной самореализации не может подавляться администрацией образовательного учреждения, а напротив – постепенно становится доминирующей ценностной ориентацией. Только в этом случае возможно активно-положительное отношение обучаемых к процессу противодействия наркотизации на базе развивающегося мышления и актуализированной потребности в постоянном самосовершенствовании. Из этого следует тенденция, раскрывающая зависимость эффективности социально-правового противодействия наркотизации образовательной среды от личностной самореализации обучаемых.

В настоящее время государством предпринимаются шаги к восстановлению деформированных звеньев системы социального контроля и организации ее деятельности, исходя из новых реалий. Одним из достаточно сложных барьеров на данном пути является падение авторитета правоохранительных органов, утрата доверия и уважения к ним со стороны преобладающего большинства населения. Этот феномен обусловлен неудовлетворенностью обществом не столько содержанием и объемом компетенции, сколько качеством правоохранительной деятельности, которое переживало процесс перманентного снижения на протяжении длительного времени.

С целью сдерживания нарастающей волны наркотизации специалисты и ученые пытаются выявить ее причины. Некоторые из них, как уже отмечалось, в качестве основных причин роста преступности видят ухудшение экономических условий, другие – рост детской безнадзорности и беспризорности, третьи – культ насилия, господствующий в работе средств массовой информации, четвертые – недостатки действующего законодательства, пятые – нестабильность общественного устройства и т.д.

Безусловно, данные причины оказывают влияние на состояние правосознания, но крайне затруднительно с достаточной долей уверенности только этим объяснить распространение наркомании, особенно среди молодежи. Можно предположить существование определенных социальных закономерностей, обусловленных переходом российского общества в качественно новое состояние и способствующих росту преступности.

Интеграция экономики, включая ее техническое совершенствование, повлекла за собой и побочное следствие – интеграцию нелегальной экономики. Наркобизнес,

наряду с незаконной торговлей оружием составляющий значительную часть теневой экономики, активно использует интеграционные процессы для усиления своего влияния на мировое пространство. Организатором прогрессирующего процесса незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является транснациональный наркобизнес, который не только постоянно наращивает свои объемы, но и развивается в направлении материально-технического и технологического вооружения.

Большинством исследователей отмечается высокий уровень организованности преступности в сфере наркоторговли, что обусловлено спецификой рассматриваемой разновидности криминальной экономики, предусматривающей систему производства сырья, переработку, транспортировку, контрабанду и разветвленную сеть сбыта. Это свидетельствует о том, что процесс наркотизации общества рассматривается криминальными структурами прежде всего с точки зрения экономических интересов.

Сыграла свою роль естественная либерализация правовых барьеров на пути наркобизнеса – следствие общей либерализации правового режима на постсоветском пространстве. Только во второй половине девяностых годов в России начала формироваться адекватная сегодняшним условиям и международным стандартам система антинаркотического законодательства, но этот процесс, как уже отмечалось, развивается медленно, равно как не организовано эффективное правоприменение существующей юридической базы.

Кроме того, наркотизация стала в России своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации теряют свое значение, а на смену им, кроме горьковских университетов «улицы», ничего не пришло.

В результате процесс социализации носит все более негативный характер, молодежь испытывает в настоящее время в большей степени духовный прессинг криминального мира и его ценностей, а не позитивное влияние институтов гражданского общества.

Именно деформация социализации, вызванная кризисом семьи, системы образования и воспитания, отсутствием эффективной государственной молодежной и детской политики и другими причинами, ведет к наркотизации.

Другой особенностью современного состояния наркотической ситуации в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической ситуации в стране. Известно, что агрессия имеет как внешнюю, так и интрасубъектную направленность. Интрасубъектная направленность агрессии прежде всего выражается в суициде. В России в последние годы на 100 тыс. населения совершалось 60-70 самоубийств, что в 3-3,5 раза превышает среднемировой уровень суицида, установленный Всемирной организацией здравоохранения. Криминальное проявление агрессии выражается прежде всего в таких формах насилия как умышленные убийства, причинения тяжкого вреда здоровью.

Тенденция развития уровня преступности в прошедшие десятилетия неуклонно и ускоренно ухудшалась, и ее современный уровень (с количественной точки зрения) вовсе не является неожиданностью. За период с 1960 по 2005 гг. коэффициент преступности в России удваивался каждые 15 лет, и если эта тенденция сохранится, то уже через 60 лет Россию ожидает криминологический коллапс: большинство ее взрослого мужского населения будет причастно к преступности.

Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, распространение заказных убийств, учащение случаев захвата заложников и, наконец, проявление агрессии как самоцели.

Таким образом, криминогенная ситуация в России остается сложной, поэтому студенты образовательных учреждений, как и все граждане, испытывают ее негативное влияние. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя защищенным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Правоохранительные органы в государственном механизме занимают специфическое место в силу возложенных на них задач по борьбе с преступностью, охране общественного порядка, обеспечению безопасности граждан. Для этого они наделены особыми государственно-властными полномочиями, подкрепленными необходимыми средствами и методами принуждения, приемами силового воздействия на правонарушителей вплоть до применения огнестрельного оружия.

Данная деятельность неизбежно сопряжена с вторжением при необходимости в личную жизнь человека, что обуславливает исключительную остроту вопроса о негативном отношении населения к правоохранительным органам и низкой степени доверия к ним. В правоохранительных органах обыватель, в основном, усматривает только силу, которая должна противостоять преступности. Борьба с преступностью задает основные содержательные и структурные параметры деятельности правоохранительных органов, а то, что оказывается за рамками борьбы с преступностью, воспринимается уже как менее значимое.

Узкий диапазон осознания только репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей части населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности. Правовая ситуация определяется не только уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников, а в первую очередь уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой. Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре всего общества.

Конфликт имеющихся в вузе правовых ограничений поведения обучаемых и правовых возможностей личности представляет собой не сугубо юридическое явление, а социальную реальность, обладающую собственным местом в структуре общественной жизни образовательного учреждения, своеобразный проблемный эпицентр формирования личности, востребованной обществом. Государство в лице администрации вуза не только обязано обеспечить гарантии беспрепятственного и свободного осуществления обучаемыми правовых возможностей, но и создать эффективную систему ограничений, препятствующих злоупотреблению этим правом.

Общим основанием для взаимодействия правовых ограничений и правовых возможностей является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия. Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимополагание, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений. Данная тенденция обусловлена не только внешними детерминантами, но и внутренней логикой собственного саморазвития.

Процесс разрешения противоречия между правовыми ограничениями и правовыми возможностями способствует стабилизации системы противодействия наркотизации образовательной среды, упорядочению ее структуры, повышению степени ее функциональной продуктивности. Рассматриваемое противоречие находится в двойном детерминационном ракурсе: во-первых, как следствие конкретных правоотношений, и, во-вторых, как причина определенных явлений, процессов, поведенческих акций.

Выявление в природе социально-правового противодействия наркотизации образовательной среды внутренней бинарной оппозиции двух противостоящих друг другу сторон (правовых ограничений и правовых возможностей) способствует не только пониманию сущности исследуемого феномена, но и формированию механизма регулирования процесса противодействия наркотизации, который объединяет всю совокупность организационных мер и правовых средств, обеспечивающих реализацию и упорядоченность отношений в указанной сфере.

Модель противодействия наркотизации призвана обеспечить стабильность и последующую локализацию наркотической ситуации в образовательной среде.

Структура механизма социально-правового регулирования (МСПР) в сфере противодействия наркотизации образовательной среды:

- социально-нравственные средства воздействия;
- юридические средства, обеспечивающие действие модели;
- юридические средства реализации права;
- социальные и правовые средства обеспечения законопослушного поведения обучаемых.

МСПР имеет особое значение для оптимизации социально-правовых средств, их согласования и взаимодействия, перевода нормативности законодательства в режим упорядоченности общественных отношений. Характерной особенностью МСПР в сфере противодействия наркотизации является то, что не все нормы права в данном случае направлены на возникновение правоотношений. Определенная группа правовых норм содержит ограничения, которые направлены на то, чтобы обучаемые воздержались от вступления в правоотношения (например, по поводу приобретения или хранения наркотических средств).

При всем различии в осуществлении противодействия наркотизации на уровне внутривузовского управления можно говорить об общих (системных) проблемах:

- узковедомственный и отраслевой подход в работе с обучаемыми;
- недостаточная информационная осведомленность о федеральных и региональных проектах и программах антинаркотической деятельности в субъектах Российской Федерации;
- разобщенность и отсутствие комплексного подхода;
- низкий уровень координации деятельности различных ведомств;
- отсутствие государственно-национальной идеологии воспитания и социального развития молодежи;
- недостаточный статус и полномочия антинаркотических комиссий в системе исполнительной власти;
- отсутствие государственных и муниципальных социальных нормативов и стандартов социальной поддержки наркозависимых граждан.

Стабилизация работы государственных (федеральных и региональных) органов, муниципальных органов по осуществлению государственной политики противодействия наркотизации зависит от ряда факторов:

- поиска и создания оптимальной модели управления;
- интеллектуального и кадрового потенциала;
- информационного обеспечения;
- ресурсов бюджетного финансирования;
- материально-технической базы.

Опыт Белгородского государственного университета области показывает, что эффективное функционирование в структуре вуза общественных организаций по реализации государственной политики противодействия наркотизации позволяет при ограниченности всех других ресурсов интенсифицировать работу, объединять усилия, проводить мероприятия, организовывать обучаемых. Обязательным условием результативности противодействия наркотизации образовательной среды является активная поддержка курса на стабилизацию этой работы руководством субъектов РФ и муниципальных образований. Это тем более необходимо, что активность российских студентов в процессе противодействия наркотизации, в отличие от студентов ряда развитых европейских стран, крайне низка.

Фактически речь идет о совокупности действий, связанных с функциональным и организационным обеспечением согласованного воздействия на образовательную среду.

Мы рассматриваем систему (модель) противодействия наркотизации образовательной среды как комплексную, сложную функцию вуза, состоящую из ряда структурных компонентов.

Как отмечает В.И. Кнорринг, «каждая управленческая функция наполнена характерным для нее объемом и содержанием работ и имеет специфическую структуру, в рамках которой она реализуется»⁶.

⁶ Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С.45.

В социологической, философской, юридической литературе отсутствует единая точка зрения по количественному и качественному составу функций в управленческом цикле системы. В то же время, большинство авторов считает обязательным включение в состав управленческого цикла таких функций, как планирование, организация, контроль и регулировочно-координационная.

Так, к числу функций управления относят: *«прогнозирование (планирование); организацию (формирование системы управления и обеспечение ее нормальной деятельности); координацию (обеспечение согласованных действий различных участников отношений в управляемой сфере); регулирование (установление режима взаимодействия субъекта и объекта управления); распорядительство (властное решение конкретных вопросов, возникающих в управляемой сфере); контроль (наблюдение за функционированием управляемой сферы)»*⁷.

Ю.А. Тихомиров выделяет следующие функции управления: прогнозирование, планирование, сбор и анализ информации, подготовка и принятие управленческого решения, организация, регулирование и координация, контроль и оценка результатов управленческих действий. Он отмечает, что для функций управления «важны прежде всего строгая зависимость и взаимовлияние, выражающиеся не только в тесной связи функций между собой и определенной последовательности в осуществлении», но и в допустимости возникновения «каждой из функций на любой последующей стадии управленческого процесса»⁸.

Признавая взаимозависимость разных функций управления, в качестве основной функции Ю.А. Тихомиров рассматривает решение, которое «содержит главную формулу всей управленческой деятельности», подчеркивая, что «все остальные функции управления служат как подготовке к принятию оптимальных решений, так и созданию условий для их последующей реализации»⁹.

Не возражая в целом против подобной позиции, мы предполагаем специфичность функции противодействия наркотизации общества как относительно самостоятельного направления деятельности государства, которую нельзя подменять общими функциями руководства правоохранительной деятельностью. Это не процесс обособления рассматриваемой управленческой деятельности, но, вместе с тем, формирование строго определенного среза отношений государственной управления и выделение его функций.

Противодействие наркотизации образовательной среды как дискретная функция государства носит управленческий характер, базируясь при этом не на внушаемости и подавлении воли обучаемых, а на их сознательном участии в общественно значимой антинаркотической деятельности на основе регулируемой социально-правовой активности, побуждаемой правовыми стимулами и развиваемой в рамках правовых ограничений.

Список литературы

1. Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: Утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 июля 1993 года № 5494-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1265.
2. Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.
3. Бахрах Д.Н., Гуцина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1.
4. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976.
5. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2001.
6. Административное право: Учебник / Под. ред. Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2002.
7. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972.

⁷ Административное право: Учебник / Под. ред. Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2002. – С.18.

⁸ Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972. – С.19.

⁹ Там же, С.20.

THE ORGANIZATION OF SOCIALLY-LEGAL COUNTERACTION TO NARCOTIZATION EDUCATIONAL OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION ENVIRONMENT

E.E. TONKOV

Belgorod State University

***e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru***

In article the condition of narcotization the educational environment of the Russian society is presented, principles and valuable resources of organizational and socially-legal counteraction to narcotization are defined, the system (model) of counteraction to narcotization of the educational environment, passed approbation on faculty of law of the Belgorod state university is offered.

Key words: the educational environment, narcotization, counteraction, valuable resources.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 008:316

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Г.В. ПЛЕХАНОВА В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА*

А.М. ПОДОКСЕНОВ

*Елецкий
государственный
университет
им. И.А. Бунина*

*e-mail: podokse-
nov2006@rambler.ru*

В статье анализируется влияние на Пришвина марксистской революционной идеологии, увлечение которой пришло к нему через работы Плеханова. На материале художественных произведений, публицистики и Дневника рассматривается путь мировоззренческого разочарования писателя в марксизме, который начался во время учебы в университетах Германии. Идеино разорвав с марксизмом еще в начале XX века, Пришвин после революции вновь сталкивается с ним уже в форме советской эстетики, теоретические основы которой заложил Плеханов. Классовый подход к искусству, идеологизация творчества и вульгарный социологизм советской эстетики, принципы которой вслед за Плехановым разрабатывали Ленин и Троцкий, совершенно неприемлемы для писателя. Пришвин считает, что марксистская теория классовой борьбы, догматически применяемая к духовной жизни общества, губительна для искусства. Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении силам добра, а не зла классовой розни.

Ключевые слова: марксизм, Г. Плеханов, В. Ленин, Л. Троцкий, классовый подход к искусству, идеологизация творчества, вульгарный социологизм.

Европейская и отечественная революционно-социалистическая идеология оказала на М.М. Пришвина весьма значительное влияние, поэтому сам писатель вполне обоснованно называл свое образование марксистским¹, особо подчеркивая, что марксизм, из-за которого он попал в 1897 году в тюрьму, действительно стал «одним из определяющих моментов жизни»². С существованием социал-демократического политического «подполья» и революционной нелегальной литературы будущий писатель познакомился еще гимназистом в середине 1880-х годов, благодаря своему старшему товарищу по Елецкой гимназии Н.А. Семашко, племяннику Плеханова. В автобиографии 1922 года Пришвин вспоминал, что само увлечение марксизмом пришло через

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 07 – 03 – 73302а/Ц

¹ Пришвина В.Д. Путь к слову. М., 1984. С.92.

² Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994. С.366.

Плеханова, когда «учился в Риге в Политехникуме химиком четыре года, и тут я уверовал через книгу Бельтова (Плеханов) в марксизм <...> Я был рядовым, верующим марксистом-максималистом (как почти большевик)» (Кн.3. С.275). Правда, в автобиографическом романе «Кашеева цепь» (1922-1954) Пришвин свое знакомство и увлечение марксизмом относит на несколько лет раньше, когда Алпатов – alter ego писателя, – получив в Сибири аттестат зрелости, летом 1893 года возвращается домой к матери в Хрущевское имение под Ельцом.

За время пребывания Михаила Алпатова в Сибири все его елецкие друзья уже определились: кто учился в университете, кто, не окончив гимназии, служил чиновником на почте, кто у нотариуса. Но главной новостью оказалось, что Ефим Несговоров (прототип Н.А. Семашко – будущего наркома медицины в Советском правительстве), у которого Алпатов в гимназии «выучился петь “Марсельезу”, с кем он еще в четвертом классе додумался бога отвергнуть», стал студентом-медиком и за участие в революционной деятельности выслан в Елец под надзор полиции¹. Встреча со старым другом сразу же, как и в гимназическом детстве, приобщила Михаила к политике: от Ефима он слышит имена совершенно неизвестных ему немецких социал-демократов Бебеля и Либкнехта, узнает, что Плеханов, о котором он «не раз слышал от Дунечки [двоюродная сестра М.М. Пришвина – А.П.] и понимал его как священное народническое имя, вроде Глеба Успенского», пишет под псевдонимом «Бельтов» и давно уже не народник, а марксист. В смущении он признается: «...я не знаю, что такое марксист <...> я ничего не слыхал о Марксе» и просит друга научить его всему, как в старые гимназические времена (Кашеева цепь. С.185). Получив от Ефима популяризирующую марксизм книгу Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Михаил быстро уясняет первостепенное в ней, о чем и спрашивает Ефима: зачем же марксизм берет основой «экономический базис, почему не просто жизнь?» (Кашеева цепь. С.186).

Разумеется, ни Алпатов, ни молодой революционер Несговоров тогда еще не могли разобраться в этой основополагающей силе и слабости марксизма, абсолютизирующего формационный подход к истории общества с его редукцией всех духовных факторов исключительно к типу производственных отношений как всеопределяющему экономическому базису общественной жизни². Поэтому вместо разговора о сложнейшем природно-социальном явлении, каким является жизнь людей, Несговоров, пытаясь «защитить марксизм», навешивает на друга ярлык идеалиста: «Ну вот ты и пошел в метафизику. Ты, Миша, природный шалун, не обижайся, я говорю это в высшем смысле: метафизик, поэт, художник... есть у тебя что-то в этом роде» (Кашеева цепь. С.186). Затем Несговоров, демонстрируя свои плехановско-марксистские взгляды, обличает идеологическую ущербность интеллигенции как прослойки, примыкающей к тому классу, который лучше всего служит ее интересам, вменяя в вину Алпатову само его желание стать инженером: ты будешь обречен служить буржуазии и так как вся политическая надстройка, а значит и «инженерные науки целиком находятся в руках господствующих классов, и ты будешь делать именно то, что тебе велят капиталисты <...> будешь ты инженером-химиком, посадят тебя на пороховой завод и заставят готовить порох для защиты буржуазии» (Кашеева цепь. С.186-187).

Михаилу же хотелось найти такую мировоззренческую теорию, которая научно раскроет законы жизни общества, чтобы не по-народнически слепо интеллигенция служила народу, но, познав «историческую необходимость», инженер смог бы осознанно посвятить себя делу рабочего класса. Однако Несговоров в духе плехановского понимания марксизма, как возможности победы социализма только сразу в нескольких экономически развитых европейских странах, а не по-ленински – в одной отсталой России, тут же остудил алпатовский энтузиазм: «мы не доживем с тобой до того, чтобы служить рабочему классу специалистами», нам нужно готовить революцию

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться порядковый номер книги дневников и страницы: Дневники. 1914-1917. Книга 1. М., 1991; Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994; Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995; Дневники. 1923-1925. Книга 4. М., 1999; Дневники. 1926-1927. Книга 5. М., 2003; Дневники 1928-1929. Книга 6. М., 2004.

² Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собр.соч.: В 8 т. М., 1982. Т.2. С.183.

внутри старой жизни, «мы призваны облегчить роды – мы акушеры», а для этого необходимо устроить школу пролетарских вождей-революционеров, которые будут просвещать народ и поднимут его на восстание (Кашеева цепь. С.187). Это было желанием воплотить в практику идеи о соотношении роли масс и личности в истории Плеханова, который считал, что социалистическое будущее возможно лишь в том случае, если «...сама “толпа” станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой “толпе”, разовьется соответствующее этому самосознание»¹. Елецкие революционеры, сообщает Алпатову Несговоров, с помощью работ Плеханова активно пропагандируют марксизм среди разночинцев, ветеринаров, учительниц – всего «*третьего элемента*», т.е. интеллигенции, традиционно поддерживающей идеи народничества.

Страстной натуре Михаила требуется конкретная работа, «практический корректив» теории, тем более, что совсем не понятно было ему, чему же так обрадовался Ефим, узнав из газеты, что германские социал-демократы голосуют против расходов на флот и на армию, необходимых для защиты государства: «...если к слабым немцам без войска и флота явятся их злейшие враги французы и уничтожат Германию совсем – и с Бебелем, и с Либкнехтом, и социал-демократией? И если перевести то же на Россию, если опять к нам придет какой-нибудь новый Наполеон и у нас не будет оружия?» (Кашеева цепь. С.189). И конечно не случайно эта мысль остается в «Кашеевой цепи» мимолетной, не получив дальнейшего развития. Если учесть политический контекст русской истории дооктябрьского периода, то станет ясно, что здесь Пришвин, как и Плеханов, поддерживая патриотический курс царского и затем Временного правительства на «войну до победного конца», устами Алпатова открыто выступает против выдвинутой Лениным еще в 1915 году теории поражения своего правительства (по сути поражения России!) и превращения войны империалистической в войну гражданскую², которая весной 1917 года трансформировалась в курс партии большевиков на захват власти путем перевода буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так для Алпатова-Пришвина открывается, что в русской версии марксизма имеются по крайней мере две разные интерпретации: плехановская социал-демократическая и ленинско-большевистская, которая своим антипатриотизмом вызывает у него, как и у Плеханова³, критическое отношение.

Вместе с тем и плехановское понимание марксизма вызывает сомнения Алпатова, что наглядно подтверждается отношением его к народнической позиции студента Жукова, еще одного бывшего одноклассника-гимназиста, высланного из Москвы в ссылку в Елец под надзор полиции. «Злая книга, – говорит Жуков Алпатову о плехановском сочинении “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”, – и ужасна своими заблуждениями в оценке личного». Жукову не нравится, что в плехановском марксизме нет «родственного внимания» ни к миру природы, ни к творческой личности: «Бельтов эту личность стирает, как пыльцу с бабочкина крыла, и устанавливает какой-то безличный, бескрылый закон» (Кашеева цепь. С.192). Михаил уже был готов поддержать так близкие ему слова о родственном внимании, но вдруг вспомнил гимназию, учившую об истории как борьбе добрых и злых индивидуальностей, и какая-то старинная обида, боль и злость заставили его вступить в борьбу. В истории должен быть закон, а не борьба духов, поэтому теория субъективистов несостоятельна, заявляет он Жукову и его сторонникам. Не имея даже понятия о социологической формуле Михайловского, на которого ссылались защитники народничества, Алпатов на удачу, как пламенный прозелит, бьет доводы своих противников усвоенными из Плеханова формулами марксизма о главенстве в истории силы экономической необходимости, к стати ввернув и слова Несговорова об акушерах-революционерах, которые не сидят сложив руки, а облегчают роды нового общества. Казалось, какой-то новый человек в Михаиле легко побеждал в этом споре, беря марксистские аргументы совсем из ничего. Стоило только презрительно

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название и страницы.

² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т.13. С.7.

³ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т.1. С.693.

сказать в споре какое-нибудь слово вроде «*метафизика*», и соперник терялся, не зная, что ответить. «Если у меня взялось из ничего, то, наверно, то же и у них, я не знаю формулы Михайловского, а они, наверно, не понимают Бельтова. Куда им!», – даже обрадовался Алпатов (Кащеева цепь. С.194).

Конечно, истинную цену подобным софистическим методам спора, позволяющим большевикам-революционерам «бить словами» и опровергать оппонентов взятыми «из ничего» наукообразными формулами, Пришвин осмыслит много позже и неоднократно будет говорить о марксистской софистике и догматизме в своих дневниках.

Если поэтически воспринятый марксизм значительно расширял мировоззренческий кругозор будущего писателя, то пропагандистская деятельность достаточно скоро привела его к типичному для многих революционеров того времени итогу: пойманный в Риге с поличным при переноске нелегальной литературы Пришвин попал в 1897 году в камеру одиночного заключения Митавской образцовой тюрьмы. Кстати, отчасти тюрьма пошла юноше на пользу, излечив его от воинствующей политической деятельности, и в 1947 году Пришвин в одной из дневниковых записей обронил, что царская тюрьма спасла его от тюрьмы пролетарской и «благодаря той тюрьме я не попал в нее в советское время»¹. После освобождения Пришвину было запрещено в течение трех лет жить в университетских городах. Поэтому он, вернувшись в 1898 году в Елец, два года хлопотал о разрешении выехать за границу для получения высшего образования, и вполне закономерно, что для продолжения образования была выбрана Германия, славившаяся в то время своей философией и учеными.

В Германии он знакомится с обществом реальной, а не теоретической социал-демократии. В благоустроенной и сытой Европе революционный марксизм предстает в форме благонаправленного и самодовольного мещанства. «Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком» (Кн.2. С.366). Окончание учебы в 1902 году было ознаменовано мировоззренческим поворотом, который Пришвин определил формулой «от теории к жизни», что означало осознание им марксизма как доктрины, ограничивающей и подменяющей жизнь. И, подводя итоги своего марксистского периода, Пришвин скажет в 1922 году: «Мой фанатический Марксизм владел мною все-таки лет десять всего, начал он рассасываться бессознательно при встрече с многообразием европейской жизни (философия, искусство, танцевальные кабачки и проч.)...» (Кн.3. С.275). В «Кащеевой цепи» очень искусно показан естественный ход переоценки революционно-социалистических идей Маркса и Плеханова как перехода от внешнего схоластически книжного представления о жизни к подлинному бытию с его неподдельными ценностями, к личному творчеству, средоточием которого станет в дальнейшем для Пришвина литература.

Казалось бы, мировоззренчески навсегда отойдя в начале XX века от идей Маркса и его апологетов, Пришвин после революции вновь столкнется с марксизмом, в частности с Плехановым, уже на эстетической почве. Ведь с именем Плеханова было связано не только распространение и популяризация марксизма в России, но и применение его к анализу проблем искусства, создание теоретических основ советской эстетики. Разрабатывая марксистскую методологию эстетики в работе «Искусство и общественная жизнь», Плеханов сделал вывод: так как культура любой эпохи подчинена идеологии господствующего класса, то задача критики путем социологического анализа творчества определять направление развития таланта, поскольку художник, поддерживающий мировоззрение передовых классов, творит лучше. По Плеханову, именно марксистская идеология и пролетарская революция открывают путь к творческой гармонии художника с обществом, позволяя сказать всю правду о мире, не искажаемую идеями обреченного общества. «Чтобы понять, *каким образом* искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней, – пишет Плеханов, – <...> борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе “духовную” историю цивилизованного общества: “ход его идей” отражает собой историю его классов и их борь-

¹ Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн.собр.соч. М., 1961. Т.26. С.307-350.

бы друг с другом»¹. Но эта мировоззренческая и эстетическая позиция Плеханова была совершенно неприемлема для Пришвина: «Нельзя жить по этим жестоким и бессмысленным принципам коммунизма <...> Классовый подход к живой личности – самая ужасная пытка для людей и губительство всякого творчества: это все равно, что стрелять в Пушкина или Лермонтова» (Кн.6. С.415).

Исходным пунктом эстетики Плеханова выступает мысль о том, что искусство призвано выражать общественную психологию, которая определяется социально-классовыми отношениями, полностью зависящими от уровня развития производительных сил общества. Отталкиваясь от мысли Маркса из «Нищеты философии» о всеобщей продажности буржуазного общества, Плеханов заключает: «Можно ли удивляться тому, что во время всеобщей продажности искусство тоже делается продажным? <...> Искусство времен упадка «должно» быть упадочным (декадентским). Это неизбежно»². Особое внимание обращается на вопросы методологии исследования искусства, состоящей из двух стадий: первая – определение «социологического эквивалента» и вторая – проведение «эстетического» анализа. Развивая мысль Белинского о переложении критиком идеи произведения писателя с языка искусства на язык философии, Плеханов ставит перед критикой задачу перевода идеи данного художественного произведения «с языка искусства на язык социологии», чтобы найти «социологический эквивалент данного литературного явления»³. После отыскания социально-психологической классовой основы произведения следует второй акт критики – оценка эстетических достоинств произведения, которые «всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается», а общественное настроение всякой данной эпохи в свою очередь «всегда обуславливается свойственными ей общественными отношениями», зависящими от исторических форм классовой борьбы⁴.

Именно этот методологический принцип эстетики Плеханова, что связь искусства с экономикой опосредуется общественной психологией, порождаемой борьбой классов в ходе экономического развития общества, стал основой для вульгарно-социологического литературоведения, отождествляющего художника с классом, нивелирующего личность и сводящего задачи искусства к иллюстрации экономических отношений и классовой психоидеологии. Так, ученик Плеханова В.М. Фриче на риторический вопрос: «Что такое пролетарская поэзия?» отвечал: «Это, очевидно, поэзия, созданная пролетариями и прежде всего индустриальными рабочими», это «как бы новая раса, созданная из железа, отлитая из стали», символом чувств и мыслей которой является слово «мы»⁵.

Как художник слова Пришвин особенно чутко воспринял лексико-синтаксический аспект классового подхода к искусству, выразившийся в резко ускорившемся после революции процессе идеологизации языка. Осознавая эту опасность, он 26 ноября 1917 г. выступает в петроградской газете «Воля вольная» со статьей «В защиту слова», в которой обнажает страшную разрушительную силу изменения понятийного смысла слов: «Превосходное по силе, магическое слово создала революция <...> знаменитое наше:

¹ Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война в определенном смысле спасла Ленина от возможного политического краха. В сентябре 1915 года Плеханов в частном письме высказал мнение, что для Ленина война 1914 года стала единственным способом достичь своих целей: «Если бы не разразилась война <...> то он, возможно, был бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» по причине его «подрывной роли в русском рабочем движении» (Цит. по: Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С.128).

² Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2. С.75.

³ Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.287.

⁴ Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.375.

⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С.208.

– Буржуй!

Ни один фугас, никакая двенадцатидюймовая пушка не могли бы произвести такого опустошения, как это ужасное слово, которое заставило в России замолчать почти всех людей с организованными способностями и многим стоило жизни»¹.

Здесь автор, по сути, задается философским вопросом об онтологической основе бытия языка и тех субстанциальных факторах изменения, усложнения или распада языка, анализ проблематики которого осуществит М. Хайдеггер: «Философскому исследованию придется <...> спрашивать о “самих вещах” <...> Настоящая интерпретация языка была призвана только показать онтологическое “место” для этого феномена внутри бытийного устройства присутствия и, прежде всего, подготовить нижеследующий анализ, который по путеводной нити фундаментального бытийного способа речи во взаимосвязи с другими феноменами пытается исходное ввести в обзор повседневность присутствия»².

Хотя Пришвин и не употребляет характерно хайдеггеровское понятие «слово-вещь» для обозначения онтологической укорененности слова в явлениях действительности, писатель тем не менее пытается художественно-образно, по-своему показать, как изменение смысла слов коренным образом изменяет энергию понятий, разрушает традиционные и устоявшиеся в общественном обиходе значения (денотаты) предметов или ситуаций, всей силой государственного принуждения внедряя в сознание людей необходимые для власти концепты – смысловые представления слов. О важности коммуникативной роли слова кратко и емко скажет Гадамер: «Все феномены взаимосогласия, понимания и непонимания, образующие предмет так называемой герменевтики, суть явления языковые»³.

Подчеркивая духовную опасность классовой фразеологии, писатель вспоминает, как он с братом, будучи детьми, решили убить и зажарить на вертеле поповского гуся: «Мы сочинили себе и нравственное оправдание так же, как нынче при убийстве людей: не людей убивают, а “буржуазов”. Так и мы решили, что нашего гуся не зарежем, а поповского. Почему-то выходило, что гусь поповский – почти что не гусь, как “буржуаз” – не человек, и с ним можно делать все что вздумается» (Цвет и крест. С. 185).

Плехановский классовый подход к искусству, а если шире, то ко всей сфере духовной жизни общества, породил типично софистическое манипулирование властью – в интересах своей идеологии – логической, грамматической и смысловой структурой понятий. Если в эпоху царизма грибоедовский герой «Горя от ума» восклицал: «Ах! злые языки страшнее пистолета», имея в виду нравственный ущерб от сплетни, то в революционное время слова подчас нейтрального значения стали обретать уже не этический – смертельный смысл. «“Не в словах дело” – принято выражаться, а как же не в словах, вот этот “буржуй” – сколько в этом слове дела! Когда говорят “не в словах” – думают, не в оболочках слов дело, оболочка слова “буржуй” самая невинная, это значит буржуа, житель города, оболочка французская, содержание нижегородское и вместе сила разрушения великая», – подчеркивает Пришвин опасность насаждаемой большевиками классовой терминологии в языке. (Цвет и крест. С.125). Вследствие подмены понятийного смысла, объем содержания «священно-революционных» слов становится убийственно и безумно широк. «Многоголовой гидрой оказывается эта буржуазия, от крупного помещика до соседа-крестьянина, имеющего на одну лошадь и на одну корову больше, чем я», – отмечает он этот софистический парадокс (Цвет и крест. С.100).

Пришвин анализирует, как под влиянием революционной идеологии и политики изменяются не только привычные значения и смысл слов, но и пересматриваются укорененные в исторической традиции манеры поведения и способы разговора, как за изменениями языковых правил общения перерождаются отношения людей, как внедряемые властью в общество новые слова трагически трансформируют миропонимание людей. Так писатель самостоятельно приходит к важному философскому выводу, который в теории герменевтики будет сделан почти полувеком позже: «То, что мы

¹ Там же. С.212.

² Фриче В.М. Пролетарская поэзия. М., 1919. С.102.

³ Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб., 2004. С.125.

называем установлением языковых правил <...> представляет собой хорошо отлаженный механизм политического манипулирования, – отмечал в 1960-е годы Гадамер. – С помощью централизованной системы коммуникации политики могут укреплять сложившийся порядок, внушая, что языковые правила устанавливаются в нем, так сказать, механически»¹.

За идеологической переделкой слова и установлением новых языковых правил неизбежно следовала не только мировоззренческая, но и нравственная трансформация общественного сознания, за семантическим сдвигом содержания слов происходила онтологическая смена смысла понятий правды и лжи, добра и зла. Поэтому в опубликованной 4 мая 1918 года газетой «Жизнь» статье «В телячьем вагоне» писатель пытается обратить внимание всей России на опасность внедрения логики классовой борьбы в смысл слова, приводя как пример классового понимания «гуманизма» мечту своего попугайчика, юноши-большевика: «если бы я мог собрать всю буржуазию, всех попов в одно место, в один костер, и мне бы досталось счастье поджечь его, – я бы поджег, я был бы счастлив» (Цвет и крест. С.193).

Так, с точки зрения Пришвина, марксистская теория классовой борьбы, догматически применяемая Плехановым к духовной жизни общества, ведет к порче, к болезни слова, которое, софистически наделяясь неправомерным идейным содержанием, то становится оправданием политических репрессий, то порождает у людей психологию ненависти. «За самого злейшего буржуа считает наш мещанин крестьянина, а тот мещанина – за жулика. И вот, поди разбери теперь, в скорое революционное время, кто из них буржуй и кто пролетарий?» (Цвет и крест. С.200). Рассматривая концепцию этой «командной» роли слова французского психолога Пьера Жане, Л. Выготский отмечал, что слово – средство овладения не только природным, но и духовным миром человека: «Жане говорит, что за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника <...> Регулирование посредством слова чуждого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности»².

Разоблачая онтологическую лживость «красных слов», которые большевистская пропаганда внедряет в общественное сознание как истину, скрывая, что на деле – это лишь прикрытие узких и частных партийных интересов, Пришвин фактически выполняет ту задачу, которая будет позже сформулирована перед философией теорией герменевтики: «философское мышление есть дальнейшее продумывание изначального опыта мира <...> оно стремится додумать до конца энергию понятий и созерцаний того языка, в каком мы пребываем»³. Писатель исследует процесс духовной трансформации общественного сознания и художественно изображает в своих произведениях те властные формы сокрытия истины, имеющие «дело именно с таким утаиванием с помощью речи, которое определяет наше мироотношение <...> связана с незаметным действием в речи предрассудков. Ибо фундамент речи как раз тем и структурируется, что мы руководствуемся в ней предпониманием и предпонятиями»⁴.

Гипертрофирование классового подхода при анализе любых явлений жизни было парадигмой марксистского мышления, что предопределило отношение к культуре не только Плеханова, но и В.И. Ленина, который 8 октября 1920 года со всей откровенностью заявил: «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата...»⁵. Поэтому вряд ли можно считать оправданным вывод современного теоретика эстетики Ю. Борева, что между Плехановым и постулатами эстетики социалистического реализма «связующим звеном между дореволюционной марксистской искусствоведческой мыслью и вульгарно-социологическими теориями второй половины 30 – начала 50-х годов» был Троцкий, что «именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зре-

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название и страницы.

² Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С.194.

³ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 43.

⁴ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание. – С.50.

⁵ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С.192.

ния»¹. В действительности Троцкий лишь конкретизировал и развивал исходные установки классового подхода марксизма к культуре, как это делали и Плеханов, и Ленин. Именно это подчеркивал Ленин, заявляя, что «упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма <...> Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе – центр тяжести всей системы его воззрений?»². Что и сказало не только в политике большевистской власти по отношению к «враждебным» классам, но и в отношении методологических подходов к решению проблемы, каким должно быть искусство будущего социалистического общества, какими способами его создавать. Характерно, что Пришвин как участник литературной жизни тех лет четко определял сходство и различие эстетических позиций Ленина и Троцкого: «В литературе Ленинизм называется “напостовство”, а Троцкизм “попутчество”» (Кн.4. С.190), то есть ленинский классовый подход к культуре и искусству был лишь более ортодоксальным, чем у Троцкого.

Идеологизация всей советской жизни, а не одной лишь литературы Пришвиным понималась как закономерный результат влияния марксизма: «большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний, что Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас непременно приведены бы были к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения...»³. Если понимание отсутствия в большевизме позитивных, мироустроительных начал приходит к Плеханову только после захвата партией Ленина государственной власти⁴, то для Пришвина разрушительность идеологии классовой борьбы в экономически отсталой стране стала очевидной уже летом 1917-го. Сам онтологический смысл революционной идеи, взятой большевиками у Маркса, по его мнению, есть уничтожение бытия, умопомрачительный отказ от действительности во имя некой коммунистической химеры: «На вопрос мой одному крестьянину, кому теперь на Руси жить хорошо, он ответил: “У кого нет никакого дела с землей”. Солдат ответит: “У кого нет дела с войной”, купец – с торговлей. И вообще – с настоящим. Кто с будущим живет – тому хорошо <...> Хорошо бродячему, плохо оседлому» (Кн.1. С.332). Поэтому в Дневнике 3 июля 1917 года писатель предвещает неминуемый крах большевистского социализма в силу его экономической и духовной несостоятельности: «Путь дальнейшей нашей истории – путь оживления мертвых (собственников). Это неизбежно, потому что другого пути (общего) и нет в сознании. Гибель социалистов неизбежна» (Кн.1. С.328).

В первые же послереволюционные годы из России уезжает или изгоняется целая плеяда лучших деятелей русской культуры. Наступает эпоха тотальной идеологизации жизни. «Все наркомы занимаются литературой» и начинается «время садического совокупления власти с литературой», отмечает Пришвин (Кн.3. С.260). Об этом свидетельствует и неудачная попытка издания повести «Мирская чаша» (1922), которую писатель предложил редактору журнала «Красная новь» А. Воронскому, но получил отказ по соображениям цензуры. Тогда он дерзко и решительно обращается с письмом⁵ к Троцкому, надеясь, что власть найдет мужество дать существование повести, хотя она и была бы нелицеприятной. Ответ Троцкого был похож на приговор: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». Получив эту отповедь, Пришвин понимает, что «Паспорт, во всяком случае, дан <...> я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи...» (Кн.3. С.260, 267). Лишь в 1979 году повесть «Мирская чаша» без десятой главы была напечатана в журнале «Север», а полной публикации читатель дождался еще десять лет.

¹ Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.11.

² Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.69.

³ Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн.собр.соч. М., 1963. Т.41. С.336.

⁴ Боров Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М., 1991. С.5-6.

⁵ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн.собр.соч. М., 1958. Т.1. С.320.

Осуществляя на деле плехановскую теорию классового подхода к культуре, власть широко проводила политику государственной регуляции творчества, принуждая критику оценивать искусство с позиций «трудового происхождения» художника. Широкое распространение получила вульгарно-социологическая концепция, по которой писатели делились на враждебные классовые группы. Поэтому считалось, что даже при «подражании благозвучию пушкинских стихов <...> поэты других классов испытывают идеологическое влияние аристократии»¹. В частности, Пришвина относили в лучшем случае к попутчикам², в худшем – к представителям «мелкобуржуазной литературы <...> отражающей настроения не переставшей мечтать о своей надклассовости интеллигенции, воспитанной до-революционной эпохой»³. Просто «удивительно, как не додумались до трудовой регуляции любви», – с сарказмом говорил по этому поводу писатель (Кн.4. С.82).

Конечно же, Пришвин понимал, что причиной редукции советского искусства к идеологии была отнюдь не одна плехановская вульгаризация марксизма, не только догматизм советских вождей и теоретиков-эпигонов. Главной причиной нарастания идеологизации искусства был тоталитарный политический режим, который укреплялся за счет жесточайшего террора, оправдываемого тезисом Сталина о якобы закономерном обострении внутренней классовой борьбы даже после ликвидации эксплуататорских классов в стране по мере ее продвижения к социализму. «"Классовую борьбу" теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство», которую ведут с народом и одновременно между собой с большевистские вожди, заключал Пришвин⁴. Действительной же задачей советской власти, считал он, должно быть не построение бесклассового общества, а народное просвещение, поскольку «образование более разделяет людей, чем классы экономические. Внеклассовое общество – это значит господство образованных людей» (Кн.6. С.26-27).

Ощущая все более усиливающееся идеологическое давление государства на творчество и понимая, что в борьбе с мировоззрением чуждой ему власти, невозможно открыто выразить политический протест, писатель, чтобы остаться самим собой в русской литературе, избрал иной путь: «Только если в себе самом выстроишь дом и посмотришь на людей из окошечка этого никому не видимого и незavidного жилья, можно любить их и так сохранять себя самого от расхищения злобой», – так в духе подвижнического служения людям определял он свое жизненное кредо (Кн.3. С.183). Однако остаться вне поля зрения воинствующей критики было невозможно ни детскому писателю, ни художнику-анималисту, ни пишущему на отвлеченные от злобы дня исторические темы. РАПП, присвоившая себе право быть политическим цензором над советским искусством, устами своего Генерального секретаря провозглашала: «Наша критика должна быть ортодоксально марксистской», мы «против затушевываний и замирений – за четкую идеологическую линию»⁵.

В этой атмосфере повсеместного поиска классовых врагов весьма чреватых роковыми последствиями стал один эпизод из жизни Пришвина, который лишь с позиций сегодняшнего дня кажется анекдотически-курьезным. В 1930 году писатель в духе того времени решил стать «ударником» в литературе, чтобы, заключив договор с издательством «Молодая гвардия», получать зарплату, а произведения отдавать издательству безвозмездно. И вот на одном из заседаний редакционного совета слушали

¹ Пришвин М. «Жизнь стала веселей...» Из дневника 1936 г. // Октябрь. 1993. № 10. С.14.

² В статье, опубликованной газетой «Единство» (28 октября 1917), Плеханов, откликаясь на революционный переворот, оценил его как величайшее историческое несчастье России. «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну», которая неизбежна в силу пагубности «политики захвата власти одним классом или, – еще того хуже, – одной партией» (Плеханов Г.В. Открытое письмо к Петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12. С.105, 106).

³ Очевидно, это было первое в своем роде явление, которое по мере упрочения коммунистического режима превратится в традицию «писем к вождям» как высшей идеологической инстанции, и это явление – один из признаков тоталитарного государства.

⁴ Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. М.-Л., 1931. С.158.

⁵ Замошкин Н. И. Творчество Мих. Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. 1925. № 8. С.126.

отчет Пришвина, который, надеясь очаровать «этих приятных молодых людей», рассказал о проделанной работе и как обычно мастерски, с вдохновением прочитал только что законченный рассказ «Полярный роман», предназначенный для обсуждения. После продолжительной паузы зловещей тишины, первый же выступающий – Осип Брик¹, сказав несколько слов дежурных похвал, вдруг напрямую обвинил автора в антисоветчине: «Вот, к примеру, вы пишете о вороне, а у вас не чувствуется, что это наша, советская ворона.

– Как, как? – вскричал Михаил Михайлович. – Советская ворона?

– Да, да! – продолжал настаивать Брик. – Именно не чувствуется. Конечно, сердцу не прикажешь... Вот так... Вот и все, что я хотел сказать...». По воспоминаниям присутствовавшего на этом «обсуждении» племянника писателя, «это была продуманная во всех деталях, тщательно взвешенная травля <...> ораторы все долбили и долбили его»². Позже Пришвин отмечал, что, несмотря на заступничество Горького, эта травля продолжалась несколько лет и закончилась для него благополучно лишь благодаря роспуску РАПП в 1932 году³.

При классовом подходе к творчеству искусство переставало быть специфическим способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в иллюстрацию идеологического материала по заданным схемам. «Был у меня со стихами своими комсомолец, рабочий с прядильной фабрики Гришин, – отмечает в Дневнике Пришвин 20 декабря 1927. – В каждом стихотворении его встречается неоправданно слово “комсомол”. Я спросил его, зачем он повторяет слово и не пытается изображать. “Так уже полагается, – ответил он, – без этого не напечатают”» (Кн.5. С.525). Но примечательно, что писатель ясно видит те моменты, когда ленинская и плехановская версии марксизма соединяются в культурной политике большевизма, который, принуждая искусство служить своей идеологии, оправдывает государственное насилие над личностью художника ссылками не только на Маркса, но и на русских революционеров. Прочитав в сентябре 1946 года речь Жданова о Зощенко, Пришвин приходит к выводу, что в большевизме скрыта какая-то средневековая ненависть к свободному искусству. Даже имена «Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Плеханова ставятся в оправдание насилия над личностью художника. То, о чем догадывались, теперь названо. Как мужики громили усадьбы помещиков, так теперь правительство выпустило своих мужиков от литературы на писателей с лозунгами из Ленина о том, что литература и все искусство являются частью дела партии (т.е. искусство есть агитация и пропаганда марксизма)»⁴.

Пропагандируемая Плехановым, Лениным, Троцким и их эпигонами марксистская парадигма «классового подхода к искусству» в наиболее концептуальной форме нашла свое выражение в концепции «социального заказа» теоретиков РАПП. «Психику и идеологию авангарда рабочего класса в искусстве выражает реализм», – заявлял В. Ермилов. Но поскольку идеологией пролетариата является философия марксизма, то метод пролетарской литературы это «метод диалектического материализма <...> это – единственный путь к гегемонии пролетарской литературы»⁵. Эту позицию поддержал А. Фадеев: «Овладеть передовым мировоззрением пролетариата, мировоззрением диалектического материализма, и претворение его в художественный метод», – вот главная задача пролетарского писателя⁶. Отождествление творческого метода с мировоззрением писателя, которое неразрывно связывалось с его классовой принад-

¹ Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1929. С.131.

² Пришвин М. Дневник. 1931-1932 год // Октябрь. 1990. № 1. С.161.

³ Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1. С.15, 20.

⁴ О.Брик критик и теоретик искусства, представитель вульгарно-социологического течения в советском литературоведении, еще в 1923 году в совместной с В.Маяковским статье провозгласил тезис о творчестве как технике обслуживания классовых интересов: «Мы не жрецы-творцы, а мастера – исполнители социального заказа» (Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1. С.41).

⁵ Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965. С.60-61.

⁶ Данный эпизод автор воспоминаний ошибочно относит к осени 1929 года, тогда как так называемый «призыв ударников в литературу» был провозглашен РАПП только в 1930 г.

лежностью, позволяло рапповцам под видом борьбы за плехановский принцип «классовой линии в литературе» осуществлять травлю всех несогласных с курсом РАПП на идейно-эстетическую монополию. И прямым развитием мысли Плеханова о том, что искусство и литература как всякая идеология выражает стремления и настроения общественного класса¹, стали вульгарно-социологические выводы рапповцев, что «художественное творчество является лишь особой формой идеологии»², что у всякого художника «недостатки стиля есть недостатки мировоззрения»³.

Классовый подход к искусству разрабатывал также ценнейший и крупнейший, по ленинской оценке, теоретик большевистской партии Н.И. Бухарин⁴, который, по поводу призывов интеллигенции допустить в стране свободу творчества, заявлял: «Мы руководства из своих рук не можем выпустить, на что имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель»⁵. И поскольку РКП (б) проводит линию на гегемонию марксизма, то образование и искусство должны работать на партию: «Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой!»⁶. Тем же, кто сомневался в способности большевиков подчинить все умы идее коммунизма, Бухарин отвечал, что эта задача будет решена через подготовку новой интеллигенции: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер», поэтому «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике, <...> если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно»⁷.

Эту «штамповку интеллигенции», ее «тренировку» на определенный идеологический манер вскоре стал осуществлять Сталин, всячески разжигая распри среди деятелей культуры, натравливая их друг на друга, призывая к войне с «классовыми врагами» в искусстве, для чего, наставляя своих соратников продолжатель дела Ленина и Плеханова, «вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “антисоветское”, “революционное”, “антиреволюционное” и т.д.»⁸.

Сведение искусства к классовой психоидеологии превращало творчество в работу по жесткой рецептуре. Искусство в таком понимании переставало быть специфически-образным способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в один из способов выполнения «социального заказа» в иллюстрацию идейно-политического материала по заданным логическим схемам. Введение в практику отношения государственной власти к творчеству понятия «социальный заказ», пишет Пришвин, возвращало общество «к эпохе упадка народнической литературы, к диктатуре гражданской морали» (Кн.5. С.530). Это был безусловный тормоз развития литературы, которой революционный процесс начала века дал мощный стимул к освобождению от идеологического диктата. Но если в народнической беллетристике, по мнению Пришвина, «искусство и гражданственность смешивались механически», являясь следствием дурного художественного вкуса (Кн.5. С. 528), то государственная идеология советской эпохи в 1920-е годы взяла курс на насаждение марксистского мировоззрения в искусстве диктаторскими методами. Примером является откровенный волюнтаризм отношения власти к художникам: «что Сталин все может, – пишет Пришвин в Дневнике 1929 года, – видно на примере Всеволода Иванова, которого уже начинали сильно травить. Он поставил плохонькую пьесу, но Сталину понравилось, и во всех газетах протрубили, что пьеса превосходная. Такое жалкое положение: литература припадает к стопам диктатора» (Кн.6. С.379).

¹ Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 // Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т.8. С.260.

² Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931–1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2. С.74.

³ Ермилов В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. М.-Л., 1929. С.170, 189.

⁴ Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. 1931. №2. С.2.

⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С.207.

⁶ Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. М., 1931. С.73.

⁷ Селивановский А. Попутничество и союзничество. М.-Л., 1932. С.75.

⁸ Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. М., 1982. Т.45. С.345.

Пришвин считает неприемлемым любое идеологическое вмешательство в творчество художника, как нынешнее со стороны коммунистической власти, так и народническое, некогда противостоящее царской власти. Избавление культуры от непреложного гражданства, которому призывали идеологи марксизма от Плеханова до Сталина и К^о, было для Пришвина важнейшим культурным завоеванием общества, и идейное освобождение художника он считал равноценным «отделению церкви от государства» (Кн.5. С.528). Конечно, это вовсе не означает безразличия художника к делам общества. Настоящий художник, по мнению Пришвина, всегда связан с жизнью народа, воспринимая запросы общества как свое «родственное поручение» и, в частности, говорит о себе, что «хотя я никогда не был народником, но воспитывался среди них, и этика моя народническая» (Кн.6. С.123). Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении людям, а не какому-либо классу: «после революции я во время ненависти, злобы и лжи решил против этого выступить не с обличением, а с очень скромным рассказом о хороших людях – так возникла “Кащеева цепь”, и начался победный ход моего писательства. Как бы все принимаю, пусть господствует зло, но утверждаю неприкосновенную силу добра как силу творческого труда и прежде всего: “хлеб наш насущный”...» (Кн. 5. С.497).

Список литературы

1. Пришвина В.Д. Путь к слову. М., 1984.
2. Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994.
3. Дневники. 1914-1917. Книга 1. М., 1991; Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994; Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995; Дневники. 1923-1925. Книга 4. М., 1999; Дневники. 1926-1927. Книга 5. М., 2003; Дневники 1928-1929. Книга 6. М., 2004.
4. Пришвин М.М. Кащеева цепь // Собр.соч.: В 8 т. М., 1982. Т.2.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т.13.
6. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т.1.
7. Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн.собр.соч. М., 1961. Т.26.
8. Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5.
9. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2.
10. Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1.
11. Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1.
12. Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948.
13. Фриче В.М. Пролетарская поэзия. М., 1919.
14. Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб., 2004.
15. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
16. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
17. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
18. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
19. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
20. Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн.собр.соч. М., 1963. Т.41.
21. Боров Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М., 1991.
22. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн.собр.соч. М., 1958. Т.1.
23. Пришвин М. «Жизнь стала веселей...» Из дневника 1936 г. // Октябрь. 1993. № 10.

24. Плеханов Г.В. Открытое письмо к Петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12.
25. Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. М.-Л., 1931.
26. Замошкин Н. И. Творчество Мих. Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. 1925. № 8.
27. Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1929.
28. Пришвин М. Дневник. 1931-1932 год // Октябрь. 1990. № 1.
29. Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1.
30. Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1.
31. Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965.
32. Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 // Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т.8.
33. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931–1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2.
34. Ермилов В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. М.-Л., 1929.
35. Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. 1931. №2.
36. Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948.
37. Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. М., 1931.
38. Селивановский А. Попутничество и союзничество. М.-Л., 1932.
39. Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. М., 1982. Т.45.
40. Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. 1925. Кн.3.
41. Сталин И.В. Ответ Билль-Белоцерковскому // Соч.: В 13 т. М., 1949. Т.11.

PHILOSOPHY AND IDEAS OF G.V. PLEKHANOV IN THE OUTLOOK AND WORKS OF M.M. PRISHVIN

A.M. PODOKSENOV

*Yelets Bunin State
University*

*e-mail: podok-
senov2006@rambler.ru*

In this article it is analyzed the influence of Marxist revolutionary ideology to Prishvin, enthusiasm of which came to him through the works of Plekhanov. On the material of works of art, publicism and Diary it is considered the way of outlook disappointment of the writer in Marxism, which began during the study at the Universities of Germany. Ideologically broke with Marxism in the beginning of XX century Prishvin collides with it again, but in the form of Soviet aesthetics, theoretical foundation of which were laid by Plekhanov. Class approach to art, ideology of creative work and vulgar socialism of Soviet aesthetics, principles of which were elaborated by Lenin and Trotsky after Plekhanov, was absolutely unacceptable for the writer. Prishvin considers that Marxism theory of class struggle, dogmatically applying to the spiritual life of the society ruinous for art. That is why his self-affirmation and rescue as a writer, Prishvin sees in the service to the powers of good, not evil of class difference.

Key words: Marxism, G. Plekhanov, V. Lenin, L. Trotsky, class approach to art, ideology of creative work, vulgar socialism.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В.Е. ПЕНЬКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
penkov@bsu.edu.ru*

В статье проанализированы особенности изучения эволюционных процессов. Автором предлагается оригинальный методологический подход для обоснования научности теорий, относящихся к изучению процессов, которые невозможно проверить прямым экспериментальным наблюдением.

Ключевые слова: эволюция, креационизм, методология, границы применимости.

В настоящее время в философии происходят противоречивые тенденции, связанные с изучением эволюционных процессов. С одной стороны, наблюдаются попытки построения единой универсальной теории эволюции, с другой – в учёную среду всё больше проникают идеи креационизма, отрицающие развитие материи и ставящие во главу угла идею о сотворении мира.

Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, методологические особенности изучения процессов эволюции таковы, что их нельзя обосновать абсолютно точно, прямыми экспериментальными наблюдениями, что порождает различные интерпретации одних и тех же явлений с точки зрения различных, а порой и взаимно противоположных мировоззренческих установок. Во-вторых, достаточно часто неправильная интерпретация связана с неверным пониманием того или иного термина, что вызывает чисто ассоциативную аналогию и не позволяет проникнуть в суть изучаемого явления.

Можно выделить следующие аспекты в этом вопросе:

1. Происхождение Вселенной.
2. Возможность усложнения неживой материи.
3. Происхождение жизни на Земле.
4. Развитие биологических видов.
5. Происхождение сознания.

Пожалуй, самая сложная и серьёзная проблема современной науки – это происхождение Вселенной. Наиболее признанной в настоящее время является модель Фридмана, описываемая уравнениями общей теории относительности Эйнштейна, согласно которой Вселенная родилась около 13,7 миллиардов лет назад с точностью до

10% в результате так называемого Большого Взрыва из точки сингулярности, в которой плотность Вселенной была невероятно высока.¹ С точки зрения критериев научности эта модель является несколько парадоксальной.

С одной стороны, учёные, благодаря конечной скорости света, могут наблюдать достаточно удалённые, объекты, как в пространстве, так и во времени. Наблюдая галактику, находящуюся от нас на расстоянии 1 миллиард световых лет, мы видим её такой, какой она была 1 миллиард лет назад. Самый удалённый объект, доступный наблюдению находится на расстоянии 13,4 миллиарда световых лет.² В это время только начался процесс формирования галактик, и Вселенная не имела структуры, а представляла собой равномерно распределённое вещество и электромагнитное излучение.

Таким образом, можно утверждать, что получены прямые экспериментальные наблюдения далёкого прошлого Вселенной. То есть, на этом промежутке времени модель Большого Взрыва верифицируема и фальсифицируема: если бы были какие-либо принципиальные отклонения от теоретической модели, их наверняка бы заметили.

С другой стороны, у нас практически полностью отсутствуют эмпирические данные соответствующие времени начала начал. Или, другими словами, в промежутке времени от 13,4 до 13,7 миллиарда световых лет данная модель не верифицируется и не фальсифицируется. Результаты получены только на основе теоретических расчетов в предположении, что законы физики на самых ранних стадиях эволюции Вселенной не отличались от настоящих. Этот факт принимается на веру, что даёт возможность оспаривать его противникам модели Большого Взрыва. Вопрос же о том, что было до Большого Взрыва, по своей сути является ненаучным, поскольку не подлежит ни верификации, ни фальсификации, ни теоретическому моделированию. Это вызывает огромное число различных подходов и интерпретаций.

Во-первых, в рамках материалистического подхода можно встретить такой ответ: «В учебнике Ландау и Лифшица написано, что решения уравнений Эйнштейна нельзя продолжить в области отрицательного времени, поэтому бессмысленно спрашивать, что было до этого»³. На наш взгляд, это не совсем корректно. Дело в том, что уравнения Эйнштейна – это всего лишь модель, она не может соответствовать реальности абсолютно точно. Речь может идти лишь о том, что в точке сингулярности эти уравнения или не применимы, или теряют смысл. Именно по этой причине мы не можем теоретически просчитать, что было до Большого Взрыва, и соответственно понять его причину.

Вторая интерпретация непосредственно связана с этим, и в её основе лежит утверждение, что Вселенная сотворена Богом и никакого взрыва не было. Если в религиозных учениях это просто принимается на веру, то сторонники креационизма пытаются это научно обосновать. Рассуждения их сводятся к следующему. Поскольку наука не может объяснить причины Большого Взрыва, эта модель не внушает доверия. «По ней **неизвестные** причины в **нарушение** нынешних законов природы (по крайней мере, в начальный момент) производят свои следствия»⁴. По этой причине, можно предположить, что мир был сотворён Богом, который своим вмешательством нарушает естественным законы, что воспринимается нами как чудо. «Обе точки зрения включают фактор чуда – нарушения законов, – поэтому логически они равноправны, а экспериментально в равной мере не проверяемы»⁵.

С таким утверждением нельзя согласиться. Когда мы подходим к точке сингулярности, речь не может идти о нарушении законов. Любая теоретическая модель имеет определённые границы применимости, поэтому вполне естественно, что при выходе за эти границы закон не будет выполняться, но это не значит, что закон нару-

¹ Линде А.Д.. Многоликая Вселенная. 10 июня 2007 года. Москва, ФИАН. Публичная лекция. Сайт Элементы большой науки. Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430484>.

² Радиотелескоп на вершине вулкана. 23.11.2006. Режим доступа: <http://www.salon.ru/rus/content/view/132/1120/0/>.

³ Линде А.Д.. Многоликая Вселенная. 10 июня 2007 года. Москва, ФИАН. Публичная лекция. Сайт Элементы большой науки. Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430484>

⁴ Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. М.: Паломникъ, 2004. – с.70.

⁵ Там же.

шен, просто в этой области он теряет смысл или неприемлем. Более того, согласно теории Большого Взрыва, в начальный момент времени условия были настолько не соответствующие настоящим, что теория **не должна** давать верные результаты. Например, при столь малом объеме, который имела Вселенная на самых ранних этапах развития, пространственно-временная структура должна квантоваться, и как это будет проявляться в реальности, никто не знает. Современная техника не в состоянии воспроизвести эти условия.

Второе возражение против равноправия гипотезы о сотворении мира Богом и модели Большого взрыва заключается в том, что первая не имеет ни экспериментальных, ни теоретических доказательств в свою пользу, а последняя имеет множество косвенных доказательств. Приведём основные из них.

В квантовой механике известен принцип неопределённости, суть которого в том, что любая физическая система не может находиться в состояниях, в которых любая пара так называемых канонически сопряжённых переменных не может принимать точно определённые значения, или же произведение неопределённостей этих величин не может быть меньше определённого значения. К канонически сопряжённым переменным относятся, в частности, энергия и время. Для этой пары соотношение неопределённостей может быть выражено формулой. $\Delta E \Delta t > \hbar$, где \hbar – приведённая постоянная Планка, ΔE – неопределённость энергии, Δt - неопределённость времени. [4, 465]. Отсюда следует, что в результате квантовых флуктуаций вакуума за время Δt может появиться энергии ΔE . Если в силу каких-то причин она будет «заморожена», то в последствии сможет проявиться в материальном мире уже не как виртуальная, а как реальная. Сегодня практически все различные теории вакуума утверждают, что в нём потенциально содержится большое количество энергии, и она при определённых условиях может быть проявлена.

Еще одно теоретическое объяснение. Согласно теореме Нётер всякой физической системе, уравнения движения которой могут быть получены из вариационного принципа, каждому однопараметрическому непрерывному преобразованию, оставляющими вариационный функционал инвариантным, отвечает один дифференциальный закон сохранения, и, главное, позволяет явно выписать сохраняющуюся величину. [5, 340]. Другими словами, если свойства системы не меняются от какого-либо преобразования переменных, то этому соответствует некоторый закон сохранения или наличие в системе симметрии приводит к существованию сохраняющейся для нее физической величины. Топология Вселенной такова, что ее пространственно-временные характеристики обладают определенной симметрией. А именно, симметричность или равноправие всех точек пространства по отношению к движущейся материи означает однородность пространства, равноправие или симметричность всех направлений есть изотропность пространства, и, наконец, отсутствие выделенных точек во временном потоке обуславливает однородность времени.

Поскольку указанные свойства пространства-времени как раз и означают определенную симметрию в структуре Вселенной, в природе, в соответствии с теоремой Нётер, должны существовать законы сохранения, связанные с этой симметрией.

Действительно, однородность времени приводит к закону сохранения энергии. Однородность пространства – к закону сохранения импульса. Изотропность пространства – к закону сохранения момента импульса.

Нас интересует однородность времени. Кто даст гарантию, что при квантовании времени, которое, согласно теории, должно осуществляться в точке сингулярности, последнее останется однородным? А если оно неоднородно, то энергии не сохраняется. Здесь нет никакого нарушения закона, просто соблюдены условия, в которых энергия ведёт себя не так, как в подавляющем большинстве случаев.

Кроме теоретических логически не противоречивых объяснений имеются также косвенные экспериментальные данные пользу модели Большого Взрыва.

Первым важным доводом в её пользу является открытое Хабблом в 1929 году космологическое красное смещение линий в спектрах звезд и галактик, по которому определяется скорость их удаления. Чем дальше галактика, тем больше скорость ее удаления от нас. Оказалось, что существует именно такая зависимость между скоростью удаления галактики и расстоянием до нее, какая предсказывалась теоретически.

Вторым доводом является существование реликтового излучения. Это результат эволюции излучения, возникшего в первые мгновения после начала расширения. В соответствии с теорией оно изотропно и имеет температуру приближенно 3 К. Это излучение было открыто в 1965 году американскими радиоастрономами А. Пензиасом и Р. Вилсоном. Точный анализ излучения показал, что речь может идти об излучении абсолютно черного тела с температурой 3 К. Получено также много подтверждений изотропности этого излучения⁶. И здесь опытные данные подтверждают теорию.

В-третьих, из теории следует, что в Метагалактике должны присутствовать ядра гелия примерно в количестве 25% от полного количества вещества. Это предсказание также подтверждается наблюдениями.

Таким образом, говорить о том, что гипотеза сотворения и модель Большого Взрыва «в равной мере не проверяемы» не корректно.

Более того, креационистский подход, вообще не претендует на какие-либо объяснения и доказательства, когда речь заходит о необъяснимых явлениях. «Если мы называем чудом событие, противоречащее современным законам природы, то возникновение мира является именно чудом, абсолютно необъяснимым современными законами. Кто сотворил это чудо, Тот легко может сотворить чудо меньшее, поэтому с фактом чуда у нас не должно быть серьезного логического затруднения»⁷.

Вместо того, чтобы пытаться объяснить непонятное явление, может быть, разработать новую теорию, креационисты просто ссылаются на Бога. И в качестве логического доказательства его существования приводят довод о том, что наука что-то не объясняет. Но как мы показали выше, причина «необъяснения» лежит не в том, что наука бессильна, а в том, что она не имеет опытных данных, на основе которых можно было бы строить логические доказательства.

В этой ситуации мы всего лишь выходим за уровень научных знаний и вступаем в область онтологии, где выводы делаются только на основе изначально заданных постулатов, а далее на основе логических умозаключений. Причем, как правило, эти постулаты основываются на мировоззренческих установках и в принципе не верифицируемы.

Следующий вопрос, который мы рассмотрим: как развивалась Вселенная после Большого Взрыва. Следует отметить, что сам термин крайне неудачен: по ассоциации возникает некий разрушительный процесс, который не может привести к образованию сложных структур.

На самом деле под этим термином понималось развёртывание трехмерного пространства – этот процесс продолжается и сейчас. Расширение Вселенной происходит не за счёт того, что из одной точки галактики разлетаются (как в случае обычного взрыва), а из-за того, что увеличивается объём самого пространства. В какой бы точке не находился наблюдатель, он всегда будет в центре расширения. Такой процесс кардинально отличается от обычного взрыва и допускает возможность образования сложных структур.

Вплоть до открытия второго начала термодинамики проблема усложнения материи и её структуризации перед наукой не стояла. Так, Р. Декарт утверждал: «...допустим, что с первого же момента как была сотворена материя, одни из ее частей начали двигаться в одну, а другие – в другую сторону, одни быстрее, а другие медленнее (или, если это вам угодно, остались совсем без движения), и что материя сохраняет в дальнейшем свое движение, следуя обычным законам природы. Бог так чудесно установил эти законы, что если бы мы даже предположили, что им не создано было ничего, кроме сказанного, и не вложено в материю никакого порядка и соразмерности, а, наоборот, все перемешано в самый запутанный и сложный хаос, какой только могут описать поэты, то и в таком случае законы эти были бы достаточны, чтобы заставить части материи распутаться и расположиться в весьма стройный порядок. Придя благодаря этим законам сама собою в порядок, материя наша приняла бы форму весьма

⁶ Физический энциклопедический словарь. М., 1984. – с.184-185.

⁷ Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. М.: Паломникъ, 2004. – с.304.

совершенного мира, в котором можно было бы наблюдать не только свет, но также и все остальные явления, имеющие место в нашем действительном мире»⁸.

В этом высказывании идея сотворения и эволюции присутствуют вместе и не противоречат друг другу.

И Ньютон, отвечая в письме на просьбу Р. Бенгли описать появление Солнца, подчеркивал: «Мне кажется, что если бы все вещество нашего Солнца и планет и все вещество Вселенной было бы равномерно рассеяно в небесных глубинах и если бы каждая частица имела врожденное тяготение ко всем остальным, и если бы наконец, пространство, в котором была бы рассеяна эта материя, было бы конечным, вещество снаружи этого пространства благодаря указанному тяготению влеклось бы ко всему веществу внутри и вследствие этого упало бы в середину всего пространства и образовало бы там одну огромную сферическую массу. Однако, если бы это вещество было равномерно распределено по бесконечному пространству, оно никогда не могло бы объединиться в одну массу, но часть его сгущалась бы тут, а другая там, образуя бесконечное число огромных масс, разбросанных на огромных расстояниях друг от друга по всему этому бесконечному пространству. Именно так могли образоваться и Солнце и неподвижные звезды, если предположить, что вещество было светящимся по своей природе»⁹.

О роли гравитации в формировании космических объектов говорит Ж.Л. Бюффон: «Итак, сила сия, которая нам под именем тяжести известна, распространяется по всем веществам: планеты, кометы, Солнце, Земля и все прочие тела подвержены ее законам, и она служит основанием стройности Вселенной»¹⁰.

Сходные высказывания находим у П.С. Лапласа: «С давних времен особое расположение некоторых звезд, видимых простым глазом, поражало мыслящих наблюдателей... Эти группы являются необходимым результатом конденсации туманностей с несколькими ядрами, так как ясно, что поскольку туманная материя непрерывно притягивалась этими ядрами, с течением времени они должны были образовать группу звезд»¹¹.

Существенное дополнение в космологию ввел И. Кант. «Я полагаю, – писал он, – что вся материя, из которой состоят небесные тела нашей Солнечной системы, т. е. все планеты и кометы, была в начале всех вещей разложена на свои элементарные составляющие, заполняющие все мировое пространство, в котором ныне обращаются эти уже сложившиеся тела. Такое состояние природы, если даже его рассматривать само по себе, без всякого отношения к какой-либо системе, представляется наиболее простым, какое может только последовать за небытием. В то время все было еще бесформенно. Образование обособленных друг от друга небесных тел, их удаленность в зависимости от притяжения, их форма, определяемая равновесием сгустившейся материи, – все это уже позднейшее состояние... Материя, которая кажется совершенно инертной и нуждающейся в форме и организации, уже в простейшем своем состоянии таит в себе стремление подняться к более совершенному состоянию путем естественного развития. В наполненном указанным образом пространстве всеобщий покой длится только одно мгновение. Элементы, коим присущи силы для приведения друг друга в движение, имеют источник жизни в самих себе. Материя с самого начала стремится к формированию. Итак, если в очень большом пространстве имеется точка, где притяжение находящихся там элементов действует около себя сильнее, чем в любом другом месте, то рассеянные во всем окружающем пространстве частицы основного вещества будут падать по направлению к этой точке. В результате этого всеобщего падения прежде всего образуется в этом центре притяжения тело, которое, начавшись, так сказать, с бесконечно малого зародыша, быстро растет. Но, по мере того как увеличивается его масса, оно все с большей силой побуждает окружающие частицы присоединяться к нему. Ко-

⁸ Декарт Р. Космогония. Два трактата. М.; Л.: ГТТИ, 1934. – 326 с.

⁹ Quoted in A.R.Hall and L.Tilling, eds., *The Correspondence of Isaac Newton*, 3 vols. (Cambridge, 1959-77), December 10, 1692, III, – p.234.

¹⁰ Бюффон Ж.Л. Всеобщая и частная естественная история. СПб.: Императорская Академия наук. Ч III. – 1790. – 127.

¹¹ Лаплас П.С. Изложение системы мира. Л.: Наука, 1982. – 326-335.

гда масса этого центрального тела возрастет настолько, что скорость, с которой оно притягивает к себе частицы с больших расстояний, отклоняется в сторону из-за слабого отталкивания, коим эти частицы мешают друг другу, и превращается в боковые движения, которые благодаря центробежной силе могут совершаться по кругу около центрального тела, – тогда возникают сильные вихри частиц»¹² Таким образом рождаются планеты.

Самое главное в этом высказывании то, что Кант рассматривает не мертвую природу, а способную к самоорганизации. Как отмечает Э.М. Галимов: «Сущность мировоззренческого переворота, совершенного Кантом, сводилась к тому, что он вместо мертвой материи Ньютона ввел понятие саморазвивающейся. Представление о материи, которая сама является источником своего движения, является основным исходным пунктом взглядов Канта на природу»¹³. С сегодняшних представлений такой подход можно рассматривать как предтечу концепции самоорганизации материи.

Сходные мысли находим и у Ж.О. Ламетри: «...материя содержит в себе оживляющую ее движущую силу, которая является непосредственной причиной всех законов движения»¹⁴.

Таким образом, уже в XVII-XVIII веках причину эволюции неживой материи ученые усматривали в самой природе.

Анализируя данный исторический период в контексте представлений об эволюции С.Д. Хайтун отмечает: «Ни Декарт, ни Ньютон, ни Кант, ни Лаплас, естественно, не соотносили идею эволюционного усложнения наблюдаемого мира под давлением взаимодействий с законом возрастания энтропии (второго начала термодинамики – В.П.), который был сформулирован только во второй половине XIX в. Зато это вынуждены делать их последователи сегодня»¹⁵

В настоящее время существуют различные интерпретации совместимости второго начала термодинамики и усложнения материи.

При традиционном подходе образование сложных структур рассматривается как гигантская флуктуация, крайне маловероятное событие, для объяснения которого необходимо допущение множественности миров, незамкнутости Вселенной и других предположений, которые нельзя подтвердить экспериментально.

Однако, даже повседневный опыт говорит о том, что в природе достаточно часто происходят процессы самоорганизации, противоречащие второму началу термодинамики. Как правило, это объясняют открытостью систем. А всегда ли в этом процессе играет роль незамкнутость системы?

На наш взгляд, в статистическом истолковании второго начала термодинамики содержится серьезная методологическая ошибка. Утверждается: предоставленная сама себе система стремится к максимальному беспорядку, поскольку такое состояние является наиболее вероятным. Отсюда делается вывод, что в замкнутой системе невозможно образование сложных структур, так как вероятность такого события стремиться к нулю.

Является ли это справедливым для любой замкнутой системы, состоящей из ансамбля частиц? Если элементы системы не могут образовывать связи между собой, то такой вывод правомерен. В противном случае возникают серьезные методологические проблемы. Экстраполяция вывода о стремлении к максимальному хаосу на системы, состоящие из элементов, способных к образованию связей между собой, не является верным, поскольку в такой системе наиболее вероятному состоянию соответствует не максимальный хаос, а как раз образование сложной структуры.

В связи с этим в процессе рассмотрения второго начала термодинамики и истолкования его вероятностного характера необходимо четко разделить стремление системы к максимальному хаосу и к наиболее вероятному состоянию. Для систем, состоящих из

¹² Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т.1. – с.156-157.

¹³ Галимов Э.М. Принцип развития в основаниях научной картины природы. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – 94.

¹⁴ Ламетри Ж.О. Человек-машина. Минск: Литература, 1998. – 21с.

¹⁵ Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. – М.: КомКнига, 2005. – 63.

элементов, не вступающих во взаимосвязи, первое тождественно второму, если же элементы системы могут образовывать взаимные связи, наиболее вероятное состояние соответствует образованию сложной структуры, даже если система замкнута.

Последний вывод легко и просто объясняет процесс усложнения материи во всей Вселенной в целом, что снимает проблему тепловой смерти, без привлечения каких либо допущений, не подлежащих экспериментальной проверке.

Следующий шаг в эволюции Вселенной – образование живого вещества. Сегодня существует множество интерпретаций происхождения жизни на Земля, начиная от гипотезы сотворения, и кончая сложнейшими химическими реакциями. Как правило, невозможность однозначного научного объяснения этого процесса приводит к утверждению о невозможности происхождения жизни естественным путём.

Рассмотрим этот вопрос с более общих позиций, как частный случай перехода количественных изменений в качественные, исходя из закона диалектики.

Любой скачок, связанный с качественным преобразованием материи, можно описать с помощью двух состояний и переходного процесса от одного состояния к другому. Причем два состояния, как правило, описываются двумя различными моделями, а процесс перехода рассматривается в рамках третьей модели. То есть, для описания качественного перехода системы из одного состояния в другое необходимо использовать три различные модели, причем они могут быть даже не связаны между собой, и уж, тем более, не следовать друг из друга.

Но если у нас есть более общие закономерности, то они могут описать этот процесс теоретически и получить конкретную модель перехода из одного состояния в другое.

Приведем два примера.

Тело движется равномерно и прямолинейно с определенной скоростью, под действием силы изменяет скорость и после прекращения действия силы переходит в другое состояние движения с другой постоянной скоростью. Здесь нет качественного перехода, поэтому начальное и конечное состояния описываются одним и тем же законом – первым законом Ньютона. Процесс же изменения скорости описывается вторым законом Ньютона, и без его учета, только на основе первого закона, невозможно объяснить изменение скорости. Если причина ускорения (определенная сила, действующая на тело) неизвестна, то изменение скорости не найдет теоретического объяснения.

В данном примере общей закономерностью будет механика, которая объединяет все законы Ньютона, и особых проблем при описании такого явления не возникает.

Теперь рассмотрим второй пример, при котором происходит качественное преобразование системы – процесс парообразования.

Мы имеем два агрегатных состояния, одно из которых описывается законами жидкого состояния (поверхностное натяжение, смачиваемость, модель абсолютно несжимаемой жидкости и пр.), а второе – законами идеального газа (уравнение состояния идеального газа, законы Шарля, Бойля-Мариотта, Гей-Люссака).

Переход из одного агрегатного состояния в другое описывает процесс парообразования, который связан с переходом молекул из жидкости в свободное пространство, при котором совершается работа выхода с поверхности. В результате для перевода одного килограмма жидкости в пар при температуре парообразования требуется определенная энергия, численно равная удельной теплоте парообразования.

Исходя из моделей жидкого и газообразного состояния мы не имеем возможности вычислить эту величину теоретически. Но, поскольку, процесс парообразования мы можем наблюдать экспериментально, удельную теплоту парообразования воды можно определить, исходя из опыта.

Однако, в данном примере у нас имеется общая закономерность, в качестве которой может выступать закон сохранения энергии – с его помощью можно без эксперимента определить удельную теплоту парообразования.

Методологический подход здесь следующий. Мы с единых позиций (в данном случае энергетических) описываем оба состояния, что позволяет теоретически описать процесс перехода из одного состояния в другое (вычислить внутренние энергии одного килограмма воды и пара, разность которых и даст удельную теплоту парообразования).

Теперь рассмотрим с точки зрения этих же методологических позиций обозначенные выше вопросы. Начнем с описания процесса возникновения жизни.

Мы имеем два различных состояния – химическую и биологическую формы движения материи. Каждая из этих форм описывается своими законами. И, если законы химической формы движения материи в целом находят теоретическое объяснение, то создание теоретической биологии только начинается. Тем не менее, обе эти формы движения материи наблюдаются экспериментально и можно построить определенные модели, описывающие как химическую, так и биологическую формы движения материи.

А вот процесс перехода от химии к биологии (процесс возникновения жизни) экспериментально – во всяком случае пока – не наблюдается. И как уже отмечалось, исходя из моделей, описывающих два крайние состояния получить модель перехода из одного состояния в другое не представляется возможным. Воспроизвести его в лабораторных условиях так же весьма затруднительно, поскольку строгого теоретического обоснования мы не имеем.

Что же получается в итоге? Нам необходимо строить модель перехода из химической формы движения материи в биологическую, привлекая дополнительные постулаты, исходя из мировоззренческих установок.

В парадигме креационизма это объясняют сверхъестественным вмешательством – жизнь «не могла возникнуть случайно, сама собой, без воздействия всемогущего Разума»¹⁶.

Причем, что особенно существенно, при таком подходе вопрос о процессе вообще не ставится, его рассматривают вне науки, как нарушение законов природы, как необъяснимое чудо. Ведь даже если предположить, что жизнь порождена Высшим разумом, все равно остается вопрос как именно, это же не могло случиться по «мановению волшебной палочки».

Парадигма креационизма оставляет этот вопрос без ответа, выводя его за пределы возможности объяснения, просто принимая на веру.

В парадигме эволюционизма этот процесс пытаются объяснить на основе совершенствования химической формы движения материи, который рано или поздно приведет к качественному скачку. Однако, вероятность такого перехода стремится к нулю и толкового объяснения не получается – все остается на уровне концепций.

В нашей методологической концепции мы показали, что решение этого вопроса возможно только на основе выявления более общих закономерностей, которые «работают» на уровне и химической и биологической форм движения материи. Сегодня такие закономерности науке не известны.

Таким образом, как и в случае объяснения происхождения Вселенной наука не даёт однозначного ответа на вопрос о происхождении жизни ввиду отсутствия экспериментальных данных в этой области.

Теперь остановимся на интерпретациях эволюции биологических видов.

При традиционном атеистическом подходе теория Дарвина рассматривается как единственно возможное объяснение такой эволюции. Некоторые несоответствия в цепочках, связывающих низшие виды с высшими, объясняют отсутствием экспериментальных данных, неполнотой геологической летописи.

Рассмотрим этот вопрос более детально в рамках критериев научности с чётким разделением основных постулатов теории, её границ применимости и возможной экстраполяции на другие формы движения материи, что пытаются в настоящее время сделать в рамках концепций самоорганизации и глобального эволюционизма.

Эволюционная теория Дарвина основана на трёх принципах: принцип наследственности и изменчивости, принцип естественного отбора и принцип борьбы за существование. Наследственность заключается в том, что от поколения к поколению передаются основные признаки, характеризующие особь, как принадлежащую к опреде-

¹⁶ Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. М.: Паломникъ, 2004. – с.150.

ленному биологическому виду. В то же время не существует абсолютно одинаковых организмов – всегда будет наблюдаться какие-то отличительные особенности. При относительно постоянных условиях эти отличия не оказывают существенного влияния на развитие популяции. Однако при резком изменении окружающей среды какие-то особенности могут оказаться вредными, а какие-то полезными, и тогда в популяции произойдет накопление благоприятного признака, и практически все особи будут им обладать. Ч. Дарвин различает два типа изменчивости: индивидуальную и групповую. Первый тип передается по наследству, второй – связан с условиями окружающей среды. Принцип наследственности и изменчивости получил экспериментальное подтверждение в генетике и может считаться строго доказанным.

Принцип борьбы за существование связан с тем, что все организмы имеют тенденцию к размножению в геометрической прогрессии, в то же время половой зрелости достигают далеко не все. На этой основе Дарвин высказал предположение, что между особями должна происходить конкуренция, которая ведет к тому, что выживают далеко не все. Как подчеркивал автор эволюционной теории, «борьба за существование» представляет собой метафору, с помощью которой характеризуются различные отношения между организмами, начиная от сотрудничества внутри вида против неблагоприятных условий окружающей среды и кончая конкуренцией между организмами в добывании пищи, занятии лучшего местообитания, лидерства в группе и т. п. В связи с этим различают внутривидовую и межвидовую борьбу за существование.

Вместе с тем метафоричность данного термина вызывает ложные ассоциации и иногда приводит к нелепым высказываниям. Так, в книге «Православное мировоззрение и современное естествознание» автор договаривается до того, что теория эволюции породила фашизм: «Идеи расового превосходства – расизм и, гитлеризм – исходят из дарвиновского учения о происхождении рас и их неравнозначности»¹⁷. Таким образом, неправильная интерпретация связаны с некорректным толкованием термина.

Естественный отбор заключается в том, что в борьбе за выживание в популяции остаются наиболее приспособленные особи. Механизм его действия следующий. Если в популяции возникает положительная мутация у отдельной особи, то у нее будет больше шансов выжить и оставить потомство. Несмотря на то, что каждая отдельная мутация является случайной, при появлении благоприятного изменения, оно закрепляется в популяции и в последующих поколениях появляется во все большем числе особей, пока не войдет в генофонд всей популяции.

Здесь тоже достаточно часто идёт неправильное толкование, а именно: в естественном отборе выживает сильнейший. Из этой ложной посылки делаются просто фантастические выводы. Например, в работе Д. Гиша¹⁸ приводится следующее высказывание: «Борьба за существование и уничтожение слабейших – страшный процесс, против которого восстаёт вся современная этика. Идеальное общество – общество без отбора, в котором слабые защищены, что является прямой противоположностью так называемого закона природы». В приведённом высказывании имеется серьёзная методологическая ошибка, связанная с некорректной формулировкой. Выживает не «сильнейший», а «наиболее приспособленный». Причём приспособление было связано с объединением в племена и первобытные общины, и только совместная жизнь и постоянная взаимопомощь позволило человечеству выжить в сложной борьбе с природными условиями и хищными животным.

Так же стоит отметить, что «общество без отбора» представляет собой миф, утопию. Как можно, например, представить себе поступление в институт без конкурсного отбора. А на биологическом уровне отсутствие отбора может привести просто-напросто к гибели определённого вида, поскольку генетический груз не будет выбраковываться, и потомкам смогут передаваться не только положительные, но и отрицательные изменения.

¹⁷ Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. М.: Паломникъ, 2004. – с.289.

¹⁸ Гиш Д. Учёные креационисты отвечают своим критикам. М., 1994.

Представители креационизма утверждают, что искусственный отбор, осуществляемый человеком сознательно, доказывает невозможность естественного, поскольку появление новых видов происходит лишь потому, что человек производит искусственный отбор, руководствуясь определёнными целями. Отсюда делают не правильный методологический вывод – появление новых форм без сознательного регулирования невозможно. Но давайте разберёмся, в чем принципиальная разница естественного и искусственного отбора? И может ли в естественных условиях возникнуть аналог сознательного регулирования процессом?

Таким аналогом является ни что иное, как окружающая среда. Только природа действует «методом проб и ошибок», а человек осуществляет отбор целенаправленно. Качественно суть дела остаётся той же самой, а вот количественно кардинально меняется. Если для выведения новых сортов путем селекции требуется несколько лет или даже месяцев, то в естественных условиях этот процесс растягивается на миллиарды лет.

Последний наиболее значимый скачок в развитии материи на Земле – это появление сознания человека. В этом вопросе также отсутствует однозначное научное объяснение. В нашей методологической концепции как и в вопросе происхождения жизни этот процесс можно рассматривать как частный случай перехода количественных изменений в качественные. Только при этом осуществляется переход от биологической к социальной форме движения материи. Качественный переход здесь связан с появлением возможности понятийного мышления.

Таким образом, методологические особенности изучения эволюционных процессов, которые невозможно напрямую проверить экспериментально, заключаются в следующем.

– Отсутствие однозначного научного объяснения связано не с изъянами науки, а с отсутствием эмпирических данных, поэтому могут существовать различные объяснения одних и тех же фактов.

– При объяснении качественных скачков необходимо использовать три модели: первого состояния, второго состояния и процесса, либо одну модель, описывающую весь процесс перехода, исходя из более общих соображений. В первом случае мы не можем теоретически вывести возможность перехода из одного состояния в другое, во втором происходит частичная потеря информации о процессе.

Список литературы

1. Линде А.Д.. Многоликая Вселенная. 10 июня 2007 года. Москва, ФИАН. Публичная лекция. Сайт Элементы большой науки. Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430484>.
2. Радиотелескоп на вершине вулкана. 23.11.2006. Режим доступа: <http://www.salon.su/rus/content/view/full/1120/0/>.
3. Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. М.: Паломникъ, 2004.
4. Физический энциклопедический словарь. М., 1984.
5. Физическая энциклопедия. Т. 3.– М, 1992.
6. Шмутцер Э. Теория относительности современное представление. Путь к единству физики. – М.: Мир, 1981.
7. Декарт Р. Космогония. Два трактата. М.; Л.: ГТТИ, 1934.
8. Quoted in A.R.Hall and L.Tilling, eds., *The Correspondence of Isaac Newton*, 3 vols. (Cambridge, 1959-77), December 10, 1692, III,
9. Бюффон Ж.Л. Всеобщая и частная естественная история. СПб.: Императорская Академия наук. Ч III. – 1790. – 403 с.
10. Лаплас П.С. Изложение системы мира. Л.: Наука, 1982. – 376 с.
11. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т.1.
12. Галимов Э.М. Принцип развития в основаниях научной картины природы. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – 246 с.
13. Ламетри Ж.О. Человек-машина. Минск: Литература, 1998. – 703 с.
14. Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. – М.: КомКнига, 2005. – 536 с.
15. Гиш Д. Учёные креационисты отвечают своим критикам. М., 1994.

METODOLOGICAL PECULIARITON OFSTUDYING OF THE EVOLUTIONARY PROCESSES

V.E. PENKOV

Belgorod State University

e-mail:

penkov@bsu.edu.ru

The peculiarities of studying of the evolutionary processes are analysed in the article. The author suggests the original methodological approach to the reasons of the scientific theories, related to the studying of processes, which cannot be tested by the direct experimental observation.

Key words: evolution, creationism, methodology, the bounds of applicability.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ РОМАНТИЗМА

В.В. ЛИПИЧ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: li-
pich@bsu.edu.ru*

В статье исследуются юношеские художественные опыты Салтыкова-Щедрина с позиции усвоения и отражения в них ведущих положений эстетики и поэтики романтизма, анализируется влияние романтических традиций и канонов на процесс становления творческого мировоззрения будущего писателя-реалиста в ходе его общей художественно-эстетической эволюции.

Ключевые слова: антропология, эстетика, социальный конфликт, романтизм, свобода, идея творчества, жанр, поэтика, трагизм, сюжет, детерминизм, художественный метод, традиция.

Многие письма, дневники, воспоминания М.Е. Салтыкова-Щедрина свидетельствуют о том, что художественное воспитание будущего писателя происходило под непосредственным воздействием романтических традиций. Его первые литературные опыты были также тесно связаны с эстетикой романтизма. Наиболее крупной попыткой начинающего прозаика осмыслить и разработать знаменитые трагические сюжеты мировой литературы явилось такое юношеское произведение, как «Кориолан»¹.

Сейчас невозможно точно установить, насколько подражательным было полностью не сохранившееся и целиком, к сожалению, не дошедшее до нас произведение молодого автора, но достаточно очевидным является то, какие именно проблемные линии привлекали Салтыкова в этом сюжете. Особенности обращения начинающего писателя к сюжетам мировой драматургии обусловлены его общим интересом к романтическому направлению. Отсюда – выбор жанра трагедии, внимание автора не столько к сложности внешне развивающегося действия, сколько к характеру, к жгучей проблеме личности. Динамика происходящего повествования объясняется неоднозначностью человеческих характеров, их сложной внутренней противоречивостью и психологической емкостью. В своих начальных дебютах Салтыков ставит перед собой ту же «идею творчества», ту же «величайшую задачу», что и в своих письмах, – разгадать бездонную и многоликую тайну человека.

Однако концепция, вернее, восприятие Салтыковым романтизма, как и восприятие всей литературы в 1830-е – 1840-е гг., носило четко выраженный «антрополо-

¹ См.: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – с. 265.

гический» характер. Но это вовсе не означало, что для него понятие «человеческое» было лишено острого социального содержания. Человек для Салтыкова был отправной и конечной точкой в целостном изучении мира людей, их многообразных социальных отношений. Личность, как таковая, привлекала Салтыкова не только своей имманентной загадочностью, но и тайной своего отношения к миру, к другим людям. Личность – не только как содержание, но и как отношение. Проблема «человек и среда», решавшаяся писателями натуральной школы с позиций социального детерминизма, оборачивалась у Салтыкова совершенно иной стороной – акцент писателем делался на первой части двучлена, *человеке*, его свободной воле и осознанной вине.

Обращение Салтыкова к сюжету о Кориолане, нам кажется, было вполне закономерным, хотя в зрелые годы писатель отзывался о своем первом опыте с «большим сарказмом». С высокой долей вероятности можно предположить, что познакомиться с этим сюжетом начинающий автор мог в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, но образцом для подражания, видимо, стала трагическая версия Шекспира². Неслучайно Салтыков также избирает жанр трагедии и ту же – стихотворную – форму моделирования текста. Но главное, тональность шекспировской трагедии отвечает его настроению типично романтического неудовольствия жизнью, протеста против несоответствующей идеалу действительности, сознанию, хотя и выраженному в общих, расплывчатых образах, социального антагонизма между человеком и обществом.

В шекспировском «Кориолане» молодой писатель, по всей видимости, увидел романтизированную «трагедию социальную» с акцентом на «вывихнутом веке», на «глумлении времени», трагедию состояния мира³. Поэтому Салтыкова с его юношеским неприятием общества могла привлечь эта самая социальная, более того – социально-политическая, трагедия Шекспира. Нигде великий драматург так явно не переносит основной социальный антагонизм между господствующей верхушкой общества и народом в плоскость политическую, положив в основу трагедии вечный конфликт между плебсом и патрициями⁴.

Думается, что в «Кориолане» Салтыкова могли привлечь еще два момента, отразившиеся в его творчестве позднее. Во-первых, то повышенное внимание, которое уделяет Шекспир экономическим вопросам. Трагедия начинается с экономического кризиса, в свою очередь вызывающего кризис политический: нужда, голод народа лежат в основе его недовольства властью. Один из горожан клянется: «...не мечь во мне, а голод говорит! – и обращается к согражданам. – Готовы ли вы скорее умереть, чем голодать?» Он же рисует картину нищеты народа: «Достаточными нас никто не считает: ведь все достояние – у патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам объедки со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет – они полагают, что мы и без того им лишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид – это вывеска их благодеяний. Чем нам горше, тем им лучше» [акт 1, сцена 1].

Вместе с тем, суровая печаль, присутствующая и минорно совпадающая с мотивами зрелого творчества Салтыкова-реалиста, обнаруживается и в его юношеских сти-

² Салтыков-Щедрин, конечно, хорошо знал «Жизнеописания» Плутарха из лицейского курса словесности и высоко их ценил. «...Чтение биографий Плутарха, – замечает он в рецензии на исторические повести для детей, – может принести пользу ребенку: там всякое слово – истина, каждая черта взята из действительности». Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Наука, 1965. – Т. I. – С. 335. [Далее все цитаты приводятся в тексте по этому изданию: римская цифра обозначает том, арабская – страницу].

С шекспировским «Кориоланом» Салтыков мог познакомиться не только в подлиннике, но и через русский перевод, сделанный В.А. Каратыгиным и опубликованный в «Репертуаре русского театра» за 1841 г. – Т. 1. – Кн. 2 [См.: Шекспир У. Библиография. – М.: Книга, 1964. – С. 24]. Приблизительно в это время у него и возник интерес к данному сюжету, по крайней мере, работа завершилась не позже весны 1844 г. [См.: Макашин С. М.Е. Салтыков-Щедрин. Биография. 1. – 2-е изд. – М.: Гослитиздат, 1951. – С. 150].

³ Пинский Л. Шекспир. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 153.

⁴ См.: Аникст А. Кориолан. – В кн.: Шекспир У. Полн. собр. соч. – М.: Искусство, 1960. – Т. 7. – С. 784 – 798; Шведов Ю. Эволюция шекспировской трагедии. – М.: Искусство, 1975. – С. 402 – 408.

хотворных подражаниях таким известным поэтам-романтикам, как Г. Гейне, Д. Байрону, В. Гюго, М. Лермонтову. Однако этот важный пласт творческого наследия будущего сатирика-реалиста остается как бы в тени, на обочине исследовательского внимания, что не является правильным, с точки зрения общего хода писательской эволюции.

Так, в стихотворении Салтыкова «Музыка» мы обнаруживаем ярко выраженное романтическое мироощущение лирического героя:

Пускай терзание наполнит душу мне тоской;
Моя любовь живет страданьем,
И страшен ей покой... [I, 360]

Салтыков строит романтический мир, исходя не из потребностей вечно жаждущей «невыразимого» личности, а из запросов человека, оскорбленного «нашим веком». Поэтому наряду со скорбной рефлексией в стихах будущего сатирика ясно различима и струя скорбно-сатирическая, основанная на отрицании «казарменной» жизни. Пусть слабо, но все же Салтыков акцентирует в романтическом неприятии личностью мира социальные истоки ее позиции, ее социальную природу. Так, в стихотворении «Наш век» молодой поэт с грустной обреченностью констатирует:

В наш странный век всё грустью поражает.
Не мудрено.
Мы жить спешим. Без цели, без значенья
Жизнь тянется, проходит день за днем –
Куда, к чему? Не знаем мы о том.
Вся наша жизнь есть смутный ряд сомненья
Мы в тяжкий сон живем погружены.
И лира наша вслед за жизнью веет
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый ум безвременно коснеет
И чувство в нас молчит, усыплено.
Что в жизни есть веселого? Невольно
Немая грусть на сердце набезжит
И тень сомненья омрачит...
Нет, право, жить и грустно, да и больно!.. [I, 361]

Не правда ли, сразу же возникают прямые ассоциативные параллели с такими лермонтовскими стихотворениями, как «Дума», «И скучно, и грустно» и многими другими? Причем не только лишь на горизонтальном уровне традиционной романтической эмоции, а гораздо глубже. Салтыков сосредоточивает внимание на социальных отношениях, тяготеющих над людьми, в чем чувствуется зерно будущих социологических и психоаналитических анализов современного ему общества.

Молодой писатель явственно отдавал предпочтение трагедии разлада и разрыва с миром, и эта трагедия у романтиков разных направлений принимала то социальную, то политическую, то отвлеченно-философскую или антропологическую (разлад человека с самим собой) окраску. В таком конфликте личность раскрывалась в своих исключительных, индивидуалистических чертах, в своем скорбном презрении, отрицании действительности, как личность исключительно байроническая.

Применяя терминологию Шиллера, можно сказать, что Салтыков-Щедрин в своем раннем творчестве склонялся к двум противоположным сторонам романтического отношения к миру: «элегической» и «сатирической», то есть, вскрывая противоречия между действительностью и идеалом, акцентировал разные стороны этого противоречия⁵. Причем, подобное тяготение – лишь тенденция в опытах молодого писателя, которая впоследствии будет плодотворно развита. Известно, что среди писательских кумиров Салтыкова в те годы был Байрон, поэтому целый ряд юношеских стихов Салтыкова не только всецело проникнут соответствующим романтическим настроением, но и имеет вполне характерное название – «Из Байрона»:

⁵ Шиллер Ф. Статьи по эстетике. – М.; Л.: Academia, 1935. – С. 343, 349 – 350.

Когда печаль моя, как мрачное виденье
Глубокой думою чело мне осенит,
Прольет мне на душу тяжелое сомненье
И очи ясные слезою омрачит... [I, 359]

В другом стихотворении с аналогичным названием – «Из Байрона» – тот же романтический скепсис, меланхолия и тоска

Разбит мой талисман, исчезло упоенье!
Так! Вечно должно нам здесь плакать и страдать;
Мы жизнь свою влачим в немом самозабвении
И улыбаемся, когда б должны рыдать... [I, 358]

Приметы «байронизма» Салтыкова легко и вполне объяснимо угадываются и в таких его ранних стихотворениях, как «Лира», «Вечер», «Зимняя элегия», «Весна» и других.

Во время обучения в Царскосельском лицее и в последующие годы Салтыков-Щедрин прошел содержательный период глубокого самообразования. Он изучал философские труды Гегеля, Фейербаха, штудировал работы Сен-Симона, Фурье, других известных философов и экономистов. Сам процесс и некоторые итоги тогдашних исканий молодого Щедрина нашли свое отражение в его повестях 1840-х гг. «Противоречия», «Запутанное дело» и рассказе «Брусин».

Экономические вопросы и противоречия волновали Салтыкова во время его работы над первой петербургской повестью «Противоречия», посвященной своему другу, профессору-экономисту Петербургского университета Владимиру Алексеевичу Милютину. Несмотря на определенную «умозрительность», эта повесть примечательна своим горячим откликом на злободневные философско-политические дискуссии времени. Для героя этой повести Андрея Павловича Нагибина началом нравственных страданий и мучительной рефлексии была бедность, породившая чувство унижения, бесправия, самозапрет на любовь и личное счастье. Неустойчивость материального положения Нагибина обострила его восприятие экономических коллизий, за которыми потянулись реальные «призраки» противоречий социальных и философских. Герой безуспешно размышляет над жгучими вопросами жизни: как преодолеть пропасть, отделяющую действительность от идеала? как преодолеть утопичность и романтическую социально-экономических программ, коль скоро они не находят в настоящей жизни никаких «зачатков будущего»?

В итоге же, говоря словами лермонтовского Печорина, Нагибин становится «умной ненужностью», в которую его превращает абстрактный интеллектуализм, чрезмерное увлечение анализом и умозрением. По сути же, в изошренном умствовании салтыковского персонажа исчерпывается его энергия, и герой превращается в чисто книжного бунтаря, который по существу без борьбы подчиняется неразумной, как он сам это аргументировано и неоднократно доказывает, действительности.

Окончательно в подобных вопросах «запутывается» и герой второй повести Салтыкова «Запутанное дело» – Иван Самойлович Мичулин. Если для Андрея Нагибина в слове «бедность» невольно слышался неизбежный его синоним – «смерть», то для Ивана Самойловича Мичулина смерть оборачивается реальным жизненным исходом: «жил-жил человек, да вдруг и умер» [I, 99, 274]. Ярко показательна в этом отношении логика второго сна героя, иллюстрирующего переход его мысли от социально-экономических «дел» (богатство и бедность, уют и холод, соблазн переполненных лавок и нищета убогого жилища, изобилие вкусных вещей и бледный, истомленный, просящий хлеба мальчик) к социально-политическим, чреватый бунтом (все поели «голодные волки», «жадные волки», которых «надо убить», «всех до одного») [I, 227 – 228, 230]. Социально-философское истолкование получает «запутанное дело» (третий сон Мичулина в образе огромной человеческой пирамиды [I, 265 – 266]).

Салтыков неминуемо замыкал круг своих творческих интересов на человеке. Главное свойство личности – потребность в идеальном, стремление к гармонии, универсальности. Реальность идеализируется, предметный мир очеловечивается. Но духовные запросы личности, раскрепощающие ее перед лицом действительности, неот-

вратимо сталкиваются с нравственной ответственностью за свои поступки, то есть складывается ситуация, когда притязания носителя идеала внутренне противоречивы и не состоятельны. В этом обнаруживаются истоки трагедии крушения идеала и утраты связи с человечностью. Человеческая личность не в силах примирить в себе все жизненные противоречия, все действительное многообразие, уравновесить внутреннее и внешнее, подменить собой весь мир. Трагедия возникла из осознания иллюзорности притязаний личности на универсальность.

В годы творческой близости с Белинским и гоголевской натуральной школой Салтыков не порывал устойчивых связей с романическим направлением. Его продолжает интересовать романический герой и во второй половине 1840-х гг., но уже в связи с увлечением писателя идеями утопического социализма, которые по сути своей были романтическими, и широким распространением романтического умонастроения в сфере общественной психологии. Но с закономерным проникновением романтизма из сферы чисто художественной в сферу социологии, экономики, быта качественно изменяются формы его усвоения и творческого использования в литературе.

Романтическая личность становится не средством познания мира и человека, а предметом изображения.

Вслед за «великой личностью» романтических трагедий 1820-х гг., вслед за «лишним человеком» и «маленьким человеком», героями социальной драмы 1830 – 1840-х гг. явился новый герой времени – «лишний маленький человек», черты которого чутко уловили и Салтыков-Щедрин, и Достоевский, и другие писатели-современники.

У одного – герой-мечтатель, самосозерцатель, как в раковину, ушедший в мир фантастических грёз и призраков, другого – разочаровавшийся скептик, мирозерцатель, безоружный перед скопищем реальных «призраков». Но все эти мечтатели, шумковы, ордыновы, нагибины и брусиньы⁶ «родные братья», ибо сближает их отсутствие практичности и знания действительности, бездеятельность, пассивность, созерцательность, вытекающая из разных форм сознательного отношения к жизни.

По-шиллеровски дерзновенная и всепоглощающая устремленность личности к гармонии и целостности оборачивается в условиях чиновничьего существования социальной трагедией «слабого сердца» и мечтательства, трагедией ложного самосознания героя.

Драму современного человека Салтыков-Щедрин изучает через рефлектирующее сознание, отражающее непреодолимость социальных конфликтов. Но при изображении рефлексии писатель широко использует комические краски. Он выявляет идейно-философские и житейские основания этого явления. В Нагибине трагически комична чудовищная смесь гегельянства и французского просветительства, фурьеризма и сенсимонизма, фейербахианства и плоского материализма, фаталистических теорий Прудона и Конта. Поэтому, думается, упрек Белинского («бред младенческой души») нужно адресовать не самому Салтыкову, а прежде всего его герою, потерявшему идейную ориентацию⁷. Бесцельное, вернее, без высокой цели романтическое воодушевление Александра Андреевича Брусина (в черновой редакции Дмитрия Андреевича) из одноименного рассказа Щедрина уже просто комично, так как ведет к мелкому эгоизму и опошлению человека. Если, скажем, Ф.М. Достоевский находит первопричину романтического настроения в слабости характера человека, увидевшего идеал, то М.Е. Салтыков-Щедрин акцентирует внимание не на гуманистических, а на социальных условиях формирования подобного типа личности, коим является воспитание⁸.

⁶ Мы не рассматриваем здесь повести Достоевского о «чиновниках и близкую им повесть Салтыкова «Запуганное дело» (судьба Мичулина – одна из версий судьбы Девушкина, но образ маленького человека у Салтыкова более социологизирован, что отмечалось Т. Усакиной) [I, 420]. Нас интересуют образы, романтические по содержанию.

⁷ Р. Нойхойзер неправоммерно, мы считаем, суживает сознание Нагибина до гегельянства и идей утопического социализма [Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1976. – Т. 2. – С. 182 – 183]. См. также комментарий Т. Усакиной к повести [I, 401 – 415].

⁸ «...все извиняется и воспитанием, более склонны к пустой мечтательности, нежели к трезвому взгляду на жизнь» [I, 73, «Противоречия»]. Ср.: «А всему причиной было ложное

Традиционные реалистические образы, будучи включёнными в романтическую систему поэтики, трансформируются и обнаруживают потенции социальной трагедии и сатиры. Это явилось творческим развитием лермонтовской методологии, открывающей новые возможности видения мира в литературе. Салтыков, как и другие писатели-реалисты 1840-х гг., используют художественные открытия Лермонтова как «инструмент исследования новых характеров, как метод для построения новых человеческих концепций»⁹. Образы героев-романтиков Салтыкова-Щедрина (Нагибин, Брусин) – открытие нового типа в литературе. «Лишний-маленький человек» Салтыкова проявил себя как глубокая, сложная, порой запутанная личность, вобравшая в себя черты и Печорина, и Грушницкого, и Акакия Башмачкина, и Самсона Вырина, личность, оказавшаяся на стыке разнородных культур, идей, эмоциональных воздействий¹⁰. Отсюда «романтическое подполье» героя, отчужденность его самосознания, подчеркнутое противопоставление себя людям, бесплодная рефлексия (Нагибин), бесцельность усилий, безволие, позволяющие увлечь себя пошлостью (Брусин). Но отсюда же и ощущение духовного братства с человечеством и своей ответственности за творимое на земле зло, мечта о «гармонии стройного общественного целого». Следовательно, личность всякого человека раскрывается в своей природной неоднозначности.

Таким образом, можно заключить, что ранние творческие опыты Салтыкова-Щедрина были оригинальной школой активного усвоения традиций романтизма. Этот процесс протекал у писателя достаточно интенсивно, и художественный метод сохранил неизгладимые черты романтизма. При всей еще недостаточной художественной зрелости повести 1840-х гг. тем не менее знаменовали собой, с одной стороны, серьезный самостоятельный период в творческой эволюции будущего писателя-реалиста, а с другой – демонстрировали неразрывную связь с прежней романтической эстетикой, которая ощущается во многих исходных установках и элементах поэтики. Осваивая и перерабатывая достижения романтической школы, учитывая опыт первых русских реалистов, в частности, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыков-Щедрин упорно ищет ответы на мучающие его вопросы: где разгадка тайны человека и почему столь антигуманна социальная действительность? Одновременно писатель старается утвердить свою концепцию личности и свое мироотношение.

Антагонизм социальных противоречий порождает у Салтыкова-Щедрина и трагедию личности, и социальную сатиру. Несколько позднее Достоевский, размышляя над особенностями сатирической литературы и, в первую очередь, творчеством Щедрина, высказал глубокую мысль о единой природе трагедии и сатиры: «...в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: правда».

Список литературы

1. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Наука, 1965. – Т. I.
3. Пинский Л. Шекспир. – М.: Художественная литература, 1971.
4. Аникст А. Кориолан. – В кн.: Шекспир У. Полн. собр. соч. – М.: Искусство, 1960. – Т. 7.; Шведов Ю. Эволюция шекспировской трагедии. – М.: Искусство, 1975.
5. Шиллер Ф. Статьи по эстетике. – М.; Л.: Academia, 1935.
6. Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1976. – Т. 2

воспитание, которое развило в нас только потребности и стремления, а не указало на средства удовлетворить им» [I, 286, «Брусин»]. См. в рецензиях 1840-х гг., например: «...человек, сошедший со школьной скамьи, при первом столкновении с действительностью, оказывается совершенно несостоятельным, при первом несчастии упадает духом» [I, 330].

⁹ Жук А.А. Лермонтов и «натуральная школа». – В кн.: Проблемы теории и истории литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – с. 230.

¹⁰ Думается, слишком однолинейно, без учета эволюции романтического героя, трактует образ Нагибина как только «пародию на Печорина», а саму повесть, как неудачу, «недоразумение» Л.М. Ракитина в своей статье «Повесть М.Е. Салтыкова «Противоречия» как выражение лермонтовской традиции в русской прозе 40-х гг.» // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – 1970. – № 389. – С. 249 – 250.

7. Проблемы теории и истории литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
8. «Повесть М.Е. Салтыкова «Противоречия» как выражение лермонтовской традиции в русской прозе 40-х гг.» // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – 1970. – № 389.

M. E. SALTJEKOV-SHEADRIN'S EARLY CREATIVITY IN CONTEXT OF AN AESTHETICS OF ROMANTICISM

V.V. LIPICH

Belgorod State University

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

In the article Saltjekov-Sheadrin's youthful art experiences from a position of mastering and reflection in them of leading positions of an aesthetics and poetics of romanticism are investigated, and the influence of romantic traditions and canons on process of becoming of creative outlook of the future writer-realist during its general art-aesthetic evolution is analyzed.

Key words: anthropology, aesthetics, social conflict, romanticism, freedom, idea of creativity, poetics, tragic element, plot, determinism, art method, tradition.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Т.И. ЛИПИЧ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: li-
pich@bsu.edu.ru*

В статье анализируется славянофильство как особый тип культуры, возникший на почве православия и отличный от западного. Основоположники этого общественного движения I половины XIX века Хомяков А.С. и Киреевский И.В. способствовали созданию самобытной русской религиозно-идеалистической философии. Они рассмотрели понятия соборности, цельности духа, соотношения веры и разума, содействовали формированию национального самосознания. Все эти проблемы рассматривались ими сквозь призму романтического мировосприятия и миропонимания.

Ключевые слова: культура, славянофильство, православие, национальное самосознание, романтизм, соборность, вера, разум.

Споры вокруг славянофилов и славянофильства велись, ведутся и еще долго будут будоражить умы исследователей в области философии, литературы, социологии и т.д. В последнее время появилась тенденция рассмотрения славянофильства как комплексной проблемы. Философы уделяют большое внимание вопросу о сущности славянофильского мировоззрения, об истоках этого литературно-философского течения общественной мысли I половины XIX века.

Ряд исследователей выделяют три аспекта рассмотрения славянофильства, как теоретического феномена: это проблема сельской общины, особенности исторической роли России и религиозно-идеалистическая философия.

Эта тенденция берет начало ещё в XIX веке (А. Герцен, Вл. Соловьев, Н. Бердяев). Современные философы исходят из того, что это явление общественной жизни I половины XIX века необходимо рассматривать как целостное учение. Такая методологическая установка дает возможность осуществить достаточно полно научный комплексный анализ этого многогранного и многоаспектного феномена. В этом направлении предпринимаются некоторые попытки, например, Цимбаев Н. И., Порох В.И., Кошелев В.А., Кулешов В.И., Ломунов К.Н., Янковский Ю., Смирнова З.В., Егоров Б.Ф., Носов С.Н., Благова Т.И., и др. Нас интересует формирование литературно-философских взглядов славянофилов с учетом той общественно-исторической обстановки, которая сложилась в первой половине XIX века и в которой разворачивалась деятельность родоначальников этого течения А. Хомякова и И.В. Киреевского.

Славянофильство родилось в условиях последекабрьской России первой половины XIX века. Передовые силы русского общества, характеризующиеся небывалым подъемом национального самосознания после победы над Наполеоном, искали выход из сложившейся ситуации. Поиск новых путей развития России сформировал в 30 –е годы XIX века два подхода к решению этой проблемы: славянофильство и западничество. Цензурный произвол, загонявший развитие общественной мысли вглубь и скрывавший его от глаз, мешал определенно установить, к какому времени сложились основы славянофильского учения. Если бы воля Николая I не пресекла в самом начале обсуждение «Философического письма» Чаадаева и те размышления Хомякова и его сподвижников, которые могли бы быть созданы и увидели бы свет, то годом рождения славянофильства, скорее всего, называли бы 1836 год. Но случилось как, что это событие датируется 1839 годом, когда вышла в свет статья Хомякова А.С. «О старом и новом», в которой определяются в самом общем виде основные положения этого общественно-общественного движения. Славянофилы верили в особый тип культуры, возникший на духовной почве православия, они отрицали тезис западников о том, что Петр I возвратил Россию в лоно европейских стран и она должна пройти этот путь в политическом, экономическом, и культурном развитии. Хомяков А.С. и Киреевский И.В. высказали мысль, что внутренние стимулы просвещения на Западе исчерпали себя и технический прогресс сопровождается угасанием духовной жизни, «пустодушием» (слово Хомякова). Они видели обновление и развитие России на основе православных ценностей и об-

щины. Большое влияние на формирование славянофильства оказала философия Шеллинга, проповедывающего романтизм как философское направление. Славянофилы восприняли и переработали в собственном духе схему исторического процесса сконструируемую Шеллингом. Решающее место в этой схеме отводилось развитию национальных качеств некоторых народов. В целом, славянофильство как явление в истории русской культуры является закономерным порождением тех общественно-исторических условий и соответствующих им философско-эстетических исканий, проявляющихся, прежде всего, особым интересом молодых мыслящих людей к немецкой философии и к немецкой романтической школе.

Для многих современников славянофильство, как течение, причастное к романтизму, выглядело весьма подозрительно, хотя никого из славянофилов нельзя назвать романтиком в чистом виде. Они унаследовали некоторые элементы романтического умонастроения мировоззренческого характера. Прежде всего, это стремление романтиков к органической целостности народной жизни. У них выделялась мечтательность, которая проявлялась в художественных фантазиях, направленных или в прошлое, или в будущее, а на самом деле, в весьма неопределенное нечто в своей недостижимой и таинственной простоте существования. Романтическая мечтательность обращается в будущее, или выступает с критикой настоящего, которое все лучшее оставило в прошлом. Сама обстановка николаевского периода царствования способствовала формированию идеи разложения привычной жизни дворянского сословия, а отсюда неизбежность возникновения романтических настроений в рядах славянофилов, многие из которых были крепкими хозяйственниками, но вместе с тем, получившие основательное европейское образование. Они были близки русской тысячелетней традиции связи с землей, ее оправдание утверждение становилось для них тождественным самоопределению и самоутверждению. Поэтому во многом они остались в рамках размышления о роли России, о её истории, о православии, о соборности, как особенностях русского пути развития.

Основатели славянофильства Хомяков А.С. и Киреевский И.В. указывали на родство своих философских идей с богословско-философской мыслью XI – XVI веков. Идеи Исаака Сирина, Максима Исповедника, Григория Богослова, Афанасия Великого и др. оказали большое влияние на творчество славянофилов.

Главной темой философии А.С. Хомякова и И.В. Киреевского являлась идея Бога – трансцендентального абсолюта, меры всех вещей, некоего идеала, в стремлении к которому человек выступает на путь осознанного совершенствования. Основные темы философско-богословской мысли: соотношение веры и разума, цельности духа, свободы человека, особой роли России в мире они решали в рамках культурной традиции XIX века, тем самым, стремясь создать свою «самобытную» философию, как жизнестроительное учение, как идеальный проект общества, в котором бы реализовалась главная христианская заповедь любви к ближнему. Свою причастность к церковной традиции Хомяков А.С. глубоко и целостно осознал и выражал с помощью идеи соборности. Это понятие он рассматривает через призму богословского мироощущения и философско-эстетических построений в своем творчестве.

В целом, соборность является интегрирующим принципом православной философии Хомякова, это объективная заданность единства людей. Она включает в себя понятие духовного согласия, любви и свободы, вечной и благодатной жизни Хомяков понятие соборности переносит на человека и общество в целом, обосновывая его возможность сделаться соборным обществом. С соборностью в философию входит понятие целостности человека, не только как самодостаточности, но и как конкретного факта бытия. Это становится одной из определяющих антропологических идей русской философской мысли. Соборность означает также свободную от антагонизмов общность людей объединенных верой в традиционные православные ценности, подразумевает оцерковление социальной жизни. Православие является единственным христианским вероисповеданием, сохранившим идею соборности. В России можно выделить материальную реализацию идеи соборности – общину, древний славянский институт, обладающий силой морального единения людей и предохраняющий их от эгоизма. Учение о соборности является тем важнейшим вкладом, который внесли Хо-

мяков А.С. и другие славянофилы в русскую философскую мысль. Идеал соборного общества соединил высокую духовность святоотеческой традиции с достижениями философии и культуры XIX века.

Как же преломляется идея соборности в эстетических построениях Хомякова? Необходимо отметить, что эстетические представления Хомяковым не были систематизированы, являлись только фрагментами его основных произведений. Исключения составляют статьи «Картина Иванова», «О возможностях русской художественной школы», ряд биографических очерков, речи, произнесенные в Обществе любителей Российской словесности и др. Наиболее интересные эстетические представления можно выделить в статье «Картина Иванова». В ней Хомяков А.С. рассматривает феномен творчества в контексте трансцендентальной эстетики, на основе философско-эстетических идей Шиллера, Шеллинга, Гегеля и др. немецких мыслителей (вопросы о статусе искусства, элементы романтической трактовки гениальности, описываемой в понятиях философии тождества Шеллинга, идеи субстанциального единства художника и народа и т.д.). На примере А. Иванова Хомяков развивает свое оригинальное учение о Церкви, как необходимой «посредствующей сфере» между художником и объектом изображения. Соборная реальность Церкви предстает как «область жизни и мысли». Поэзия Хомякова во многом является иллюстрацией его религиозно-философских идей, отчасти созвучных шеллингианской эстетике, выступает как необходимая стадия их бытия, объективации эстетического созерцания.

В соответствии с романтическими представлениями, поэтическое творчество является для Хомякова уникальным способом самопознания и передачи своих религиозно-философских идей «на суд братьев». В некотором смысле можно говорить о пророческом начале хомяковской поэзии: это и пророческое переживание мира, где на одном полюсе Бог, а на другом – мир, народы, Россия или философ, царь, брат-славянин. Другими словами, Хомяков стремится к тому, чтобы преобразовать индивидуальный творческий акт в «общинный», то есть, быть выражением целого, голосом внутри «общины». При раскрытии в своей поэзии идеи соборности в контексте национально-исторической проблематики Хомяков попытался создать на русской почве новое направление религиозно-философской поэзии, которое опирается на ряд идей немецких романтиков. В результате в мир религиозных переживаний автора, связанных с идеей соборности входят представления и переживания, связанные с его зависимостью от философско-идеалистической традиции. Эти два мира так соотносятся, что в его художественном творчестве финалы многих его стихотворений приобретают утопическое содержание, сближающее их с хилиастическими представлениями романтической традиции.

Хомяков, характеризуя свою поэзию, говорил о том, что она держится мыслью. В письме А.Н. Попову, датированному 1850 г., он пишет: «Без притворного смирения я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозетер везде проглядывает...»¹ Поэзия Хомякова была во многом обличительной, но почти всегда несла религиозную окраску. «Есть минуты, – писал А.С. Хомяков, – когда, отряхнув многолетний и тяжелый сон мнимого и обманчивого самодовольства, общественная мысль рвется и волнуется всеми силами, а иногда и всею желчью, накипевшими в продолжение долгого молчания, или в слушании хвалебных гимнов официального самохвальства»².

Ряд его стихотворений носит откровенно элегически-романтический характер, например, в стихотворении «Как часто во мне пробуждалась...» звучит трагическая мысль о мире, лишенном сердца и о том, что люди должны слышать своих пророков:

...Как часто, бессильем томимый,
С глубокой и тяжкой тоской
Молил тебя дать им пророка
С горячей и крепкой душой!..

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч., изд. 3-е. Т. 8. – М., 1900. – С. 200.

² Хомяков А.С. Полн. собр. соч., изд. 2-е. Т. 1. – М., 1878. – С. 728.

В творчестве А.С. Хомякова есть два стихотворения под названием «России». Первое было написано в 1839 году, в нем он говорит о красоте Руси, но главным, по его мнению, является все же для нее «смирение» и религиозное благочестие

Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно золото, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука.

Акцент в похвалах России смещается к внутренним, религиозным мотивам. Позднее, когда началась война с Турцией, Хомяков написал второе стихотворение «России», которое принадлежит к числу сильнейших в критическом смысле его стихов. Там есть такие слова:

...В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

Здесь звучит типично романтическая тема об особой миссии России в спасении славян, и для этого Хомяков считает нужным указать на темные стороны русской жизни. Необходимо отметить также, что А.С. Хомяков развивает не только тему России и русской исторической жизни, но и тему предназначения поэта. Все это делает его стихи философско-концептуальными, в духе антирационализма. В соответствии с его точкой зрения рационализм не является отличительной чертой русского философствования. В «Записках о всемирной истории» он пишет: «Многие истины и, может быть самые важные истины, какие только дано познать человеку, передаются от одного другому без логических доводов, одним намеком, пробуждающим в душе скрытые ее силы. Мертва была бы наука, которая стала бы отвергать правду потому только, что она не явилась в форме силлогизма»³. В изысканиях его на первом месте поэтическая увлеченность, а не наука. Поэтому его «поэтический метод», который он использует в своих исследованиях, это одновременно и романтический метод. В своих философско-литературных поисках его смело можно назвать романтиком. Поэзия и философия – это две области: одна – «жизни и искусства», а другая – «область знания и науки». Полнота духа для него заключалась «в согласном и равномерном соединении обоих»⁴. Известно, что Лев Толстой выражал свое уважение к А.С. Хомякову и как поэту, и как философу, считал, что у него есть чему поучиться. Характеризуя Хомякова, Толстой писал: «Он был умен и оригинален. В нем было остроумие и едкость... Был художник»⁵.

Другой основатель славянофильства И.В. Киреевский, характеризуя свое кредо в 1827 году, писал в письме А.И. Кошелеву: «Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? На этом поприще мои действия не будут бесполезны: я могу это сказать без самонадеянности». Он разумел поприще критика и философа, а в 30-е годы 19 века эта деятельность понималась очень широко и включала в себя деятельность философскую, как важнейшую. «Мы возвратим права истиной религии, изящное соединим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога», – писал он в том же письме. В

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч., изд. 2-е. – Т. 3. – М., 1878. – С. 50 – 51.

⁴ Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского // Полн. собр. соч., изд. 2-е. Т. 1. – М., 1878. – С. 249.

⁵ Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. Материалы и биографии. – М., 1957. – С. 271 – 272.

1829 году после критической статьи «Нечто о характере поэзии Пушкина», он пишет «Обозрение русской словесности за 1829 год». Здесь он декларирует: «Нам необходима философия: все развитие нашего ума требует её. Ею одной живет и дышит наша поэзия... Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта»⁶. Именно в это время формируются основные идеи славянофильского учения в работах «Девятнадцатый век» и «Ответ А.С. Хомякову». В них Киреевский затрагивает волнующие общественность вопросы о соотношении Россия-Запад и о судьбе России. Он пишет, что европейская жизнь сформировалась под воздействием трех факторов: влияния христианской религии, характера образованности и духа варварских народов, разрушивших римскую империю и остатков древнего мира⁷. А особенностью русской исторической жизни является то, что русско-славянская культура на ранних стадиях своего развития не имела возможности для взаимодействия с классическим древним миром. Поэтому «начала» в России были противоположны европейским: другой вид христианства, просвещения и другой «смысл частного и народного быта»⁸. Главным «началом» для Запада является рассудочность или рационализм: «...рационализм является исключительным характером просвещения и быта европейского»⁹. Даже римское христианство определяется этим «началом», и поэтому языческий рационализм в борьбе с церковью и верой в конечном итоге предстает в форме философии. В России же характер христианской религии был иным, не связанным с рационализмом и основывался на принципах общественности и содружества.

Таким образом, Киреевский постепенно формулирует важнейшие черты русского развития: не римское, а восточное христианство, отличающийся от рационализма и противостоящий ему способ мышления богословско-философский, а также «не искаженная завоеванием, не стесненная насильственными формами государственности». Исходя из этого, он выводит идею о главенствующей роли одного народа (здесь он объединил идеи Гизо об элементах европейской цивилизации и некоторые идеи концепции философии истории Шеллинга, определяя «мессианскую» роль России). Историческая жизнь народов, их быт, их общественные отношения определены характером духовной жизни, религии и определенной ими нравственности. «В основании всего общественного и частного быта России, особенного характера коренных русских нравов лежит «древнерусская православно-христианская образованность»¹⁰. Поэтому Россия тогда станет самобытной, «когда обратится к чистым источникам древней православной веры своего народа»¹¹. Эти и ряд других проблем Киреевский рассматривает в своих статьях «Обозрение русской литературы 1845 г.», «О характере просвещения в Европе и его отношении к просвещению в России», «О необходимости и возможности новых начал для философии», например, концепцию целостности духа (он часто использует вместо этого выражения «живое средоточие самопознания», «внутренняя живая полнота смысла», «полнота и цельность умозрения», «высшее духовное зрение», «внутренняя цельность» и др.), как определяющую самобытный характер русской духовной истории. Принцип «цельности духа «может гармонизировать внутренний мир личности, а также отношения личности и общества. Человек должен стремиться «собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия: чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разума истины; чтобы голос восторженного чувства, не согласенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла, независимо от других понятий, он не считал верным путеводителем для разума высшего мироустройства, но чтобы

⁶ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 68.

⁷ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 91.

⁸ Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. – М., 1911. – С. 111.

⁹ Там же. – С. 113.

¹⁰ Там же. – С. 113.

¹¹ Там же. – С. 220 – 221.

постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума»¹². Таким образом, Киреевский обосновывает такой способ мышления, в антитезе западноевропейскому способу мышления, который поднимается до уровня «духовного зрения», т.е. до «сочувственного согласия с верой» посредством объединения нравственных, эстетических, рассудочных и других сил человеческого духа.

Большое внимание Киреевский уделяет соотношению веры и разума, разума и религии. Он считает, что «полный « разум подчинен религии. «В Церкви Православной отношение между разумом и верою, – пишет Киреевский, – совершенно отлично от Церкви Римской и от протестантских исповеданий. Это отличие заключается, между прочим, в том, что в Православной Церкви Божественное Откровение и человеческое мышление не смешиваются; пределы между Божественным и человеческим не преступаются ни наукою, ни учением Церкви. Как бы не стремилось верующее мышление согласить разум с верою, но оно никогда не примет никакого догмата Откровения за простой вывод разума, никогда не присвоит выводу разума авторитет Откровенного догмата. Границы стоят твердо и нерушимо»¹³.

Писал Киреевский свои литературно-философские труды в духе романтической традиции. Его мысли носили подвижный, отрывистый, отчасти, непоследовательный характер. В этом он мог посоревноваться разве что с Новалисом и Шеллингом. Романтик в нем подавляет православного христианина, так как разум, который расширяется до предела Киреевским, трансформируется в нечто сверхразумное, в какое-то всеобъемлющее мироотношение и самоощущение, которое, в свою очередь, несет в себе романтическое начало. Именно романтики мечтали прикоснуться к истокам бытия, к бытию в его первоначальной нераздельности всей целостностью своего существа с тем, чтобы открылась им некая всеобъемлющая реальность. По сути дела, размышляя над этим, Киреевский в то же время пытается ответить на вопрос, а какой же должна быть подлинная философия: «...Характер господствующей философии зависит от характера господствующей веры. Тот же смысл, которым человек, понимая Божественное, служит ему и к разумению истины вообще»¹⁴. Другими словами, философия подчиняется вере. Киреевский различает верующий и естественный разум, отдавая предпочтение верующему разуму или высшему духовному зрению. В своей статье, характеризуя философию, он пишет: «Философия не есть одна из наук и не есть вера. Она общий итог и общее основание всех наук, и проводник мысли между ними и верою»¹⁵. Он считает, что философия это не только знание, познание, – это и нечто большее, это реальность сверхфилософского бытия. «Ибо не отдельные истины, логические или метафизические, составляют конечный смысл всякой философии, но то отношение, в которое она поставляет человека к последней искомой истине, то внутреннее требование, в которое обращается ум, ею проникнутый. Ибо всякая философия в полноте своего развития имеет двойной результат, или правильное, две стороны одного результата: одна – общий итог сознания, другая – господствующее требование, из этого итога возникающее. Последняя истина, на которую опирается ум, указывает и на то сокровище, которого человек пойдет искать в науке и в жизни. В конце философской системы, между её исконной истиной и её искомой целью, лежит уже не мысль, имеющая определенную формулу, но один, так сказать, дух мысли, её внутренняя сила, её сокровенная музыка, которая сопровождает все движения души убежденного ею человека. И этот внутренний дух, эта живая сила свойственна не одним высшим философиям, но составляет существенный смысл всякой философии, dokonченной и сомкнутой в своем развитии. Система принадлежит школе, её сила, её конечное требование принадлежит жизни и просвещению всего человечества»¹⁶. Анализируя эти слова, можно предположить, что Киреевский в своих размышлениях предвосхитил многие идеи и течения философской мысли, которые проявили себя в XX, как результат ограниченности и

¹² Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. – М., 1911. – С. 249.

¹³ Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. – М., 1911. – С. 247.

¹⁴ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 316.

¹⁵ Там же. – С. 321.

¹⁶ Там же. – С. 306.

кризиса классического новоевропейского философствования. Важнейшей характеристикой философии является выход в «жизнь», что означает у него полноту и цельность проявлений человека. Причем, у Киреевского проявляется интерес к философии на выходе не как «общий итог сознания, а требование, из этого итога вытекающее». Цель её принадлежит «жизни», правда он не оговаривает, что же это такое. «Философия, которая не хочет оставаться в книге и стоять на полке, но должна перейти в живое убеждение, должна также и развиваться из живого взаимодействия убеждений, разнообразно, но единомысленно стремящихся к одной цели. Ибо все, что есть существенного в душе человека, вырастает в нем только общественно»¹⁷.

Цель жизни в её целостности, это Хомяков называл соборностью. Правда, у Хомякова соборность – не просто «взаимно-действие убеждений, стремящихся к одной цели», но еще и единение в Боге. Во многом опираясь на опыт Святых Отцов, Киреевский приходит к мысли о том, что философию нужно не создавать, а возрождать. Но с другой стороны, он писал: «...возобновить философию Святых Отцов, в том виде, как она была в их время, невозможно... Развитие новых сторон наукообразной и общественной образованности требует и соответственного им нового развития философии. Но истины, выраженные в умозрительных писаниях св. Отцов, могут быть для неё живительным зародышем и светлым указателем пути»¹⁸.

В целом, статья «О необходимости и возможности новых начал для философии» содержит в себе достаточно много идей и тем, которые впоследствии найдут свое продолжение и развитие и которые во многом будут характеризовать нашу религиозно – философскую мысль, претендующую на самобытную, явно отличную от западной философии, от ее школ и течений. Русская религиозно – философская мысль не сольется с богословием, а обретет свой неповторимый статус. Цельность духа у Киреевского несет в себе заряд православно – романтического начала, романтической темой звучит и соприкосновенность человека средоточию бытия, т.е. сродства микрокосма и макрокосма. Многие православно-романтические идеи Киреевского будут подхвачены его последователями.

Список литературы

1. Хомяков А.С. Полн. собр. соч., изд. 3-е. Т. 8. – М., 1900.
2. Хомяков. А.С. Полн. собр. соч., изд. 2-е. Т. 1. – М., 1878.
3. Хомяков А.С. Полн. собр. соч., изд. 2-е. – Т. 3. – М., 1878.
4. Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. Материалы и биографии. – М., 1957.
5. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979.
6. Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. – М., 1911.

TO THE CHARACTERISTIC OF «SLAVJANOPHILSTVO»

T.I. LIPICH

Belgorod State University

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

The article analyzes “slavjanophilstvo” as a special type of the culture which has appeared on the ground of Russian Orthodoxy and differs from Western culture. The founders of this social movement of the 1st half of the XIX century Homjakov A.S. and Kireevskiy I.V. promoted creation of original Russian religious-idealistic philosophy. They considered concepts of “Sobornost”, integrity of spirit, parity of belief and mind, and promoted to formation of national consciousness. All these problems were considered by them through a prism of romantic attitude and outlook.

Key words: culture, «Slavjanophilstvo», Russian Orthodoxy, national consciousness, romanticism, «Sobornost», belief, mind.

¹⁷ Там же. – С. 323.

¹⁸ Там же. – С322.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А.М. СТРАХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

В статье идет речь о русской половой культуре. Основная мысль состоит в том, что русская народная сказка иллюстрирует уровень развития и особенности русской половой культуры.

Ключевые слова: сказка, культура, пол, эротика, Россия

Как культура в целом имеет национальную окраску, так последняя несомненно присуща и культуре половой. Стендаль (А. Бейль) одну из глав своего трактата «О любви» назвал «О различии наций в отношении любви». До XIX в. в России любви в философской и художественной литературе не отводилось много места, да и позже возросший интерес к данной проблематике не мог быть сопоставим с ситуацией в Западной Европе и особенно во Франции: достаточно вспомнить пресловутые «французские романы», французскую классическую литературу, представленную О. де Бальзаком, Г. де Мопассаном, тем же Стендалем. Французом был и скандально известный маркиз Д.-А.-Ф. де Сад. Русскому национальному характеру и самосознанию в целом не было свойственно культовое отношение к половой любви, отсутствовали как восточная утонченность, так и западная ориентация на чувственность. (Не случайно впоследствии с половой культурой Востока россияне познакомились через Запад). «В России вплоть до XVIII века отсутствовал литературный жанр скабрёзных историй об интимных отношениях между мужчиной и женщиной – западноевропейские фавль, пошлые анекдоты. Причем на Западе в создании этих скабрёзных историй принимали участие все слои общества – от рыцарей и монахов до ремесленников и крестьян», – отмечает О.А. Платонов¹. В.В. Розанов убежден, что интимное взаимоотношение полов «должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, безработного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий»², а русские «засыпают, без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто без единого даже друг другу слова!»³. Поэтому философ советует русским учиться праздничному отношению к половой жизни у мусульман и евреев. «Поэтический идеал нецивилизованного русского человека» подвергает критике и И.С. Тургенев. Его литературный персонаж из «Дыма» Потугин заявляет: «Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о том, что любовь в них постоянно является как следствие колдовства, приворота, производится питием “забыдущим” и называется даже присухой, зазной; не говорю также о том, что наша так называемая эпическая литература одна, между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представила – коли Ваньку-Таньку не считать – никакой типической пары любящих существ; что святорусский богатырь свое знакомство с суженой-ряженой всегда начинает с того, что бьет ее по белому телу “нежалухой” – отчего “и женский пол пухол живет”»⁴. В самом деле, русских аналогов таких историй любви, какими славится Восток и Запад, практически нет (Лейли и Меджнун, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта в литературных образцах, Абелья и Элоиза, Данте и Беатриче, Петрарка и Лаура в реальной жизни).. На русском социокультурном пространстве не мог возникнуть «Декамерон», возникли, причем значительно позже, «хулиганские» барковские, пушкинские, лермонтовские, полежаевские и других авторов стихи, даже

¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – с.127.

² Розанов В.В. Люди лунного света./Уединенное. – М.: Правда, 1990, – с.62.

³ Там же. – с.63.

⁴ Тургенев И.С. Дым./Собр. соч. в 10 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1961, – с.76.

Тургенев не удержался от соблазна подобного самовыражения. А в народе хамства, «безобразия, пьянства» (Н.С. Лесков) всегда хватало, и в «заветных» сказках, и в частушках, и просто в повседневной речи, даже детской, звучали (к сожалению, продолжают звучать) грязные слова. И даже находят свое теоретическое оправдание в лице Виктора Ерофеева, художественное творчество которого насыщено похабщиной и матом. При этом автор ссылается на опыт ряда зарубежных стран. Констатируя, что мат ныне вышел на «языковую поверхность», ослабев как ругательство, писатель пишет, что «французская культура перемолотила мат, вобрала его в повседневный язык на уровне “окраинных”, грубых, но маловыразительных слов»⁵; а позже, в 60-70-е гг. XX века так поступили англичане, итальянцы, немцы. Впрочем, русский мат Виктор Ерофеев маловыразительным никак не считает. «Я никогда не назову мужские гениталии постыдным постным словом член. ... есть ..., и я буду писать это слово с заглавной буквы, как в слове Родина. Я вычеркиваю его из словаря нецензурных слов», – заявляет он⁶.

О.А. Платонов, рисуя несколько идеализированный нравственный облик русского народа, пишет: «Еще в начале XX века в большинстве деревень Русского Севера ... употребление матерных словечек считалось грехом и бесстыдством. Поголовную матерщину в русскую деревню принесли большевики с их опорой на деклассированные элементы, ставшие ядром начальствующего состава большевистского режима в деревне. Похабщина и мат для этих элементов были выражением “народности”. В полной мере этот элемент “народности” был развит советской интеллигенцией, для которой похабные анекдоты и матерщина стали неотъемлемой частью лексикона – от инженера и профессора до министра»⁷. Русская художественная литература свидетельствует об обратном (К.М. Станюкович, А.И. Левитов, П.С. Романов, например), да и большевики за исключением руководящего состава партии были людьми из народа.

Крещение Руси привело к утверждению христианской половой морали в византийской форме. Нормой праведной жизни становится аскетизм, формируется своеобразный культ монашества, отшельничества, странничества (а позже у некоторой части крестьянских масс даже скопничества), сопровождаемый презрением к плотскому. Но полностью изжить следы язычества в сфере взаимоотношения полов, как ни старалась поддерживаемая государством церковь, не удалось: языческое влияние прослеживалось в народных играх, в скоморошестве, в свадебной обрядности. Например, очень давнюю традицию имеют хороводы, наполненные в свое время мифологическим смыслом брачного соития неба с землей. То же можно сказать о поклонении Яриле и о скоморошестве. О последнем А.Н. Афанасьев пишет: «Вызванное культом Перуна – оплодотворителя, насилующего облачных дев и щедро рассыпающего семя дождя, оно не отличалось особенною скромностью и требовало от плясок сладострастных движений. Эти “глумы”, при грубости нравов старого времени и разгуле праздничного похмелья, выражались в формах не всегда грациозных и подчас бывали уж слишком откровенны, но они нравились неразвитой толпе, а потому продолжали держаться и тогда, когда давным-давно была подзабыта та мифическая основа, на которой возникли эти нецеломудренные игрища»⁸. Но вовсе не одними рецидивами язычества объясняется противоречивое сочетание в русской половой культуре грубого разврата и аскетизма, а в первую очередь своеобразием «русской души», на что обращали внимание еще С.А. Аскольдов и Н.А. Бердяев. «В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*», – отмечает Аскольдов⁹. «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством», – высказывает схожую мысль Бердяев¹⁰. Ангельское, святое применительно к русской половой культуре вело к аскетическим настроениям, звериное, свинское провоцировало

⁵ Ерофеев Виктор. Любовь и говно./Бог Х. – М.: Зебра Е, 2005, – с.182.

⁶ Ерофеев Виктор. Мужское богатство./Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005, – с.122.

⁷ Платонов О.А. Русская цивилизация. – с.127.

⁸ Афанасьев А.Н. Грозы, ветры и радуга./Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982, – с.98.

⁹ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции.//Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991, – с.225.

¹⁰ Бердяев Н.А. Судьба России./Судьба России. – М.: Эксмо-пресс. Харьков: Фолио, 1998, – с.338.

половой разврат, бездуховную физиологию. В связи с этим прав В.В. Розанов, когда отмечает, что «странный дух оскопления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному – сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия»¹¹, прав О.А. Платонов, когда пишет, что «половая любовь и физическое обладание любимым в народной культуре России мыслились только в браке...»¹². Но так же прав и М. Горький, когда демонстрирует ужасы «помойной ямы», «бешенство плоти» и «чувственности грязный лик», опираясь на богатый личный опыт.

Данное противоречие проявилось и в русских сказках, одном из наиболее важных жанров фольклора, во все времена востребованном как в плане предложения, так в плане спроса. Отождествление сказки исключительно с вымыслом – поверхностная ассоциация, против которой активно выступал знаток и собиратель сказок А.Н. Афанасьев. «Сказка склад, песня – быль, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единою целью занять свободный досуг небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрения уже давно бросалась в глаза», – пишет фольклорист¹³. Не только художественная литература является по отношению к философско-теоретическому познанию своеобразной «эмпирией», выступая как материал, «наиболее подготовленный для последующей концептуализации средствами философского мышления»¹⁴, но и народная сказка.

С одной стороны, русские народные сказки в соответствии с «ангельским», «святым» выражали господствующие в народе моральные нормы, способствуя привитию любви и супружеской верности. Из сказки в сказку проходит идея честности и преданности супругов по отношению друг к другу и неизбежности наказания за предательство, измену. Следует заметить, что предательство со стороны невест и жен (патриархальная модель русской общественной жизни накладывает свой несомненный отпечаток на половые роли) в русских народных сказках связано не с любовным треугольником или адюльтером, а с неравным социальным статусом мужа или жениха и, соответственно, с нежеланием жить с простолюдином – народная убежденность, что «стерпится – слюбится», вера в сакральное происхождение брачных уз, отождествление сексуальности с греховностью, скромное место, отводимое в системе ценностей сексуальному наслаждению, не допускали (хотя на деле это, конечно, случалось) зарождения любви и уж тем более просто физиологического влечения одного из супругов к стороннему лицу. Осуждалось и увлечение чужими мужем или женой. В бытовых сказках, повествующих о супружеской жизни русских людей, вопреки отрицательным личным качествам супруги остаются преданными друг другу. Если русская народная сказка не только одобряет брак простолюдина со знатной особой женского пола, царевной или королевой, но и допускает успешное управление крестьянским сыном царством-государством (не отсюда ли заимствовано ленинское убеждение в аналогичной способности кухарки!), то неравный по возрасту брак в ней однозначно осуждается; более того, уже допускается любовное увлечение молодой жены при старом муже. Алена, прекрасная царевна, в сказке «Иван меньшой – разумом большой» говорит старому царю, рекомендуя тому «омолодиться» в кипящем молоке: «Да не хочется мне, чтобы ты такой старый да седатый со мной под венец шел. Станут люди судить-рядить, над тобой смеяться, скажут: “Старый да седатый молодую взял. А у старого да седатого молодая жена – чужая корысть”. На людской роток ведь не накинешь платок»¹⁵. В интервью в связи со своим 60-летием Никита Михалков говорил об иммунитете против пошлости, воспитываемым «бабушкиными сказками».

¹¹ Розанов В.В. Русская церковь. // Религия и культура. – М.: Правда, 1990, – с.335.

¹² Платонов О.А. Русская цивилизация. – с.126.

¹³ Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения. // Древо жизни: Избранные статьи, – с.36.

¹⁴ Москвина Р.Р., Мокронос Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск: Иркутский университет, 1987. – 191с.

¹⁵ Русские народные сказки. / Составитель не указан. – М.: Гослитиздат, 1952. – 109-110.

Но есть и другие русские народные сказки, «заветные» или, как их еще напрасно называют, «эротические», такие сказки собирались А.Н. Афанасьевым¹⁶. Эти сказки также отражают половую культуру русского народа, однако уже не столько «святую» и «ангельскую», сколько «звериную», «свинскую» ее стороны. И в «эротических» сказках присутствует осуждение супружеской измены: достаточно распространенный сюжет, когда слуга (батрак, казак) выручает обманываемого женой хозяина, после чего прерывается незаконная связь, а любовник, позарившийся на чужую жену, подвергается солидной трепке. Наказание за прелюбодеяние, в т.ч. за супружескую измену, как правило не слишком суровое и обычно сводится к выталкиванию в шею и побоям, не более того: в большинстве случаев русский человек не хватается за топор или нож. Да и вообще особо бурных эмоций персонажи русских народных сказок проявлять не спешат или не могут, ревнивцами обманутых мужей назвать никак нельзя.

Никак нельзя назвать сами эти сказки «эротическими». Ни эротики, ни порнографии они не содержат. Эротические и порнографические материалы разными средствами преследуют одну общую цель (что наряду с неизбежным субъективизмом оценок затрудняет их разграничение): пробуждение либидо. Русские сказки рассказывают об интимных сторонах взаимоотношения полов так, что способны вызвать у неперверсно ориентированного читателя лишь обратную реакцию устойчивого отвращения. А вот приверженцы сексуальных девиаций (при всей относительности в сексуальной сфере патологии и нормы, на что обращал внимание, опередив современную сексологическую мысль, В.В. Розанов, правомерно девиантное поведение и пристрастия от общепринятых отличать) обнаружат в этих сказках многочисленные предметы своих нездоровых пристрастий.

Прежде всего это похабщина, мат, столь свойственные вопреки мнению О.А. Платонова русскому народу. Встречаются даже «сказки» без какой-либо сюжетной линии, представляющие собой почти бессмысленный набор самых грязных слов. Возбуждение нецензурными словами – ярко выраженная перверсия. Почти треть объединенных в афанасьевском сборнике сказок обслуживает потребности приверженцев пикаизма (экскрементофилии), когда физиологические выделения организма играют роль фетиша, и даже салиромании, при которой наблюдается «получение сексуального удовлетворения в результате мазания других людей грязью, калом, мочой, кровью и т.д. (разновидность садизма)»¹⁷. Присутствуют в сказках примеры скотоложства, геронтофилии (влечения к лицу старческого возраста), трансвестизма, кандаулеизма – «разновидности эксгибиционизма, сочетающейся с мазохизмом, основанной на достижении сексуального возбуждения при демонстрации обнаженной собственной жены или партнерши другим мужчинам»¹⁸, эксгибиционизма. Нет, как уже выше отмечалось, ни малейшего намека на эротику!

Специфика русского крестьянского быта, для которого, в частности, было свойственно совместное проживание представителей разных полов и поколений (вся большая семья собиралась в зимние ночи вокруг печи), провоцировала пониженный уровень стыда при отправлении естественных потребностей, в т.ч. половых, что также нашло свое отражение в народных сказках, например, в сказке «Солдат и хохлушка».

Культурно-философская антропология пола и любви имеет предметом своего исследования образы любовно-половой культуры в философско-антропологической, богословско-религиозной и литературно-художественной рефлексии. Соответственно, в предметное поле культурно-философского антропологического исследования вполне вписывается сказка, выступающая убедительным свидетельством особенностей отечественной народной половой культуры.

Список литературы

1. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – 224 с.
2. Розанов В.В. Люди лунного света. /Уединенное. – М.: Правда, 1990.
3. Тургенев И.С. Дым. /Собр. соч. в 10 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1961.

¹⁶ Афанасьев А.Н. Русские эротические сказки. – СПб.: Лениздат, Ленинград, 2008.

¹⁷ Старович З. Судебная сексология. – М.: Юридическая литература, 1991. – 64.

¹⁸ Там же. – с.67.

4. Ерофеев Виктор. Любовь и говно./Бог Х. – М.: Зебра Е,2005.
5. Ерофеев Виктор. Мужское богатство./Мужчины. – М.: Зебра Е,2005.
6. Платонов О.А. Русская цивилизация.
7. Афанасьев А.Н. Грозы, ветры и радуга./Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник,1982.
8. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции.//Вехи. Из глубины. – М.: Правда,1991.
9. Бердяев Н.А. Судьба России./Судьба России. – М.: Эксмо-пресс. Харьков: Фолио,1998.
10. Розанов В.В. Русская церковь.//Религия и культура. – М.: Правда,1990.
11. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения./Древо жизни: Избранные статьи.
12. Москвина Р.Р., Мокронос Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск: Иркутский университет,1987. -206 с.
13. Русские народные сказки./Составитель не указан. – М.: Гослитиздат,1952. -536 с.
14. Афанасьев А.Н. Русские эротические сказки. – СПб.: Лениздат, Ленинград,2008. – 320 с.
15. Старович З. Судебная сексология. – М.: Юридическая литература,1991. – 336 с.

RUSSIAN FOLK TALE AS THE ILLUSTRATION OF NATIONAL SEXUAL CULTURE

A.M. STRAKHOV

Belgorod State University

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

The article deals with Russian sexual culture. The main idea of the text is that Russian folk tale illustrates the level and characteristics of Russian sexual culture.

Key words: story, culture, sex, eroticism, Russia.

КАДРОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ*

В.П. БАБИНЦЕВ¹⁾
Е.В. РЕУТОВ²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет
e-mail: babint-
sev@bsu.edu.ru*

*²⁾Белгородский
государственный
университет
e-mail:
reutovevg@mail.ru*

В статье исследуется комплекс проблем государственной молодежной политики в России. Основное внимание уделяется анализу кадрового обеспечения государственной молодежной политики. На основании эмпирических данных выявлены базовые проблемы кадрового обеспечения: недостаточная квалификация специалистов, обусловленная несформированностью системы подбора кадров, слабое стимулирование к эффективной профессиональной деятельности, значительная зона профессиональной фрустрации специалистов.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; органы по молодежной политике; кадры; кадровый потенциал; специалисты по работе с молодежью.

Введение

Молодежная политика представляет собой одно из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, имеющее целью создание социально-экономических, правовых и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека, реализации интересов молодых граждан, их социального становления, максимального раскрытия потенциала молодежи в интересах развития общества, а также для поддержки молодежных объединений, движений, инициатив. Очевидно, что в настоящее время молодежная политика в России является сферой, в которой постоянно ощущается дистанция между попытками различных социальных акторов использовать, актуализировать потенциал молодежи и направить его в то или иное русло. Система идей, мероприятий, учреждений, кадров того или иного субъекта политической жизни в отношении молодежи разрабатывается и реализуется в интересах поддержки ею своей политической линии с учетом как сиюми-нутных, так и стратегических задач политической конкуренции¹.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по образованию «Формирование региональной системы кадрового обеспечения молодежной политики в условиях административной реформы».

¹ Рожнов О.А. Управление молодежной политикой в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2005.

Основной задачей данной работы относится анализ ограничений государственной молодежной политики, обусловленный как различиями в ресурсах и целях акторов ГМП, так и кадровой составляющей данной сферой государственного управления.

Теоретический анализ проблемы

В значительной степени проблемы ГМП обусловлены состоянием кадрового потенциала молодежной политики. Длительные периоды утраты государством интереса к проблемам молодежи и «остаточность» молодежной политики сформировали соответствующий кадровый вакуум, особенно остро проявляющийся на региональном уровне. Рекрутирование кадров в органы по делам молодежи все годы реализации ГМП осуществлялось либо беспорядочно, либо еще из представителей комсомольских структур. Последние, впрочем, были в массе своей профессионально подготовлены для работы с молодежью. Но их профессиональная компетентность формировалась в условиях советского периода, была ориентирована на решение конкретных задач специфическими методами, которые во многих случаях оказались неэффективными в квазикапиталистической системе России.

Одной из главных предпосылок этой неэффективности является то, что формирование кадрового обеспечения органов по молодежной политике (ОМП) на региональном уровне осуществлялось в крайне противоречивых условиях. На наш взгляд, можно выделить три наиболее значимых противоречия кадровых процессов в сфере молодежной политики на региональном уровне.

Во-первых, противоречие между формальным требованием к развитию кадрового обеспечения и отсутствием реальных механизмов решения данной задачи. Несмотря на то, что особое значение кадровой проблемы формально признавалось и признается практически всеми руководителями, единодушие в оценках зачастую не реализуется в виде конкретных управленческих практик. Более того, состав органов по делам молодежи по-прежнему нередко пополняется либо за счет тех, кто не нашел себе места в других структурах государственного и муниципального управления, либо за счет так называемых «блатных» молодых людей, к числу которых относятся родственники и знакомые представителей административной или иной элиты. Данное противоречие и как противоречие между необходимостью включить кадровый потенциал ОМП в общий процесс реализации кадровой политики на государственном и муниципальном уровне и отсутствием необходимых предпосылок для достижения данной стратегической цели в значительной степени определяет статус молодежной политики в системе государственного и муниципального управления.

Эмпирический анализ проблемы

Государственная молодежная политика в настоящее время явно переживает этап реинституционализации. На федеральном уровне это выражается в создании (воссоздании) органов, структурных подразделений в системе исполнительно и законодательной власти, назначение которых состоит в выработке и проведении некой определенной стратегической линии в отношении молодежной политики. К числу последних институциональных новшеств следует отнести, прежде всего, создание Государственного комитета по делам молодежи РФ и образование Комитета по делам молодежи Государственной Думы. Указ Президента от 24 сентября 2007 г. №1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» ввел в ряд федеральных органов исполнительной власти такой специфический организационно-функциональный тип, как комитет (фактически с полномочиями министерства) и определил, в частности, функции и полномочия Государственного комитета по делам молодежи. К последним были отнесены: определение государственной молодежной политики, создание во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, условий для обеспечения здорового образа жизни молодежи, занятия спортом, нравственного и патриотического воспитания, реализации молодежью своих профессиональных возможностей, а также координация деятельности в данной сфере органов исполнительной власти субъектов Рос-

сийской Федерации¹. Наряду с приданием государственной молодежной политике «официального» статуса, создание Государственного комитета по делам молодежи, очевидно, преследовало и вполне прагматическую цель – обуздания и контроля над многочисленными и достаточно агрессивными молодежными организациями, формирование которых во многом было инспирировано президентскими властными структурами. На руководство Комитета был поставлен В.Я. Якеменко, до этого возглавлявший движение «Наши» (еще раньше – «Идущие вместе»). Однако уже весной 2008 г. было создано новое ведомство – Министерство спорта, туризма и молодежной политики с подчинением ему реорганизованного из Комитета Федерального агентства по делам молодежи.

В образовании в Государственной думе 5-го созыва Комитета по делам молодежи также, видимо, присутствовал вполне инструментальный подтекст. Необходимость для фракции «Единой России» поделиться с тремя другими фракциями постами глав комитетов заставила депутатов сформировать 4 новых комитета, в число которых вошел и Комитет по делам молодежи в составе шести депутатов. Возглавил его 25-летний депутат П. Тараканов из фракции ЛДПР².

Таким образом, в институционализации современной молодежной политики в России наблюдается сочетание стратегических и тактических мотивов и соображений, общественных и узкогрупповых интересов. В этих условиях формирование эффективной государственной молодежной политики зачастую ставится в зависимость от наличия и объема административного ресурса у тех или иных лоббистских групп. Но если здесь возможен определенный консенсус, и в результате дележа ресурсов и договоренностей может быть сформирована относительно последовательная стратегия (как в случае с принятием Доктрины государственной молодежной политики в 2007 году), то реализация выстроенной стратегии будет сталкиваться с рядом существенных ограничений. Немаловажным из них является кадровая проблема.

Еще в 2003 году министром образования был принят Приказ «О подготовке кадров сферы государственной молодежной политики». Им, помимо прочего, предписывалось «провести комплексный анализ кадрового потенциала органов по молодежной политике и подведомственных им учреждений в субъектах Российской Федерации и на этой основе подготовить проект концепции подготовки кадров сферы государственной молодежной политики на среднесрочную перспективу», а также «разработать рекомендации по применению вариативных моделей системы учреждений сферы государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, в том числе межотраслевых региональных центров переподготовки и повышения квалификации кадров сферы государственной молодежной политики в федеральных округах»³. Немаловажное значение для формирования кадрового потенциала государственной молодежной политики имело предписание об активизации научных исследований и организации социологического мониторинга в сфере ее кадрового обеспечения.

Проведенные в последующие годы социологические исследования кадровой сферы государственной молодежной политики выявили ряд проблем, препятствующих ее успешной реализации.

Во-первых, опрошенные в ходе общероссийского социологического исследования «Формирование системы кадрового обеспечения государственной молодежной политики» (2004 г.) работники органов по делам молодежи оценили в целом практику подбора и расстановки кадров государственной молодежной политики как недостаточно эффективную. В частности, лишь 9,76% респондентов убеждены, что кадровые

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2007 г. №1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. – 2007. – 26 сентября.

² См.: Официальный сайт Государственной Думы. Список комитетов и комиссий // Режим доступа к изд.: <http://www.duma.gov.ru>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

³ Приказ Министерства образования Российской Федерации от 22.05.2003 г. №2192 «О подготовке кадров сферы государственной молодежной политики» // Режим доступа к изд.: http://www.edu.ru/db-mo/mo/Data/d_03/2192.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

проблемы решаются эффективно на уровне РФ и 34,15% – на уровне их региона. Противоположного мнения придерживались 31,10% и 44,51% соответственно¹. Аналогичное исследование, проведенное специалистами кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета в 2008 г. в Белгородской, Курской и Орловской областях, показало, что, по мнению большей части экспертов, в настоящее время молодежной политике на региональном уровне уделяется недостаточное внимание. Несмотря на то, что основными проблемами ГМП являются недостаточное финансовое и нормативно-правовое обеспечение, кадровая проблема также является достаточно острой. В целом ситуация в отношении кадрового обеспечения молодежной политики за последние годы улучшилась, но улучшилась несущественно. Лишь третья часть экспертов оценивает кадровую политику в органах по делам молодежи как эффективную.

Во-вторых, в мотивационной сфере работников органов по делам молодежи (исследовался, прежде всего, кадровый состав региональных органов по делам молодежи) наличествуют достаточно существенные для профессиональной деятельности противоречивые характеристики. Так, по данным общероссийского опроса, на вопрос о побудительных мотивах прихода в сферу работы с молодежью преобладали следующие позиции: «возможность реализовать свои способности» (60,37%), «интересная работа» (57,32%), «возможность общаться с интересными людьми» (42,68%)². Следовательно, работник сферы молодежной политики, согласно его самооценке, – человек, стремящийся, прежде всего, к самореализации, для которого очень важен коммуникативный аспект профессиональной деятельности. В то же время, по мнению респондентов, высокая заработная плата не является стимулирующим фактором прихода в органы по молодежной политике. Но, тем не менее, отвечая на вопрос о стимулах улучшения качества профессиональной деятельности работников сферы молодежной политики, уже две трети респондентов (67,07%) указывали на «повышение оплаты труда». Правда, при ответе на вопрос о лично значимых стимулах «повышение оплаты труда» уходит на второе место (60,98%), а на первое выступает «ощущение полезности своей деятельности» (70,73%)³.

Исследование 2008 г. дало практически аналогичные результаты. Работники органов по молодежной политике при трудоустройстве ориентировались, прежде всего, на содержание будущей деятельности. Так, на мотив «интересной работы» указали 45,0% респондентов, на «желание решать проблемы молодежи» – 32,2%. Уже в процессе профессиональной деятельности повышение оплаты труда стало значимым стимулом для 62,7% работников. И он, в отличие от данных предыдущего исследования, занял безоговорочно первое место – «ощущение полезности своей деятельности» в качестве стимула выбрали лишь 35,56%.

Противоречие между сравнительной небольшой значимостью материальных мотивов в выборе рода занятий и возрастанием их роли в процессе профессиональной деятельности свидетельствует, с одной стороны, о том, что работники органов по делам молодежи склонны идеализировать собственную мотивацию на начальном этапе деятельности, а с другой, об испытываемой ими неудовлетворенности размером той материальной компенсации, которую они получают за «интересную» и «общественно-полезную» работу. Показатель удовлетворенности уровнем оплаты труда в наибольшей степени характеризует сложившуюся в настоящее время довольно высокую неудовлетворенность специалистов конкретными условиями своей работы. Его коэффициент равен -0,403 (при минимуме -1 и максимуме 1). Отрицательные значения имеют и такие показатели, как уровень социальной защищенности (-0,206), правовые гарантии (-0,156) и перспективы служебного роста (-0,046). Следует признать, что именно данные факторы демотивируют работников органов по делам молодежи к их профес-

¹ См.: Формирование системы кадрового обеспечения государственной молодежной политики. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. – М. – Белгород: БИГМУ, 2004. – С.22.

² См.: Там же. – С.6-7.

³ См.: Там же. – С.8.

сиональной деятельности. Наивысшими значениями, напротив, обладают показатели субординации во взаимоотношениях в коллективе (0,277) и полезности работы для общества (0,235)¹.

Как следствие, значительная часть работников органов по молодежной политике в той или иной мере не удовлетворена своей работой. По данным общероссийского исследования, полностью удовлетворенных специалистов ею оказалось немногим более 17%. Еще 36,5% удовлетворены «по большей части». Следовательно, около половины респондентов своей работой удовлетворены не в полной мере. Более того, лишь 42% специалистов по работе с молодежью не хотели бы менять свою работу².

Исследование «Формирование и развитие кадрового потенциала государственной молодежной политики» (2008 г.) также выявило достаточно высокий уровень неудовлетворенности специалистов условиями своей работы по многим параметрам. Относительное большинство респондентов удовлетворено лишь содержанием своей деятельности и ее полезностью для общества (50,0% и 41,67% соответственно). Но, как отмечалось выше, во многом это обусловлено идеализацией работниками ГМП собственных мотивов и жизненной ситуацией. Показатели же, более приближенные к повседневной профессиональной деятельности, свидетельствуют о серьезной напряженности в сфере мотивации и стимулирования. Так, морально-психологическим климатом в коллективе удовлетворены 18,33%, уровнем оплаты труда – 18,33% респондентов, перспективой служебного роста – 12,22%, уровнем социальной защищенности – 16,67%, распределением прав и ответственности – 4,44%.

Данные общероссийского и региональных исследований говорят о том, что проблема стимулирования работников является ключевой среди комплекса кадровых проблем. Об этом заявили 54,27% участников федерального исследования 2004 года. 50% экспертов, опрошенных в ходе проведенного в 2008 г. в Белгородской, Курской и Орловской областях исследования, отметили слабое стимулирование (материальное и моральное) специалистов как основную причину кадровых проблем государственной молодежной политики, поставив ее по значимости на первое место.

На второе место участники обоих исследований поставили недостаточную квалификацию имеющихся специалистов: 33,54% работников – по данным федерального исследования 2004 г. и 40,0% экспертов межрегионального исследования 2008 г.

Недостаточная квалификация работников во многом определяется неоптимальными практиками рекрутирования кадров органов по делам молодежи. Их низкая эффективность проявляется, прежде всего, в том, что основную массу принимаемых на работу сотрудников, по данным исследования 2008 г., составляют либо выпускники учебных заведений, либо бывшие работники бюджетной сферы. Первые, как правило, не имеют достаточного опыта работы. Вторые – мало знакомы с производственной сферой, с организацией предпринимательской деятельности, довольно часто недостаточно инициативны и креативны. Большинство работников сферы молодежной политики представляют специалисты, имеющие опыт деятельности в сфере ГМП до пяти лет. Это вряд ли само по себе ли может служить свидетельством их недостаточного профессионализма, но выступает в качестве предположения о наличии такой возможности. И, в любом случае, выявленное распределение кадров по стажу свидетельствует о высоком уровне текучести кадров.

В формировании кадрового потенциала молодежной политики велика роль случайных факторов. Значительная часть работников (до одной пятой) оказались сотрудниками органов по делам молодежи потому, что «представилась такая возможность».

Исследование дает основания утверждать, что основная масса специалистов не рассматривает молодежную политику как постоянную сферу своей деятельности. Лишь меньшинство респондентов рассчитывает связать с ней карьеру. Около одной пятой респондентов не выбрали варианты ответа, характеризующие их полную или хотя бы частичную удовлетворенность своей работой. Более того, степень неудовлетворенности возрастает по мере увеличения стажа деятельности в органах по молодежной политике. Исследование выявило наличие значительной зоны профессиональной фрустрации специалистов. Несмотря на то, что доля тех, чьи ожидания от работы полностью не оправдались, невелика, потенциал возможного разочарования в профессии также достаточно существенен – абсолютное большинство работников ор-

¹ См.: Там же. – С.9.

² См.: Там же. – С.18.

ганов по делам молодежи (60,0%) считает, что их ожидания от работы оправдались лишь частично. Кроме того, следует иметь в виду, что лишь треть респондентов твердо не намерена в ближайшее время менять сферу профессиональной деятельности.

Неудовлетворенность условиями работы опять-таки возрастает по мере увеличения стажа профессиональной деятельности, что свидетельствует о накоплении «профессиональной усталости» и, очевидно, о постепенном снижении эффективности выполнения работ. Опыт показывает, что чаще всего следствием такой усталости является злоупотребление специалистами бюрократическими практиками, которые нередко помогают создать иллюзию профессиональной деятельности при минимизации затраченных усилий.

Исследование дает основание считать, что в органах по молодежной политике все сильнее проявляется тенденция к бюрократизации отрасли. Она проявляется в том, что у работников формируется установка на приоритет формальных показателей деятельности, на установки руководства, в объяснении просчетов в реализации ГМП внешними факторами. При этом бюрократизация не должна рассматриваться только в негативном плане. Она означает лишь, что деятельность молодежных структур все более формализуется, в них возрастает роль фактора служебной иерархии, работа в органах по делам молодежи требует профессиональной подготовки и соответствующего образования, для работников все большую роль начинают играть карьерные мотивации. Вместе с тем, несомненно, что бюрократизация влечет за собой и негативные следствия, которые связаны с бумаготворчеством, подчинением смысла деятельности формальной стороне, с коррупцией.

В целом данные социологических исследований в комплексе с анализом тенденций развития институтов молодежной политики в современной России отчетливо позиционируют основные ограничения выработки и реализации государственной молодежной политики как на федеральном, так и на региональном уровне. К таковым, как подчеркивалось выше, относятся: недостаточный уровень профессиональной подготовки кадров органов по делам молодежи, недостаточность стимулирования эффективной профессиональной деятельности последних и др. К сожалению, государственная молодежная политика в России пока еще не выработала собственный круг задач, свободных от влияния конъюнктурных требований (проведения выборов, манипулирования общественным мнением, трудоустройства бывших общественных активистов и т.п.). Она по-прежнему сохраняет «волновой» характер, активизируясь и стагнируя в зависимости от этапа электорального цикла, организационных и персональных трансформаций внутри бюрократического аппарата. Рекрутирование кадров органов по молодежной политике из активистов общественных молодежных организаций, с одной стороны, способствует их приближению к актуальным проблемам молодежи. С другой, – способствует притоку непрофессионалов, не знакомых с логикой функционирования государственного и муниципального управления. «Молодежные» структуры государственного и муниципального управления нередко рассматриваются ими в качестве «трамплина» для успешной политической и административной карьеры. Завышенные политические амбиции мало способствуют рутинной управленческой и аналитической деятельности.

Безусловно, за последние годы произошли заметные позитивные изменения кадрового потенциала государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровне. Так, кадровый ресурс сферы молодежной политики Белгородской области составляет 541 специалист¹. В регионе действует молодежное правительство, работа в котором, перспективные молодые люди получают опыт управленческой деятельности и включаются в процесс разработки и реализации социально-экономических проектов и программ. На базе Белгородского государственного университета с 2003 года ведется профессиональное обучение студентов по специальности «Организация работы с молодежью».

Но при этом региональная Программа кадрового обеспечения государственной молодежной политики, действовавшая в 2004-2005 гг. в последующие годы не была возобновлена, хотя сама молодежная политика, в оценках молодежи области, балансирует на грани полной и частичной неэффективности. Реструктуризация молодежной политики на федеральном уровне также пока порождает больше вопросов к ее ценностному, функциональному и структурному компонентам.

¹ См.: Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / Под ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – С.268.

Заключение

Совершенствование системы управления государственной молодежной политикой на федеральном и региональном уровнях предполагает формирование системы кадрового обеспечения нового качества, которое обеспечивается высоким уровнем профессиональной компетентности, наличием социальных мотиваций деятельности и социально-технологической культурой специалистов по работе с молодежью. Это необходимо условия эффективности функционирования органов молодежной политики, позволяющие им решать как среднесрочные, так и долгосрочные цели, осуществлять разработку и реализацию молодежных программ.

Формирование эффективной системы кадрового обеспечения молодежной политики на региональном и федеральном уровнях должно исходить, во-первых, из анализа кадрового потенциала сферы молодежной политики. Затем, должны быть разработаны технологии отбора перспективных молодых людей для работы в органах по молодежной политике. В-третьих, необходимо сформировать систему непрерывного образования специалистов по работе с молодежью. И, наконец, все организационные новшества будут неэффективны без разработки системы индикаторов комплексной оценки эффективности деятельности кадров органов по молодежной политике.

Особые требования новые задачи государственной молодежной политики ставят перед системой высшего образования и наукой. И обеспечение профессиональной подготовки и переподготовки специалистов по организации работы с молодежью – лишь одно из направлений деятельности научно-исследовательских и образовательных учреждений. Основная их функция видится в научно-методическом обеспечении и сопровождении мониторинга потребности государственного управления в соответствующих специалистах, результативности их функционирования, форм и эффективности обратной связи в сфере государственной молодежной политики.

Список литературы

1. Рожнов О.А. Управление молодежной политикой в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2005.
2. Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2007 г. №1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. – 2007. – 26 сентября.
3. Официальный сайт Государственной Думы. Список комитетов и комиссий // Режим доступа к изд.: <http://www.duma.gov.ru>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
4. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 22.05.2003 г. №2192 «О подготовке кадров сферы государственной молодежной политики» // Режим доступа к изд.: http://www.edu.ru/db-mo/mo/Data/d_03/2192.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
5. Формирование системы кадрового обеспечения государственной молодежной политики. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. – М. – Белгород: БИГМУ, 2004.
6. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / Под ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007.

LIMITATIONS OF HUMAN RESOURCE STATE YOUTH POLICY

V.P. BABINTSEV¹⁾
E.V. REUTOV²⁾

¹⁾*Belgorod State University*
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

²⁾*Belgorod State University*
e-mail: reutovevg@mail.ru

The papers have analyzed complex of problems state youth policy in Russia. It has focused on analysis of human resource state youth policy. The fundamental problems of human resource have exposed on empiric findings. There are inadequate qualification of personnel, which have given unframed system placement of personnel, poor stimulation of effective professional activity, considerable band of professional frustration personnel.

Key words: youth state policy, department of youth policy, personnel, potential of human resource, personnel by work with youth.

ОЦЕНКА ИТОГОВ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

А.А. ЛЕЖЕБОВ

*Ставропольский
институт
управления*

*e-mail:
leghebokov@rambler.ru*

Рассмотрено развитие местного самоуправления в Ставропольском крае. Показано, что нормативная, территориальная и организационные основы местного самоуправления в регионе к настоящему моменту созданы и функционируют. Проведен социологический анализ опросов населения края относительно деятельности органов местного самоуправления, согласно результатам которого, население не готово на данном этапе воспринимать институт местного самоуправления как полностью отвечающий запросам жителей, не наблюдается роста активности граждан участвовать в решении проблем местных сообществ.

Ключевые слова: управление, самоуправление, местное самоуправление, социальное, социальный институт, социальный субъект, социальные потребности, социальный порядок, личность, местное сообщество, население, муниципальная служба, должностные лица.

Изменения социально-экономических взаимодействий, политического и административного устройства государства создает возможность предоставления населению выступить в качестве активного участника процессов управления, и прежде всего – на местном уровне. Реализация данной возможности характерна для такого элемента гражданского общества как институт местного самоуправления.

Выступая как самостоятельный институт общества, местное самоуправление представляется уникальным, имеющим свои особенности в зависимости от исторического опыта народов, феноменом. Существующие веками нормы управления общностями в естественной среде обитания, самоорганизация населения для достижения единой цели являются многообразными в современных социально-политических системах.

Необходимость научного анализа развития и современного состояния местного самоуправления определяется тем, что реформирование и модернизация данного социального института, изменив практическую сторону его функционирования, вызвали устаревание и неадекватность теоретических концепций предыдущего периода. Таким образом, социологический анализ современных процессов, происходящих в системе местного самоуправления, представляется достаточно актуальным.

Проведение реформ в любой отрасли неминуемо пересекается с жизнедеятельностью людей, поэтому экономические преобразования, направленные на совершенствование, развитие и улучшение экономики, нуждаются для своей реализации в поддержке широкими массами населения. Для этого необходимо их активное участие в управлении социально-экономическими процессами на всех уровнях. Особенно это важно на нижнем территориальном уровне, так как в большинстве случаев именно он является базой для осуществления преобразований.

Для современных реформ одним из важнейших таких уровней являются городские и сельские поселения, которые Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» определяются как один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов (городов, поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления¹.

Через функционирующие здесь органы самоуправления обеспечивается связь сельского и городского населения с высокими государственными институтами, способ-

¹ Федеральный закон №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2003. – 48 с.

ствующая более рациональному решению социальных, экономических, правовых, политических и других, поставленных временем задач. В компетенции этих органов власти находится, прежде всего, подведомственная территория и население, на ней проживающее, поэтому их работа должна быть направлена на обеспечение взаимосвязи их экономического благосостояния с культурным и нравственным уровнем развития.

За обозримый период своего существования местное самоуправление претерпело множество реформ, проводимых преимущественно по инициативе государственной власти. В результате оно приобретало (или теряло) отдельные свойства, приближающие или отдаляющие его от «эталонного» представления о местном самоуправлении применительно, прежде всего, к способам обеспечения экономической базы его осуществления. Последние десять лет также не оказались исключением, поэтому целый ряд важнейших теоретических и правовых вопросов становления местного самоуправления пока не нашел должного разрешения ни в законодательной практике, ни в научных исследованиях. Это вызывает большие проблемы в практической деятельности органов местного самоуправления, приводит к ошибкам, упущениям со стороны органов местной власти и, значит, к определенной дискредитации в глазах населения его экономической значимости

Современная, проводимая в России с самого конца 90-х годов XX в. реформа местного самоуправления в наибольшей степени, по нашему мнению, приближает его к «эталонному» представлению, поскольку созданная правовая база местного самоуправления в стране в целом и в большей части его регионов обеспечивает практическую реализацию населением идеи местного самоуправления.

В соответствии с административно-территориальным делением территория Ставропольского края представлена совокупностью территорий его сельских муниципальных районов и городов. Следуя той же логике, территорию каждого из сельских муниципальных районов Ставропольского края можно рассматривать как совокупность всех муниципальных образований–поселений, находящихся в его границах. И, наконец, территорию каждого отдельного муниципального образования–поселения составляет совокупность земельных площадей, закрепленных на различных условиях за всеми хозяйствующими субъектами, расположенными в его границах.

Территорию муниципального образования составляют земли городских, сельских поселений, прилегающие к ним земли общего пользования, рекреационные зоны, земли, необходимые для развития поселений, и другие земли в границах муниципального образования независимо от форм собственности и целевого назначения».

В соответствии с существующим законодательством, местное поселенческое самоуправление в Ставропольском крае осуществляется на территориях бывших сельских и городских советов, объединяющих одно или несколько поселений, в полном соответствии с административно-территориальным делением, и отдельных поселков, сел, станиц, иных поселений².

Избирая так называемую «поселенческую» модель местного самоуправления для исследования, мы учитывали его содержательную основу как института народо-властия. Соответствующее этой модели организации местного самоуправления и обеспечиваемое ею максимально возможное (в рациональных пределах) приближение органов местной власти к населению подведомственных ей территорий муниципальных образований позволило обеспечить так необходимое единство власти и населения для решения важнейших проблем населения и территории. Избираемые городским и сельским населением в органы местного самоуправления, главы администраций и депутаты являются жителями тех же поселений, как правило, хорошо известных не понаслышке (или по не всегда корректным сообщениям средств массовой информации), которые решают для себя те же самые проблемы, что и их соседи, родственники, друзья и знакомые. Такой подход к организации местного самоуправления в наибольшей степени, на наш взгляд, соответствует как содержанию законодательства о местном самоуправлении, так и самой его сути.

² Постановление ГДСК «Об основных положениях концепции развития местного самоуправления и краевой программе государственной поддержке местного самоуправления в Ставропольском крае», 2004г.

Особенности сельской местности края, заключающиеся в большинстве своем в относительно невысокой плотности населения и степени заселенности территорий (хотя и при наличии крупных по людности поселений), отсутствии со многими из них устойчивого межселенного транспортного сообщения подчеркивают необходимость использования именно такого варианта осуществления местного самоуправления и приближения его органов к населению. Только таким образом они могут действительно соответствовать своей миссии: решать в пределах своих полномочий проблемы жизнеобеспечения населения и способствовать социально-экономическому развитию территории муниципального образования.

Каждое муниципальное образование уникально, так как имеет свои географические, исторические, демографические, национальные, политические, экономические, социальные, демографические и другие особенности. Именно они и формируют потенциал муниципального образования, исследование которого является первоосновой любой деятельности: научной, статистической, управленческой, хозяйственной.

Социально – экономический анализ муниципального образования – совокупность действий по исследованию социальных и экономических процессов, протекающих на территории муниципального образования, являющийся производным от наличия и результативности использования их производственного потенциала, содержания и направленности социально – экономической политики государства. Социальные процессы складываются под влиянием государственной социальной политики, достигнутого уровня социально – инфраструктурного и инженерного обустройства муниципального образования.

Специфика социально – экономического анализа муниципального образования такова, что достижение высокой объективности его оценок требует соблюдение следующих условий:

- максимального приближения к низовым территориальным уровням;
- использование территориальных принципов анализа и управления;
- комплексности подходов к исследованию, который предусматривает изучение не только предприятий, объединений и отраслей (экономической и технической сторон производства), расположенных на территории; но также и социальных, природных, правовых, экологических условий и их взаимосвязей.

Исходной базой для планирования комплексного социально-экономического развития любого муниципального образования является анализ существующей социально-экономической ситуации, включая внутреннюю и внешнюю среду. Анализ внутренней среды позволяет делать выводы об имеющихся ресурсах, возможностях, направлениях и перспективах социально-экономического развития муниципального образования. Анализ внешних условий развития, включая общую социально-экономическую ситуацию в государстве, состояние нормативно-правовой базы, систему и подходы к управлению социально-экономическим развитием в стране и конкретном регионе, позволяет диагностировать и учитывать те проблемы, с которыми может столкнуться муниципальное образование при разработке и реализации планов и программ развития.

Количество муниципальных образований всех уровней в Южном федеральном округе на 1 января 2006 г. с учетом реализации ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г № 131-ФЗ составило 3385, в том числе сельских поселений 2932 или 86,7%. Наибольшую долю в числе муниципальных образований на уровне сельских поселений занимает Республика Дагестан – 23,2 % или 681 сельских поселений, затем следует Волгоградская область – 415 сельских поселений (14,2%) и Ростовская область – 390 сельских поселений (13,3%). Ставропольский край по количеству сельских муниципальных образований в Южном федеральном округе занимает пятое место (после Краснодарского края). Их число составляет 281 или 9,6% от общего количества. Наименьшее количество сельских поселений приходится на Республику Адыгея – 43 (1,5%)³.

³ Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник / Ставропольский краевой комитет государственной статистики. – 2005. – 216.

На территории Ставропольского края расположено 330 муниципальных образований, в состав которых входят 19 городов, 7 поселков городского типа, 736 сельских населенных пунктов. Наибольшее количество муниципальных образований расположено на территории Ипатовского муниципального района – 17, наименьшее – в Труновском муниципальном районе – 7. Из 736 сельских населенных пунктов максимальную долю составляют сельские поселения Кочубеевского муниципального района, а минимальную – Новоселицкого муниципального района.

Общее количество муниципальных образований в Ставропольском крае на конец 2004 года составило 330. При этом сельских муниципальных образований насчитывается 281 (85,2%), муниципальных районов – 26 (7,9%), городских поселений – 14 (4,2%) и городских округов – 9 (2,7%). Наибольшее количество сельских муниципальных образований расположено в границах Ипатовского, Кочубеевского и Предгорного муниципальных районов, что в первую очередь связано с площадью данных районов и плотность в них сельского населения.

Из 284 сельских муниципальных образований Ставропольского края в 76 (30%) численность населения находится в пределах 2001-3000 человек. Наименьшее количество сельского населения (1500 чел. и менее) проживает в границах 18 сельских муниципальных образований, что составляет 6,3 % от их общего числа. В 23 сельских муниципальных образованиях число сельских жителей превышает 10000 человек.

Наибольшая плотность сельского населения наблюдается в Предгорном и Георгиевском муниципальных районах – 49,5 и 44,2 человек на 1 кв. км площади соответственно. Рубеж 30 чел./кв. км преодолен в Кировском, Кочубеевском и Минераловодском муниципальных районах. В пределах 20-29 чел./кв. км находятся Александровский, Грачевский, Изобильненский, Труновский муниципальные районы. Наименьшая плотность сельского населения в Арзгирском муниципальном районе – 8,8 чел./кв. км.

Надо признать, что проблемы, существующие в муниципальных образованиях Ставропольского края, не отличаются новизной и, по нашему мнению, являются примерно одинаковыми. В январе-марте 2007 года нами было проведено полномасштабное социологическое исследование жителей Ставропольского края. Помимо прочих, целями данного исследования являлось установить:

1. уровень жизни населения, его динамику по отношению к другим субъектам федерации и районам;
2. основные проблемы, волнующие жителей.

Репрезентативная выборка респондентов состояла из 1935 совершеннолетних жителей Ставропольского края, и была квотирована по полу, возрасту и месту проживания (городское и сельское население).

В ходе опроса квоты распределены следующим образом:

1. По полу: 46 % – мужчин, 54 % – женщин.
2. По возрасту: 18 – 30 лет – 20%, 31 – 50 лет – 60% и старше 50 лет – 20%.
3. По месту проживания: городское население: 60%, сельское население: 40%.

Местами опроса являлись сельские районы края, в которых опрашивались жители районных центров и двух-четырёх сел, входящих в состав района.

Метод опроса: личное интервью по маршруту согласно квоте.

Среднестатистическая погрешность полученных результатов не превышает 3%. По результатам исследования можно сделать выводы о проблематике муниципальных образований глазами их жителей. Основными проблемами, указанными респондентами (проблемы респондент называл самостоятельно) являются: безработица (20,86%) опрошенных, состояние дорог (18,06%), маленькая пенсия и заработная плата (12,67%), отсутствие мест досуга (8,75%), плохое медицинское обслуживание (5,77%), проблемы ЖКХ (5,77%), плохое состояние школ и детских садов (4,1%), проблемы электрификации и освещения улиц (3,54%), проблемы газификации (2,6%), коррупция властей (2,42), проблемы водоснабжения (2,23%). Затруднились с ответом 2,04% опрошенных. Остальные проблемы (недоверие власти, развал экономики и т.д.), имеющие в совокупности 12 вариантов, не анализировались, так как на каждый указало менее 1% респондентов. На вопросы, касающиеся положения респондента и изменения этого положения, были получены следующие данные.

На вопрос «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» были получены следующие результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Оценка населением Ставропольского края материального положения семьи

	По полу		По возрасту			сего
	м	ж	18-30	31-50	51-	
Хорошее	8,13	9,06	13,46	7,14	6,36	8,60
Удовлетворительное	44,98	44,81	48,55	47,14	39,70	44,90
Плохое	42,276	41,96	30,28	43,21	50,18	42,11
Затрудняюсь ответить	6,50	9,84	9,13	3,92	11,98	8,211

Как мы видим, 53,5% опрошенных отмечает свое положение как «хорошее» и «удовлетворительное», причем колебания в заметны только в группировках по возрасту, по половому же признаку данные практически совпадают.

На вопрос «Как изменилось благосостояние Вашей семьи (Вас) за последние два года?» были получены следующие результаты, представленные в табл. 2:

Таблица 2

Оценка населением Ставропольского края изменения благосостояния семьи

	по полу		по возрасту			всего
	м	ж	18-30	31-50	51-	
Улучшилось	16,26	18,91	23,07	18,21	12,73	17,61
Осталось без изменений	55,28	47,66	51,44	55	47,56	51,39
Ухудшилось	25,74	32,90	21,15	26,78	38,57	29,40
Затрудняюсь ответить	3,52	3,367	4,32	1,78	4,49	3,44

В целом, только около 30% опрошенных отмечает ухудшение своего положения, 69% считают, что за последние два года или ничего не изменилось, или улучшилось. При этом удельный вес ответов «ухудшилось» повышается, хотя и незначительно с увеличением возраста опрошенных.

На вопрос «Как Вы считаете, по сравнению с соседними субъектами РФ живет Ставропольский край» были получены следующие результаты, представленные в табл. 3

таблица 3

Оценка населением Ставропольского края уровня жизни по сравнению с соседними субъектами РФ

	по полу		по возрасту			всего
	м	ж	18-30	31-50	51-	
Лучше	12,19	18,39	20,19	11,78	15,35	15,36
Хуже	50,67	46,37	42,78	51,78	49,43	48,47
На таком же уровне	24,11	25,12	24,03	26,78	22,84	24,63
Затрудняюсь ответить	13,00	10,10	12,98	9,64	12,35	11,52

До 50% респондентов ответили, что Ставропольский край живет хуже, чем соседи. Это объясняется, по нашему мнению, различными факторами, связанными с неблагоприятной ситуацией в экономике сельских территорий края. Только 15% респондентов считают, что край живет лучше. Эти данные в какой-то мере коррелируют с данными, полученными на следующий вопрос.

На вопрос «Как Вы считаете, по сравнению с соседними районами края живет Ваш район» были получены следующие результаты, представленные в табл. 4.

Таблица 4

**Оценка населением Ставропольского края уровня жизни
по сравнению с соседними муниципальными районами**

	по полу		по возрасту			всего
	м	ж	18-30	31-50	51-	
Лучше	18,97	15,28	25,48	14,28	13,48	17,08
Хуже	47,15	54,92	46,15	51,42	54,68	51,12
На таком же уровне	23,30	23,31	21,15	24,28	23,97	23,31
Затрудняюсь ответить	11,65	9,58	9,13	11,07	11,23	10,59

Возможно, «схожесть» ответов можно объяснить некоей установкой, «что у нас все же хуже, чем у соседей». Хотя сельские районы Ставропольского края находятся примерно в одинаковых экономических условиях хозяйствования, мнение населения о состоянии собственного района, скорее отрицательное.

На вопрос «Как изменилось состояние дел в вашем районе, населенном пункте за последние два года?» были получены следующие результаты, представленные в табл. 5.

Таблица 5

**Оценка населением изменения состояния дел в муниципальном районе,
населенном пункте**

	по полу		по возрасту			всего
	м	ж	18-30	31-50	51-	
Стало лучше	16,80	18,39	20,67	19,28	13,48	17,61
Стало хуже	33,33	35,49	28,84	31,42	41,94	34,43
Осталось на таком же уровне	37,66	41,45	37,5	40,35	40,44	39,60
Затрудняюсь ответить	12,73	7,512	14,42	7,857	8,98	10,06

Ответ «Стало лучше» коррелирует с ответами на вопрос об изменении благосостояния семьи (табл. 2). Остальные ответы показывают достаточно очевидную картину об отсутствии положительных сдвигов в развитии муниципального образования.

Как мы видим, население муниципальных образований края не видит достаточно хороших результатов деятельности своей семьи, своего населенного пункта, сельских районов за последние два года.

Процесс планирования и внедрения мероприятий, повышающих результативность деятельности сельских органов власти, включает осуществление комплекса организационно-технических и социально-экономических мероприятий, обеспечивающих эффективное использование земли, рабочей силы, финансовых и других ресурсов, а также создание благоприятных условий труда и быта, более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей населения. Разработка мероприятий может и должна осуществляться специально созданной комиссией (группой), с учётом пожеланий избирателей, опираясь на мнения жителей, выявляемого путём опросов, референдумов. Разработанные проекты утверждаются главой муниципального образования, представительным органом, населением сельсовета. Для повышения заинтересованности группы в конечном результате необходимо разработать систему материального стимулирования, в зависимости от эффективности функционирования проекта на практике.

Основную проблему представляет внедрение мероприятий, поскольку это зависит от обеспеченности необходимыми денежными и материальными средствами, обучению и подбору подходящих кадров для работы. Данный комплекс вопросов необходимо решать как на государственном, так и на муниципальном уровне. Для чего необходимо тщательнее пересмотреть вопросы формирования муниципальной собствен-

ности (в том числе муниципальной собственности на землю), создания условий для формирования полноценных местных бюджетов (в том числе учёта специфики муниципальных образований при перераспределении государственных финансовых ресурсов), создания стабильной нормативной основы экономической деятельности муниципальных образований и другие.

Таким образом, социально-экономическая ситуация в муниципальных образованиях Ставропольского края зависит, в том числе, от их принадлежности к городскому или сельскому поселению. В зависимости от этого позитивная, в целом картина развития муниципальных образований наблюдается в городах, и обратная ситуация в сельской местности. Результаты проведенных социологических исследований показали, что население не готово на данном этапе воспринимать институт местного самоуправления как полностью отвечающий запросам жителей, при этом не наблюдается роста активности граждан участвовать в решении проблем местных сообществ. Эффективность деятельности института местного самоуправления будет определяться степенью вовлеченности жителей в решение вопросов их жизнедеятельности. Реальное заинтересованное участие жителей в управлении собственными ресурсами для удовлетворения местных потребностей составляет основу развития местного самоуправления. Вместе с тем методы и формы вовлечения населения в управление и повышение активности граждан является важной задачей деятельности самих органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Федеральный закон №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2003.
2. Постановление ГДСК «Об основных положениях концепции развития местного самоуправления и краевой программе государственной поддержке местного самоуправления в Ставропольском крае», 2004г.
3. Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник / Ставропольский краевой комитет государственной статистики. – 2005.

THE ESTIMATION OF THE RESULTS OF THE DEVELOPMENT OF THE LOCAL GOVERNMENT BY THE POPULATION OF STAVROPOL TERRITORY

A.A. LEZHEBOKOV

*The Stavropol Institute
of Management*

e-mail:

leghebokov@rambler.ru

It has been considered the development of the local government in Stavropol territory. It has been shown that normative, territorial and organizational principles of local government in Stavropol territory were created and are functioning by present. Social analysis of public inquiry has been carried out. It deals with the Institute of Local Government activity. According to the results the population isn't ready to grasp the institution of local government at this stage as fully meeting the needs of inhabitants. Besides, there is no growth of the population's activity to take part in solving local communities' problems.

Key words: management, self-government, local government, social, social institution, social subject, social needs, social order, personality, local community, population, municipal service, public officer.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОТИВА СВЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале Белгородского края)

С.М. КЛИМОВА¹⁾
С.П. КОНОВАЛЕНКО²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
sklimova@bsu.edu.ru*

*²⁾ Белгородский
государственный
институт культуры
и искусств*

Статья посвящена изучению феномена святости в народной культуре. Рассмотрены принципы построения духовных стихов, представлены результаты экспедиционных практик в Белгородской области.

Ключевые слова: народная культура, народное православие, духовные стихи, христианские и народные образы святых.

Исследование духовных основ русской культуры всегда было чрезвычайно востребовано в научном дискурсе. Эта потребность связана со спецификой русского философского мышления, акцентировавшего особое внимание на понятиях «народ», «нация», «идентичность», «идеалы» и т.д. Сегодня, как и обычно, в переходные периоды, важнейшим становится прояснение аксиологических доминант культурного развития страны. Имманентная связь русской интеллектуальной мысли с русской народной культурой может стать основанием современных культурологических размышлений. Ф. И. Буслаев обратил внимание на сравнительно медленное хронологическое изменение народной культуры и народного самосознания. После провала многообразных проектов «переделки» русского народа с помощью чиновничьих реформ или усилий отдельных интеллектуалов-энтузиастов в конце XIX-нач. XX века, появилась реальная возможность научного (объективного) изучения жизненного мира русского человека. Научные выводы об относительной консервативности русской народной культуры и ее привязанности к древним идеалам, позволяют без труда указать на актуальность современных усилий по изучению разных пластов народного сознания. В современном социокультурном пространстве заметно активизировался интерес к вопросам, связанным с разнообразными явлениями фольклора, особенно в сфере художественного творчества. Значительное место здесь занимает певческое искусство, опирающееся на народные национальные традиции.

На Руси святость рано стала высшим идеалом, высшей духовной ценностью. Первоначальные представления о святом вынесены славянами из глубокой индоевропейской древности¹. Переняв лексику язычества, православие переосмыслило её основные значения. В язычестве святость была синонимом таинственной избыточной энергетической жизненной силы, приписываемой классу особых предметов или особым субъектам. «Эпитет «святой» в русской и славянской традиции определял, прежде всего, символы вегетативного плодородия: святое дерево, рай (первоначально вариант мирового дерева), роща, колос, жито, корова. С введением христианства сложилось представление о новом типе святости – духовном, понимаемом как некое «сверхчеловеческое» благодатное состояние, когда происходит возрастание (вспухать, увеличиваться в объёме, возрастать) в дух, творчество в духе»². Святое для славян было преисполнено «иночеловеческой силой». Ино(сверх)человеческое – синоним неизъяснимого, потустороннего и опасного. Однако в языческом понимании святости первостепенное значение имело не устрашение, но «животворение» или энергия роста, развития и преобразования. Концепт святости в народной культуре создаётся в процессе вытеснения идеи мощи, как признака сверхъестественного существования, из материальной сферы, через попытку ликвидации «телесного» субстрата и замены его духовным. При этом концепт сохраняет все позитивные составляющие языческой святости, прежде всего, его энергетический «компонент», то есть сверхъестественные способности и возможности, направленные на самосовершенствование и мистико-религиозное откровение. Святыми становятся места обитания православных святых: пустыни, леса, монастыри, скиты. В язычестве эти места изначально святые. Православная святость – субстрат, на котором сформировалось понятие «духовной» святости. «Жито свято не потому, что растёт, а оно растёт, так как свято»³. Таким образом, специфика воззрений русского народа связана с феноменом «народного православия» – своеобразного синкретизма христианских и языческих представлений в культуре. Язычество и православие становятся «дуальной моделью» духовной народной культуры. Мотив святости уникально представлен в мифах, фольклоре, апокрифах, бытовой и обрядовой лексике и других текстах русской культуры по сегодняшний день.

Русская религиозность таит в себе не только традиционные православные пласты. Нет однозначной характеристики и у понятия «народная душа». Хотелось бы подчеркнуть душевную чистоту народной веры, а у исповедующих её – способность приближения к Богу в высшей мере, что максимально отражено в феномене «народной святости». Важно отметить, что чуждая, привнесённая «сверху» и со стороны официальной церкви эта идея была переосмыслена в соответствии с логикой мифо-магического мышления, адаптирована к уровню восприятия простого народа и только тогда обрела своё место в их повседневной жизни, превратившись в органическую часть народной культуры. При этом она фактически вышла из-под контроля догматического богословия и обрела собственное бытование. Это выразилось, прежде всего, в том, что, во-первых, изменилась традиционно-религиозная функция святого в народном восприятии (на материале фольклора делаем предварительный вывод) и, во-вторых, почитание святых быстро обросло разнообразными спонтанно возникающими обрядами, легендами, текстами духовных стихов, где народная фантазия не знает предела.

Именно народная обрядность «как сфера более стойкая и инертная, как область, поддающаяся более точному наблюдению»⁴ стала на многие годы объектом изучения специалистов разных направлений в науке. Полевые материалы, собранные нами и нашими коллегами в последние десятилетия в российской провинции, позволяют сделать вывод относительно широкого бытования духовных идеалов (образов

¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с., Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995

² Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – с.7-9.

³ Там же.- с.18.

⁴ Кагаров Е.Г. Религия древних славян. Культурно-бытовые очерки по мировой истории. М., 1918. № 4. с.1.

святых) в народной и в третьей культуре⁵ рубежа XX – XXI веков. В картотеке собираемого нами материала, хранятся тексты, свидетельствующие о различных проявлениях духовного сознания и поведения неграмотных, малограмотных, имеющих среднее и высшее образование жителей как сельских, так и городских населённых пунктов нашего региона. Именно народная обрядность «как сфера более стойкая и инертная, как область, поддающаяся более точному наблюдению»⁶ стала на многие годы объектом изучения специалистов разных направлений в науке.

Приведем распространенный пример описания образа «главного» святого – Христа, в народном восприятии. В народном сознании образ Христа неразрывен с природными элементами, специфически акцентирующими основные евангелиевские или апокрифические сюжеты. Так, по свидетельству старожилы *села Горки Красненского района Белгородской области*, именно верба является самым главным атрибутом празднования въезда Иисуса в Иерусалим. Рассказывает *Мавра Ивановна Корнева (1915 г.р.)*: «Вот, ты, знаешь про Вербное воскресенье? А как, ты, знаешь?... Нет. Я тебе расскажу, как было». И у неё засветились глаза. «Въезжал Иисус в Ерусалим на ослике. Ослик ма-а-ленький, а ноги у Христа дли-и-нные. Ён йих волочить по земле. А по бокам дороги стоять беднаи и богатаи. Богатаи кидают деньги (монеты), а бедным кидать нечего. У йих были только вербочки. Так аны и срывали пушки с веток и бросали под ноги Христу. Пушки-то на монеты похожи. Тах-то вот» (экспедиция БГЦНТ от 17 мая 2007 года, беседу вела старший научный сотрудник Н.В. Кривчикова).

Чтобы сделать язык новой веры понятным, необходимо было установить соответствия старых и новых персонажей, то есть осуществить перевод с традиционного религиозного дискурса на народный и бытовой. Такому «переводу» и был подвергнут языческий пантеон. Фигуры верхних уровней иерархии совпали в новой модели с христианской «верхушкой»: божественным семейством, ангелами, святыми, мифологические функции получил и сам Христос. Критерии, по которым можно установить, с каким языческим персонажем *соотнести* ту или иную фигуру святого быстро выработались. Учёные указывают на основные критерии: *созвучное звучание имени; содержание христианского предания о той или иной фигуре, сведения Писания или житий; комплекс представлений, уже закрепившийся за данной фигурой в византийско-болгарском двоеверии.*

Народное творчество представляет собой сложное единство многих жанров, различных по происхождению и функционированию. Особенно сложно определить жанр «поющего фольклора», поскольку он обладает исполнительским синкретизмом художественных качеств. Таким проявлением «поющего фольклора» являются **духовные стихи**. Например, один и тот же духовный стих можно отнести к разным жанрам: это и «философское» раздумье о жизни, и назидание, и апокриф и т.д. Духовные стихи – это яркий и красочный источник познания народной веры. Жанр духовного стиха был исследован П.В. Киреевским, А.Н. Веселовским, А.В. Марковым, В.П. Адриановой-Перетц, Г.П. Федотовым. Народная вера, отраженная в духовных стихах, не в полной мере соответствует многим догматам православия. Это касается и догмата Святой Троицы, образа Христа, образа Богоматери, сближённого в народном сознании с образом Матери-Земли. В то же время это – не упрощённый, сильно обеднённый вариант книжной «церковной» веры, а достаточно сложная и структурно единая система «народной этики», состоящей, по мнению Н.И. Толстого, из трёх элементов: ритуалистического, каритативного (преисполненного любви) и натуралистически-родового.

Сосредоточенность православного русского сознания на нравственной природе человеческого бытия определила и жанровое своеобразие духовного стиха. Как известно, общая тенденция в изменении научного понятия «жанр» – стремление к выделению всё более малой единицы, объединяющей произведения по большему числу конкретных признаков. По результатам экспедиционных исследований, которые про-

⁵ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.

⁶ Кагаров Е.Г. Религия древних славян. Культурно-бытовые очерки по мировой истории. М., 1918. № 4. с.1.

водились нами в Белгородской области на протяжении последних трёх лет, мы предлагаем следующую жанровую классификацию духовных стихов: 1) покаяние (пример «Уж, ты, келья», «Псалма о блудном сыне»); 2) о Христе, Богородице, святых (пример «Самарянка», «Покров Пресвятой Богородицы», «Плач Богородицы», «Духовная песнь о батюшке Серафиме», «Ночь над Палестиной»); 3) назидание (пример «Как ходил грешный человеке», «Не ропщи на суровую долю»); 4) раздумья о жизни (пример «Житейское море», «А это было в давние года», «Пароход»); 5) хвалебные (пример «Странички», «Хвалите, Господа»); 6) о Страшном Суде (пример «Покайтесь, люди, спогляньте», «Христос выходил с учениками из храма»). Все стихи отражают понимание житий, четий Миней, патериков, апокрифов. Тематика Ветхого завета встретила нас лишь в одном духовном стихе «Псалма о Лазаре». Сюжет о богатом и бедном Лазаре в близок к евангельскому тексту, его причислить к исключительно к апокрифическим. Русские духовные тексты уклонились от Евангелия, они более своеобразны, в них Лазари стали братьями хотя это переосмысление – принадлежность позднего времени. Пример данного стиха зафиксирован в селе *Подсереднем Алексеевского района* и *хуторе Дальние Россошки Красногвардейского района*: «Жили-прожили два брата родных, Да один был брат богатый, а другой убогай...».

Духовные стихи поются в народной среде, как правило, во время всех постов, при исполнении погребально-поминального обряда и воспринимаются как аутентичные православию самими носителями культуры. Народные исполнители к духовным стихам относятся трепетно. Значительность смысла духовных стихов, аккумулирующих связанные с человеческой жизнью нравственные понятия, сочетается с присущей им интонационной исповедальностью. Духовные стихи покаянной тематики отражают как философские, так и личностные психологические проблемы: бренность мира и греховность человека; тщетность земной жизни и стремление уйти из мира в пустыню как путь к спасению, ожидание смерти и Страшного суда. Все эти темы, включающие мотивы покаяния и эсхатологии, были не абстрактными и далёкими, а вполне определёнными и реальными для исполнителей. Исследователи указывали на то, что духовный стих в каждой культуре повторяет уже сложившуюся систему жанров фольклора. По мнению музыковедов, духовный стих в процессе изменения культурной ситуации утрачивает лишь свою стилистику, «обряжается в другие одежды», «обрастает вторичными жанровыми признаками», сохраняя при этом и свои исконные черты, другими словами, трансформируется. Секрет такого «тысячелетнего выживания», популярности любимого жанра народной культуры, как нам представляется, кроется в глубокой народной вере и народном творческом гении. По мнению А.Н. Веселовского, причина ранней утраты духовного стиха в западных католических странах кроется в ритме жизни, в её страстности и нервности, устремлённости вперёд, когда новые впечатления и образы способствовали забвению старого предания. Не стоит забывать, что Запад, скованный латынью, отличался косностью и большей традиционностью в области религиозной культуры, Восток, напротив, отличало брожение религиозной мысли, свободное отношение к источникам религии. Поэтому, именно здесь (на Востоке) народные стихи служат полным выражением народного религиозного воззрения.

В настоящее время в ходе экспедиционных исследований было выявлено, что все исполнители духовных стихов находятся в преклонном возрасте и пение является для них своеобразной проповедью (или исповедью, в зависимости от текстовых смысловых нагрузок) самим себе. Многие из исполнителей – люди воцерковленные. Но некоторые находят свою веру в исполнении, рассматривая его как своеобразное служение. Мировоззрение носителей определённого слоя народной культуры, представленного жанрами духовного стиха, характеризуется крайней мистичностью. Выбор правильного духовного пути в мистической культуре напрямую связан с вниманием к мелочам, к таким деталям и событиям, которые для постороннего взгляда не содержат ничего особенного; в этом в народной культуре видится обретение тайного зрения – более глубокого взгляда на мир, не признающего случайностей и совпадений. Так, значительный интерес представляет народный «самиздат» духовных стихов – рукописные и машинописные тексты, хранящиеся в толстых тетрадах, завернутые в «бе-

лые священные платки» (народная терминология) и сложенные за иконами в Красном углу. То есть стихи сами становятся объектами святости и эта святыня, как икона, передается из поколения в поколение. Рукописность – важный компонент одухотворения букв, слов и звуков. Этот феномен практически не подвергался рассмотрению. Налицо непосредственная связь между устной и книжной традицией. Таким образом, делая все необходимые оговорки, «мы всё же можем искать в духовных стихах выражения глубочайших подсознательных стихий религиозной души русского народа...»⁷, выражения его свободы (не физической, но духовной), духовного творчества (творчества в духе), святости (как открывшего в себе свет, возжжённый Творцом).

Поясним сказанное на примере одного из самых почитаемых на Руси святых – пророка Ильи. Образ Ильи Фесвитянина в народном сознании – мотив низведения небесного огня, а также легендарное вознесение Ильи на небо, в народном мировоззрении привели к отождествлению его с Перуном. Способствовала этому, по наблюдениям исследователя XIX века А.П. Шапова, и церковная традиция. В старинных рукописных сборниках, например, молния объяснялась следующим образом: «Молния есь сияние огня, сущаго вверху на тверди; небесный же огонь, то ты разумей огонь сущий, его же Илия молитвою сведе на полена и на всеожжение: сего огня сияние есть молния»⁸. Происходило взаимовлияние церковной и народной традиции: сформировав вольно или невольно в народном сознании образ Ильи как громовержца, церковь затем сама заимствовала в свой обиход народные представления, ещё более далёкие от канонического образа. Илья враждебен к людям за грехи:

...Первый увидел те слёзы	Вопли внемлющим воплем
С горных высот бытия	Ветер до Девы донёс.
Старый пророк Громоносец	Вышла она из-за стога,
Злобы наказатель Илия.	Смотрит в морозную мглу,
Мчатся крылатые кони	Видит, настала погибель
Над нечестивым селом,	От Громоносца селу.
С огненной он колесницы	Жалость зажглась в её сердце,
Огненным машет бичём.	Боже, прости им всё зло
Мечет громоносные стрелы,	С плеч Свой Покров развернула
Сыпет кроменный град	Им же покрыла село.
В крыши тесовых и тёплых,	Милостью неизречённой
Гонящих странников, хат.	Грозный смягчился Илия,
Грянул громом неожиданным	– Матерь Святая, спасла их
В лютую вьюгу, мороз,	Дивная благодать Твоя.

(Отрывок из псалма «Покров Пресвятой Богородицы», запись сделана 25.08.2006 г. в посёлке Красная Яруга Белгородской области Коноваленко С. Информаторы: Мишенина В.И. (1928 г.р.), Коновалова В.Р. (1941 г.р.)).

Имена христианских святых незаметно «проникали» в древний славянский обрядовый фольклор: календарный, свадебный и погребальные обряды. Деяния Кузнеца получили отражение в народной традиции: в частности Илья-пророк наделяется функциями небесного кузнеца:

Благослови, Боже, душель моё.	Кузьма – Демьяна, душель моё,
Кузьма – Демьяна, душель моё.	Да скуй же ты крепко, душель моё.
Сталина стояла, душель моё,	Да крепко-накрепко, да до старого веку.
Свадьбу ковала, душель моё,	До седой головушки, душель моё
Да двум молодожёнам.	До белой головушки, душель моё.

Сталина* в народной терминологии – кузня; душель – припевное слово, не имеет точного смысла, используется на общий манер (тип лю-ли).

(«Благослови, Боже, душель моё» – свадебная, исполнялась в начале свадьбы. Песня записана 01.02.1995 г. в с. Лаптевка Ракитянского района Белгородской области Щуровым В.М., Карачаровым И.Н.)

⁷ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – с.16.

⁸ Шапов, А.П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (Православного и старообрядческого). // СПб., 1863. Т. 1. с.14.

Аналогичным образом можно проанализировать и другие представления, связанные со всеми популярными фигурами народного христианства: Христом, Богородицей, архангелами Михаилом и Гавриилом, святым Николаем, Иоанном Крестителем, святыми Кузьмой и Демьяном, апостолами Петром и Павлом, Иоанном Богословом, святым Тихоном, святыми Флором и Лавром, святыми Зосимой и Саватием Соловецкими, святыми Параскевой-Пятницей и Анастасией-Воскресеньем. Образ святого – образ являющийся, по сути, плодом коллективного творчества, созданный по всем законам фольклорного сознания.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995
2. Кагаров Е.Г. Религия древних славян. Культурно-бытовые очерки по мировой истории. М., 1918. № 4.
3. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
4. Федотов, Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесл. С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). – 192 с.
5. Указ. соч. Цит. по: А.В. Марков Беломорские былины, 1901.
6. Щапов, А.П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (Православного и старообрядческого). // СПб., 1863. Т. 1.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.

CULTURALOGICAL ANALYSIS OF SANCTITY'S MOTIVE IN MODERN FOLKLORE CULTURE (example of the Belgorod region)

S.M. KLIMOVA¹⁾

S.P. KONOVALENKO²⁾

¹⁾*Belgorod State University*

e-mail:

sklimova@bsu.edu.ru

²⁾*Belgorod State Institute of Culture and Arts*

The article studies a phenomenon of sanctity in the national culture. The author observes principles of construction of spiritual verses and presents results of expeditions in the Belgorod region.

Key words: folklore culture, folk orthodoxy, spiritual verses, Christian and folk images of saints.

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.Н. МАЛЬЦЕВА

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
maltseva@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются возможности применения синергетических принципов в педагогических исследованиях. Автор анализирует методологические подходы в педагогике и устанавливает границы применимости синергетики в каждом из них.

Ключевые слова: методология, синергетика, самоорганизация, границы применимости.

В настоящее время широкий резонанс в науке вызвало междисциплинарное направление, получившее название синергетики, которая «...имея первоначально естественнонаучную основу (нелинейный анализ, теорию детерминированного хаоса, теорию диссипативных структур, фрактальную геометрию природы, моделирование быстрых процессов...), ныне все более гуманитаризируется. Она постепенно становится человекомерной областью знания. Обнаруживается плодотворность ее применения в понимании феномена человека и человеческой культуры, в разгадывании тайн человеческого сознания и психики»¹.

Как отмечается в работе А.Г. Бермуса: «...во второй половине XX века... становится возможным моделирование сложных нелинейных процессов, и здесь взору учёных открывается совершенно непостижимый мир, не имеющий никаких аналогов. Начинается эпоха синергетики в науке»².

В этом аспекте особый интерес представляет работа В.Г. Буданова «Синергетика: история, принципы, современность»³, в которой автор выделяет принципы синергетики, позволяющие использовать её в гуманитарных исследованиях. К таким принципам относятся: гомеостатичность, иерархичность (принципы бытия), нелинейность, неустойчивость, незамкнутость или открытость, динамическая иерархичность или эмерджентность, наблюдаемость (принципы становления).

Остановимся на каждом из этих принципов.

¹ Князева Е.Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – с.243

² Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография / А.Г. Бермус. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007 – с.28

³ Буданов В.Г. «Синергетика: история, принципы, современность. Режим доступа <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>.

1. Гомеостатичность. Гомеостаз представляет собой способность системы сохранять возможность функционирования при воздействии на систему внешних условий за счёт отрицательных обратных связей. Гомеостатические состояния системы носят название аттракторов (от англ. – притягивать). По словам В.Г. Буданова в пространстве состояний системы аттрактор является некоторым множеством, имеющим меньшую размерность, чем само пространство, к которому со временем притягиваются близлежащие состояния. Область притяжения аттрактора называется его бассейном. Подчеркнем, что аттракторы существуют только в открытых диссипативных системах, т.е. рассеивающих энергию, вещество, информацию и описывают финальное поведение системы, которое обычно намного проще переходного процесса. Эти состояния наиболее доступны моделированию.

2. Иерархичность. По словам В.Г. Буданова «Основным смыслом структурной иерархии, является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал. То есть Космос предыдущей структуры служит Хаосом последующей, и мы говорим: нуклоны образованы кварками, ядра нуклонами, атомы – ядрами и электронами, молекулы атомами, общество людьми»⁴. Такая иерархия приводит к образованию так называемых параметров порядка системы, представляющих собой её основные свойства. Как правило, параметров порядка немного, что даёт возможность моделировать поведение системы. Однако наибольшая сложность в гуманитарной отрасли знания заключается в том, что эти параметры порядка очень трудно выявить.

Указанные два принципа, по мнению В.Г. Буданова, необходимы и достаточны для становления системы.

3. Нелинейность. Наиболее простые системы являются линейными. С точки зрения математики это обозначает, что они описываются линейными уравнениями, которые имеют единственное решение. Соответственно системы могут развиваться только в одном заранее предсказуемом направлении. Если же система описывается квадратным, или уравнением более высокого порядка, которое имеет несколько решений, то система может развиваться в различных направлениях, или имеет несколько аттракторов. Какой из них выберет система, заранее предсказать невозможно. Проходя «точку развилки» (точку бифуркации), система качественно меняется.

На практике нелинейность означает «...нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий. Результаты действующих причин нельзя складывать. В более гуманитарном, качественном смысле: результат непропорционален усилиям, неадекватен усилиям, игра не стоит свеч; целое не есть сумма его частей; качество суммы не тождественно качеству слагаемых, и т.д.»⁵.

Как правило, в состоянии гомеостаза система описывается линейными уравнениями, при достижении же точки бифуркации наблюдается нелинейность. В этом состоянии наиболее ярко проявляется рассматриваемый принцип.

4. Незамкнутость (открытость). Этот принцип является очевидным и предполагает возможность взаимодействия системы с окружающей средой. Сложности возникают методологические – как правило очень трудно рассчитать возможные аттракторы системы, связанные с влиянием окружающей среды. Это как раз и ведёт к невозможности однозначных предсказаний и составляет методологическую проблему самого синергетического подхода. Однако, любая модель гуманитарной области знания должна так или иначе учитывать это влияние.

5. Неустойчивость. На первый взгляд, этот принцип вообще не должен работать – кому нужна неустойчивая система. Однако здесь речь идёт не о самой системе, а о её состоянии, когда она находится в точке бифуркации. При этом малейшее воздействие на систему может привести к непредсказуемым последствиям. Это также вызывает методологические сложности и сближает естественнонаучные и гуманитарные подходы исследования.

⁴ Буданов В.Г. «Синергетика: история, принципы, современность. Режим доступа <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>.

⁵ Там же.

6. Динамическая иерархичность (эмерджентность). Этот принцип означает подчинение нижестоящих уровней вышестоящим.

7. Наблюдаемость. Данный принцип «...подчеркивает ограниченность и относительность наших представлений о системе в конечном эксперименте»⁶. Это наиболее ярко проявляется при описании систем в состоянии неустойчивости. Мы можем только пронаблюдать – по какому аттрактору пошло развитие системы. Принцип наблюдаемости понимается В.Г. Будановым «...как открытый комплексный эпистемологический принцип, его включение делает систему принципов синергетики открытой к пополнению философско-методологическими и системными интерпретациями. Например, для живых и социальных систем естественно было бы добавить принципы репликации, сопряжения со средой, коэволюции, для исследования сознания принцип рефлексии и т.д.»⁷.

Достаточно любопытным представляется подход В.Г. Буданова к объяснению образования порядка из хаоса, который можно проиллюстрировать на следующей модели. В.Г. Буданов выделяет три уровня структурной организации материи: микро- макро- и мега. Тогда для макроуровня микроуровень будет восприниматься как хаос, поскольку его временные и пространственные масштабы таковы, что для вышележащего уровня они воспринимаются как бесконечно малые и нет возможности описать движение отдельных его составляющих. Мега-уровень будет для среднего уровня восприниматься как образованный сверхмедленными, «вечными» параметрами, которые играют для макроуровня роль управляющих параметров⁸. На основе такой модели В.Е. Пеньков даёт объяснение механизма образования структуры из хаоса. «При таком подходе образование порядка из хаоса может быть представлено следующим образом. Случайные элементы новой информации на уровне микромира, попадая в определенную систему макроуровня начинают под воздействием управляющих информационных параметров мегауровня образовывать определенные устойчивые структуры. Структурирование происходит за счет образования взаимосвязей между элементами вновь поступающей и уже имеющейся в системе информации»⁹.

В данной работе мы не будем обсуждать подробно возможности использования синергетики в гуманитарных исследованиях в целом, а остановимся только на возможности применения указанных синергетических принципов в педагогических исследованиях.

Педагогические исследования можно выделить в особый класс научных отраслей знания. В первую очередь это связано с тем, что образование во многом определяет будущее страны, в которой оно осуществляется.

Кроме того, методология педагогических исследований во многом носит субъективный характер, поскольку любой исследователь всегда является участником событий и имеет дело с рефлексивными системами.

В связи с этим научный статус педагогики подвергается сомнению на протяжении всей её истории¹⁰. Конечно, это крайняя точка зрения и, по всей видимости, она следует из более общей проблемы научности гуманитарных исследований. Вместе с тем, как отмечает А.Г. Бермус, методология педагогики «обнаруживает множество дополнительных смыслов»¹¹.

Можно выделить следующие из них.

⁶ Буданов В.Г. «Синергетика: история, принципы, современность. Режим доступа <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>.

⁷ Там же.

⁸ Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 285-304.

⁹ Пеньков В.Е. Информационный подход как философско-методологическое основание диалога эволюционизма и креационизма. Белгород: изд-во Белгородского государственного университета, 2007. – с.103.

¹⁰ Бест Ф. Метаморфозы понятия «педагогика» // Перспективы. Вопросы образования. 1989, № 2.

¹¹ Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография / А.Г. Бермус. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – с.69-70.

С точки зрения образовательной практики, методология может рассматриваться как интегрированный образ используемых методов и методик обучения; соответственно понятие методологии обучения уподобляется более традиционным понятиям методической системы или методического обеспечения образовательного процесса.

С общенаучной точки зрения, методология в науках об образовании рассматривается как модельный способ описания и понимания изучаемых объектов и присущих этому способу особенностей и ограничений; соответственно, здесь чаще всего используется представление о концептуальных и методологических основах педагогической науки, методологии педагогического исследования, методологии организации и управления.

С точки зрения индивидуальной исследовательской практики, методология педагогического исследования приобретает статус нормативной методологии, т.е. определённого рода предписаний, касающихся порядка проведения исследования, требований к оформлению его результатов, а также – самого пути практического получения и научного признания этих результатов.

Для выявления границ применимости синергетических подходов в педагогических исследованиях рассмотрим основные методологические подходы педагогики: системный, личностный и деятельностный, полисубъектный (диалогический), культурологический, этнопедагогический и антропологический.

1. Системный подход. Суть данного подхода применительно к педагогике состоит в том, что основные компоненты образовательной деятельности (цели образования, субъекты педагогического процесса: педагог и учащийся, содержание образования, методы, формы, средства педагогического процесса) рассматриваются как единая целостная система. Как отмечается в работе В.В. Воронова: «Согласно системному подходу, научный анализ и практическую деятельность надо осуществлять, опираясь на принцип системности: анализировать, конструировать и совершенствовать педагогические процессы, учитывая связи между всеми элементами системы, а также ее внешние связи с обществом, его институтами. Изменение одного элемента ведет к изменению других, что особенно важно учитывать при инновациях, реформировании образования»¹². Задача воспитателя заключается в том, чтобы учесть по мере возможности эти взаимосвязи и построить деятельность таким образом, чтобы добиться максимальной эффективности в процессе обучения и воспитания учащихся.

На первый взгляд кажется, что этот подход легко может быть описан синергетическим языком. Однако проблема состоит в том, что получившаяся система является настолько большой, а взаимосвязи элементов настолько слабые, что такую систему вряд ли можно назвать самоорганизующейся, что собственно и является предметом синергетики.

Здесь уместно проанализировать: насколько условия в такой огромной системе соответствуют условиям образования самоорганизующихся систем, которыми, по мнению Н.В. Поддубного, являются:

1. Определенная степень концентрации элементов будущей системы, возникающая в результате их относительной изолированности.
2. Тождественность (общность) существенных признаков элементов будущей системы.
3. Комплементарность, взаимодополнение элементов.
4. Непрерывное поступление определенного количества энергии.
5. Относительное постоянство внешней среды системы¹³.

Первое условие практически не выполняется, поскольку данные элементы не являются изолированными от других социальных институтов.

Второе условие также не наблюдается. Вряд ли можно ставить в один ряд методы образования и личность. Эти элементы разного уровня иерархии. То же самое касается и третьего условия.

¹² Воронов В.В. Педагогика высшей школы в двух словах. Режим доступа: [http:// pedagogik.mgou.ru/index.php?page=r691f2d5&directory=6](http://pedagogik.mgou.ru/index.php?page=r691f2d5&directory=6)

¹³ Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. – Белгород: Изд-во Белгор. госуниверситета. – 1999. – с.52.

Четвёртое условие формально можно считать выполненным, если под энергией понимать усилия людей на построение и поддержание образовательной системы.

Пятое условие можно рассматривать как выполненное при социальной стабильности.

Таким образом, формально соблюдаются только два последних условия, которые связаны с внешней средой системы, первые же три условия, характеризующие возможность образования самоорганизующейся системы не выполняются, поэтому говорить о синергетике в данном подходе не корректно.

2. Личностный подход в педагогических исследованиях основывается на различных философских и психологических теориях личности, которая рассматривается как объект социальной среды, порождённый определенными историческими и общественными условиями. При этом индивид рассматривается как активный субъект отношений воспитателя и воспитуемого, а воспитание сводится к формированию гармонично развитой личности.

В соавторской работе А.А. Плигина, О.Е. Баксанского, Е.Н. Кучера¹⁴ отмечается, что обучение на основе личностного подхода направлено на развитие личности ученика и позволяет на принципиально иных началах формировать познавательную деятельность учащихся; оно наиболее перспективно для модернизации и обновления образования в условиях постиндустриального мира.

Личностно ориентированное образование включает следующие подходы: разноразмерный, дифференцированный, индивидуальный и субъективно-личностный.

Как отмечается в работе Г. К. Селевко, «особое значение придается... субъектному опыту жизнедеятельности, приобретенному ребенком до школы в конкретных условиях семьи, социокультурного окружения, в процессе восприятия и понимания им мира людей и вещей. Субъектность личности (индивидуальность) проявляется в избирательности к познанию мира (содержанию, виду и форме его представления), устойчивости этой избирательности, способах проработки учебного материала, эмоционально-личностном отношении к объектам познания (материальным и идеальным)». При этом подача нового материала должна быть направлена не только на приобретение новых знаний, но «...и на преобразование наличного опыта каждого ученика»¹⁵.

В этом случае процесс обучения происходит по законам функционирования самоорганизующихся систем. Мы не навязываем ученику новой информации, а в процессе обучения находим точки соприкосновения с имеющимся опытом и пути образования взаимосвязей. У ученика должно возникнуть желание понять новую информацию – ситуация «я должен» должна быть переведена в ситуацию «я хочу». В таком случае специфическое воздействие будет переведено в избирательность информации. «Я изучаю этот материал не потому, что мне его надо изучить, а потому, что я, благодаря этому материалу, смогу решить задачу, которая стоит на повестке дня». У ученика как бы происходит расширение сознания, и познание нового материала из цели превращается в средство для достижения более глобальной цели, вытекающей из наличного опыта ученика, имеющегося на данный момент. Причем у каждого ученика цели могут быть разные, но результат будет один – вписывание в сознание нового блока информации.

При таком подходе можно провести аналогию с образованием порядка из хаоса на основе представлений В.Г. Буданова о трёх уровнях: мега-, макро- и микро-. Отдельные элементы нового блока воспринимаются как хаотичные составляющие микроуровня. Роль мегауровня при этом будет играть сознание ученика, его совокупный опыт и уровень развития. Именно сознание учащегося будет «собирать» отдельные элементы новой информации в целостный блок и вписывать его в имеющуюся структуру. При этом образуется параметр порядка на макроуровне, роль которого в данном случае играет информационный блок сознания, отвечающий за определенный круг явлений, включающий в себя конкретный раздел школьного курса.

¹⁴ Плигин А.А., Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Личностно ориентированный подход к обучению физике // Физика в школе. – 2003. – № 4. – с.59.

¹⁵ Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – с.211.

В процессе образования параметров порядка происходит «архивация» информации, при этом выделяется главное, и количество необходимой для понимания информации резко сокращается за счет «энергии связи» между элементами – при этом снижаются усилия для запоминания новой информации.

Таким образом, личностно ориентированный подход в обучении может быть описан в рамках синергетического подхода как процесс образования порядка из хаоса.

Однако, и тут для моделирования процесса математическими методами возникает много методологических сложностей. Главная из них состоит в том, что мы должны строить такую модель отдельно для каждого ученика, то есть общей синергетической модели процесса усвоения информации не существует. Мы имеем дело с главным отличием гуманитарных наук от естественных – нам надо описывать единичные и неповторимые явления.

Таким образом, применение синергетических принципов в личностном подходе ограничивается отдельными моделями и не даёт представления о процессе обучения в целом.

3. Деятельностный подход в педагогике оценивает личность по результатам её деятельности. При этом человека можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, структурными компонентами которой являются потребности, мотивы и цели деятельности.

В некоторой степени они являются скрытыми для внешнего наблюдения, однако, как правило, могут быть выявлены путём беседы, анкетирования, интервьюирования и пр. Отсюда следует, что деятельностный подход может быть описан на основе синергетических принципов. При этом имеется возможность построить синергетическую модель отдельной личности. Причем наиболее ярко через деятельность человека будет проявляться принцип открытости или незамкнутости системы.

4. Полисубъектный (диалогический) подход ещё глубже проникает в структуру личности и оценивает её не только на основе результатов деятельности, но и на основе анализа отношений между другими людьми. Можно сказать, что при таком подходе наблюдается своеобразный синтез личностного и деятельностного подходов, и все выводы о границах применимости синергетических принципов для этих двух подходов справедливы и для полисубъектного подхода.

5. Культурологический подход основывается на ценностном отношении и обуславливается взаимодействием человека с культурными ценностями, которые вырабатывались обществом на протяжении многих веков. При таком подходе мы имеем дело с системой еще более широкой, чем при системном подходе, когда рассматривается система образования, а культурное окружение служит для нее внешней средой. При культурологическом подходе в качестве системы выступает уже сама культура, задачей воспитателя является приобщение школьника «...к культурному потоку, активизации творчества»¹⁶.

6. Этнопедагогический подход основывается на приобщении воспитуемого к национальным традициям своего народа. Задачей воспитателя является изучение этноса, на основе чего строится система ценностей и отношений индивида с окружающим миром. В этом случае в роли системы выступают национальные традиции и менталитет родного народа.

7. Антропологический подход представляет собой «...системное использование данных всех наук о человеке и их учет при построении и осуществлении педагогического процесса»¹⁷. В этом случае под системой надо понимать еще более широкий объект.

Последние три подхода практически можно рассматривать как вариации системного подхода. При этом в роли системы выступают различные социальные институты и образования. Поэтому можно констатировать, что для культурологического, этнографического и антропологического подходов синергетические принципы неприменимы ввиду огромной сложности системы и невозможности рассматривать их

¹⁶ Гребнев А.Н., Шевелева Т.А. Методология и методы педагогических исследований. Режим доступа: http://stunix.uni.udm.ru/~collor/sem_htm/met_t.shtml.

¹⁷ Там же.

как самоорганизующиеся, поскольку они не соответствуют условиям образования самоорганизующихся систем по тем же причинам, которые были изложены при описании системного подхода.

Таким образом, можно выделить следующие границы использования синергетических принципов в различных методологических подходах в педагогических исследованиях. Использование системного, культурологического, этнографического и антропологического подходов не допускает применения синергетических принципов в силу невозможности рассматривать соответствующие им системы как самоорганизующиеся. При изучении педагогических явлений с использованием личностного, деятельностного или полисубъектного подходов применение синергетики ограничивается описанием конкретных статических систем в конкретный момент времени, однако не позволяет описывать процесс формирования того или иного качества личности и выявлять условия, при которых это формирование возможно.

Список литературы

1. Князева Е.Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000.
2. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография / А.Г. Бермус. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
3. Буданов В.Г. «Синергетика: история, принципы, современность. Режим доступа <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>.
4. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000
5. Пеньков В.Е. Информационный подход как философско-методологическое основание диалога эволюционизма и креационизма. Белгород: изд-во Белгородского государственного университета, 2007.–120 с.
6. Бест Ф. Метаморфозы понятия «педагогика» // Перспективы. Вопросы образования. 1989, № 2.
7. Воронов В.В. Педагогика высшей школы в двух словах. Режим доступа: <http://pedagogik.mgou.ru/index.php?page=r691f2d5&directory=6>
8. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. – Белгород: Изд-во Белгор. госуниверситета. – 1999. – 352 с.
9. Плигин А.А., Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Личностно ориентированный подход к обучению физике // Физика в школе. – 2003. – № 4.
10. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998.
11. Гребнев А.Н., Шевелева Т.А. Методология и методы педагогических исследований. Режим доступа: http://stunix.uni.udm.ru/~collor/sem_html/met_t.shtml.

THE BOUNDS OF USEFULNESS OF SYNERGETIC PRINCIPLES IN THE PEDAGOGICAL RESEARCHES

The possibilities of using synergetic principles in the pedagogical researches are examined in this article. The author analyses methodological approaches in pedagogies and establishes the bounds of synergetic in every of them.

N.N. MALTSEVA

Belgorod State University

Key words: methodology, synergetic, selforganization, the bounds of usefulness.

e-mail:

maltseva@bsu.edu.ru

САМООРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

Т.И. МОРОЗОВА

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
lilipon@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы самоорганизации молодежи в нестабильном российском обществе. На основе материалов социологических исследований обосновывается, что для современных молодых людей наиболее типичной является атомизация, которая представляет собой специфическую форму социокультурной рефлексии.

Ключевые слова: молодежь; самоорганизация; социокультурная рефлексия, автономизация.

Введение

Многочисленные исследования, проведенные в последние годы, фиксируют противоречивое состояние сознания российской молодежи. В иерархии молодежных ценностей существенное место занимают ценности семьи, образования, профессии, родины, то есть те ценности, которые в их поведенческом преломлении востребуют социальные, коммуникативные качества молодых людей. Но эти установки, как правило, носят отвлеченный характер и не актуализируются в жизненных практиках. Наблюдается массовая ориентация молодежи, на пассивный, нерефлексивный способ жизнедеятельности, обусловленный отсутствием национальной идеологии, разрывом традиционных социальных связей и отношений между обществом и индивидом, психологической дезадаптацией к изменениям, утратой личной жизненной позиции. На поведенческом уровне большая часть городской молодежи демонстрирует крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации.

В выборе стратегии адаптации к социальной среде, молодые люди, как правило, следуют индивидуализированным, внеинституциональным практикам. У части молодых людей в городах довольно явно выражено стремление к объединению на криминальной основе, к созданию асоциальных группировок изоляционистской и даже экстремистской ориентации. Развитие данной тенденции актуализирует проблему безопасности современной молодежи. В рассматриваемом контексте проблема самоорганизации приобретает именно такой характер и требует всестороннего анализа.

Теоретический анализ проблемы

В современном нестабильном социуме субкультурные, неформальные объединения молодежи приобретают сугубо узконаправленную ориентацию, связанную с каким-либо специфическим видом досуговой деятельности. Развитие виртуальных способов межличностной коммуникации, неся в себе огромный потенциал самоорганизации, также в значительной степени сводит общение к каким-то примитивным формам.

В выборе стратегии адаптации к социальной среде, молодые люди, как правило, следуют индивидуализированным, внеинституциональным практикам. Главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества – целеустремленность, работоспособность и т.п., не задумываясь о необходимости сотрудничества. Большинство молодых людей на ценностном уровне демонстрирует «веру в самого себя», в удачу и отсутствие веры во все остальное. Государственные и, в меньшей степени, общественные институты не находят поддержки у российской молодежи. Следствием низкого уровня межличностного и институционального доверия в молодежной среде является неготовность к солида-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области, грант №08-03-55309 а/Ц.

ризации на позитивной основе ради реализации собственных интересов. Слабо выраженная ориентация на долговременное сотрудничество и коллективные действия выражается, прежде всего, в низкой оценке роли политических партий и общественных организаций и в слабой вовлеченности в их деятельность.

Но, вместе с тем, ожидания от государства определенных действий по поддержке молодежи являются существенной составляющей установок молодежи.

Наряду с этим, социологами в молодежной среде фиксируется нормативный релятивизм – готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления.

Все указанные факторы формируют индивидуализированную, даже атомизированную модель социальных практик российской молодежи.

Анализ деятельности молодежных организаций в современной России позволяет сделать вывод, что участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (многих политических, волонтерских, профсоюзах и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, то есть инициируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, «взрослыми», общественными организациями, либо же основана на сугубо карьерных соображениях – рассматривается исключительно как социальный лифт. И большое количество действующих молодежных организаций не должно вводить в заблуждение (а на настоящий момент в России действует более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений). Количественные показатели в данном случае не являются основанием говорить о высоком качестве молодежного общественного движения. Такое качество было бы возможным диагностировать лишь при условии активности и демонстрации созидательного потенциала самой молодежи.

Рекрутирование же участников в организации и сообщества с негативной программой (националистические организации, криминальные сообщества) протекает гораздо более автономно. Наблюдается эффект «негативной консолидации» молодежи. И хотя круг участников данных групп во много раз уже, чем организаций «позитивной» направленности, их деятельность зачастую получает гораздо больший резонанс вследствие внимания СМИ к проблемным и болезненным точкам общества.

Самоорганизация молодежи приобретает особое значение в контексте проблемы социокультурной рефлексии.

Для общества постмодерна типично особое отношение к рефлексивности. Во-первых, потребность в рефлексивности становится универсальной и, как отмечает М.С. Арчер, «впервые в человеческой истории рефлексивный императив и, кроме того, распространяется на принципиально новые реалии: жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности, посредством перехода от разнообразия до стимулирования еще большего разнообразия»¹. Во-вторых, рефлексия принимает разнообразные формы, которые причудливым образом сочетают в себе элементы традиционных культурных форм с довольно причудливыми образованиями, нередко отражающими болезненные состояния человеческой психики. В-третьих, современная рефлексивность все чаще институционализируется в альтернативных формах, которые сосуществуют и взаимодействуют, несмотря на порой взаимоисключающие целевые установки, принципы организации и ожидания участников.

Проведенные нами в последние годы молодежной среде эмпирические исследования², дают основание утверждать, что самоорганизацию и автономизацию молодежи в настоящее время целесообразно рассматривать, прежде всего, как специфические формы саморефлексии, связанные с более или менее осознанными и успешными попытками уяснить свое место в обществе некалькулируемого риска. Этот вид рефлексии

¹ Кравченко С.А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // СОЦИС. – 2008. – № 2. – С. 4 – 9.

² Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. – Белгород; КОНСТАНТА, 2007., Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.

сии мы называем социокультурной рефлексией и определяем ее как систему форм и способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующуюся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенную в комплекс взглядов, образов, мифов и символов, которые служат для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или его модификации.

Саморефлексия в данном случае является вполне естественной защитной реакцией на социальную нестабильность, попыткой в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих. Это могут быть символы, мифы, территория, средства модификации физического и духовного состояния человека (наркотики, некоторые виды музыкальной культуры), сверстники. В принципе для моделирования эксклюзивной, замкнутой на сравнительно небольшую группу молодых людей, пригодны, практически, любые артефакты.

Рефлексия, выраженная в форме автономизации, предполагает построение индивидуальной модели социокультурного пространства путем его своеобразного «свертывания». Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации. Но во многих случаях автономизация является результатом завышенной самооценки собственных возможностей, не сопровождаясь при этом негативным отношением к окружающим.

Особым случаем построения уникальной рефлексивной модели социокультурной среды является создание или воспроизводство формализованных структур, которые обычно выступают в форме молодежных организаций (самостоятельных или движущихся в фарватере «взрослых» политических партий), молодежных движений. Культурная рефлексия в данном случае укладывается в рамки заранее определенной схемы, предложенной извне и обычно подкрепленной значительными ресурсами. Тем не менее, для части молодежи такой вариант рефлексивного поведения оказывается наиболее приемлемым, поскольку разрешает довольно сложную проблему интеллектуального поиска адекватного образа и стиля жизни. Сложность проблемы определяется тем, что, испытывая некую потребность к самооценке и самоанализу, многие молодые люди не способны самостоятельно и рационально реализовать ее в силу низкого уровня образования и общего развития. Общественно-политизированные модели рефлексии в данном случае оказываются незаменимыми для представителей данной категории молодежи. В основе таких моделей обычно лежат вера в лидера, идеологизация и прагматический расчет.

Крайне существенно, что во всех перечисленных формах молодежной саморефлексии присутствует ясно выраженный элемент игры. Игра все чаще становится для молодежи наиболее притягательным видом пространства саморефлексии. При этом существенно изменяется игровое поведение, что максимально упрощает процесс взаимной адаптации игровой деятельности и рефлексивного поведения. Развивается играизация – удобный и признаваемый референтной средой стиль повседневного рефлексирования. Ее предпочтение определяется тем, что «играизация есть деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, в ней все осуществляется «понарошку». Игра, напротив, прагматична, что проявляется в следовании узко прагматическим интересам, соображениям выигрыша, выгоды, пользы»¹.

Играизация позволяет молодым людям имитировать рефлексивность, одновременно удовлетворяя потребность в самооценке и не выходя за рамки социально одобряемых форм поведения. Компенсирующая функция играизации, вероятно, не до конца осознаваемая большинством молодежи, учитывается представителями различных общественно-политических сил, стимулирующих создание квазиигровых молодежных формирований. При этом для различных целевых групп в молодежной среде предлагаются свои специфические «игры». В зависимости от специфики личностных

¹ Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – М.: Academia, 2008. – С. 139.

диспозиций объекта воздействия они могут принимать более или менее жесткий характер. Но во всех случаях реализуются при условии контроля за участниками, превращающего формальные молодежные структуры в так называемые «рыбные садки» – места фильтрации будущей элиты.

Саморефлексия, как способ приватизации социокультурного пространства, связана с тем, что практикующие ее молодые люди конструируют особый мир ценностей и смыслов, который обычно возводится к какой-либо матрице. В неформальных структурах она чаще всего представлена феноменами массовой культуры (шоу-бизнес, литература). В формальных организациях – идеологией, репрезентируемой политическим лидером. В автономных моделях поведения – мифами, ориентированными на мистику, религию, паранауку. Общим для этих матриц является то, что они являются «праксеоориентированными», максимально упрощенными (примитивизированными) и приспособленными для утилитарного использования. Все это делает подобные матрицы временными, подчиняющимися закономерностям формирования и эволюции моды. В их временности кроется одна из причин относительной недолговечности молодежных организаций, сравнительной легкости изменения молодыми людьми своих жизненных траекторий.

Эмпирический анализ проблемы

Проведенное нами в 2008 году в Белгородской области социологическое исследование «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (исследование включало в себя опрос молодежи в возрасте от 14 до 29 лет по методике многоступенчатой квотной выборки (N = 700), а также экспертный опрос (N = 31 эксперт) показало, что в жизненных планах молодых людей на доминирующих позициях – семейное счастье, карьера, богатство. Так, семейного счастья хотят почти две трети (65,0%) опрошенных. Две пятых (41,29%) настроены на карьеру. Третья часть (33,0%) респондентов хочет богатства. Значительное количество респондентов (27,43%) считают одним из основных приоритетов реализацию таланта и способностей. Почти столько же (26,57%) считают для себя важным достижение свободы и независимости в решениях и поступках. Обращает на себя внимание, что карьерные устремления лишь отчасти связываются со стремлением стать профессионалом в своем деле. Если сделать карьеру хотят 41,29%, то стать квалифицированным специалистом – 18,14%. Возможно, карьера в глазах значительной части молодежи – это уже терминальная ценность, тогда как профессионализм – инструментальная. Десятая часть опрошенных (11,29%) стремится к власти. Столько же хотят принести пользу человечеству и своей стране. Немного меньшее количество (10,29%) хотят славы. Незначительная доля респондентов (5,86%) и к ним, вероятно, следует прибавить тех, кто не смог дать определенный ответ (2,57%), то есть в общих масштабах их может быть достаточно много, не определили какие-либо позитивные цели и хотят лишь того, чтобы их не трогали.

Таким образом, семейное счастье обладает безусловным приоритетом. Это позитивная ценность, но ценность, объективно обладающая атомизационным потенциалом. Настроенность исключительно на семейное счастье, не сочетающаяся с иными жизненными планами, не способствует формированию и развитию долговременных коммуникативных стратегий, без которых невозможна восходящая социальная мобильность в профессиональной, общественно-политической и др. сферах.

Атомизации способствует и то, что у части молодежи сформировано завышенное представление о собственных жизненных перспективах, о своих возможностях.

Четыре пятых респондентов (82,71%) считает, что им удастся реализовать свои планы. Однако в безусловности этого убеждено уже гораздо меньшее количество – 27,71%.

Значительный интерес представляют суждения молодежи о том, что нужно в наше время для достижения успеха, и от чего зависит достижение конкретно ими своих жизненных целей. Ответы респондентов на вопрос о факторах жизненного успеха позволяют четко определить наиболее приоритетные из них в сознании молодежи. Прежде всего, – это практически ориентированные знания, целеустремленность и связи. Эти три характеристики с большим отрывом доминируют над иными фактора-

ми жизненного успеха. Интересно, что в исследовании Левада-Центра, проведенном в 2006 г. среди молодежи России, «наличие знакомств и связей» заняло первое место в перечне факторов, которые, по мнению молодежи, позволяют добиться успеха в современном мире. Его отметили 49% респондентов – на 1 п.п. больше, чем «упорную работу», и на 6 п.п. больше, чем «хорошее образование»¹.

Все остальные характеристики (в том числе, ум, деньги, общественная активность, положение родителей), с точки зрения молодых, вторичны. Так, общая культура, ум не могут сравниться со знаниями, образованием (то, что они противопоставлены, свидетельствует о том, что имеется в виду именно прикладное образование, практические знания). Причем, образование отнюдь не понимается как сугубо формальная вещь – тех, кто считает, что нужен только диплом, «корочка», немного – 12,57%. Молодые люди не считают, что для достижения успеха нужно постоянно подчиняться требованиям окружения, но и нестандартность мышления и поступков (склонность к инновациям) также имеет небольшую ценность. Таким образом, понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и, в то же время, неоригинально в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10-15 лет. Общественная активность, как указано выше, не рассматривается подавляющим большинством респондентов в качестве фактора жизненного успеха. Между тем, этот канал мобильности может быть при определенных условиях очень эффективен хотя бы для приобретения связей и знакомств, на которые так уповают респонденты.

Рассчитывая осуществить свои планы, подавляющее большинство респондентов (76,86%) надеются, прежде всего, на собственные силы. Треть респондентов (34,0%) рассчитывают на помощь родителей, родственников. 23,57% уповают на удачу. Достаточно многие, видимо, те, кто не совсем уверен в том, что реализует свои планы, надеются на случай, стечение обстоятельств (16,14%) и божью помощь (13,14%). На помощь государства, местной власти как на значимый фактор указывают лишь 11,29% респондентов.

Нормативное представление о значимости личной активности, целеустремленности, волевых качеств корректируется в сознании молодых людей дескриптивной значимостью факторов иного порядка. Видимо, отвечая на вопросы анкеты, респонденты предпочитают оперировать понятиями и оценками, близкими к их представлению об «идеальном» социальном поведении, но вынуждены при этом давать и более реалистические ответы, дающие более адекватную картинку их жизненных ценностей и ориентаций. То, что респонденты практически не рассчитывают на помощь институтов публичной власти, с одной стороны, защищает их от возможного разочарования. С другой стороны, то, что государственные и муниципальные институты оказываются на периферии ожиданий молодежи, может иметь не очень хорошие последствия. Не чувствуя себя зависимыми от государства или обязанными ему, молодые люди, соответственно, не рассчитывают на то, что должны делать какой-то вклад в функционирование публичных институтов. Представление о том, что человек в реализации жизненных целей обязан только самому себе, является, возможно, эффективной установкой для достижения индивидуальных целей. Однако в контексте социальной интеграции, солидарности такая идея представляется достаточно деструктивной.

Вера «в самого себя» существенно превалирует в сознании молодежи над верой в иные достойные ее объекты, что подтверждает значимость для молодежи индивидуалистических практик и ориентаций. Лишь 21,57% респондентов заявили, что верят в Бога; 10,14% – светлое будущее; 2,29% – в других людей.

Правда, вера в себя не мешает молодым людям относиться к окружающим с дружелюбием – это чувство чаще всего испытывают 65,86% респондентов. Остальные чувства, в том числе и негативные, регистрируются значительно реже: равнодушие – 15,29%, сочувствие – 4,44%, враждебность – 1,86%, зависть – 0,57%. Но дружелюбие к окружающим сочетается в сознании молодых людей с довольно отчетливо выраженным неприятием общества, в котором они живут.

¹ Зоркая Н. Поколение живущих как надо // Независимая газета. – 2008. – 16 сентября.

Обращает внимание на себя противоречие между достаточно успешной адаптацией молодежи в социуме и критическим к нему отношением. Более четверти респондентов (28,86%) не удовлетворяет общество, в котором они живут. И лишь 45,43% удовлетворены состоянием социума.

Выявленную неудовлетворенность в определенной степени можно трактовать как предпосылку к самоорганизации в молодежной среде. Кроме этого, в общественном сознании молодежи проведенным исследованием зафиксированы стремление изменить общество, которое ее не вполне устраивает, и интерес к политике – их декларирует больше половины участников опроса. Конечно, политика для многих – не более чем тема для разговоров, но все-таки она выходит за рамки микросоциальности и повседневных интересов. Но эти предпосылки к самоорганизации практически не переходят в плоскость не только реальных действий, но даже осознания необходимости и действенности интеграции, солидаризации и самоорганизации в преодолении индивидуальных и коллективных проблем молодежи. Исследование показывает, что солидарность на макросоциальном уровне выражена весьма слабо – это находит отражение в низком уровне доверия практически всем государственным и общественным институтам (за исключением, и то отчасти) института Президента России. Тем не менее, рейтинг доверия Президенту России в молодежной среде является наиболее высоким. Ему доверяют 29,14% участников опроса. На втором месте находится церковь (11,43%). Затем следуют губернатор Белгородской области (8,14%), суд, прокуратура (6,71%), глава администрации муниципального образования (6,57%), молодежные организации (5,29%), средства массовой информации (4,0%), органы безопасности (3,86%), Государственная Дума (3,14%), областная Дума (2,86%), милиция (2,57%), профсоюзы (1,57%), политические партии. Особенно показательным является крайне низкий рейтинг доверия молодежных организаций, политических партий и профсоюзов.

Опрос также показывает, что самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматривается молодыми респондентами как эффективный способ защиты молодежью своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов его выбрали лишь 12,57% опрошенных. Конечно, традиционные формы гражданского участия, информирования власти об интересах молодежи пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических партиях – 5,29%, обращение в органы государственной власти – 5,86%, обращение в средства массовой информации – 7,29%. 15,14% респондентов вообще были категоричны – ответили, что не видят таких способов. Но большая часть респондентов (39,71%) выбрала в качестве наиболее эффективного способа индивидуальную активность, использование своих личных и семейных ресурсов.

Заключение

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что саморефлексия современной молодежи носит в абсолютном большинстве случаев неполный, «одномерный» характер. Ее неполнота, как уже было отмечено, проявляется, прежде всего, в гиперболизации индивидуальных практик. С нею тесно связана интернализация индивидуалистских ценностей и довольно ярко выраженное преуменьшение значения ценностей коллективистских. Логическими следствиями этого является ограниченность внутригрупповой и межгрупповой солидарности молодых людей, а также крайне противоречивое восприятие ими общества. При всем своем критическом восприятии его молодые люди в абсолютном большинстве не предпринимают сознательных усилий по изменению социума. В тех же случаях, когда протест «прорывается наружу», он носит рефлекторный характер и выражается в приобщении к деструктивным объединениям. Впрочем, и они характеризуются нестабильностью, сравнительной малочисленностью.

Список литературы

1. Кравченко С.А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // СОЦИС. – 2008. – № 2. – С. 4 – 9.

2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. – Белгород; КОНСТАНТА, 2007.
3. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
4. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – М.: Academia, 2008.
5. Зоркая Н. Поколение живущих как надо // Независимая газета. – 2008. – 16 сентября.

SELF-ORGANIZATION OF YOUTH AS A FORM OF SOCIAL AND CULTURAL REFLECTION (REGIONAL ASPECT)

In this article issues of self-organization of youth in unstable Russian society are considered. In accordance with the materials of sociological research it is shown that autonomism is the most typical for modern young people, it is a specific form of social and cultural reflection.

T.I. MOROZOVA

Belgorod State University

***e-mail:
lilipon@yandex.ru***

Key words: youth; self-organization; social and cultural reflection; autonomism.

НАУЧНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ ПРАВА Б.А. КИСТЯКОВСКОГО

В.Г. ОЛЕФИРЕНКО

*Тулский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail: phi-
leo@tspu.tula.ru*

Статья посвящена научно-этическим основаниям этики права Б.А. Кистяковского. В статье рассматриваются основные трактовки права в России, определяется связь между правосознанием и правом. Анализируется роль религии в русской культуре и правосознании. Анализируется роль философии Канта для русской философской традиции.

Ключевые слова: этика, право, правосознание, философия.

Б.А. Кистяковский считал, что русское общество недооценивает истинную сущность права, поскольку не готово рассматривать его как самостоятельную силу, создающую формы общественной и индивидуальной жизни. Специфика западноевропейского правосознания, ставящего право на верхнюю ступень иерархии социальных ценностей, определяла то, что осмысление права всегда протекало в «юридической» плоскости: «плохому» государственному закону противопоставлялось «хорошее» естественное право. В России же данной традиции не существовало. «В российском правосознании, – отмечает современный российский ученый А.В. Поляков, – отсутствовала дихотомическая доминанта «право – закон» и поэтому «плохому» праву (закону) противопоставлялась православная нравственность (совесть), призванная выполнять ту же функцию высшей инстанции над правом-законом, какую в Западной Европе играло естественное право»¹.

Таким образом, для западного философского мышления идея Б.А. Кистяковского о понимании права как «самостоятельной силы» обычно увязывалась с концепцией естественного права. В России же эта традиция мысли была развита слабо, и, возможно, в силу этого обстоятельства многие русские сторонники идеи «возрождения» естественного права в дальнейшем эволюционировали в сторону религиозной концепции права. Так, один П. И. Новгородцев – первоначально один из лидеров доктрины «возрождения» естественного права – анализируя особенности русской философии права, особо отмечал ее самобытные черты, коренным образом отличающие ее от западноевропейской. Это связано со специфическим характером русского мировоззрения, системой ценностей и русской культурой. Понимание права в русской философии, и здесь П.И. Новгородцев близок к идеям консерваторов, тесно связано с культурными традициями народа, с его нравами и обычаями. Как часть культуры право – это духовное и религиозное творчество всего народа, которое может быть действенным только в том случае, когда право будет связано с религией и нравственностью. Именно через эту связь проявляется особое «отношение народа к высшим тайнам и задачам жизни», в которых «западная философия права еще не увидела для себя проблемы»².

Но как именно право должно быть связано с нравственностью и религией? В русской культуре, по мнению П.И. Новгородцева, судьба права и государства зависит в первую очередь от того, в какое отношение человек ставит себя к Богу. Поэтому «не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества и высшую цель жизни. Не государство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры»³. Вместе с тем, главная задача нравственного идеализма, как продолжателя традиций классической естественно-правовой школы,

¹ Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Правоведение. – 1997. – № 4.

² Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения П.И. Новгородцева. – М., – 1995. – с.374.

³ Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения П.И. Новгородцева. – М., – 1995. – с.376.

виделась в создании «идеальных начал правообразования в их неразрывной связи с моральной философией». Основные принципы этого направления прослеживались в положениях о «безусловном значении личности», в утверждении нравственной основы права, «его чистого идеального значения»⁴.

На рубеже двадцатого столетия в России получили признание новые формы философского идеализма, в котором проявились две различные тенденции. Первая была представлена различными вариантами метафизического и мистического идеализма, вторая – сторонниками ориентированного на неокантианства научно-философского идеализма.

Первая тенденция была представлена такими выдающимися мыслителями как Вл. С. Соловьев, Б.Н. Чичерин и их последователи. Следует отметить, что Б.А. Кистяковский положительно относился к этому влиятельному течению русской философской мысли. «Наши идеалисты-метафизики и мистики, – писал он, – связали свое направление с лучшими традициями метафизической философии и являются отчасти продолжателями ее наиболее передовых стремлений. В ее громадных сокровищах идейного творчества они могут черпать чрезвычайно богатое содержание для своей литературной и философской производительности»⁵.

В противоположность метафизическому идеализму идеализм научно-философский остался был мало известен в России, но именно с этой формой философствования Б.А. Кистяковский связывал свои надежды на обновление интеллектуальной культуры русского общества. «По нашему глубокому убеждению, – писал он, – именно научно-философский идеализм способен внести плодотворные идеи в русскую духовную и общественную жизнь»⁶.

Под научно-философским идеализмом в данном случае имеется в виду неокантианство, переживавшее к началу XX в. бурный расцвет, поскольку именно это «новое кантианство», обогащенное гегелевской диалектикой и полузабытым к середине XIX в. платонизмом, смогло, как тогда казалось, найти объяснение необыкновенному успеху естественных наук в Новейшее время и поднять само философствование на уровень строгой науки.

Опираясь на букву учения Канта, неокантианцы – прежде всего, Г. Коген и Г. Риккерт – стремились выстроить новые системы философского знания «в духе Канта». Кантианцы, напротив, идейно следуя непосредственно за Кантом, строили свои концепции с тех или иных позиций так, чтобы откорректировать и дополнить лишь те части его системы, которые им казались недостаточно обоснованными, внутренне противоречивыми и потому ошибочными.

Ключевым моментом в различении кантианства и неокантианства становится решение философами проблемы «вещи самой по себе». В неокантианстве кантовская «вещь сама по себе» превращается в предмет познания, который понимается как бесконечно подлежащий определению, всегда только «заданный» познанию и никогда не «данный» предмет, а ее понятие получает новое значение – значение «пограничного понятия», «бесконечной задачи» познания, идеи, или регулятивного принципа, для унификации множественности опыта.

В формировании неокантианской программы особую роль сыграло учение Р.Г. Лотце о ценности как воплощении цели, которую должно реализовать, о значимости, имеющей логический (не-бытийственный) смысл, а также учение Ф.А. Ланге, в котором была сформулирована задача противопоставить как метафизическому идеализму («системной» философии Шеллинга и Гегеля), так и метафизическому («вульгарному») материализму. Важнейшими установками неокантианского движения стали: рационализм, новое содержание которого формируется в процессе пересмотра положений кантовского априоризма и понятия объективности, очищения теории познания от остатков психологизма, эмпиризма и антропологизма; сциентизм, или научность философии, что выразилось в признании логики, или теории (научного) познания, кон-

⁴ Там же. – с.305.

⁵ Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // Философия и социология права. – СПб., – 1998. – с.117.

⁶ Там же.

ституирующим ядром философии; систематичность и автономность философии как науки, выразившиеся в первую очередь в первых попытках рефлексии о ее методе; объединение идей кантианства и социализма в теорию социального идеала и народно-просвещения; единство знания как основа единства культуры.

Основанием Баденской школы неокантианства стала кантовская идея качественного различия природы и свободы, что определило для баденцев выбор задачи философского исследования: она состоит в классификации научных суждений и самих наук в соответствии со спецификой их методов.

Обоснование В. Виндельбандом «ценностно-теоретического» критицизма, исследования Г. Риккерта и В. Виндельбанда об образовании понятий в номотетических и идеографических науках, о методологическом обосновании наук о духе, а также разработка Э. Ласком логики философии и, наконец, постановка в трудах Виндельбанда и Риккерта проблемы философии мировоззрения (философии как учения о мировоззрении) определили основные направления философской работы Баденской школы.

Марбургская школа поставила перед собой двойную задачу, что означало по сути «соединение систематической и исторической задачи» (Г. Коген): защитить философию Канта от «интерпретаций», которые были предприняты в ходе ее «переоткрытия» середины XIX в., и, соответственно, заново обосновать философию как теорию науки.

Выдвинутые Г. Когеном принципы «критического идеализма» привели к формулированию в рамках школы теории научного опыта, к теоретико-познавательному обоснованию этики и концепции этического социализма, этическо-эстетическому решению проблемы религии, функционально-методологическому пониманию эстетического как того, что рождается в результате «объединения» в индивидуально-чувственном образе теоретических и практических форм объективации, и тем самым определили «характерную особенность этой школы», состоящую в стремлении создать охватывающую все отрасли знания систему философии.

В то же самое время их критическая программа имела общие принципы: 1. примат теории познания («логики»), точнее, теории научного познания в системе философских дисциплин. 2. теория и методология науки, открытая новейшим научным достижениям, и одновременно – отказ от любых попыток создания собственной натурфилософии. Свою задачу неокантианцы видели в философском объяснении и обосновании этих достижений с помощью модифицированного теоретико-методологического инструментария, разработанного некогда Кантом на основе положений ньютоновской механики. Критический метод Канта, развитый неокантианцами, получил название трансцендентального и позволил саму философию поднять на уровень науки; 3. отказ от построения классических теорий субъекта. Предпринята попытка полного очищения теории познания от психологизма и пересмотра понятий субъекта, субъектно-объектных отношений. 4. Обоснование и защита рациональности культуры. Культурфилософия неокантианства ведет свое происхождение от кантовского выражения «культура разума» и имеет значение не только для Баденской, но и для Марбургской школы. Свои поиски в области теории познания неокантианцы через анализ «образцовых» наук (математики и математического естествознания) распространили на все остальные науки и все «объективации» духовной жизни, то есть на все культурные феномены, что стало возможным благодаря понятию значимости: определенность значимости лежит в основе определенности культурных феноменов. Неокантианский критицизм может быть, поэтому, понят как трансцендентально-логическая философия культуры.

В идейном спектре российского философствования критицизм, идущий от Канта и неокантианцев, занял прочное место и во многом обусловил специфику целой эпохи – эпохи Серебряного века в российской культуре.

Прозвучавший на Западе призыв «назад к Канту» был услышан российскими мыслителями, общее содержание, доминирующие тенденции и главные направления развития философской мысли на Западе и в России характеризуются глубокими качественными различиями, а порой – противоположностью и даже оппозиционностью.

Можно выделить три наиболее характерных подхода к анализу учению Канта, определившихся в зависимости от занятых русскими мыслителями философских позиций.

Во-первых, анализ с позиции «естественнонаучного материализма», или позитивизма, предпринятый, прежде всего, М.И. Каринским. Его критика кантовского априоризма основывалась на признании достоверности чувственных данных и реальности внешних вещей, а также сомнения в постулируемой Кантом очевидности («умозрительности») априорных синтетических суждений и в обоснованности в его учении объективности познания, что сближало эту позицию с критическим реализмом А. Рилля и критическим позитивизмом Э. Лааса (Б.В. Яковенко). С подобных же позиций, называемых «идеал-реализмом» или «трансцендентальным реализмом», подходил к анализу кантовского учения Г.И. Челпанов.

Во-вторых, анализ учения Канта с позиции критического рационализма у А.И. Введенского – с позиции, близкой неокантианству, – в частности, в трактовке «вещей в себе» как непознаваемых и проблематичных, но в целом все же с ортодоксально кантовской позиции – ведь Введенский именно так подошел к решению ряда важнейших для критицизма вопросов: проблемы «данного» как «непосредственно» данного, в котором отсутствует какая бы то ни было «примесь теоретических истолкований» и которое сводится к «сумме живых ощущений»; к проблеме субъективизации познания; к принятию веры как этико-гносеологического феномена; к положительному решению проблемы существования метафизики.

В-третьих, анализ кантианства с позиций платоновского объективного идеализма и онтологизма, близкого к неоплатонизму (В.Н. Карпов, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.М. Лопатин, С. Аскольдов (С.А. Алексеев), А.А. Козлов, Н.О. Лосский и др.). В этом можно увидеть парадоксальную симметрию подходу неокантианцев, для которых учение Платона тоже было во многом отправным пунктом в интерпретации Канта. Однако в отличие от русских религиозных мыслителей, стремящихся «исправить» и «преодолеть» Канта Платоном с тем, чтобы вернуться к тому же Платону, Плотину и через них к христианству, неокантианцы «углубляли» Канта, то есть пытались понять Канта посредством Платона, прочитанного с помощью трансцендентального метода. Благодаря особой интерпретации платоновского учения об идеях, которые лишаются онтологического смысла и получают функциональное объяснение, Платон у неокантианцев выглядит не антиподом, а историческим предтечей кантовского критицизма.

Усилия большинства русских философов и, в первую очередь, мыслителей религиозно-метафизического направления по анализу и критике кантовских положений – даже в сфере теоретической философии, – имели целью «спасти» религиозно-нравственные основы православно-христианского мировоззрения. А чтобы нивелировать разрушающее эти основы влияние кантовского критицизма, спасению, – прежде всего, от неокантианской ревизии – подлежали «все плодотворные метафизические элементы» (С.Н. Трубецкой), содержащиеся в кантовском учении. Такой подход к кантовскому критицизму можно объяснить слабым развитием в российских философских исследованиях теоретико-познавательной проблематики в целом при преимущественном внимании к злободневным социально-политическим и этическим вопросам.

На «защиту научно-философского идеализма» от идейной экспансии метафизического идеализма встали первые русские критицисты-идеалисты, появившиеся в России в первые годы XX в., среди которых, кроме Б.А. Кистяковского, были также Е.В. Спекторский и Д.М. Койген.

Широкое распространение идеалистических течений в русской философии Б.А. Кистяковский объясняет признанием русским обществом фундаментальности, самостоятельности и важности этической проблемы, «т.е. самостоятельности требований справедливости, самостоятельности этического долженствования и социального идеала»⁷.

Самостоятельность этической проблемы Б.А. Кистяковский связывает с тем фактом, что многие русские философы, подчиняясь методологическим требованиям, выдвинутым в социально-научных теориях и, в частности, в марксизме, исследовали социальные явления с естественно-научной точки зрения, т.е. старались объяснить их

⁷ Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // Философия и социология права. – СПб., – 1998. – с.117.

исключительно причинной зависимостью. Отвергнув натуралистическую социологию и марксизм как социально-философские системы, и не расходясь с ними как с позитивно-научными теориями, они должны были признать, что требования справедливости, нравственное долженствование и постулаты идеала не подчинены категории необходимости и не выводимы из нее. Признав это, они прониклись стремлением к самостоятельному познанию этической проблемы, т.е. всего того, что относится к области должного, а не необходимого.

Большинство идеалистов поспешило объявить, что постановка этической проблемы непосредственно наталкивает на проблему метафизическую. Так, Н.А. Бердяев отчетливо противопоставил исконный онтологизм русской философии трансцендентализму и рационализму философии немецкой. Главной претензией Бердяева к неокантианству стало то, что идеи и категории в неокантианской теории познания «не имеют носителя», что эта теория «не может выйти из заколдованного круга понятий и не находит путей к реальности, в глубь бытия», под которым он понимал «трансцендентное» «метафизическое» бытие «живой и индивидуальной субстанции», то есть бога. Именно поэтому, по Бердяеву, неокантианская теория познания не может претендовать «на общеобязательность и научность».

В.Ф. Эрн считал неокантианский рационализм несостоятельным из-за отсутствия в нем «всякой активности, всякого внутреннего «начала движения», то есть начала творческого, из чего следовало, что неокантианство осмысливает мир с «механической точки зрения» и потому по сути «антикультурно». Пропагандируя «свободу мысли» от всякого рода метафизики, неокантианский рационализм, по мнению Эрна, «освобождает мысль от всякого содержания» и тем самым превращается в философию «несуществования» («меонизма»).

Из этого был сделан вывод, что и решение этической проблемы невозможно без решения метафизической проблемы или что решение первой должно быть основано на решении второй. Однако и такая постановка вопроса скоро перестала удовлетворять некоторых идеалистов-метафизиков. Развивая свои идеи дальше, они объявили, что этика должна быть основана не на знании, а на вере, так как ее предпосылкой служит, вера в нравственный миропорядок и его верховного Творца. Отсюда вполне последовательным оказался переход от метафизики к мистике и даже к решению этической проблемы при помощи тех или иных традиционных верований.

Б.А. Кистяковский обратил внимание на ограниченность подобного подхода. «Такую систему взглядов, – писал он о воззрениях метафизических идеалистов, – нельзя опровергать научными доводами, так как последние бессильны против нее. Но и она совершенно бесплодна для научного познания... Всякое уклонение от научного решения этих задач помешает нашему идеализму превратиться в широкий поток научно-философского мышления. Оно сделает его движением лишь замкнутого круга лиц»⁸.

Особенно ярко неудовлетворенность научным знанием, как замечает Б.А. Кистяковский, проявляется у тех русских мыслителей, которые от марксизма перешли к мистицизму. Этот случай отрицательного отношения к науке представляет особенный интерес, потому что он явился следствием разочарования в знаниях, доставляемых социальными науками и социальной философией. «Наши мистики, – пишет Б.А. Кистяковский, – несомненно, возвращаются к Тертуллиану... и начинают проповедовать неотертуллианство. Объясняется это тем, что хотя они на словах и признают автономию каждой из двух областей, как веры, так и научного знания, в действительности же делают религиозную веру судьей над научным знанием и подвергают веру оценке со стороны научного знания»⁹.

Б.А. Кистяковский настаивал на необходимости именно научного, хотя и не естественно-научного, разрешения этической проблемы. Последняя, по его мнению, «является предметом вполне научного познания и должна быть прежде всего решена чисто

⁸ Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // Философия и социология права. – СПб., – 1998. – с.117.

⁹ Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // Философия и социология права. – СПб., – 1998. – с.112.

научным путем»¹⁰. Он противопоставляет таким образом метафизическому решению этической проблемы ее научно-философское решение. Только научно-философское, а не метафизическое решение, по его мнению, обладает безусловной убедительностью, поскольку должно опираться на общеобязательные нормы мышления.

Б.А. Кистяковский отмечает, что исходная точка у идеалистов обоих направлений одна и та же. Как сторонники метафизического идеализма, так и сторонники научно-философского идеализма исходят из одних и тех же данных, признаваемых ими бесспорными. Данными этими являются факт оценки, т.е. суждения об истине и лжи, добре и зле, прекрасном и безобразном. Природа, со включением в нее и психического механизма человека, равнодушна к истине и лжи, добру и злу, прекрасному и безобразному; для нее то и другое одинаково необходимо. Оценка или оправдание одного и осуждение другого производится и создается только человеком в силу его духовных запросов. Наряду с законами природы, определяющими только то, что необходимо, Б.А. Кистяковский утверждает существование еще особых законов оценки, или норм, определяющих истину и ложь, добро и зло, прекрасное и уродливое. Именно факт установления особых законов оценки, или норм, свидетельствует об автономии человека, которая указывает на его свободу. Именно из факта самостоятельной оценки и автономии следует принцип самооценности человеческой личности и равноценности личностей между собой. В результате, основываясь на своей автономии и свободе, человек создает себе идеалы и требует их осуществления в действительности.

Это общие положения, из которых исходят и к которым приходят сторонники и метафизического, и научно-философского идеализма. Но отношение к этим мировоззренческим принципам тех и других различно. «Для метафизических идеалистов, — полагает Б.А. Кистяковский, — как факт самостоятельной оценки и автономии личности, так и принципы свободы, а также самооценности и равноценности личностей, так, наконец, и постулаты и высшие цели, выражаемые в земных и небесных идеалах, указывают, прежде всего, на известный *transcensus* или на известные данные высшего сверхопытного порядка»¹¹. Однако вместо исследования этих фактов и анализа принципов метафизические идеалисты видят в них самое достоверное указание на лежащие в их основании сущности, постижение которых должно производиться не путем научного познания, а путем метафизической интуиции и религиозной веры. В результате, возникают метафизически-религиозные системы, которые могут служить предметом веры, но не научного убеждения.

Иначе относятся к этим основным началам идеалистического мировоззрения сторонники научно-философского идеализма. «С точки зрения научно-философского идеализма, — полагает Б.А. Кистяковский, — переход от тех бесспорных данных оценки и автономии человека, которые лежат в основании этической проблемы, к метафизически сущему как к источнику их безусловно недопустим»¹². «Поэтому, — пишет мыслитель, — признавая для себя бесплодность нарушения границы научного познания, научно-философский идеализм считает обязательным смирение перед нею, так как он может выполнить свои великие и обширные задачи, только идя другим путем. Задачи эти заключаются в чисто научной разработке как данных оценки и автономии личности, так и всех связанных с ними явлений духовной жизни человека»¹³.

Б.А. Кистяковский различает научную философию и естественную науку. Он даже полагает, что научной философии принадлежит историческое первенство перед естественными науками. Зародилась научная философия вместе с первыми логическими и этическими размышлениями софистов и Сократа. В диалогах Платона и в сочинениях по логике, этике и эстетике Аристотеля она была приведена в законченную систему.

Научная философия распадается на отдельные науки. В нее входят логика в широком смысле, которая в свою очередь состоит из теории познания, формальной

¹⁰ Там же. — с.118.

¹¹ Там же. — с.119.

¹² Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // Философия и социология права. — СПб., — 1998. — с.119.

¹³ Там же. — с.120.

логики и методологии, этика и эстетика. «В то время как естественные науки исследуют все совершающееся как необходимо происходящее, – пишет Б.А. Кистяковский, – отдельные дисциплины научной философии устанавливают и подвергают анализу должнствующее быть. Для естествознания высшим принципом является закон природы, для научной философии – нормы, или общеобязательные правила, теоретического мышления, практической деятельности и художественного творчества. Объединяющей категорией для всех естественных наук служит категория естественной необходимости; объединяющая категория для отдельных дисциплин научной философии выражается в сознании должного»¹⁴.

Именно эта идея получила свое философское осмысление в неокантианстве. «Критическую проверку, – пишет Б.А. Кистяковский, – оздоровляющий анализ и руководящие методологические указания, в которых нуждались все без исключения гуманитарно-научные дисциплины, слагавшиеся под влиянием самых различных, часто случайных идейных течений, могло создать только широкое философское движение. Таким и явилось неокантианство»¹⁵.

Выводы: На рубеже XX в. в России получили развитие новые формы философского идеализма, в котором проявились две различные тенденции. Первая была представлена различными вариантами метафизического и мистического идеализма, вторая – сторонниками научно-философского идеализма.

Первая тенденция, связанная с деятельностью таких авторитетных мыслителей как В. С. Соловьев, Б.Н. Чичерин. С научно-философским идеализмом, неокантианством, Б.А. Кистяковский связывал свои надежды на обновление интеллектуальной культуры русского общества, на формирование правовой культуры.

Самостоятельность этической проблемы мыслитель связывает с тем фактом, что многие русские философы, подчиняясь методологическим требованиям, выдвинутым в социально-научных теориях и, в частности, в марксизме, исследовали социальные явления с естественно-научной точки зрения, т.е. старались объяснить их исключительно причинной зависимостью. Отвергнув натуралистическую социологию и марксизм как социально-философские системы, и не расходясь с ними как с позитивно-научными теориями, они должны были признать, что требования справедливости, нравственное должнствование и постулаты идеала не подчинены категории необходимости и не выводимы из нее.

Признав это, русские философы призвали к самостоятельному познанию этической проблемы, всего того, что относится к области должного, а не необходимого. Большинство русских идеалистов объявили, что постановка этической проблемы непосредственно связана с проблемой метафизической, поскольку неокантианская теория познания не находит путей к реальности, пути к бытию, что имело целью «спасти» религиозно-нравственные основы православно-христианского мировоззрения. На «защиту научно-философского идеализма» от идейной экспансии метафизического идеализма встали первые русские критицисты-идеалисты, среди которых, кроме Б.А. Кистяковского, были также Е.В. Спекторский и Д.М. Койген.

Б.А. Кистяковский настаивал на необходимости именно научного, хотя и не естественно-научного, разрешения этической проблемы. Которая является предметом научного познания и должна быть решена чисто научным путем. Он противопоставляет таким образом метафизическому решению этической проблемы ее научно-философское решение. Только научно-философское, а не метафизическое решение, по его мнению, обладает безусловной убедительностью, поскольку должно опираться на общеобязательные нормы мышления.

Научно-философский подход к этике и праву Б.А. Кистяковский связывал с неокантианской методологией гуманитарного познания. Важнейшими установками неокантианского движения стали: рационализм, новое содержание которого формируется в процессе пересмотра положений кантовского априоризма и понятия объективности, очищения теории познания от остатков психологизма, эмпиризма и антропологизма; сциентизм, или научность философии, что выразилось в признании логи-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – 142.

ки, или теории (научного) познания, конституирующим ядром философии; систематичность и автономность философии как науки, выразившиеся в первую очередь в первых попытках рефлексии о ее методе; объединение идей кантианства и социализма в теорию социального идеала и народного просвещения; единство знания как основа единства.

Список литературы

1. Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // Философия и социология права. – СПб., – 1998.
2. Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // Философия и социология права. – СПб., – 1998.
3. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения П.И. Новгородцева. – М., – 1995.
4. Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Правоведение. – 1997. – № 4.

SCIENTIFIC-ETHICAL GROUNDS OF B.A. KISTYAKOVSKY'S LAW ETHICS

V.G. OLEFIRENKO

*Tula State Teachers'
Training University
n.a. L.N. Tolstoy*

*e-mail: phi-
leo@tspu.tula.ru*

The article is dedicated to scientific-ethical grounds of B.A. Kistyakovsky's law ethics. The article deals with the main treatments of law in Russia, specifying the connection between legal consciousness and law. The role of religion in Russian culture and legal consciousness is analyzed. The role of Kant's philosophy for Russian philosophical tradition is analyzed.

Key words: ethics, law, legal consciousness, philosophy.

УЧЕНИЕ О ПРАВОСОЗНАНИИ И.А. ИЛЬИНА: ГРАЖДАНСКИЙ АКТ НЕПОВИНОВАНИЯ В ПРАВЕ

С.В. РЯЗАНЦЕВ

Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого

e-mail: phi-
leo@tspu.tula.ru

Статья посвящена учению о правосознании И.А. Ильина. В статье определяется роль положительного права в его связи с правосознанием. Анализируется понятие «правосоздания», определяется ключевая роль нравственных принципов для правосознания. Автор намечает основные принципы, определяющие сущность правосознания в философии И.А. Ильина.

Ключевые слова: правосознание, «правосоздание», нравственные принципы, философия.

Вопрос о ценностной природе положительного права является одним из основных в философии права Ильина. Мыслитель раскрывает идею правосознания как взаимодействие положительного и естественного права, вводя такие категории правосознания **как гражданский акт неповиновения в праве, правовая совесть.**

Положительное право, по мнению Ильина, содержит в своей основе ценностные аспекты естественного права – идею справедливого и должного, представляет собой «организованную попытку формулировать естественное право», являясь «суррогатом естественного права». Положительное право, как действующее право, представляется «последним этапом, достигнутым правотворящим человечеством в деле поддержания и формулирования естественного права». В этом смысле положительное право нуждается в корректировке, которое организует нормальное правосознание как активное творческое начало, «волевое устремление души», стремящееся к достижению справедливого и свободного права. Позитивная установка нормального правосознания состоит в том, что оно «улавливает» объективную идею естественного права и стремится установить и сформулировать его сущностный смысл в нормах положительного права. Ильин подчеркивает, что естественное и положительное право при всей своей различности, представляют целостный синтез, единство: «Единство положительного и естественного права, – пишет он, – уже дано, хотя бы в зачатке, и еще задано, в своем целостном и осуществленном виде».

«Заданность» к осуществлению и реальная нормативность естественного и положительного права создают расхождение и известную двойственность в требованиях и предписаниях права, так как образуют различные правопорядки по форме «одинаково претендующих на объективную обязательность и объективное значение».

Таким образом, налицо – конфликт между действующим положительным и естественным правом. Этот конфликт может быть разрешен только в пользу естественного права, так оно представляет собой ценностную основу положительного права. Обострение конфликта чревато искажением содержания права в общественном сознании, которое «начинает изображаться как «простое проявление власти, силы и насилия, как орудие, служащее организованному господству имущего класса; оно постепенно развенчивается в последовательном, но незрячем критическом анализе, а незрячий скепсис приводит к его категорическому отвержению».

Мыслитель выдвигает идею «правосоздания», т.е. созидания новых законов, причем категория правосоздания выступает в его учении как *борьба за объективное право*. Определяет необходимость такого пути нормальное правосознание, которое находит его как единственный выход из кризиса правосознания в результате конфликта положительного и естественного права. Таким образом, правотворчество или правосоздание является разрешением конфликта, выступая в виде борьбы за объективное право, о котором мы говорили выше, и «борьбой за право в субъективном смысле» (т.е. за поддержание и осуществление справедливых полномочий, обязанностей и запретностей)».

Борьба за новое право не означает разрушение действующего положительного права. Решающая роль в этом моменте принадлежит правосознанию, которое «находит героический выход из создавшегося конфликта, признавая каждого субъекта членом *двух* различных право порядков *сразу*: одного, отвергнутого по содержанию, но не отмененного и сохраняющего «положительное» значение, и другого, признанного по содержанию, но еще не установленного, не утвержденного, и, может быть даже не формулированного, однако – верного, справедливого, лучшего и потому имеющего *достоинство* естественного права».

Ильин считает, что большая *нравственная ответственность* в борьбе за новое право лежит на людях, осуществляющих правотворчество, т.е. на юристах, ученых, философах права. Именно они, по его мнению, должны научно вскрыть и сформулировать те новые нормы права, которые лежат в основе естественного права. Мыслитель подчеркивает, что ученые правоведы должны «выработать в себе особый акт правосознания», который он формулирует как **правовую совесть**, называя законодателей, творящих новое право «художниками естественной правоты».

В то же самое время борьба за новое право может встретить определенное сопротивление со стороны консервативных правительственных кругов. В этом случае борьба за правотворчество принимает иную форму «непосредственного осуществления новых субъективных прав». Этот способ борьбы может восприниматься как правонарушение, в этом случае Ильин предлагает следующее: каждый человек как субъект правосознания имеет возможность волеизъявления своих прав. Поэтому каждый имеет право «немедленно перестать осуществлять свое «неестественное полномочие» и затем погасить его отречением».

Мыслитель подчеркивает это положение деятельностью многих помещиков, отрекшихся от своего права на крестьян, в частности, он приводит пример отречение Л.Н. Толстого от авторских прав в пользу народа, его распоряжения о раздаче яснополянской земли и т.д. «Каждый может, следуя естественному правосознанию, – пишет Ильин, – взять на себя исполнение чужой обязанности, внести налог за бедняка, заменить больного товарища на службе или, как это допускалось в старину, «пойти в рекруты», заменяя многосемейного брата». Это «переживание публичных полномочий как обязанностей гражданина, а публичные обязанности как неотъемлимые полномочия» можно назвать **гражданским актом неповиновения в праве**. Ильин придает этой категории правосознания исключительно правовой характер, считая, что это понятие не имеет нравственного статуса, оно «не является делом «сверхдолжного милосердия», снисхождения или жертвы, но простым блюдением естественных прав и обязанностей», осуществляющих борьбу за «естественный порядок». Гражданский акт неповиновения в праве мотивируется «непосредственным чувством права и живым сознанием своей естественно-правовой обязанности». Мыслитель видит в данной деятельности отсутствие правонарушения и формулирует этот способ борьбы за новое право «*лояльной борьбой* за естественное право *в субъективном смысле*».

Философ считает, что новые правовые нормы должны рождаться исключительно в правовых рамках, которые исключают насилие, смерть, революции, которые несут хаос, войны и исключение право порядка. Он считает недопустимым нарушения действующего положительного права. Считая, что целесообразным способом введения нового права является *перманентная эволюционная форма внедрения права*, он вводит в категорию правосознания *принцип соблюдения юридического обычая*, как «*правомерного* способа постепенного введения в пределы положительного права тех элементов жизни, которые лежат за его пределами, но в которых нуждается правосознание». Это означает «осуществление неправого как правового, сопровождающееся сознанием, что «так поступать» необходимо и правильно». В этом случае новые правовые действия постепенно вводятся в жизнь, становясь действительностью и постепенно прежний право порядок уступает место новому. Принцип соблюдения юридического обычая в правосознании исключительно важен именно на стадии введения нового права для воспитания и функционирования нормального, а не искаженного правосознания, так как только уважение к положительному праву дает единственную возможность созидания естественного права.

Ильин формулирует основные принципы, при которых правосознание сохраняет свой положительный статус в условиях конфликта положительного и естественного права:

1. нарушение положительного права возможно только в том случае, если субъект в своем личном жизненном опыте использует новые правовые нормы, соответствующие естественному праву;

2. мотивацией нарушения положительного права является «воля к общему благу», а не личные, своекорыстные интересы;

3. правонарушение мотивировано нормальным, а не искаженным правосознанием, волей к цели права, направлено не на разрушение государственного и правового строя, а поддерживает его, исправляя старые, недееспособные правовые нормы и принципы;

4. связано с сохранением положительного права, как основания естественного права;

5. правонарушение связано с необходимостью отмены неправового права, задерживающего движение и развитие естественного права. Отмена неправового права возможна только конституционным путем;

6. правонарушение не должно нарушать естественных прав человека.

Все эти условия, по мнению Ильина, дают человеку «естественное право на неповиновение праву» и не противоречат нормальному правосознанию.

Однако неповиновение праву как правонарушение чревато уголовным наказанием. Субъект, нарушивший нормы положительного права, должен быть подвергнут наказанию. Это наказание формально *de' jure* показывает, что правонарушение как превышение полномочий, не соблюдение обязанностей, преступление запретов, установленных в нормах права имело место и субъект, совершивший данное деяние подлежит уголовной ответственности – следствию и суду. Таким образом, задача уголовного суда состоит в том, чтобы определить вину и назначить наказание. Ильин указывает на то, что суд присяжных не должен ограничиваться формальными юридическими рамками права. Особенность этой демократичной формы судопроизводства заключается в том, чтобы дать оценку *субъективной* виновности преступника, которая, по мнению мыслителя, имеет «внутреннюю душевно-духовную природу». Следовательно, вопрос о виновности, по своему существу есть вопрос о правосознании субъекта преступления. Ильин объясняет это следующим образом: степень виновности субъекта зависит не только от преступления им норм положительного права, но, прежде всего, от целей и мотивов преступления, того «*в каком отношении стоят эти цели и мотивы – к целям и мотивам нормального правосознания*», так как «*входят в самую сущность как повинующегося, так и преступающего правосознания: они-то и определяют виновность человека*». Причем закон и правовая теория не объясняют этих целей и мотивов, «*проявляя в этом великое доверие к человеческому духу*», полагаясь на «*совесть*» присяжных.

Ильин вводит в свое учение о правосознании понятие «правовой совести», которая включает в себя: а) знание содержания нормального правосознания; б) интуитивное ощущение идеи права; в) стремлением выразить добрую волю. В этом смысле задача присяжных определить степень виновности преступника в зависимости от уровня его правосознания, которое, как известно, связано с целями и задачами права как такового. Поэтому роль присяжных заседателей особенно важна в суде. Подчеркивая ее нравственную значимость, философ пишет: «Чуткий и совестный человек, выступая в качестве присяжного, совершает глубокую внутреннюю работу: ибо совесть у человека – одна, и показания ее о праве (в качестве «правовой совести») неизбежно приводят в движение ее последнюю нравственную глубину; именно эта работа, и только она может сделать уголовного судью – художником *естественной правоты*».

Список литературы

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. Соб. Соч. в 2-х т. М., 1993. Т.1.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Соб. Соч. в 2-х т. М., 1993. Т.1.
3. Мелешко Е.Д., Макаров Р.Н. Идея синтеза морали и права в теории федерализма А.С. Яценко. Тула, Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2003.

4. Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Правоведение. 1997. – №4.
5. Юрашевич Н.М. Эволюция понятия правового сознания // Правоведение. – 2004. – №2.

I.A. ILYIN'S TEACHING OF LEGAL CONSCIOUSNESS: THE SOCIAL ACT OF DISOBEDIENCE IN THE LAW

S.V. RYAZANTSEV

***Tula State Teachers'
Training University
n.a. L.N. Tolstoy***

***e-mail: phi-
leo@tspu.tula.ru***

The article is dedicated to I.A. Ilyin's teaching of legal consciousness. The role of the positive law connected to legal consciousness is specified in the article. The concept of «making-of-law» is analyzed, the key role of moral principles for the legal consciousness is specified. The author mentions the main principles of the essence of legal consciousness in I.A. Ilyin's philosophy.

Key words: legal consciousness, «making-of-law», moral principles, philosophy.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ САЛОНЫ РОССИИ XIX ВЕКА: НАЧАЛО КРИСТАЛЛИЗАЦИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.В. СЕМЕНОВА

*Калужский
государственный
педагогический
университет
им. К.Э. Циолковского*

*e-mail:
19kat82@mail.ru*

Данная статья посвящена исследованию причин, задач, места и значимости литературных салонов (отражающих литературно-философский синтез культуры России XIX века) для развития и распространения отечественной философской мысли. Обнаружено, что именно литературные салоны являются началом кристаллизации национальной философской культуры.

Ключевые слова: литературный салон, философское общество, литературно-философский синтез, социализация, интегративность и другие.

В последнее время становится все яснее и яснее поворот философских исследований к проблеме взаимосвязи культуры и философии. Достаточно вспомнить повестку дня пленарного заседания IV Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизаций" (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 24-28 мая 2005 года) на котором пять из шести докладов были посвящены исследованию места и роли философии в общем процессе становления культуры и национальных культур народов. Общей канвой, на которой вырастает и укрепляется единение философии и культуры, выступает общение людей, их личное и социальное взаимодействие. Как мы помним, греческая философия родилась в диалогах Сократа и Платона. Школа перепатетиков Аристотеля не ушла в прошлое безвозвратно. Сегодня она возвращается в поисках оригинальных путей развития философской мысли.

Первые философские сообщества в Древней Греции заложили основы философии. Подобную функцию выполнили литературные салоны Москвы в XIX веке. В этих спонтанных "домашних обществах" (С.С. Уваров) русского просвещенного дворянства проводилась важная работа по оформлению национального самосознания русского народа, закладывались принципы отечественной философии, одним из которых была связь с Землей-матушкой...

По большому счету причинами появления салонов были особенности формирования русской культуры. Оторванность русских поселений от центра и удаленность людей друг от друга образовывали отечественную разобщенную культуру, дискретную и национально неформленную. Нам не удавалось соединить усилия по развитию нашей общей культуры. Требовалась концентрация сил, необходимы были определенные центры и места развития. Данная ситуация, несомненно, вела к замедлению развития мысли, и даже особому отношению к учению и науке как чему-то трудному, некому латинству (Н.Бердяев), к недоверию "умственному деланию". "Некоторые исследователи русской философии и культуры, например, Г.Флоровский, Г.Г. Шпет, К.Д. Кавелин и другие считали, что русская мысль в это время спала. Пробудить ее могла только философия". (!) Классический немецкий идеализм дал толчок к пробуждению. Если западная философия вырастает из мифологии, то русская – из соединения философии и литературы.

Эта связь была заложена в самом основании русской культуры, литературы и философии одновременно. Пальму первенства делить не приходится, ибо "как впоследствии литература питала русскую философию, так вначале именно философия дала духовный заряд отечественной литературе", – отмечает В.К. Кантор¹. В соединении литературы и философии проявляется их генетическое родство и историческая близость. Уже И.В. Киреевский рассматривал русскую литературу не только с позиций одного из рядовых видов искусства, а более широко, с глубоким анализом проблем общества. В известной статье "Обозрение русской литературы за 1831 год" он писал:

¹ Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М. 1994. С.46.

"Между тем как в других государствах литература есть одно из второстепенных выражений образованности, у нас она главнейшее, если не единственное... Единственным указателем нашего умственного развития остается литература"². Сегодня стало ясно, что "Философия в России и русская литература создают удивительно органичный и глубокий синтез. Такого явления, – отмечает А.С. Стрельцов, – мы не встречаем ни в одной культуре других стран в XIX веке"³. Однако проблема соединения и взаимодействия литературы и философии в русской культуре рассматривались чаще всего как второстепенная, когда на самом деле она раскрывает онтологическую основу русской философии. "Вопрос о соединении литературы и философии в русской культуре чаще всего рассматривался с внешней стороны, как совпадение, в то время как он имеет глубинную основу и онтологическую связь этих явлений"⁴. С нашей точки зрения, данную проблему следует раскрывать более широко.

Как известно, относительно времени возникновения русской философии есть две точки зрения. Одна связывает это возникновение с крещением Руси, другая ведет это начало только со славянофилов. Но не зависимо от того, когда возникла русская философия время ее кристаллизации, приобретения четких форм можно отнести только к XIX веку. Вот почему одной из особенностей развития русской философии в отношении сближения философии и литературы на почве отечественной культуры можно считать ее первые шаги, сделанные в литературно-философских салонах, которые заложили начало отечественным философским идеям XIX столетия.

Среди причин образования литературных салонов на первый план выдвигаются интересы объединения единомышленников в некие формы домашних сообществ. Весь опыт мировой философии говорит о плодотворности таких союзов. Афинские школы в Древней Греции, Платоновская академия, которая просуществовала 915 лет, в Германии – группы "Бури и натиска", немецких романтиков в конце XVIII века, младогегельянцев в 40-х годах XIX века... Все это – вехи в истории мировой философской мысли. Не является исключением в этом плане и российская культура, где мы встречаемся с различными объединениями. Россия имеет свой опыт, отличающийся от европейского, прежде всего тем, что собственно философских обществ в XIX веке не существовало. Отечественная философская мысль зарождалась и созревала в недрах литературных салонов. Салон – небольшое объединение людей избранного круга, собирающихся в доме какого-нибудь частного лица ради свободного обмена мнениями на произвольные темы: литературные, философские, политические, социальные, исторические, религиозные и т. п.

Если первая причина появления салонов лежала в стремлении получить место общения людей, то вторая имела некое географическое содержание. Исторически сложилось так, что территория России в отличие от европейских государств всегда была слишком обширна. Возможно, подобное обстоятельство порождало особенности некоторых черт национального характера. Как правило, европейцы – замкнутые люди, живущие социально независимо друг от друга, русские – наоборот, открытые, с широкой душой, необыкновенно гостеприимные, не представляющие свой дом без множества родственников или друзей. Достоевский отмечал эту особенность русского народа: "Широк русский человек, я бы его сузил". Вероятно, эта географическая удаленность русских людей друг от друга в сочетании с экстравертностью души привела к формированию различного рода объединений: салонов, кружков, вечеров, вторников, пятниц, суббот, кофеен, утренников, вольных собраний, чтений и т.д. В условиях того времени каждый кружок и салон – от семейного кружка молодых людей до чопорного салона – мог быть небольшим очагом, где появлялись и распространялись философские идеи.

Были и некоторые социально-исторические причины, в которых была вынуждена существовать философия в России XIX века. Как известно, с "легкой руки" кн. Ширинского–Шихматова, министра просвещения в правительстве Николая I, древние

² Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.1970. С.101, 102.

³ Стрельцов А.С. Философия и культура в русской мысли 19-нач.20 вв.: интегральный анализ: Научное издание. – М. 2003 – С. 222.

⁴ Там же.

языки и философия были изгнаны из программ преподавания гимназий и университетов. Поэтому, чтобы окончательно не потерять связь с внешним миром и приблизиться к "общему течению жизни и науки", мыслители искали пути распространения своих философских идей. Художественная литература пришла на помощь, именно здесь философы получили возможность в художественной форме высказывать свои сокровенные мысли, для формирования и распространения которых большое значение имели кружки, салоны, общества, редакции общественно-политических, литературных, а к концу XIX в. и философских журналов. Так формировался литературно-философский синтез в культуре России.

Литературные салоны выполняли ряд задач:

❖ Задача объединения людей. Прежде всего, литературно-философские салоны удовлетворяли желание людей в общении. Общаясь, члены салона способствовали повышению уровня своего развития и, одновременно с этим, сохранению культуры страны. Здесь встречались передовые люди России XIX столетия. Являться посетителем литературного салона считалось модным и почетным для любого человека. Приведем некоторые примеры сообществ подобного рода.

Салон Авдотьи Петровны Елагиной (1789-1877) – наиболее значительный салон XIX века: "Здесь можно было видеть лица, а не толпы, слышать естественное звучание голоса. Никто здесь не раздавлен ревом толпы, никому не нужно было, излагая задушевную идею, напрягать голосовые связки"⁵. К.Д. Кавелин писал о том, что дом Авдотьи Петровны был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, "все-го, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного... Невозможно писать историю русского научного движения, не встречаясь на каждом шагу с её именем"⁶. П. Бартенев отмечал, что "У неё бывали и обменивались мыслями А.И. Тургенев, Н.В. Гоголь, Погодин, Шевырев, Вигель, Иноземцев, Редкин, Н. Павлов, Мельгунов, М. Дмитриев, Крюков, Огарев, Сатин... Поколение, явившееся на смену спутников её молодости, сверстники и товарищи младших сыновей её Валуев, Кавелин, А.Н. Попов, А.П. Ефремов, В.А. Панов, Стахович-отец и бр. Аксаковы, бр. Бакунины, Ф. Чижов, Ю. Самарин, кн. Черкасский любили пользоваться ее беседой"⁷.

Салон З.А. Волконской – более литературный по сравнению с салоном А.П. Елагиной – тоже был знаковым явлением XIX века. А.Н. Муравьев писал: "Тут можно было встретить все, что только было именитого на Русском Парнасе, ибо все преклонялись перед гениальной женщиной. А.С. Пушкин и П.А. Вяземский, Баратынский и Дельвиг были постоянными ее посетителями, кн. В.Ф. Одоевский, М.Н. Загоскин, Раич, С.П. Шевырев и М.П. Погодин, хотя и не любители большого света, не чуждались, однако ее блистательного круга: так умела она все собирать воедино..."⁸. В. Ильин добавляет к этому списку фамилии М. Веневитинова, С.А. Соболевского, А. Мицкевича, А.Н. Муравьева, и других. Таким образом, в Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. "Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли"⁹.

❖ В этих сообществах решалась и еще одна задача – интегративная Она заключается в том, что культура объединяет народы и разные социальные общности. Особенно примечателен в этом плане салон В.Ф. Одоевского. Соллогуб отмечает, что "В этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходилась по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем

⁵ Чалмаев В.А. И.С. Тургенев. Жизнь и творчество: Литературно-критический очерк. – Тула, 1989. – С. 94

⁶ Кавелин К.Д. А.П. Елагина. Соч. – СПб, 1899. – т.3, С.1118.

⁷ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М., 2001. – С. 204

⁸ Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами. – Киев, 1871. – С. 11-13

⁹ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М., 2001. – С. 195

этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. (...) я всех их тут видел, наших незабвенных, братствующих поэтов и мыслителей"¹⁰. Этот салон отличался от всех других тем, что здесь было всем легко. И, несмотря на то, что Одоевский, бесспорно, принадлежал к самому высшему кругу, "в доме его и, в особенности, в его заветном кабинете все были равны – в буквальном смысле этого слова: вельможи и артисты, ученые и художники, чиновники, мастера-вые, старики и молодые – все одинаково подпадали немедленно под беспристрастный уровень его радушия и доброжелательного внимания. Все чувствовали себя как дома, даже часто лучше, чем дома, потому что все их отличительные свойства, их таланты, познания, дарования вызывались наружу, оценивались по достоинству и заслуживали одобрение и нравственную поддержку"¹¹. Это прямое обращение к человечности, а не к обстановке каждого образовало ту притягательную силу к дому Одоевских, которая не обуславливается ни роскошными угощениями, ни красноречием лицемерного сочувствия¹². И.И. Панаев тоже говорит об этой особенности салона "Одоевский принимал каждого... без различия сословий и званий"¹³. Он делал это не случайно: хотел показать своим светским приятелям, что, кроме избранников, в России существует еще целый класс людей, занимающихся умственной деятельностью. Хотя принимали его позицию далеко не все.

❖ Одна из задач салонов проявляется и в том, что здесь можно было познакомиться с новинками литературы, философии и искусства; узнать много интересного и необходимого о новых литературных течениях, направлениях, философских идеях и т.п. Здесь авторы читали свои труды, выслушивали мнения коллег, обсуждали... Например, в салоне А.О. Смирновой многие впервые увидели произведения А.С. Пушкина "Евгений Онегин", Н.В. Гоголя "Сорочинская ярмарка", "Миргород", "Тарас Бульба", "Мертвые души", "Ревизор" и др. А.И. Кошелев вспоминал о салоне Е.А. Карамзиной: "Литература русская и иностранные, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии – Каннинга и Гускиссона составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы..."¹⁴.

❖ Салоны формировали и новую культуру поведения. Ф. Вигель пишет о салоне А.Н. Оленина: "...члены оленинские даже в доме его хлебосольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила"¹⁵. Культура таких сообществ также создавала относительно безопасные способы разрядки, не нарушающие социальной стабильности, например, в литературных объединениях эффективно используют игру в карты. По воспоминанию А.Ф. Тютчевой, Е.А. Карамзина часто организовывала "партию в карты для стариков"¹⁶. В редких случаях, литературный салон мог быть "оформлением эстетических вкусов дворянского быта, "выполняя украшающую функцию жизни знатного и богатого слоя"¹⁷. Между салоном Зинаиды Волконской и салоном А. Елагиной нельзя провести резкой разницы. Если в первом первоклассные таланты пленяли слушателей своими поэтическими творениями в стихах и прозе, импровизировали, играли и пели, то во втором выдающиеся умы блистали перед слушателями своими ораторскими дарованиями, красноречиво касаясь всевозможных вопросов, не задевающих, однако, основ социального бытия собравшейся аудитории.

¹⁰ Соллогуб В.А. Воспоминание о кн. В.Ф. Одоевском. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869. – С. 96.

¹¹ Тимирязев Ф. Кн. В.Ф. Одоевский. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869. – С. 72-73.

¹² Соллогуб В.А. Воспоминание о кн. В.Ф. Одоевском. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869. – С. 97.

¹³ Панаев И.И. Литературные воспоминания. – Л., 1928. – С.143-146

¹⁴ А. И. Кошелев. Воспоминание о Хомякове. – "Р.А.", 1879. – кн. 3. С. 266

¹⁵ Ф. Вигель Записки. – М., 1892. – Т. 2, ч. 3, С. 153-154

¹⁶ А.Ф. Тютчева При дворе двух императоров. – Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. – С. 70-71

¹⁷ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001 – С. 32

❖ Салоны никогда не были только московскими салонами П. Бартенев отмечал: "Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливое, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранные, являлись в салон Елагиной..."¹⁸. Кроме того, он указывал на важное значение салонов не только для свободного обмена мнениями и для выражения господствовавших литературных направлений, научных и философских взглядов русской интеллигенции, но и для начинающих молодых людей: "здесь они воспитывались и приготавливались к последующей литературной и научной деятельности... Здесь они встречались со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям"¹⁹. Это можно назвать педагогической функцией домашних сообществ.

❖ Исследуя роль литературных салонов в кристаллизации русской философии, следует не забывать о том, что они выполняли и задачу социализации, необходимую в формировании личности в процессе усвоения индивидом определенных знаний, норм, ценностей и оказывающая воздействие для их развития и выходы за рамки конкретного салона. Действительно, литературные салоны XIX века были не только средством формирования многих философских идей, но способствовали их распространению. Так, например, именно в салоне А.П. Елагиной "вырабатывалось и развивалось то направление православно-русское, которого душою и главным двигателем был Хомяков"²⁰, которое впоследствии назовут славянофильством. Константин Кавелин констатировал, что "в литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения"²¹. С помощью салонов происходит ориентация людей в области поведения, идеалов, направлений литературных или философских; они помогают выработке своей идеологической позиции по какому-либо вопросу или способствуют разработке жизненных ориентиров. Например, К.Д. Кавелин признавался, что он "безгранично был обязан на первой поре жизни многим салону Елагиной". В.А. Соллогуб утверждал: «В моей жизни три дома играли важную роль: дом Олениных, дом Карамзиных, дом Виельгорских. В первом доме я начал уважать искусство, во втором начал его любить, в третьем начал его понимать»²².

❖ Салоны имели и практическое значение. Ю. Арнольд вспоминает, что в подобном рода объединениях "идея возникала и обсуждалась, которая в последующие годы получала свое осуществление; довольно указать на идею, например, о женских гимназиях и об обществах посещения бедных"²³, сформулированную в салоне В.Ф. Одоевского.

Место салонов в формировании общественной мысли²⁴ и культуре России весьма существенно. Салоны и кружки, действительно имели серьезное значение в XIX веке не только как места формирования глубочайших идей, но и как объединения, открывшие многих талантливых людей того времени. Салон Смирновой оказал большое влияние на А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, приходившего читать сюда свои знаменитые сейчас произведения "Майскую ночь", "Миргород", "Сорочинская ярмарка" и др., Тургенева, В.Ф. Одоевского. Ф.И. Тютчев, Тургенев, Некрасов были постоянным посетителем салона М.Ю. Виельгорского и В.А. Соллогуба, который чрезвычайно привлекал их внимание, отчасти потому, что в среде этого общества господствовала "совершенная простота".

Следует отметить большую социальную роль кружков и салонов и важное место их в формировании культуры XIX века. Министр народного просвещения С.С. Уваров

¹⁸ Там же. С. 202

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том III. – СПб., 1899. – С. 1129-1131.

²² В.А. Соллогуб Воспоминания. Новые сведения о предсмертном поединке А.С. Пушкина. – М., 1866. – С. 5.

²³ Арнольд Ю. Воспоминания, вып. 2. – М., 1892. – С. 198

²⁴ Нас интересует прежде всего философская мысль.

признавал, что в тот период времени "домашние общества" имели более заметное влияние на современников, чем академии и государственные учреждения²⁵. Не случайно XIX век характеризуется повышенным вниманием тайной полиции к таким объединениям. Известно, что в связи с восстанием декабристов внимание следственной комиссии долго привлекала "Зеленая лампа", а от страха быть открытыми самоликвидировались любомудры. Герцена отправили в ссылку, когда полиция раскрыла его кружок. За принадлежность к кружку Петрашевского, несколько человек были приговорены к смертной казни и, испытав предсмертный ужас, прямо с эшафота отправившись в Сибирь на рудники. Среди них был, как мы помним, и Федор Достоевский. Н.О. Лосский считает, что главным предметом обвинения, приведшего писателя на эшафот, а потом на каторгу, стало "Письмо Белинского к Гоголю", которое мыслитель прочитал в этом кружке²⁶.

Итак, кружки и салоны как формы некоторого объединения, были окружены в николаевскую эпоху системой шпионажа, провокации, запрещения. Против них боролись – значит, они имели серьезное значение для формирования культуры России XIX века. О том, что они были крупным общественным фактором, свидетельствуют многие высказывания²⁷. Например, Герцен считал, что появление кружков – это "естественная потребность тогдашней русской жизни", так как "возбужденная мысль требовала выхода"²⁸. Иметь кружки и салоны на своей стороне – значило в то время иметь сильное влияние на русскую общественность.

Кроме того, именно литературные салоны дали мощный толчок к созданию философских обществ, существующих долгое время и являющихся важнейшим образованием культуры России. Первая попытка (как выяснилось позднее, неудачная) создать такое объединение – философское общество – была предпринята в Петербурге лишь в 1880 г. Большую роль в решении образовать философское общество сыграли лекции Вл. Соловьева, прочитанные им от "Общества Любителей Духовного просвещения" в 1878 г. Тематика прочитанных им лекций выявила наметившийся рост общественного интереса к собственно философским, "метафизическим" вопросам – и в начале следующего года в среде участников прошедших чтений и их наиболее заинтересованных слушателей возникла идея организации научного общества, занятого, прежде всего, философскими задачами.

В заключение следует отметить – XIX столетие смело можно назвать "временем салонов": настолько много их существовало, что все перечислить невозможно. Эта тема по праву заслуживает своего исследования. О некоторых важных задачах салонов в формировании и кристаллизации философской мысли мы показали на примере салонов А.П. Елагиной, З.А. Волконской и В.Ф. Одоевского. Однако следует изучить деятельность влиятельных салонов А.Н. Оленина, Е.А. Карамзиной, А.О. Смирновой, Е.М. Хитрово-Д.Ф. Фикельмонт, М.Ю. Виельгорского и В.А. Соллогуба, Е.П. Ростопчиной и других. Литературные салоны были действительно знаковым явлением культуры России XIX столетия, серьезным подготовительным этапом на пути формирования философских обществ. Но, несмотря на все положительные свойства этих объединений, ради объективности, следует отметить и их некоторые отрицательные моменты. К недостаткам литературных салонов XIX века, на наш взгляд, следует отнести крайнюю степень их хаотичности. Появлялись и исчезали все литературные салоны совершенно бессистемно. Невозможно даже зафиксировать их точное, или хотя бы приблизительное количество. Только примерно можно назвать число представителей того или иного салона. И далее, отличительной особенностью литературных салонов является их оторванность от широких народных масс. Преимущественно сюда входили люди знатных сословий, знаменитые своими дарованиями в какой-либо области, или просто

²⁵ Коллюпанов Н.П. Биография А.И. Кошелева. – М., 1889. Т. 1. Кн. 1. – С. 53

²⁶ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994 – С. 46-50

²⁷ Кавелин К.Д.: «В литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения» // Собр. Соч. Кавелина К.Д. Том 3. – СПб., 1899. – С. 1129-1131

²⁸ Герцен А. Былое и думы. – СПб., 1913. – т. II, С. 413

родственники, знакомые хозяев. Тем не менее заслуга их в формировании и распространении отечественных философских идей несомненна: русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии.

Список литературы

1. Чалмаев В.А. И.С. Тургенев. Жизнь и творчество: Литературно-критический очерк. – Тула, 1989.
2. "Объяснительная записка к проекту Устава философского Общества" Правителя дел Савваитова. N323 28 Мая 1880 // Вопросы философии №1, 1999. – М.
3. Чалмаев В.А. И.С. Тургенев. Жизнь и творчество: Литературно-критический очерк. – Тула, 1989.
4. Кавелин К.Д. А.П. Елагина. Соч. – СПб., 1899. – т.3.
5. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М., 2001.
6. Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами. – Киев, 1871.
7. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М., 2001.
8. Соллогуб В.А. Воспоминание о кн. В.Ф. Одоевском. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869.
9. Тимирязев Ф. Кн. В.Ф. Одоевский. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869.
10. Соллогуб В.А. Воспоминание о кн. В.Ф. Одоевском. "В память о кн. В.Ф. Одоевском". – М., 1869.
11. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – Л., 1928.
12. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001
13. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том III. – СПб., 1899.
14. Арнольд Ю. Воспоминания, вып. 2. – М., 1892.
15. Колюпанов Н.П. Биография А.И. Кошелева. – М., 1889. Т. 1. Кн. 1.
16. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994
17. Собр. Соч. Кавелина К.Д. Том 3. – СПб., 1899.
18. Герцен А. Былое и думы. – СПб., 1913. – т. II.
19. В.А. Соллогуб Воспоминания. Новые сведения о предсмертном поединке А.С. Пушкина. – М., 1866.
20. А.Ф. Тютчева При дворе двух императоров. – Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.
21. Ф. Вигель Записки. – М., 1892. – Т. 2, ч. 3
22. А. И. Кошелев. Воспоминание о Хомякове. – "Р.А. ", 1879. – кн. 3.
23. Стрельцов А.С. Философия и культура в русской мысли 19-нач.20 вв.: интегральный анализ: Научное издание. – М. 2003.
24. Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М. 1994.
25. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.1970.

THE RUSSIAN LITERARY SALONS OF 19 CENTURY: THE BEGINNING OF NATIONAL PHILOSOPHICAL CULTURE CRYSTALLIZATION

E.V. SEMENOVA

*Kaluga State Pedagogical
University named after
K. E. Tsiolkovsky*

*e-mail:
19kat82@mail.ru*

This article is dedicated to the research of the causes, the problems, the places and the significances of the literary salons, (отражающих the synthesis of the literary-philosophical idea in Russian culture 19 century) for the progress and the dissemination of the philosophical ideas of our country. We are revealed that exactly the literary salons are the beginning of national philosophical culture crystallization.

Key words: the literary salon, the philosophical society, the literary-philosophical synthesis, the socialization and others.

РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ИМИДЖЕМ МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Б.А. ТХОРИКОВ¹⁾

И.В. СПИЧАН²⁾

*¹⁾Белгородский госу-
дарственный универ-
ситет*

e-mail: Tkhorikov@bsu.edu.ru

*²⁾Белгородский госу-
дарственный универ-
ситет*

e-mail: Spichan@bsu.edu.ru

В статье описан алгоритм разработки технологии управления имиджем медицинского учреждения. Обосновано влияние имиджевой работы на медицинскую и социальную эффективность деятельности учреждения здравоохранения на примере ОГУЗ «Белгородская областная клиническая психоневрологическая больница».

Ключевые слова: медицинское учреждение, имидж, имиджевая среда, технология управления.

Введение

Медицинское учреждение (МУ) является одним из важнейших социальных институтов, на которое возложена огромная социальная ответственность за сохранение и улучшение здоровья граждан. Однако в современных социально-экономических условиях МУ имеет целый ряд нерешенных проблем, связанных с недостаточным ресурсным обеспечением, не укомплектованностью медицинскими кадрами, отсутствием современных административных управленческих механизмов и прочее. Одной из причин данных пробелов в работе является неготовность медицинского учреждения к рациональному и адекватному взаимодействию с социальной средой, в которой происходит его функционирование и от которой полностью зависит эффективность деятельности и степень выполнения социальной цели и миссии МУ¹.

Перспективным направлением оптимизации деятельности МУ является решение имиджевых проблем, связанных, главным образом, с упрочением и развитием социальных связей учреждения здравоохранения. Акцентированное ресурсное воздействие на удовлетворение потребностей и ожиданий контрагентов социальной среды МУ, способствует получению большей отдачи и благоприятно отражается на работе организации. Вместе с тем, в отечественной литературе не выявлено исследований, позволяющих концептуально обосновать подходы к использованию имиджа МУ в качестве элемента, катализирующего развитие социальных отношений.

Целью данного исследования разработка технологии управления имиджем МУ.

Для решения данной проблемы разработана система исследований имиджа медицинского учреждения, включающая три основных направления:

- 1) теоретическое изучение влияния имиджа на социально-экономическое развитие медицинского учреждения;
- 2) диагностика имиджевой среды медицинского учреждения;
- 3) разработка технологии управления имиджем медицинского учреждения, ее апробация и обоснование универсальности технологии на примере МУ, отличающихся спецификой деятельности, а также географическим положением и социально-экономическими тенденциями развития соответствующих регионов.

При этом были использованы методы: социологические, вариационной статистики, стратегического управления, маркетинга, математического моделирования.

¹ Воробьев, А.Д. Методология стратегического менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – №6. – С. 127-130, Урсова Т.И. Хмелевская И.Г. Формирование благоприятного имиджа аптеки // Новая аптека. – 2003. – № 4. – С. 21-26.

Так, на первом этапе исследования в ходе теоретического изучения влияния имиджа на социально-экономическое развитие медицинского учреждения выявлены основные проблемы МУ, сгруппированные нами по трем направлениям: 1) социальные – недостаточное изучение социального окружения МУ, слабое социальное влияние МУ в обществе; 2) экономические – низкая экономическая мобильность и ресурсообеспеченность МУ, ограниченность дополнительных источников финансирования; 3) организационно управленческие – отсутствие управленческих методов и приемов улучшения взаимодействия МУ с контактными окружением.

Изучена структура имиджа организации с позиции различных авторов, проанализированы практические подходы к формированию имиджа различных организаций с целью определения алгоритма разработки имиджа МУ, выявлено значение имиджевой работы для повышения эффективности деятельности учреждений здравоохранения.

Второй блок исследования, по нашему мнению, должен включать диагностику имиджевой среды МУ. На этом этапе целесообразно рассмотреть МУ с позиции системного подхода, выделить факторы влияния макро- и микроуровня имиджевой среды и оценить степень их воздействия на учреждение здравоохранения, определить ключевых контрагентов МУ, а также доказать их превалирующие влияние с помощью разработанной эконометрической модели структуры имиджа. Цель данной модели заключается в получении с помощью корреляционно-регрессионного анализа статистически достоверных данных о силе воздействия отдельных имиджевых контрагентов на совокупный имидж МУ. Данный подход позволяет сформировать структуру имиджа учреждения, соответствующую изученной имиджевой микросреде и определить участников имиджевого окружения, оказывающих наибольшее влияние на совокупный имидж МУ.

Исходя из того, что каждый участник окружения МУ оказывает прямое влияние на процессы, то их можно дифференцировать по принципу маркетинговой среды² и выделить соответствующие блоки в совокупном имидже МУ. Так, в установлено, что совокупный имидж учреждения здравоохранения формируют следующие основные контрагенты:

- пациенты – имидж пациентов;
- медицинский персонал – внутренний имидж;
- деловые партнеры – бизнес-имидж;
- государственные структуры – имидж у госструктур;
- общественность – социальный имидж;
- конкуренты – конкурентный имидж.

Установив, что совокупный имидж МУ является системой, складывающейся из отдельных блоков, сформированных каждым из участников микроуровня имиджевой среды, следует предположить, что данная система может быть эффективно управляемой. Приняв это во внимание целесообразно дифференцировать работу медицинского учреждения по субъектам, на которые она направлена, и выявить проблемные зоны на всех участках и этапах работы учреждения здравоохранения путем исследования каждого блока имиджа и установления с ним взаимосвязи.

Данный подход положен в основу разработанной нами на третьем этапе исследования технологии управления имиджем медицинского учреждения, которая включает шесть этапов:

- I этап – определение структурных факторов имиджа МУ;
- II этап – формирование интегральной модели имиджа;
- III этап – социологическое исследование имиджевых контрагентов;
- IV этап – проведение комплексного анализа имиджа;
- V этап – формирование и реализация программы оптимизации имиджа;
- VI этап – оценка экономического эффекта программы оптимизации имиджа.

² Дремова Н.Б., Соломка С.В. Маркетинговые исследования потребителей медицинских и фармацевтических товаров и услуг. – Курск: КГМУ, 2001. – 94 с., Малхотора, Н.К. Маркетинговые исследования: Практическое руководство. – М.: Вильямс, 2002. – 512 с.

На первом этапе определена структура каждого блока совокупного имиджа. Так как имиджевые процессы, по нашему мнению, относятся к слабоструктурированным системам, которые невозможно однозначно описать и формализовано исследовать, в ходе их анализа и прогнозирования осуществлена экспертная оценка высококвалифицированными специалистами. Так, в частности, выявлено, что имидж у пациентов структурно формируют следующие факторы:

- 1) «Социально-демографические характеристики потребителя услуг»;
- 2) «Цель, миссия, стратегия ЛПУ» – свидетельствуют о важности и значимости работы ЛПУ для респондента;
- 3) «Работа персонала ЛПУ» – выражают объективную оценку удовлетворенности респондентов работой медицинского персонала ЛПУ, их профессионализмом, уровнем общей культуры и медицинской этики медперсонала, самостоятельностью и инициативностью работников.
- 4) «Процесс оказания медицинской помощи» – позволяют дать оценку организации оказания различных видов медицинской помощи в конкретных лечебных отделениях и конкретными специалистами;
- 5) «Качество медицинской помощи» выражают отношение респондентов к доступности, качеству и существующим объемам медицинской помощи;
- 6) «Визуальное восприятие ЛПУ» оценивают комфортность пребывания в ЛПУ, степень соблюдения санитарно-гигиенического режима, дизайн внутренней планировки, прилегающей территории и т.п.

На втором этапе, после выделения экспертами показателей для оценки структурных факторов, влияющих на каждый элемент совокупного имиджа, построена интегральная модель имиджа МУ³.

Данная модель позволяет осуществить планирование, организацию и разработку методического обеспечения социологического исследования имиджевых контрагентов, реализованного нами на третьем этапе.

С этой целью определены целевые аудитории, осуществлено управление событиями⁴, выбор методов исследования и разработан исследовательский инструментарий: 6 специальных социологических анкет (для каждой группы имиджевых контрагентов МУ) и таблицы для статистической обработки результатов исследования.

На четвертом этапе осуществлен комплексный анализ имиджа МУ. Полученная в ходе социологического исследования информация была подвергнута статистической обработке, количественно-качественной оценке и SWOT-анализу, в ходе которого определены сильные и слабые стороны учреждения здравоохранения в имиджевой работе, возможности и угрозы внешней среды.

На основании полученной информации на пятом этапе определены приоритетные направления программы оптимизации имиджа МУ.

На шестом этапе для оценки экономической эффективности программы оптимизации имиджа МУ нами разработана технология, в ходе которой эффект рассчитывается как кумулятивная сумма расходов и доходов напрямую зависящих от отношения имиджевых субъектов МУ к его деятельности, взятых за определенный период времени (формула 1).

$$\text{Экономический эффект (ЭЭ)} = (Pc_0 - Pc_1) + (Ptk_0 - Ptk_1) + (Pш_0 - Pш_1) + (Pдр_0 - Pдр_1) + (Дпму_1 - Дпму_0) + (Дцф_1 - Дцф_0) + (Лп_1 - Лп_0) + (Ддр_1 - Ддр_0) \quad (1)$$

где, O – значение в базисном периоде;

1 – значение в текущем периоде.

На основании логического анализа к таковым мы отнесли очевидные в данном аспекте доходы и расходы МУ, а именно:

- судебные расходы и выплаты по судебным искам (Pc) – данная группа расходов зависит от имиджа у пациентов и внутреннего имиджа, то есть от профессионализма сотрудников МУ и стремления пациентов довести прения сторон до судебного разбирательства;

³ Эльсгольд, Л.Э. Вариационное исчисление. – М.: КомКнига, 2006. – 205 с.

⁴ Аги У. Самое главное в PR. – СПб.: Питер, 2004. – 560 с.

- расходы, связанные с текучестью кадров ($P_{тк}$) – зависят от внутреннего имиджа МУ, то есть от кадровой политики администрации, престижности работы, трудовых условий и т.п.;
- выплата штрафов, пени и так далее ($P_{ш}$) – зависят от различного рода нарушений и невыполнения договорных обязательств и серьезным образом влияют на имидж у государственных структур, бизнес-имидж и внутренний имидж МУ;
- доход от реализации платных медицинских услуг (ПМУ) – находится в непосредственной связи с конкурентным, внутренним имиджами и имиджем у пациентов ($D_{пму}$), то есть зависит от конкурентных позиций МУ, его способности оказывать ПМУ должного качества и объема, степени доверия пациентов к работе МУ;
- дополнительное целевое финансирование – зависит от имиджа у государственных структур, от их удовлетворенности работой МУ ($D_{цф}$);
- льготы поставщиков ($L_{п}$) – определяются бизнес-имиджем ЛПУ, желанием контрагентов поддерживать и развивать сотрудничество с лечебным учреждением как деловым партнером;
- другие доходы ($D_{др}$) и расходы ($P_{др}$) – любые доходы и расходы, которые, по мнению экспертов или администрации МУ, необходимо учесть в оценке экономического эффекта имиджа.

Таким образом, в процессе реализации разработанной технологии возможно детальное изучение имиджа МУ, формирование программы по оптимизации имиджевой работы и оценка ее экономической эффективности.

Апробация технологии управления имиджем осуществлена на базе ОГУЗ «Белгородская областная клиническая психоневрологическая больница» (ОГУЗ «БОКПНБ») и МУЗ «Центральная городская больница ЗАТО г. Заозерска Мурманской области» (МУЗ «ЦГБ г. Заозерска»).

На основании полученной интегральной модели имиджа медицинского учреждения и в соответствии со вторым этапом технологии управления имиджем МУ проведено социологическое исследование имиджевых контрагентов ОГУЗ «БОКПНБ» и МУЗ «ЦГБ г. Заозерска» в период 2005-2007гг. Всего в исследовании приняло участие 770 респондентов.

Так, в частности, по состоянию на 2005-2007гг. оценка имиджа ОГУЗ «БОКПНБ» составила 3,5 балла (коэффициент вариации (K_v) – 22,66 %): имидж пациентов – 3,2 балла (K_v – 20,64 %), социальный имидж – 3,1 балла (K_v – 35,31 %), бизнес-имидж – 3,5 балла (K_v – 20,25 %), имидж государственных структур – 4,1 балла (K_v – 17,79 %), конкурентный имидж – 3,5 балла (K_v – 20,54 %), внутренний имидж – 3,5 балла (K_v – 21,45 %).

Согласно нашей методике, состояние общего имиджа ОГУЗ «БОКПНБ» можно охарактеризовать как удовлетворительное. SWOT-анализ указывает на наличие ряда слабых сторон в имидже, в том числе недостаточный объем информации о деятельности ОГУЗ «БОКПНБ» предоставляемой в СМИ, консервативные методы ведения бизнеса, узкий спектр оказываемых медицинских услуг, отсутствие фирменной символики и другие.

Располагая достоверными материалами о причинах препятствующих более эффективному взаимодействию с социальными партнерами, разработана и реализована программа, направленная на их устранение. Определена экономическая эффективность внедрения данной программы. Так, в частности, за счет оптимизации только социального имиджа и имиджа пациентов доход от реализации всех видов платных медицинских услуг в IV квартале 2007 года увеличился в среднем на 25,0 %.

Результаты исследования предоставлены администрации ОГУЗ «БОКПНБ» и МУЗ «ЦГБ г. Заозерска»

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что применение технологии управления имиджем МУ способствует:

- 1) упорядочиванию административного ресурса за счет дифференциации имиджевой работы МУ по субъектам, на которые она направлена, и выявлению проблемных зон на всех участках и этапах работы учреждения здравоохранения;

2) повышению социальной значимости МУ в обществе с помощью оптимизации социального взаимодействия с контактными окружением;

3) сокращению расходов и увеличению доходов по бюджетной и внебюджетной деятельности на основе нивелирования негативных моментов в имидже МУ.

Список литературы

1. Воробьев, А.Д. Методология стратегического менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – №6.
2. Урсова Т.И. Хмелевская И.Г. Формирование благоприятного имиджа аптеки // Новая аптека. – 2003. – № 4.
3. Дремова Н.Б., Соломка С.В. Маркетинговые исследования потребителей медицинских и фармацевтических товаров и услуг. – Курск: КГМУ, 2001.
4. Малхотора, Н.К. Маркетинговые исследования: Практическое руководство. – М.: Вильямс, 2002. – 512 с.
5. Эльсгольц, Л.Э. Вариационное исчисление. – М.: КомКнига, 2006. – 205 с.
6. Аги У. Самое главное в PR. – Спб.: Питер, 2004. – 560 с.

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY OF MANAGEMENT BY IMAGE OF MEDICAL INSTITUTION

B.A. TKHORIKOV¹⁾

I.V. SPICHAK²⁾

¹⁾Belgorod State University

e-mail: tkhorikov@bsu.edu.ru

²⁾Belgorod State University

e-mail: spichak@bsu.edu.ru

In clause the order of development of technology of management is described by image of medical institution. Influence of work above image on medical and social efficiency of establishment of public health services on an example of hospital is proved.

Key words: medical institution, image, image environment, technology of management.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПОРТИВНОЙ КОМАНДЫ

Е.В. ШАПКИНА

*Институт социаль-
но-политических ис-
следований РАН*

*e-mail:
ytro10@rambler.ru*

В статье рассмотрена юношеская спортивная команда через призму понятия командная идентичность. На основе анализа работ ведущих социологов, психологов и антропологов XIX – XX в.в. выработаны показатели измерения командной идентичности, к которым относятся групповая сплоченность, направленность деятельности игрока на «процесс – результат», ориентация «на себя – команду», общность ценностей. При помощи, как авторских методик, так и стандартных методов исследования малых групп описана командная идентичность юношеской хоккейной команды, на основании которой выработаны и предложены рекомендации по развитию командной идентичности и повышению результативности данного коллектива.

Ключевые слова: командная идентичность, спортивная команда, социально-психологический климат, групповая сплоченность, направленность деятельности, ценностные ориентации, эмпирическое измерение.

Основная нагрузка по подготовке спортсменов высокого класса ложиться на детско-юношеские спортивные школы (ДЮСШ). Причем освоение профессии спортсмена в ДЮСШ неразрывно связано с формированием у ребенка основополагающих человеческих навыков, таких как, типы общения с другими людьми, формы контроля за собственным поведением и эмоциями, способы удовлетворения основных потребностей, оценочное отношение к различным явлениям окружающего мира и т. д. Это заложено в определении ДЮСШ¹ и связано с процессами социализации, протекающих в рамках данного учебного заведения.

«Тренировка в хоккее – процесс спортивного совершенствования игроков, опирающийся на определенные научно-педагогические принципы. Планомерное и систематическое развитие врожденных и приобретенных способностей и качеств должно привести игрока к относительно высоким результатам. Совершенствование игрока всегда должно исходить из единства обучения и воспитания»².

Для повышения результативность команд в игровых видах спорта, которая не всегда зависит только от физических и технико-тактических умений и навыков, интересна и актуальна проблема изучения групповой идентичности спортивной команды. Победа в игровых видах спорта во многом зависит от «командного духа», который основывается, в первую очередь, на сходстве ценностей, целей и социальных установках и только потом на психологическом сходстве членов команды. Изучение специфики и развитие «командного духа» в конкретном коллективе, а в научной терминологии групповой идентичности спортивной команды – необходимый компонент, как повышения результативности отдельной команды, так и развития моральноустойчивой личности в рамках общества.

Так как в данной статье речь пойдет о групповой идентичности спортивной команды, то допустимо употреблять понятие командная идентичность, как синоним групповой идентичности, и интерпретировать данное понятие, как социально-психологический групповой феномен, объективно выражающийся в сыгранности, а субъективно в чувстве общности членов команды, обозначаемым оппозицией «Мы» – «Они».

Одной из составляющей командной идентичности выступает групповая сплоченность, которая означает, что данный состав группы интегрирован наилучшим образом, что в нем достигнута особая степень развития отношений, а именно такая сте-

¹ См: Нормативно-правовые основы, регулирующие деятельность спортивных школ: М-во образования РФ. – М., 1995

² Горский Л. Тренировка хоккеистов. – М.: ФиС, 1981 – С.7

пень, при которой все члены группы в наибольшей мере разделяют цели групповой деятельности и те ценности, которые связаны с этой деятельностью, т.е. они осознают свое членство и принадлежность к данной группе³.

Для изучения особенностей межличностных отношений в команде, в частности определения уровня сплоченности группы и выявления потенциальных лидеров, использовалась социометрическая методика. Для выявления особенностей восприятия и понимания спортсменами друг друга в спортивном общении, отражающих свойства командной сплоченности использовался опросник Ф.Филдера.

Для изучения структуры спортивной команды с позиции социокультурных составляющих, мы нашли необходимым ввести эталонные переменные, которые наилучшим образом отражают степень групповой идентичности и ее особенности. Согласно Т. Парсонсу, «эталонные переменные – это дихотомии, одну сторону которых должен выбрать актер, прежде чем значения ситуации станет для него определенным, и, следовательно, прежде, чем он сможет действовать с учетом этой ситуации»⁴.

Изучая структуру социального действия, Т. Парсонс выделил ряд моментов, при которых человек, встречаясь с объектами в ситуации, сталкивается с дилеммой о том, как решиться их рассматривать⁵. Рассматривать ли их с точки зрения того, чем они являются сами по себе, или же с точки зрения того, что они могут сделать или как они могут повлиять своими действиями. Эта дилемма может быть разрешена посредством отдания предпочтения, в релевантных моментах выбора, аспекту «качество» социальных объектов как фокусу этого выбора или деятельности этих объектов и ее результатам.

Для реализации цели данной работы более удобным является разделение эталонной переменной не на «качество – результативность», а разделение на «ориентация на процесс – ориентация на результат». При этом под «ориентацией на процесс» подразумевается осознание индивидом совокупности действий, обуславливающих переход к качественно новому состоянию, связанных, в спортивной практике, с более опосредованными мотивами занятий спортом: любовь к хоккею, удовольствие от самого занятия спортом (движение, игра, соперничество), удовлетворение духовных потребностей (стремление чувствовать себя членом референтной спортивной команды или школы, общаться с товарищами) и т.д.

Под «ориентацией на результат» понимается осознание индивидом своих спортивных целей, стремление к достижению высоких результатов, к самовыражению и самоутверждению через спорт, желание получить материальные блага и т.д.

Вторая пара эталонных переменных, обозначаемая как «ориентация на себя – ориентация на команду», встречается в ситуации, когда существует дисгармония интересов, порождающая проблему выбора между действием в пользу собственных или в пользу коллективных целей. Эту проблему индивид может разрешить, либо отдавая предпочтение интересам, целям и ценностям, которые общи у него с другими членами данного сообщества, либо отдавая предпочтение собственным личным, частным интересам, не рассматривая того, как они сочетаются с интересами коллективными.

Соответственно, «ориентация на себя» предписывает допустимость для индивида в данном типе ситуации отдать предпочтение возможности осуществить личные интересы независимо от того, какого содержания этих интересов и какого направления интересов других членов данного сообщества, т.е. без учета возможности конфронтации, тем или иным путем, с интересами коллектива, членом которого он является.

«Ориентация на команду» предполагает, что индивид в ситуации данного типа непосредственно учитывает в своем выборе те ценности, которые общи для него и других членов коллектива. Этим определяется его чувство долга, ответственности перед тренером и товарищами по команде.

С целью выявить доминирующую направленность деятельности игроков была разработана методика эмпирического измерения, которая состоит из двух блоков индикаторов и позволяет определить ориентацию игрока на процесс – результат и ориентацию на себя или команду. В целом инструментарий включает 24 пары суждений.

³ Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2004. – С.212.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 505.

⁵ Там же: С. 506.

Для получения более объективной информации суждения в анкете повторялись дважды. В первом случае сопоставлялись подгруппы материальный стимул – референтная группа (подразумевает стремление и желание делать что-либо в данном коллективе) и социальный престиж – любовь к спорту, а во втором случае сопоставлялись подгруппы материальный стимул – любовь к спорту, социальный престиж – референтная группа. Это было сделано с учетом, что один фактор может иметь разную значимость при сопоставлении с различными условиями.

Для определения доминирующей направленности игроков по отношению к команде респонденту также предлагалось из пары суждений выбрать то, которое ближе ему по духу и которое в большей степени отражает его взаимоотношения с партнерами по команде и отношение к команде в целом. Из двух пар суждений одно содержало направленность личности на команду, а второе – ориентацию человека на себя и на индивидуальные действия.

При дальнейшей разработке данной проблемы, мы пришли к выводу, что важно знать не только доминирующий тип направленности, как отдельного игрока, так и команды в целом, но и важно знать, насколько значима данная ориентация как самоценность для личности (без ситуации выбора), насколько человек стремиться к ее реализации. Поэтому команде выдавалась еще одна анкета, в которой, в отличие от выше описанной, игрокам предлагалось ответить на вопрос (выразить в количественных показателях), ради чего они так упорно занимаются спортом, что и в какой мере им особенно ценно из предложенного в опроснике списка суждений. Данные суждения также отражают ориентации на процесс и результат.

На основе методики «Ценностные ориентации» М. Рокича была разработана анкета, которая включала список терминальных (ценности-цели) и список инструментальных (ценности-средства) ценностей. В отличие от основной методики список ценностей был сокращен с 18 до 8. Проводимые ранее исследования по изучению ценностных ориентаций подростков, определили наиболее актуальные ценности для данной возрастной группы, что позволило нам сократить предлагаемый список в анкете⁶. Разработанный бланк опроса содержал только те ценности, которые, по нашему мнению и по мнению тренерского штаба, наиболее актуальны как для возраста, так и для деятельности опрашиваемых. Сначала респондентам предлагалось проранжировать (определить позиции с первого места по восьмое место) отдельно терминальных и инструментальных ценностей по степени их значимости. Затем респондентам было предложено расположить ценности по их степени значимости на данный этап жизни (в 1-ю очередь, во 2-ю очередь и т.д.), причем в данном случае все ценности были сведены в одну таблицу.

Для эмпирического определения факта осознания личностью себя как принадлежащей группе, в социальной психологии используется особая методика – тест М. Куна и Т. Макпартленда, известного под название «Тест 20 ответов»⁷. Суть методики заключается в том, что человеку на вопрос «Кто Я?» надо дать не менее 20 ответов. Как установлено в ряде исследований, пропорция ответов, упоминающих группу принадлежности, весьма велика (по сравнению с упоминанием личностных качеств), что свидетельствует о значимости для человека ощущать себя членом группы.

Учитывая, что в рамках проводимого социологического анализа, надо было выявить отношение личности к принадлежности к конкретной группе (спортивной команде), осознание личностью себя как члена данного коллектива и определить степень тождества всех членов данной команды по отношению к своей группе и к членству в ней, то методика «Тест 20 ответов» не совсем соответствовала целям данной работы. Поэтому, на основе выше описанной методики, была разработана авторская анкета. В нашем опросе респонденту после объемной преамбулы, повествующей о том, что команды отличаются не только цветом формы, но и по стилю игры, определенными традициям и ритуалам и что человек, принадлежащей к какой-либо группе, как правило, осознает себя частью этой группы и имеет представление об особенностях, отли-

⁶ Попова М.В. Психология растущего человека: краткий курс возрастной психологии. – М., 2002. – С.95.

⁷ Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2004. – С.305

чающих его группу от других, задавался вопрос. Респондента просили написать, что значит для него его команда, что в ней особенного, и чем она, по его мнению, отличается от других команд данной возрастной группы. На вопрос «Динамо-90 – это ...» игрок должен был дать не больше пяти ответов. Предложенный вопрос направлен на определение степени идентичности членов спортивной команды, а также на выявление особенностей групповой идентичности данной команды.

Во втором блоке анкеты респонденту предлагалось ответить, чтобы он изменил (в тренировках, в играх, в отношениях между ребятами и т.д.) для улучшения результативности своей команды. При интерпретации ответов предполагалось получить информацию о тех проблемах, которые беспокоят команду, а также сведения о том, насколько схожи мнения игроков относительно существующих в клубе проблем. Вторая часть вопроса, к тому же, является косвенным показателем командной идентичности.

Для получения информации о прошлом, настоящем и будущем изучаемых людей, субъективной и поведенческой информации в предлагаемом исследовании использовался метод интервью, который можно обозначить как свободное, т.е. максимально неформализованное и неунифицированное⁸. Подобная практика позволила исследовать интересующую проблему с точки зрения респондента, на его языке и определила не иерархический, не властный, диалоговый, субъект-субъектный характер отношений между исследователем и изучаемым человеком, группой.

В качестве еще одного метода сбора информации использовалось включенное наблюдение. Включенное наблюдение использовалось 1) при общении в свободное от тренировок и опросов времени; 2) при раздаче анкет игрокам в раздевалке. Цель использования наблюдения в данном исследовании – стремление понять точку зрения исследуемых, реконструировать субъективный смысл, которые игроки вкладывают в свои поступки для того, что бы представить опыт изучаемых членов команды, их видение ситуации.

Так как данный вид наблюдения относится к включенному бесструктурному наблюдению, то для регистрации событий использовался дневник наблюдения, в котором в свободной форме записывались наблюдаемые события, реплики, обрывки разговоров, фрагменты интервью, а также личные впечатления и аналитические пометки.

По степени включенности исследователя в изучаемый процесс роль исследователя можно обозначить как «участник-наблюдатель»⁹. Это форма наблюдения, при которой исследователь не скрывает своей роли и с согласия коллектива наблюдает его жизнь в течение определенного времени, имеет возможность беседовать с его членами, принимать участие в обсуждении проблем коллектива.

Никто не утверждает, что без спортивной субкультуры человек не станет полноценной личностью, но если он все же попал в данное сообщество, пропустил через себя ее особенности на первом этапе инкультурации, то его жизнь определенным образом будет структурирована в рамках социокультурных аспектов спортивного сообщества, даже по окончании спортшколы без продолжения профессиональной деятельности.

Поэтому социология, не выпуская из поля зрения человека, должна выработать представление о структуре конкретного сообщества, с целью более детального изучения спортивной деятельности, ее особенностей, влияния на каждого конкретного человека (с его особенностями); для разработки рекомендаций по оптимизации культурно-нравственных аспектов тренировок; для плодотворного и безболезненного сопоставления общечеловеческой и спортивной культур (как на уровне профессионального, любительского, детского спорта, так и на уровне зрительской аудитории).

В результате социометрического опроса, направленного на выявление эмоциональных отношений в команде и ее социально-психологической структуры, получены следующие результаты¹⁰. Изучаемая группа, как целое, отличается невысоким уровнем

⁸ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. – Самара, 2004. – С. 209.

⁹ Там же.

¹⁰ Рабочая книга социолога/ Под общ. ред. В.Г. Осипова. – М., 2003. – С.329.

сплоченности, т.е. теснотой связей между ее членами. Это объясняется, в первую очередь, тем, что внутренняя структура команды поделена на две подгруппы, а, во-вторых, команда неоднородна по физическому развитию и техническим навыкам игроков.

При составлении социограммы с произвольным расположением членов элементов структуры явно прослеживается разнокачественность эмоциональных ядер в группе по различным критериям. В социограмме, отражающей структуру неформальных взаимоотношений, четко выделяется ядро, состоящее из взаимно и положительно связанных членов (8 человек) и периферия, которую также можно объединить в подгруппу.

Первую подгруппу можно обозначить как лидерское ядро или лидерская подгруппа, т.к. она наиболее сплочена, ее образуют ребята, обладающие (в большинстве случаев) высоким статусом в команде и высокими показателями результативности. По результатам социометрического опроса, как и по результатам наблюдения, прослеживается, что на данную подгруппу, ее эмоциональное состояние и деятельность, ориентируется остальная часть команды.

Вторая подгруппа состоит из слабо связанных между собой членов, но отличается крепкими диадными связями. Члены первой подгруппы не выбирают членов второй подгруппы. При чем обращает на себя внимание тот факт, что во вторую подгруппу входят практически все ребята, которые начинали свою спортивную деятельность в СДЮШОР «Динамо», а первая подгруппа состоит из игроков, которые сменили свои спортивные школы на «Динамо», причем их появление в команде было не одновременно.

В результате социометрического опроса в изучаемой спортивной группе прослеживалось наличие изолированных членов. Результаты наблюдения эти данные опровергают – в эмоциональных взаимоотношениях участвуют все члены команды, но контакты некоторых из них могут ограничиваться границами той подгруппы, к которой они принадлежат. Наличие изолированных членов по социометрическим данным может быть вызвано тем, что количество выборов было ограничено (не более 4-х человек).

При интерпретации данных по формальным критериям была получена информация, которая заслуживает пристального внимания со стороны руководства команды. На вопрос «С кем из товарищей по команде ты хотел бы разучивать технику упражнений в паре» были получены неоднозначные результаты. С одной стороны, желания ребят не совпадали с формальной структурой команды (в большинстве случаев выбирались партнеры не из своего звена или не было взаимных выборов в рамках одной пятерки), а с другой стороны – выбор партнера для упражнений так же не всегда совпадал с привычным кругом общения в рамках команды (т.е. дружу с одними, а тренироваться предпочитаю с другими).

Позиция капитана команды совпадает с позицией формального лидера. Так же в команде имеются игроки, обладающие высоким неформальным статусом и которых, в свою очередь, можно поделить на «спортивных» (деловых) лидеров и «дружеских» (эмоциональных или внедеятельностных) лидеров. Капитан команды, помимо высокого формального статуса, обладает еще и высоким неформальным статусом среди ребят второй подгруппы.

Обобщив результаты социометрического опроса, наблюдения за игроками на тренировках и в свободное время перед тренировками и играми, а также на основе беседы с ребятами, можно сделать вывод, что наличие двух подгрупп в команде не приводит к межличностным конфликтам, но и не делает команду более сыгранной. В команде не наблюдается межгрупповое соперничество, лидерское ядро существует относительно независимо от второй подгруппы, не включает ее в свои эмоциональные отношения, но и не притесняет членов другой подгруппы. В свою очередь вторую подгруппу вполне устраивает данное положение, она не стремится слиться воедино с лидерским ядром, но в эмоциональном плане очень зависима от первой подгруппы. При этом визуально наблюдается, что одни члены второй подгруппы легко общаются с ребятами из первой группы, в то время как другие игроки из этой же подгруппы предпочитают контактировать с ребятами первой подгруппы только в случае необходимости.

Для более полного изучения восприятия спортсменами своей команды и атмосферы в ней, которая непосредственно отражается на групповой идентичности, игрокам был предложен опросник Ф. Филдера. Результаты этого опроса показали, что ребята благоприятно оценивают атмосферу в команде. Причем в целом по команде атмосфера по отношению к себе лично оценивается более благоприятно (64,6%), чем атмосфера в группе вообще (62,5%). Необходимо отметить, что менее благоприятно атмосферу в команде оценивали лидеры команды и наиболее результативные игроки.

Выявляя ориентацию игроков относительно их направленности на «процесс – результат» и «на команду – на себя» мы получили данные, свидетельствующие об удивительной однородности команды по отношению к данным аспектам. Как отмечает Мальчиков А.В. «однородной группа может быть названа тогда, когда все члены группы обладают одним из полярных признаков. Это составляет очевидное и крайнее условие однородности группы. На практике может применяться более «мягкое» условие – однородной группу можно считать, если избранным признаком обладает большинство членов группы. Границу этого большинства, за пределами которой группу уже нельзя назвать однородной, определяет сам исследователь, исходя из задач исследования, размерности признака и величины группы»¹¹.

В нашем случае 84% составляет направленность на команду и 16% личностно-ориентированная направленность. Соответственно, 68,3% – процессуальная направленность и 31,7% – направленность на результат.

Проведя повторный опрос на выявление направленности личности, где респондентам предлагалось не выбирать наиболее подходящее им суждение, характеризующее направленность, а оценивать в баллах то, к чему они стремятся, мы получили следующие результаты (рис. 1).

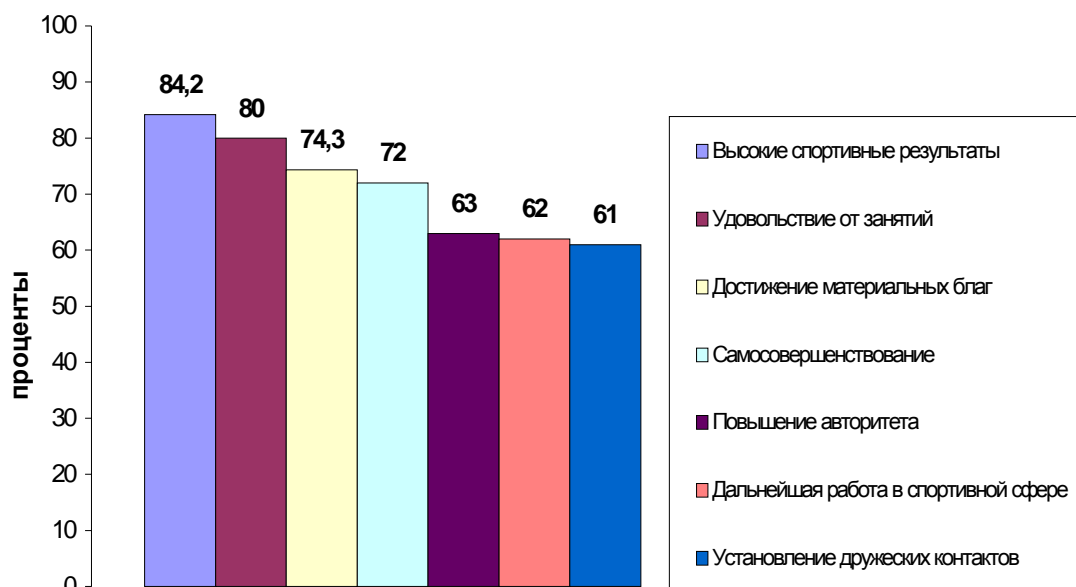

Рис. 1. Ради чего ты так упорно занимаешься спортом, что и в какой мере тебе особенно ценно

Источник: данные автора, хоккейная команда, N=23, 15 лет.

Проанализировав результаты первого и второго опросов, направленных на выявление ориентации личности спортсмена, и конкретизировав особо интересующие нас исследовательские позиции непосредственным общением с игроками, мы убедились, что по команде в целом доминирует процессуальная направленность.

¹¹ Опрос проводился в хоккейной команде, средний возраст игроков 15 лет, N=23.

Высокие процентные показатели по критериям «достижение высоких спортивных результатов» и «достижение материальных благ», как следствие спортивных побед, отражают направленность игроков на будущие спортивные победы не связанные с достижениями на данном временном отрезке. В настоящий момент ребят-спортсменов больше интересует получение удовольствия от занятий спортом (движение, игра, соперничество) и стремление к самосовершенствованию через спорт.

Повышение авторитета в глазах других людей рассматриваемое игроками, как следствие спортивных достижений, в настоящий момент не играет никакой роли по сравнению с возможностью проверять свои силы на деле и чувствовать себя членом единой команды.

Анализируя полученные данные нельзя не обратить внимания на тот факт, что по команде отмечается невысокое стремление к возможности устанавливать многочисленные дружеские контакты, интересно и приятно проводить время.

Определение направленности ценностных ориентаций также позволяет выявить доминирующую ориентацию личности. Попросив проранжировать предлагаемые респондентам ценности по их значимости, мы получили следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Ценностные ориентации игроков хоккейной команды (возраст 15 лет).

<u>Ценности-цели.</u>	<u>Ценности-средства.</u>
1) Уверенность в себе.	1) Трудолюбие.
2) Здоровье.	2) Честность.
3) Наличие верных хороших друзей.	3) Ответственность.
4) Общественное признание.	4) Твердая воля.
5) Активная деятельная жизнь.	5) Воспитанность.
6) Получение удовольствий.	6) Жизнерадостность.
7) Материально обеспеченная жизнь.	7) Самоконтроль.
8) Любовь.	8) Независимость.

Как видно из представленной выше таблицы, ребята-спортсмены на первые места среди ценностей-целей ставят уверенность в себе, здоровье и наличие верных друзей, а из ценностей-средств отдают предпочтение трудолюбию, честности и ответственности. Наименьшее предпочтение получили такие ценности как любовь, материально обеспеченная жизнь, независимость и самоконтроль.

Проведенное в 1997 году исследование школьников Москвы и московской области показало, что в рейтинге подростковых ценностей такие понятия как «уверенность в себе» и «наличие верных друзей», как и в нашем случае, занимают лидирующие позиции¹². Учитывая специфику исследуемой группы – направленность на достижение определенного результата, как группового, так и индивидуального, – представленные инструментальные ценности отражают способы достижения поставленных целей. При этом надо оговориться, что при ранжировании терминальных ценностей по команде просматривается относительная однородность – ценности «уверенность в себе», «здоровье» и «наличие верных хороших друзей» занимают практически у всех ребят высокое рейтинговое положение в определенном соотношении. При позиционировании инструментальных ценностей подобной однородности не просматривается. Так же не просматривается распределение ценностей по подгруппам или по показателю результативности.

Предложив игрокам проранжировать ценности по степени их значимости на данный этап жизни, мы получили результаты, согласно которым ценности-средства, инструментальные ценности, преобладают над ценностями-целями, терминальными ценностями, что, в свою очередь, отражает направленность деятельности на процесс.

Получив общее представление о структуре команды, ее социально-психологическом климате, основных установках игроков относительно спортивной

¹² Мальчиков А.В. Психологическая однородность и разнородность спортивных команд как фактор и результат сыгранности (на материале спортивных игр). – Диссер. на ... канд. психологич. наук, – Л., 1983. – С.17.

деятельности, как составляющих командной идентичности и образующих такой аспект как сыгранность, можно приступить к непосредственному рассмотрению групповой идентичности. При интерпретации ответов на открытые вопросы «Динамо-90 – это ...» и «что бы ты изменил (в тренировках, в играх, в отношениях между ребятами и т.д.) для улучшения результативности вашей команды» были получены результаты, которые позволяют сделать следующие выводы.

Групповая идентичность изучаемой команды слабо развита относительно тождества «Мы» и, соответственно, противопоставления «Мы» – «Они». Из общего числа опрошенных 68% отождествляют свою команду со старым девизом школы и команды мастеров «Динамо – сила в движении», а 15% наравне с этим девизом отдают предпочтение и новому девизу школы. Таким образом, у некоторых игроков «Динамо-90» – это «традиция воспитывать смену». Полученные результаты свидетельствуют о том, что ребята отождествляют себя в большей степени со всей школой, а не с конкретной командой.

Прослеживается тенденция сводить представление о команде к конкретным личностям. Так 53% опрошенных считали, что «Динамо-90» – это «наш тренер; лучший тренер; опытный тренер; прекрасные тренера». 11% ответили, что «Динамо-90» – это «сильные хорошие вратари». К данным 11% относятся игроки, которые находятся с вратарями в хороших дружеских отношениях (это видно, как по результатам социометрии, так и на основе наблюдения и непосредственной беседы).

Среди опрошенных 47% отмечают, что «Динамо-90» – это «будущий чемпион России и будущий чемпион Москвы». Причем подобные ответы характерны для ребят из первой подгруппы. К этим же ответам можно отнести высказывания типа «Динамо-90» – это «сборная мира по хоккею; лучшая игра Москвы».

Самый распространенный ответ среди игроков включает в себе мысль, что изучаемая нами команда представляет собой очень дружный коллектив, хорошо сплоченный с прекрасной внутренней атмосферой. 79% опрошенных в бланке для ответов указали, что, по их мнению, «Динамо-90» – это «хороший коллектив; дружный коллектив; лучший коллектив».

Анализируя результаты ответов на второй вопрос – что бы ты изменил (в тренировках, в играх, в отношениях между ребятами) для улучшения результативности вашей команды – были получены относительно одинаковые ответы, касающиеся, по преимуществу, условий тренировок. При этом ребята первую часть вопроса «если бы ты мог, то чтобы ты изменил...» игнорировали и предпочитали отвечать «нам надо, нам не хватает», часто встречались ответы «все Okay!». С одной стороны – это хороший показатель выраженности групповой идентичности относительно однородности проблем, но с другой стороны – это либо проявление группового конформизма, либо нежелание отвечать на поставленный вопрос, что может быть связано или со страхом ответственности за ответ или с простым не знанием ситуации и существующих проблем в команде.

Обобщая все представленные выше результаты, можно оформить основные выводы исследования.

Изучаемая команда отличается однородностью направленности деятельности на процесс, т.е. основные мотивы занятий в спортивной школе связаны с желанием самосовершенствоваться, проверять свои силы на деле при помощи тренировок и игр, получать удовольствие от игры, движения, соперничества. С одной стороны – это нормальное явление, что в подростковом возрасте, а именно в таком возрасте находятся изучаемые ребята, ориентация на процесс превалирует над ориентацией на результат¹³. Но с другой стороны явное доминирование одной направленности над другой может привести к негативным последствиям, а именно – к низкой потребности в достижении успеха и отсутствию четко поставленных целей. В нашем случае тестирование игроков на потребность в достижении успеха показало низкий уровень потребности в достижении успеха по команде, что соответствует невысокому месту, занимаемому командой в турнирной таблице чемпионата. Кроме этого, игроки не помнили поставленной перед ними задачи на сезон, которая, к тому же, не была выполнена.

¹³ Попова М.В. Психология растущего человека: краткий курс возрастной психологии. – М., 2002. – С. 98.

Соотнеся эти данные с результатами опроса, где определялась ориентация деятельности как самооценности, мы можем утверждать, что на данный момент времени действия игроков изучаемой команды преимущественно ценностно-рациональны, т.е. основаны на убеждении о долге, «красоте спорта» и т.д. По отношению к дальнейшим спортивным перспективам действия целерациональны, т.е. ориентированы на побочные результаты от спортивных побед – материальные блага, престиж и т.д.

Однородность спортивной группы также просматривается в ориентации игроков на команду, которая проявляется в стремлении к успеху своей команды, ради которого надо тренироваться, иметь хороший контакт с партнерами, тренером. Надо отметить, что для мальчиков подросткового возраста это наиболее значимая ориентация спортивной деятельности¹⁴.

Но в нашем случае, как уже было отмечено выше, команда в целом отличается слабой сплоченностью вследствие наличия двух подгрупп. Причем разнородность социально-психологической структуры команды прослеживается не только по результатам социометрии, но и в разговоре ребят. Фразы типа «Вы хотите знать, есть ли среди нас психи, так это и так ясно... что есть» или «...потому что здесь «армейцы» сидят, а вот «крылышко» пошло» демонстрируют внутригрупповую разобщенность. Кроме этого, результаты, свидетельствующие о том, что для игроков команды характерно невысокое стремление устанавливать многочисленные дружеские контакты, интересно и приятно проводить время, наталкивают на предположение о том, что спортивная группа рассматривается игроками как средство для реализации своих потребностей и целей. Поэтому столь высока направленность на командные действия и невысокое стремление к дружеским отношениям.

Тот факт, что 79% опрошенных сказали, что «Динамо-90» – это хороший дружный коллектив, может быть связан с желанием игроков показать свою команду в лучшем свете. Доказательством этому можно считать, то что, во-первых, в эти 79% вошли и те игроки, которые менее благоприятно, чем остальные, оценивали атмосферу в команде; во-вторых, 21% опрошенных все же указали в анкете, что хотели бы поменять отношения между ребятами: «...и чтобы ребята были еще дружнее и сплоченней», «...но, а насчет отношений в команде, можно было бы выбрать хорошего капитана, именно голосованием»; в-третьих, во многих ответах прослеживается желание выделить свою команду: «Динамо-90 – это отличная хорошо сбалансированная команда, не то, что «Лада» (актуально после финала профессиональных клубов «Динамо» – «Лада»), «Динамо-90 – это... Все игроки – лидеры команды».

Заявление части ребят о том, что «Динамо-90» – это «будущий чемпион России и будущий чемпион Москвы», тоже требует особого внимания с той точки зрения, что это высказывание столько же сильное, сколько и безосновательное. Его можно приравнять к встречающимся в анкете ответам следующего содержания «Динамо-90» – это «сборная мира по хоккею; будущие победители Олимпиады».

Отождествление игроками себя, как команды, с тренером может служить почвой для перенесения ответственности за все игровые неудачи на конкретное лицо – тренера, что, в свою очередь, может привести к скрытому конфликту. Это притом, что в команде уже наблюдается перенесение ответственности за поражение в играх на вратарей (как правило).

Анализируя указанные в ответах проблемы, которые волнуют ребят, мы не обнаружили тех факторов, которые реально могут влиять на результативность команды. Проблемы со льдом, раздевалками, бортами, на которые чаще всего указывали игроки, можно обозначить, согласно двухфакторной модели Герцберга, как гигиенические факторы и, соответственно, устранение которых не вызовет повышения результативности. К тому же, в аналогичных условиях хоккеисты других возрастных категорий достигают высоких результатов.

Для повышения результативности изучаемой команды, через развитие групповой идентичности, мы рекомендовали принять следующие меры.

Для улучшения социально-психологического климата в команде, желательно организовывать деятельность игроков в двух направлениях. Во-первых, сплачивать игроков соответственно их делению на подгруппы, а, во-вторых, развивать межгруп-

¹⁴ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2002. – С. 286 – 296.

повую симпатию за счет организации совместной деятельности игроков из двух подгрупп. Можно обратить внимание на спонтанное распределение игроков во время выполнения упражнений и, опираясь на данную информацию, строить экспериментальные звенья.

Так же для сплочения команды желательно выработать какой-нибудь общекомандный девиз или традицию. У игроков были попытки обниматься во время игры в момент пробития буллита в их ворота, но в этом ритуале участвовала только половина команды, по преимуществу образующая первую подгруппу. Сплачивающий компонент для команды подростков можно позаимствовать у команды мастеров, т.к. для любой группы, наряду с тенденциями к обособлению, к осознанию и подчеркиванию собственной отличимости свойственны стремление быть составной частью и чувствовать свою принадлежность к некоей более широкой социальной общности и потребность в обращении к значимой внешней группе, которая выступает, как носитель определенных ценностей и норм, либо выполняет роль «зеркала»¹⁵. В частности, отождествление игроками своей команды со спортивной школой реализует данную потребность в принадлежности к более широкому спортивному сообществу.

С целью повышения командной потребности в достижении успеха и изменения мотивационных установок игроков желательно стандартизировать процедуру постановки целей. Необходимо, чтобы игроки знали к чему им стремиться не только на уровне турнирной таблицы и конкретного матча, но и на уровне осознания своей спортивной деятельности, т.е. чтобы спортсмены, в частности подростки, знали какие навыки спортивной деятельности им надо развивать для достижения спортивного результата, зачем и как их развивать, укреплять и отрабатывать.

Учитывая, что каждый тренер – это специалист, владеющий методиками тренировок и, как правило, прошедший аналогичную школу спортивного обучения, т.е. имеющий возможность опираться на реальный опыт предшествующего поколения практикующих тренеров, то мы сочли необходимым перечислить только те действия, направленные на повышения эффективности команды, которые тренер-педагог может игнорировать при реализации задач обучения.

Любая спортивная команда имеет цель, к которой стремятся все ее члены. Она обеспечивает единую направленность и преданность всех членов команды общему делу, служит объединяющим импульсом. Необходима четкая формулировка видения основной цели и передача его способом, обеспечивающим донесение его до каждого члена команды. Должно присутствовать стремление реализации данной цели на протяжении всего сезона, анализ игр при игроках с учетом достижения общей задачи, постоянное напоминание и мотивация к достижению широкой общекомандной цели.

В нашем случае игроки не помнили поставленную перед ними на сезон цель – занять место в турнирной таблице не ниже того, которое было в прошлом сезоне – а также не реализовали ее.

Помимо определения общей задачи для команды, необходимо разрабатывать конкретные индивидуальные цели для каждого отдельного члена группы, что поможет повысить интенсивность работы команды в целом. Каждому игроку желательно индивидуально объяснить поставленную перед ним задачу, для чего она нужна, какой технический или тактический навык она поможет развить и укрепить. Подобная информация поможет повысить мотивацию подростка к более качественному выполнению упражнения, через осознание его значимости.

Так же при постановке конкретных целей игрокам допускается напоминание, что от развития их индивидуальных навыков зависит достижение основных целей команды. Подросток должен четко знать, каких действий ждет от него тренер и партнеры, за что он отвечает и что надо для достижения поставленных перед ним индивидуальных задач, какой вклад он тем самым делает в команду в целом.

Рассматривая саму возможность развития групповой идентичности, мы исходили из того, что данный социально-психологический феномен понимается как динамическая структура, развивающаяся на протяжении всей жизни человека. Она соотносится с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я». Причем это развитие нелинейно и неравномерно, а проходит через преодоление кризисов идентичности и может идти как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении.

¹⁵ Там же: С. 286 – 296.

Учитывая, что подростковый возраст связан с резкими качественными изменениями, затрагивающими все стороны развития личности, то мы, при планировании сборов игроков команды, предлагаем предусматривать время для проведения социально-психологического тренинга с подростками. При организации тренинга желательно исходить из того, что члены команды с развитой групповой идентичностью проявляют обоснованный оптимизм по поводу своих потенциальных успехов в будущем, как командных, так и индивидуальных, свободны и открыты в профессионально-коммуникативных позициях (спортивная деятельность в данном случае приравнивается к профессиональной), готовы напряженно трудиться ради командных целей, проявляют уважение к личности другого. Соответственно, социально-психологический тренинг и психогимнастические упражнения, входящие в его состав, должны воздействовать как на состояние группы как целого, так и на каждого подростка в отдельности. Основные направления работы с ребятами-спортсменами включают в себя:

- формирование интереса к другому человеку как к личности;
- развитие интереса к себе, стремления разобраться в своих способностях, поступках, формирование первичных навыков самоанализа;
- развитие чувства собственного достоинства, внутренних критериев самооценки;
- развитие форм и навыков личностного общения в группе сверстников, способствованию взаимопонимания;
- развитие моральных качеств, форм сочувствия и сопереживания другим людям.

Развитие перечисленных навыков способствует не только укреплению «командного духа» игроков, их взаимопониманию и взаимоподдержке в рамках спортивной группы и спортивной деятельности, но и предусматривает развитие способностей необходимых для контакта с различными группами людей и безболезненного прохождения кризиса подросткового возраста.

Еще одним способом развития групповой идентичности, который способствует усилению взаимопонимания между игроками с одной стороны и развитию самостоятельной творческой деятельности в другой стороны, выступает организация репродуктивно-творческого способа обучения¹⁶.

Организация данного вида обучения состоит из четырех этапов, способствующих плавному переходу ребят-спортсменов от репродуктивной ступени познания к творческой.

На первом этапе тренер формулирует тему, цель занятия, вводит воспитанников в систему упражнений, ставит перед ними спортивную задачу, дает фактологический материал для работы (комбинация игры, средства и способы введения игры), указывает методы, с помощью которых воспитанники должны решать эту спортивную задачу, обращает их внимание на узловые моменты в содержании спортивной задачи, ориентирует их в каком направлении искать связи. Юные спортсмены решают поставленную перед ними задачу, т.е. сравнивают средства и способы ведения игры, находят признаки сходства и отличия, отыскивают связи, устанавливают отношения, доказывают их, формулируя выводы.

На втором этапе тренер формулирует тему, цель занятия, вводит воспитанников в формы ведения игры, формулирует спортивную задачу, дает фактологический материал для работы, обращает внимание юных спортсменов на узловые моменты в содержании спортивной задачи, особое внимание уделяет тому, как подростки планируют свой день, неделю, спортивный сезон, планируют ли самостоятельные тренировки, сочетают ли занятия спортом с какой-либо еще деятельностью (например, рациональная организация досуга). Юные спортсмены самостоятельно выбирают методы решения спортивной задачи, раскрывают связи, доказывают их, формулируют выводы.

На третьем этапе тренер формулирует тему, цель занятия, вводит юных спортсменов в проблему, ставит общую задачу, задает границы поиска, указывает узловые моменты в ее решении. Юные спортсмены самостоятельно выбирают фактологический материал для работы, по заданному направлению отыскивают путь решения за-

¹⁶ Федорова Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: Диссер... канд. психологич. наук. – Ярославль, 2004. – 240 с.

дачи, выбирают или конструируют методы ее решения, с их помощью решают ее, формулируют выводы, осуществляют проверку.

На четвертом этапе тренер сообщает тему, цель занятия, вводит воспитанников в проблему, ориентирует их на постановку общей задачи, задает границы поиска. Всю остальную работу (формулирование спортивной задачи, выбор фактологического материала, методов ее решения, формулирование вывода, проверку решения) юные спортсмены выполняют самостоятельно.

Развитие групповой идентичности спортивной команды желательно не только с позиции улучшения результативности группы, но и с позиции воспитательной функции спортивного коллектива. Как считают большинство ученых, процесс развития социальной идентичности и, соответственно, групповой идентичности, как ее составляющей, является важнейшим процессом социализации. Следовательно, позитивное развитие командной идентичности спортивной группы основанное на положениях о том, что мы – команда, мы стремимся к победе, мы играем честно, мы уважаем соперника, мы не выражаемся не культурно, мы умеем совмещать тренировки и учебу в школе и т.д. способствует развитию всесторонней личности, социально адаптированной к взаимодействию с представителями различных социальных сообществ, имеющей представление о себе как об индивидуальности и умеющей ценить других людей как индивидуальностей.

Список литературы

1. Нормативно-правовые основы, регулирующие деятельность спортивных школ: М-во образования РФ. – М., 1995
2. Горский Л. Тренировка хоккеистов. – М.: ФиС, 1981
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2004.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002.
5. Попова М.В. Психология растущего человека: краткий курс возрастной психологии. – М., 2002.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2004.
7. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. – Самара, 2004.
8. Рабочая книга социолога/ Под общ. ред. В.Г. Осипова. – М., 2003.
9. Мальчиков А.В. Психологическая однородность и разнородность спортивных команд как фактор и результат сыгранности (на материале спортивных игр). – Диссер. на ... канд. психологич. наук, – Л., 1983.
10. Попова М.В. Психология растущего человека: краткий курс возрастной психологии. – М., 2002.
11. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2002.
12. Федорова Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: Диссер... канд. психологич. наук. – Ярославль, 2004.
13. Деркач А.А., Исаев А.А. Творчество тренера. – М.: ФиС, 1982.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SPORTS TEAM GROUP IDENTITY

E. V. SHAPKINA

*Russian Academy
of sciences institute
of socio-political research*

*e-mail:
ytro10@rambler.ru*

The paper presents a study of a youth sports team in terms of the concept of team identity. An analysis of research done by leading sociologist, psychologist and anthropologists in the 19th and 20th centuries helped to develop criteria of team identity, which include group solidarity, player's orientation towards "process – result", "oneself or the team" and common values. Using the methods developed by the author, as well as standard procedures of studying small groups, we have described team identity of a youth hockey team which helped suggest certain recommendations for developing team identity and improving team performance.

Key words: team identity, sports team, socio-psychological climate, group solidarity, performance orientation, values, empirical measurement.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю.В. МУХЛЫНКИНА

*Московского
государственного
университета путей
сообщения (МИИТ)*

Статья Мухлынкиной Ю.В. посвящена анализу состояния этнической идентичности в эпоху глобализации. В современном обществе старые структуры и институты поддержания социальной сплоченности оказываются неэффективными. Этнические структуры оказались одними из немногих, способных обеспечить хорошее социальное самочувствие человека. Глобализация стала важнейшим фактором обострения этнической идентичности. Но этническая идентичность в эпоху глобализации подвержена серьезным трансформациям в результате влияния массовой культуры, проблем массовой миграции, политики мультикультурализма и др.

Ключевые слова: этническая идентичность, глобализация, современное общество.

Начиная с 60-х годов 20 века, термины «этничность» и «этническая идентичность» являются предметом исследовательского интереса социальных психологов, политологов, социологов, этнологов, культурологов и философов. Эти термины начинают широко применяться в западной философской антропологии и социальной философии при исследовании национальной культуры, национальных форм символизации, национально-этнического сознания. При этом дискурс вокруг проблемы этнической идентичности весьма слабо структурирован и размыт, что связано с отсутствием единой трактовки понятий «этнос» и «этничность». В данной статье мы будем исходить из того, что этническая идентичность – это часть социальной идентичности личности. Содержанием этнической идентичности являются разного рода этносоциальные представления, разделяемые членами этой этнической группы. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения и государственности. Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Эти знания связывают членов этой этнической группы и служат основой её отличия от других. Целью данной статьи является рассмотрение состояния этнической идентичности в условиях глобализации.

Термин «глобализация» появился сравнительно недавно, но уже очевидно, что обозначаемый этим термином процесс будет играть определяющую роль в дальнейшей истории развития человечества. Этот сложный и неоднозначный процесс оказывает серьезнейшее влияние не только на международные отношения, но и на отношение народов к самим себе.

Глобализацию можно представить и как тенденцию универсализма и как взаимодействие двух противоположных тенденций: универсализма и партикуляризма, усиления культурного единства и увеличение культурного, этнического, религиозного многообразия. Проблема взаимодействия между универсальными и региональными факторами становится одной из важнейших в эпоху глобализации. С одной стороны, происходит быстрая экспансия глобального рынка, сопровождаемая ростом пересекающих границы коммуникационных и информационных систем. С другой стороны, обостряется ценностная чувствительность локальных и групповых структур. Явное противоречие между этими двумя аспектами становится наиболее характерной чертой современного культурно-политического ландшафта.

Но интеграция и фрагментация, глобализация и регионализация – это взаимодополняющие процессы, а точнее, две стороны одного и того же процесса общемирового перераспределения суверенитета, власти и свободы действий.

Группа, занимавшаяся под эгидой ООН проблемами диалога между цивилизациями, в том числе в его ценностном аспекте, пришла к выводу, что «вновь заставившее

говорить о себе осознание «исконных связей» может не иметь отношения к глобализационным тенденциям, но, вероятно, стало одним из их непреднамеренных последствий»¹.

По мнению английского исследователя И. Уоллестайна, взаимоотношения по линии «глобализация–группа» структурно выстраиваются вокруг следующих антиномий:

- единство или многообразие;
- человечество или раса;
- универсализм или партикуляризм;
- мир или нация;
- личность или гендерный принцип деления (мужчина/женщина)².

По Уоллестайну, это не конфликтующие оппозиции, а *симбиотические пары*, совершенно необходимые в процессе развития общества. Иначе говоря, в условиях глобализации взаимодействие ценностей должно строиться по линии «больше–меньше», а не «или–или» (речь идет о взаимодополнительности, а не о взаимоотрицании).

Но не все верят в возможность преодоления возникающих противоречий. Многие мыслители считают, что процесс глобализации только обострит имеющиеся различия и проблемы. Критики и противники глобализации есть не только во «втором» и «третьем мире», но и среди интеллектуалов стран, являющихся несомненными членами клуба «золотого миллиарда». К примеру, профессор С. Хантингтон отмечает, что «люди Давоса», контролируя практически все экономические институты, не способствуют гармоничному сосуществованию стран.

Американские футурологи А. и Х. Тоффлер пишут о том, что вырвавшиеся демоны собственного исторического опыта, религиозных воззрений, ментальных кодов, языков, воспоминаний об униженной гордости снизили оптимизм многих глобалистов. Учитывая наличие у каждой из цивилизаций аутентичного морально-психологического основания и собственных экономических, политических и военных требований, ожидать мира и спокойствия – вершина стратегической наивности³. В XXI веке произойдет переориентация групповых лояльностей и массовой идентичности, что сокрушит современное государство, трансформирует процессы демократизации в политику самоидентификации и, в конечном счете, приведет к вытеснению прежде ограниченных межгосударственных войн в ничем не ограниченные этнические конфликты. Уже сейчас не так много стран, чьи граждане готовы отдать жизни за свое государство, но, увы, растет число тех, кто готов пожертвовать жизнью за этнически-религиозную идентичность.⁴

В США ученым, теоретически обосновавшим контрглобализм, признанно считается Дж. Голдсмит⁵. В этом случае глобализация интерпретируется в качестве агрессивной силы, уничтожающей национальные, религиозные, культурные и семейные ценности. Если рассматривать точку зрения американских неоконсерваторов, то они выступают против разрушения демократических идеалов, заложенных отцами-основателями американской нации, и характеризуют глобализм как тотальное нашествие космополитизма. Именно этими факторами, комплекс которых значительно различается в различных странах, обусловлено возвращение, иногда аффектированное, откровенно демонстративное, к корневым национальным ценностям, будь то религия, искусство или особенности национального быта.

Рост объективных интегративных тенденций во всем мире, которые ведут к взаимодействию во всех сферах жизни общества – экономической, политической, культурной, сопровождается не менее устойчивым параллельным процессом противо-

¹ Абдулмагд А., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями. М.: Логос. 2002. С. 53.

² Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Featherstone M. (ed.) Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. L.: SAGE. 1994. P. 42-51.

³ A. and H. Toffler. War and Anti-war: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1994, p. 338–339.

⁴ См.: Уткин А.И. Геоструктура грядущего века. Эл. ресурс http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_10...

⁵ Sir James Goldsmith. The Trap. N.Y., 1994.

действия интернационализации экономики и духовной сферы, который проявляется в форме протестов отдельных этнических и социальных общностей в разных регионах и странах. Характерная практически для всех народов боязнь утратить в этих условиях свой язык, культуру, самобытность, уникальность имеет место и на уровне государств, отстаивающих свои национально-государственные интересы, свою национальную идентичность.⁶

Не все государства соглашаются полностью выполнять правила, диктуемые глобализацией. Одни это делают частично, к примеру, Египет. Другие после шокового опыта расстаются с идеей всеобщей глобализации, например, Малайзия. Наконец, третьи страны, такие, как Франция, Германия, Япония, стараются сообразовать единые экономические правила с особенностями национальной культуры, обращая особое внимание на роль государства, которое эти национальные традиции призвано охранять. Противники глобализации считают, что движение глобализации продуцирует не релятивизм культур, а, напротив, деление мира на разновесные цивилизационные части. В труде «Глобальные трансформации» подчеркивается: «Культурная глобализация, гомогенизация, которые предсказывают в будущем интерпретаторы глобально-го сближения и единства мира, являются не более чем мифами»⁷.

С. Хантингтон предупреждал, что главные и разрушительные столкновения в формирующемся мире будут происходить не на идеологическом или экономическом поле, а в области культурно-национальной идентичности. «Величайшей разделяющей человечество основой станет культура. Нации-государства останутся наиболее мощными действующими лицами в мировых делах, но основные конфликты в мировой политике будут происходить между нациями и группами людей, представляющими разные цивилизации. Культурные разделительные линии цивилизации станут линиями фронтов будущего»⁸.

Помимо положительных сторон глобализации исследователи начинают отмечать серьезные, а иногда катастрофические потери в национальных культурах и национальном образе жизни. Нации, объединенные языком, культурой, традициями, начинают защищаться перед лицом угрозы растворения в унифицированном мире. Проблема потери национальной и этнической идентичности становится очевидной для интеллектуалов большинства стран. Многие из них говорят о кризисе или трансформации этнической идентичности.⁹

Признавая опасность процесса глобализации для этнических и национальных культур, мы хотим остановиться на некоторых конкретных негативных проявлениях этого процесса.

Своеобразным «оружием» глобализации сегодня является массовая культура и средства массовой коммуникации. Через них глобализация оказывает влияние практически на все сферы жизни. Конечно же, их роль в процессе глобализации можно оценить двояко. С одной стороны, благодаря СМК возникает возможность взаимного проникновения и обогащения культурных образцов и общих нарративов в глобальном масштабе. В глобальном обществе массовизация культуры обрела доселе невиданные масштабы. Вместе с этим все её недостатки, отмечаемые многими философиями и мыслителями XX века, выступили в ещё более острой форме. Тенденции нивелирования устраняют принципиальные различия (в том числе и этнические) людей во всех развитых обществах. В массовом обществе индивид становится подобен песчинке, неотличимой от других, себе подобных существ. Он теряет свою индивидуальность. Общество, завоеванное массовой культурой, превращается в общество потребления. И, конечно же, в таких условиях культурная продукция должна соответствовать требованию доступности и легкости восприятия. Искусство и культура становятся

⁶ См.: Бадмаев В. Глобализация и «столкновение идентичностей»: современный дискурс. См. эл. ресурс <http://www.rags.ru/akadem/2005/36-2005-81...>

⁷ Global Transformation. Politics, Economics and Culture // Held D. e. a. Cambridge., 2000. P. 6.

⁸ Huntington S. The Clash of Civilization? // Foreign Affairs. Sum. 1993. P. 22,

⁹ См. Манакова И.Ю. Кризис идентичности в современной цивилизации // Россия. Культура. Будущность. – Челябинск, 2005. Ч. 1. С. 50-53.

товаром. Ценности, не вписывающиеся в коммерческие требования массовой культуры (например, этнические ценности) вытесняются из массового сознания. Правда, их могут эксплуатировать в рамках популярной культуры (этнические мотивы в популярной музыке, этнический кинематограф), но это лишь попытка сделать «товар» ярче, привлекательнее, экзотичнее. Происходит своеобразная эксплуатация еще сохранившейся этнической идентичности. Как только культура стала рынком, она сразу утратила возможность сохранения культурной идентичности (а вместе с ней и этнической, как её неразрывной части). Сегодня масштабы и последствия массовизации кажутся пугающими.

Как еще одно явление эпохи глобализации, угрожающее этнической идентичности, можно назвать проблему массовой миграции. Еще в конце истекшего столетия широко бытовала уверенность в грядущем качественном изменении политической реальности и в возможности эффективно использовать для преодоления ксенофобии, расизма и сепаратизма политический, экономический и культурный потенциал глобализирующегося мира. Но нелимитированная миграция в страны запада породила во многом непредсказуемые по своим масштабам вызовы. Эти вызовы встали как перед мигрантами, так и перед принимающими их обществами. Вопрос о перспективах интеграции в западные общества людей, принадлежащих иной цивилизационной традиции, превратился сегодня в один из ключевых в политической повестке дня.

Ранее западные общества в основном сталкивались с проблемами внутреннего противостояния большинства и этнических меньшинств. Сегодня мы можем наблюдать процесс постепенного урегулирования этнических разногласий в тех странах, где традиционно компактно проживают автохтонные этнические меньшинства. К концу истекшего столетия были достигнуты политические договоренности в Северной Ирландии, сформированы институты поддержания культурной автономии вкупе с элементами политического самоуправления (в Шотландии и в Уэльсе, в Стране басков и в Каталонии, в бельгийских провинциях, на Корсике, во франкоязычном Квебеке в Канаде).¹⁰ В результате достигнутых политических соглашений заработали компенсаторные механизмы поддержания этнической идентичности. Их функционирование обеспечивалось на основе признания языка, культурных практик, форм социальной и политической самоорганизации различных, но принадлежавших одной цивилизационной традиции этнических сообществ.

Но эти сдвиги, однако, совпали с подъемом этносоциальной напряженности, вызванной нарастанием нерешенных проблем интеграции в западные национальные общности мигрантов иной, незападной цивилизационной принадлежности. Поликультурными и иммиграционными стали все развитые страны. Неконтролируемые миграционные потоки меняют состав национальных сообществ и размывают их социокультурное поле. Эти процессы усилились за счет специфики миграции последнего поколения. Она связана с тем, что основным источником трудовой и гуманитарной миграции стал мусульманский мир. В результате в принимающих странах сформировались сообщества иной культурной и цивилизационной ориентации.

Регламентированный образ жизни, облеченный в религиозные формы, непривычные модели поведения и незнакомое мировоззрение возводят стену непонимания и отчуждения между «большинством» и «иным» - мусульманским - населением и в иммиграционных странах за океаном, и, особенно, в секулярной Европе.¹¹

Но инаковость новых мигрантов является неединственной проблемой. Другим серьезным препятствием на пути к налаживанию взаимодействия с инокультурными группами оказывается размывание ценностных и духовных ориентиров самих принимающих сообществ. Общечеловеческие ценности не создают достаточно прочной основы для социального сплочения национального сообщества и для реализации долго-

¹⁰ См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

¹¹ Там же.

срочного проекта развития. Наступление информационного общества меняет не только привычные ориентиры, но и социальные и культурные механизмы поддержания идентичности¹². Границы для формирования социальной и личностной идентичности расширяются. Глобальная экономика, развитие и расширение коммуникаций, власть массовой культуры приводят к тому, что западный человек впитывает в себя множество моделей поведения, расширяя тем самым диапазон оценок и идей, и создавая почву для вариативности идентификаций. Отсюда, отличительными чертами индивидуальной идентичности эпохи глобализации становятся динамизм, аморфность и неустойчивость. В результате воспроизводится состояние атомизированного общества. Тем более проблематичным становится включение в его состав инокультурных групп, имеющих устойчивые ценностные установки. Преодоление социального отчуждения оказывается необходимым условием для налаживания межкультурного диалога.

Упорядочение миграционной политики и выработка эффективных путей интеграции инокультурных сообществ, сложившихся в принимающих странах, стали насущными вопросами текущей политической повестки дня. Вплоть до второй половины двадцатого столетия политика интеграции этнических меньшинств строилась на последовательной ассимиляции, то есть безусловном принятии членами таких групп культурных образцов и поведенческих моделей большинства. Этот подход оформился в политике «плавильного котла», возникшей в США. Предполагалось, что становление политической нации должно опираться на общую систему ценностей и единую культурную традицию, отсюда возникает стремление к «американизации» всех прибывающих в США мигрантов. Культурные различия рассматривались как преодолимые, а вопрос об их совместимости не был предметом общественных дискуссий.

В 60-е годы социальное и политическое размежевание внутри западных обществ пошло на убыль. Важным стимулом к более пристальному рассмотрению проблем культурного разнообразия и политического суверенитета стало развитие интеграционных процессов в рамках ЕС. Общественные настроения стали меняться в сторону большей толерантности в публичной сфере. Широкое признание получила идея о том, что поддержание культурного многообразия сообществ, формирующихся на основе этничности и идентичности, не противоречит принципу поддержания единства политической нации. На проблемы положения этнических групп в составе нации-государства обратил внимание еще Т. Парсонс. С его точки зрения, такое включение не требует «растворения» этнических групп в национальном сообществе, но этнический плюрализм является серьезным вызовом для современных демократий. Для того чтобы избежать этнической конфликтности и преодолеть доминирование этнической лояльности, он считал необходимым укрепление общей гражданской основы современной нации¹³. На том, что государство вправе требовать от своих граждан политической лояльности, но ни в коем случае не культурной ассимиляции, настаивал и Ю. Хабермас¹⁴.

Такие понятия, как «разнообразие», «этническая идентичность», «толерантность» оказались в фокусе публичной политики. В качестве альтернативы доктрине культурной ассимиляции появилась концепция мультикультурализма, совместившая признание как индивидуальных прав граждан, так и прав этнических сообществ на поддержание культурной идентичности. Ее теоретики Ч. Тэйлор, У. Кимличка, Б. Парекх и большая группа исследователей, изучавшая отдельные страны и регионы, исходили из диалектики культурного разнообразия (*diversify*) и идентичности. «Мультикультуралисты» настаивали на том, что «альтернативы совместному пользованию пространством идентичности не существует»¹⁵, и предлагали механизмы организации «общезития» групп и индивидов разной этнокультурной ориентации в рамках политической нации.

¹² См.: Семененко И.С. Глобальный кризис идентичности: личность, общество, культура / Глобализация и Россия. М., 2004.

¹³ См.: Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, N.Y., 1971.

¹⁴ См.: Habermas J. *Citizenship and National Identity / The Concept of Citizenship*. L., 1994. P. 20-35.

¹⁵ Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и "лекарство" от него?) / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 36.

Доктрина мультикультурализма возникла как ответ на необходимость регулирования конфликтов в государствах, в составе которых несколько этнонациональных сообществ, в том числе и коренных народов. С другой стороны, ее появление стало реакцией западного сообщества на проблемы, которые порождает массовая миграция, вызванная истощением людских ресурсов в развитом мире и демографическим давлением Юга. Конечная цель такого выбора - обеспечить поступательное экономическое развитие принимающей страны. В самом общем плане мультикультурализм можно рассматривать как политическую идеологию и как социальную практику, организующую и поддерживающую общее для национального государства пространство политической и социальной коммуникации. Причем это приемлемая для западной демократии модель регулирования, опирающаяся на признание права личности и группы на поддержание собственной идентичности и на толерантность в публичной сфере.¹⁶

Этническая идентичность рассматривается в рамках такого подхода как категория, имманентно присущая процессу самоидентификации. Именно этнические характеристики дают возможность индивиду, согласно такой логике, утвердить собственную индивидуальность в обществе единых стандартов потребления и обезличенных моделей поведения.

Мультикультуралисты делают акцент на позитивных политических и социальных действиях, оперируя понятиями «включенности» и «вовлеченности», «признания», «культурного плюрализма». Тем самым теория закладывает основы для политической практики, которая, в узком смысле, и рассматривается как мультикультурализм в современной политической дискуссии. Главная цель - организация совместного проживания и взаимодействия индивидов, групп, сообществ различной культурной и религиозной ориентации. Речь идет о налаживании механизмов совмещения разных ценностей, представлений, традиций, образов жизни в рамках гражданской нации. В числе аргументов сторонников мультикультурной доктрины - возможность получить знания о других культурах и образах жизни. На основании таких знаний формируется открытость по отношению к «иным», толерантность в публичной сфере, неприятие расизма и дискриминации в повседневном общении. В результате воспроизводится общее для национального государства пространство национальной и политической коммуникации.¹⁷

Какие же последствия для этнической идентичности принесло утверждение мультикультурализма как ведущей политической и социальной практики в западном обществе? В результате установления доктрины мультикультурализма происходят серьезные изменения состояния этнической идентичности многих иммигрантов в Европе и особенно в США. Если ранее в США для иммигрантов латиноамериканского происхождения было характерно стремление как можно скорее адаптироваться к новой жизни и походить на сто процентных американцев, то современная латиноамериканская молодежь не разделяет стремления своих родителей стать настоящими американцами. Данные опроса показали, что практически все молодые американцы латинского происхождения ценят, прежде всего, именно свою «отдельность» и те качества, которые делают их непохожими на белую молодежь: привязанность к семье и традициям, гордость, эмоциональность.

В США в результате развития политики мультикультурализма все большее число представителей этнических групп (латиноамериканцы, китайцы и т. д.) перестало отождествлять себя с американской гражданской общностью. Национальные группы начали создавать свои организации, противостоящие существующей политической системе страны, и принялись интенсивно проникать в органы государственного управления. Именно за счет мультикультурализма иммигранты сумели оформиться в мощную политическую силу.¹⁸

¹⁶ См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

¹⁷ См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

¹⁸ См. Мультикультурализм в Америке (по материалам прессы). Эл. ресурс: <http://buffalo.culture.tver.ru/prensa/america/rbuf...>

Этнополитический фактор сегодня является одной из ведущих сил, определяющих политическую действительность многих государств мира. Он выражается в различных формах мобилизационной активности этнических групп, межэтнических конфликтах, в борьбе соперничающих этнических элит, представляющих на политической арене свои специфические интересы и цели, и представляет собой один из основных параметров мирового политического процесса.

Могущество этнополитического фактора обусловлено тем, что политически отобилизованная этническая группа значительно превосходит другие социальные группы по степени социально-политической активности и групповой мобилизации. «Её феноменальное могущество основывается на особом состоянии этнического сознания, продуктом которого является этническая идентичность».¹⁹ Народ, обретая чувство единства, способен породить высочайшие образцы самоотречения, равно как и слепой ярости и жестокости. «... отобилизованная группа на уровне её самосознания есть наивысшая степень целостности и самотождественности, т.е. идентичности»²⁰.

Феноменологически политизированная этническая идентичность является побочным явлением позитивной этнической идентичности, трансформированной по типу гиперидентичности. Позитивная этническая идентичность представляет собой такое состояние этничности, когда целостность самоистолкования (преемственность во времени) позволяет индивиду и группе ощущать органическую связь настоящего с прошлым, и на основе этого чувствовать собственную самотождественность (неизменность в пространстве). Феномен позитивной этнической идентичности – важнейшая инстанция этнического сознания, т.к. она обеспечивает реализацию онтологической потребности в самоопределении, которая остро заявляет о себе в ситуациях кризиса. Политизирована этническая идентичность становится состоянием, с помощью которого этничность стремится преодолеть свое фрагментарное бытие и вернуть себе временно потерянное чувство внутренней целостности и самотождественности. Политизация этничности становится одним из способов реструктуризации межгрупповых отношений, преобразования своего социально-институционального и культурного бытия. Именно поэтому политизированная этническая идентичность может быть рассмотрена как защитная функция социально-этнического.²¹

Возвращаясь к влиянию мультикультурализма на этническую идентичность, хотелось бы отметить и другие тенденции.

Надо отметить, что ни в одной из стран, даже из числа провозгласивших соответствующую ориентацию, мультикультурализм не существует в чистом виде. Везде мультикультурные практики сопровождаются элементами ассимиляции или сегрегации представителей «иных» этнических сообществ.

Из всех направлений интеграции мигрантов наиболее проблематичной является социокультурная. Ее успех во многом зависит от настроений и установок принимающего сообщества и в не меньшей степени от готовности представителей самих инокультурных групп к взаимодействию. Для одних мигрантов сознательным выбором и формой адаптации к жизни в новой культурной среде становится так называемая «кросскультурная» (то есть вбирающая элементы разных культурных традиций и «сплавливающая» их в единое целое) идентичность. Но для многих других ценности западного сообщества оставались безусловными, а нередко – и неприемлемыми, и они не только не стремились «раствориться» в западном мире, но всячески подчеркивали намерение поддерживать собственную самобытность.²²

При отсутствии движения навстречу друг другу реализация мультикультурных практик оборачивается консервацией «исключенности» во имя сохранения культурной идентичности.

¹⁹ Чагилов В.Р. Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в условиях глобализации. – Невинномысск. 2003. С. 82.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Чагилов В.Р. Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в условиях глобализации. – Невинномысск. 2003. С. 92.

²² См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

Такая опасность и есть, собственно, один из весомых аргументов противников мультикультурализма в научном и экспертном сообществе. По мнению критиков мультикультурной доктрины, этот подход игнорирует социальные проблемы, подменяя необходимость их решения аргументами в пользу поддержания традиций и обычаев. Часть такого рода обычаев идет вразрез не только с привычными в Европе нормами бытового поведения, но и с укорененными там представлениями об этике и морали. Возникающие этические коллизии создают трудности в отношениях между людьми, усиливают чувство незащищенности и социальной напряженности для тех, кто в повседневной жизни сталкивается с чуждыми привычной культуре проявлениями.

При этом у самих членов этнического сообщества также не всегда есть право выбора культурных ориентиров, они априори рассматриваются как представители «особых» групп, как объекты социальных инициатив, направленных на поддержание такой «особости». Происходит как бы искусственная культивация и поддержание «инаковости». Во многих европейских странах из-за ложно понятого уважения к «иным» культурам регулирование поведения внутри мусульманских сообществ было отдано в полное распоряжение их самих.²³

Корректная политическая риторика, приверженность постнациональным ценностям и сознательное замалчивание роли христианства в развитии европейской цивилизации, принятые в официальном политическом дискурсе, воспроизводят размытую культурную и этническую идентичности принимающего сообщества. В условиях культурной фрагментации его ориентиры теряют былую привлекательность. А это - если представители инокультурных меньшинств, проявляя заинтересованность в утверждении своих ценностей, склонны отторгать ценности того общества, в котором они живут, - порождает не только мировоззренческие, но и правовые коллизии. Решения должны быть приспособлены к конкретной ситуации. Ожесточенная дискуссия вокруг проблемы головных платков во Франции лишней раз показала, с какими трудностями приходится сталкиваться на этом пути.

Эта ситуация активно эксплуатируется политическими силами праворадикального спектра. Алармистские настроения подогреваются в средствах массовой информации и снижают уровень толерантности²⁴. Сама реальность мультикультурного общества оценивается, согласно данным опросов, положительно²⁵, но рост преступности и социальной напряженности нередко трактуется в терминах конфликта культур и цивилизаций. Характерно, что исследования общественных настроений, посвященные отношению к мультикультурализму, констатируют совпадение аргументов специалистов, его последовательных критиков, и граждан. Эти аргументы вращаются вокруг проблем угрозы социальной стабильности, национальной идентичности и безопасности.

В «охраняемых» этнических сообществах поддерживается питательная среда для религиозного фундаментализма. По мнению французских исследователей, причина такого радикализма - отсутствие у групп мусульман в Европе тех социальных опор, на которых строится повседневная жизнь в исламских государствах Востока. В принимающих странах такие опоры можно воссоздать только в обособленных, «закрытых» общинах. Множественная идентичность, на которую ориентирует мультикультурализм, оказывается непосильным бременем для тех, кто выключен из системы социальных связей за пределами своей этнической группы и живет на пособие, и нежелательным раздражителем для тех, кто сознательно ищет опору исключительно в своей традиционной культуре. «Экстерриториальный ислам» как образ жизни, оторванный от своих корней, может трансформироваться в радикальный религиозный фундаментализм с ложно понятой системой символов и ориентиров. В результате широкий отклик в среде иммигрантов-мусульман находят призывы, предлагающие уп-

²³ См. Там же.

²⁴ Согласно данным опросов, в 2003 году 3/4 британцев считали, что поток иммиграции необходимо сократить (в 1995 году это мнение разделяли около 2/3 опрошенных); общим местом стало и мнение о том, что иммигрантов «слишком много» и что они «получают слишком много помощи». См.: Lewis M. *Asylum/Understanding public attitudes*. L., 2005. P. 2.

²⁵ Так, мультикультурализм называют «положительным для страны явлением» ("a good thing for Britain") 73% британцев. См.: www.mori.com/polls/2003/migration.shtml

рощенное толкование основ вероучения²⁶. Это касается в первую очередь потомков иммигрантов (тех, кто вырос в окружении европейской культуры, но для кого она так и не стала своей) и большинства временных мигрантов, стремящихся сохранить свою «особость» и прочные связи с традиционной культурой.

Состояние этнической идентичности большей части мигрантов можно определить как маргинальную этническую идентичность. При ней индивид колеблется между двумя культурами и при этом окончательно не принимает ценности ни одной из них. Он никогда не сможет совершенно порвать (даже если ему будет дана такая возможность) со своим прошлым и его традициями и никогда не будет принят в новое общество, в котором он пытается найти для себя место. Психологи отмечают, что для маргинальной личности характерны заниженная самооценка, тревожность по поводу своего будущего, раздражительность, повышенная утомляемость, тенденция полагаться больше на судьбу, чем на себя. Исследователями было высказано предположение, что маргиналы составляют неустойчивую и непредсказуемую группу в этносоциальной структуре общества и являют собой потенциальный источник агрессии и жесткости в межэтническом взаимодействии.²⁷

Целенаправленное поддержание идентичности, не соответствующей ценностям и традициям принимающего сообщества, подрывает его социальную сплоченность. Австралийский исследователь Ч. Маккензи прямо пишет об угрозах мультикультурализма как для социальных институтов современной демократии, так и для культуры и идентичности большинства.²⁸

Фрагментация на языковые, этнические и религиозные общности затрудняет объединение усилий групп интересов, профсоюзов, социальных движений для борьбы за социальное равноправие и, как следствие, препятствует укреплению социальной солидарности. В результате мультикультурализм как идеология взаимодействия оказывается идеологией фрагментации и поддержания социальной исключенности. Попытка консолидировать нацию-государство оборачивается воспроизводством размытой идентичности, слабо укорененной в политической и культурной традиции принимающей нации.

И сама концепция, и те результаты, которые приносит реализация мультикультурных практик, подвергаются все более массивной критике внутри самих западных обществ. Можно говорить о кризисе мультикультурной доктрины.²⁹ Но, хотя в последние годы мультикультурализм стал объектом самых ожесточенных дискуссий, альтернативных моделей интеграции инокультурных сообществ не найдено.

На индивидуальном уровне мигранты из числа квалифицированных работников в основном находят свое место в принимающем сообществе. Но вопрос о том, происходит ли такая интеграция в результате или вопреки мультикультурным практикам, остается открытым. Тем более что уделом значительной части инокультурных граждан Европы и Америки по-прежнему является социальная маргинализация.

Подводя итоги рассмотрению состояния этнической идентичности в современный период, хотелось бы отметить следующее.

В современном, глобализирующемся мире старые структуры, институты поддержания социальной сплоченности оказались неадекватными. Различные политические и религиозные формы коллективной идентичности, еще недавно носящие универсальный характер, сегодня распались либо ослабли, приобрели чисто технократический характер, потеряли свою сакральность.

В этих условиях этнические структуры оказались чуть ли не единственными, реально выполняющими столь необходимые сегодня индивидам функции - от ценностной ориентации и обеспечения хорошего социального самочувствия человека до прямой физической защиты. Этничность еще раз доказала свою устойчивость к соци-

²⁶ См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

²⁷ Хотинцев В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург. 2002. С. 74.

²⁸ См.: Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03...>

²⁹ Там же.

альным потрясениям и опровергала все прогнозы ученых, в которых они предрекали ей если не смерть, то, во всяком случае, неизбежную минимизацию её влияния на различные сферы социального взаимодействия.

Как своего рода компромисс между испытываемой многими в условиях кризиса социальной ненадежностью и острой потребностью в защищенности - этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия.

Глобализация является важным фактором, вызывающим обострение этнической идентичности. Причиной этого явления служит нелимитируемая массовая миграция в развитые западные страны.

Этническая идентичность сегодня выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Следовательно, идентификация с большой социальной (этнической) общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия (особенно в кризисном обществе).

Этническая идентичность является одновременно важнейшим средством легитимации и делигитимации политической власти в переходном обществе, поскольку она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки для этнополитической мобилизации.

Однако сама этничность, как форма групповой идентичности, в эпоху глобализации подвержена серьезным трансформациям. Для современного этапа характерно гипертрофированное состояние этнической идентичности. Оно может выражаться в двух направлениях.

Во-первых, этническая идентичность может быть направлена в сторону гиперболлизации (преувеличения), а во-вторых, в сторону литотизации (преуменьшения). В силу этого этническая идентичность приобретает разные формы в зависимости от полюса своей направленности. Позитивная этническая идентичность с избыточной степенью противопоставления по градиенту гиперболлизации принимает такие виды, как:

1) Этноцентризм – осознание своей общности с аффектацией на самоутверждение при особо значительном отношении к ее этничности. Форма проявления – преувеличение и интенсификация в этнических обычаях всего, что является специфичным и что отличает одну общность от другой, предопределяющие неагрессивный изоляционизм. В крайне выраженной форме этноцентрические установки могут привести к этноизоляционизму.

2) Этнодоминирование – осознание своей общности с аффектацией на гиперэтничность. Численное превосходство общности, ее политическое организационное совершенство, а в особенности религиозное содержание, обеспечивают превосходство культуры собственной группы по отношению к другим группам.

3) Этнофанатизм – осознание своей общности с аффектацией на исключительность. Форма проявления – фанатическая, вплоть до патологической приверженности к групповой догме, отсутствие толерантности по отношению к иноэтническому окружению;

4) Национализм – осознание своей этнической общности с аффектацией на максимализм. Форма проявления – дискриминация. Восприятие членами одной из этнических общностей угрозы со стороны другой обуславливает повышенную враждебность в отношении последней при высокой внутриэтнической солидарности.³⁰

Таким образом, этническая идентичность в гиперболлизированной форме (гиперидентичность) характеризуется сверхпозитивным эмоционально-оценочным отношением к собственной группе и, как следствие, негативным – к другим этническим группам.

В данном направлении изменения этнической идентичности на современном этапе представлен дискурс политизированной этнической идентичности.

Другая форма – негативная этническая идентичность при литотизации противопоставления своего этноса другим этническим группам проявляется как:

1) Этнонегативизм – осознание своей общности с негативной аффектацией. Направленность проявления – ориентация на свой этнос при отрицательном его пред-

³⁰ Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург. 2002. С.57.

ставлении, обусловленном неравномерностью развития этнических сообществ, различным уровнем экономического и культурного прогресса. Степень проявления зависит от уровня привлекательности иноэтнических объектов оценивания.

2) Этноэлиминация – осознание своей общности с аффектацией на самоустрашение. Направленность проявления – ориентация на другой значимый этнос с осознанием принадлежности к своему. Степень проявления связана с мерой вклада иноэтнических ценностных «потребностей» в мотивационную структуру личности.

3) Этнонигилизм – осознание своей общности с аффектацией на самоотрицание. Направленность проявления – ориентация на другой этнос с осознанием принадлежности к нему. Предпосылкой этому является сдвиг в этнической определенности, в характерном данной культуре стиле жизни на поиск стратегических преимуществ³¹.

Этническая идентичность в литотизированной форме (гипоидентичность) предполагает негативное эмоционально-оценочное отношение к собственному этносу при позитивном отношении к другому значимому этносу. Ясно, что избыточная степень противопоставления Мы – Они, трансформирующаяся в дихотомии «лучший – худший», «свой – чужой», обусловлена дезадаптацией этнических групп в условиях социокультурной дезинтеграции. Как гиперидентичность, так и гипоидентичность выполняют функцию социально-психологической защиты этноса от нарушения его целостности, рассогласования его организации и способов жизнедеятельности.

Как следствие глобализации на современном этапе для многих этнических групп характерной становится этническая маргинальность – опасное для социальной практики явление, вызывающее нестабильность и непредсказуемость поведения группы в этносоциальной структуре общества.

На наш взгляд на современном этапе в полиэтническом обществе наиболее благоприятной для человека становится так называемая биэтническая (или кросскультурная) идентичность, т.е. идентификация как с одной, так и с другими этническими группами. Она позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной.

Развитие глобализации не сможет привести к стиранию этнических различий, а вместе с ними и этнических идентичностей. Хотя сегодня и имеет место глобализация мировой экономики, политики, массовизация культурной жизни, но люди на протяжении всей истории перенимали друг у друга различные нововведения, технологии, орудия труда без отказа от собственной этнической идентичности, а внедрение новых социальных институтов всегда происходило со значительной национальной спецификой.

Этнос, как сложная саморегулирующаяся система, в принципе может развиваться только в направлениях, допускаемых его внутренней логикой, тесно увязанной с этнической системой базовых ценностей. Исчезновение этноса возможно только тогда, когда его система базовых ценностей изживает себя, перестает отвечать новым внешним условиям и претерпевает разложение. Тогда на смену прежнему этносу приходит другой со своей системой этнических ценностей и образом жизни, оказавшимися более приспособленными к новым условиям.

Таким образом, в самом существовании большого числа разных этносов заложена возможность развития и выживания человечества. «Деление на этнические коллективы, предотвращает возможность инфицирования человечества какой-либо одной идеей, которая может оказаться тупиком для человечества и в таком смысле является богатством человечества.»³²

Список литературы

1. Абдулмагд А., Ариспе Л., Ашрави Х. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями. М.: Логос. 2002.
2. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Featherstone M. (ed.) Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. L.: SAGE. 1994.

³¹ См. Артановский С.Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. – Л., 1979. С. 22

³² Салаватулин Ж. Зачем вам оставаться татаринком или татаркой? (Ещё один взгляд на вопрос для сомневающихся) Эл. ресурс: <http://news.yuldash.com/news661>

3. A. and H. Toffler. War and Anti-war: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1994.
4. Уткин А.И. Геоструктура грядущего века. Эл. ресурс http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_10_...
5. Sir James Goldsmith. The Trap. N.Y., 1994.
6. См.: Бадмаев В. Глобализация и «столкновение идентичностей»: современный дискурс. См. эл. ресурс <http://www.rags.ru/akadem/2005/36-2005-81...>
7. Global Transformation. Politics, Economics and Culture // Held D. e. a. Cambridge., 2000.
8. Huntington S. The Clash of Civilization? // Foreign Affairs. Sum. 1993.
9. Манакова И.Ю. Кризис идентичности в современной цивилизации// Россия. Культура. Будущность. – Челябинск, 2005. Ч. 1.
10. Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах . Эл. ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit03>.

THE ETHNIC IDENTITY IN EPOCH OF GLOBALIZATION

Y.V. MUKHLYNKINA

Moscow State University

The article of U.V. Mukhlynkina is devoted to analysis of the ethnic identity state in epoch of globalization. In modern society old structures and institutions of social unity support appear to be non-effective. The ethnic structures turned out to be some of few ones capable to provide a good social feeling of the human being. The globalization became an important aggravation factor of the ethnic identity. But the ethnic identity in epoch of globalization is exposed to serious transformation in consequence of the mass culture influence of multicultural policy and others.

Key words: ethnic identity, globalization, modern society.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА В.П. РЕВИНА

Профессору юридического факультета БелГУ Ревину Валерию Петровичу исполнилось 65 лет. Он является известным в России и за рубежом специалистом в области юриспруденции. Это уникальный человек энциклопедических знаний, с богатым духовным миром, исключительной доброты и широты русского характера.

Ревин Валерий Петрович родился 20 апреля 1943 года в Алма-Ате. После окончания службы в армии в 1965 году продолжил службу в УВД Новосибирской области. В 1972 году окончил Омскую высшую школу (специальность – правоведение), а в 1978 году – Академию управления Министерства внутренних дел (специальность – организация управления). С этого момента началась научная и педагогическая деятельность В.П. Ревина, которой он посвятил более 30 лет. В 1982 году защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата юридических наук, а в 1994 году – ученую степень доктора юридических наук. В 1985 году – ученое звание доцента, а в 1994 году – профессора. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997г.). Известен в России и многих странах ближнего и дальнего зарубежья как крупный ученый и ведущий специалист по проблемам уголовной политики, уголовного права, криминологии, социологии права, внесший существенный вклад в разработку научных основ деятельности правоохранительных органов и иным вопросам правоведения.

В.П. Ревин создал свою научную школу. Под его научным руководством защищено 82 кандидатских диссертаций и подготовлено 16 докторских диссертаций. Лично и в соавторстве опубликовал более 350 научных работ объемом свыше 650 п.л. Среди них десять учебников, в том числе курс уголовного права в 3-х томах, семнадцать монографий, свыше шестидесяти учебных пособий. В течении более чем двадцати лет являлся руководителем кафедры уголовной политики и организации профилактики преступлений Академии МВД СССР (в последующем Академии управления МВД России). Под его руководством и при непосредственном участии разработаны новые направления правоведения – развитие уголовной политики, уголовного права и криминологии в условиях реформирования социально-экономических отношений в России. Профессор В.П. Ревин является специалистом, разрабатывающим теоретические положения и практические рекомендации по проблемам ювенальной юстиции и защиты семьи и несовершеннолетних, прав личности в чрезвычайных ситуациях, противодействия терроризму, распространению наркотиков, прогнозированию преступности и многим другим направлениям. Много лет является экспертом Государственной Думы, выступал в качестве консультанта Совета Безопасности РФ. Он участвовал в разработке и выступал экспертом по федеральным программам борьбы с преступностью, Концепции национальной безопасности, а также ряда законопроектов, в том числе уголовного законодательства, проектов федеральных законов об общественной безопасности, об основах государственной системы профилактики преступлений, социальной помощи и поддержки несовершеннолетних, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, специализации правосудия по делам несовершеннолетних и др. Под

его руководством и непосредственном участии разработано новое направление развития уголовной политики России, связанное с защитой личности и интересов общества и государства в обычных и экстремальных условиях.

За огромный вклад в развитие науки профессор Ревин В.П. избран действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук, Российской академии юридических наук, Академии военных наук, Академии безопасности, обороны и правопорядка, Международной академии авторов изобретений и открытий, Международной академии наук о природе и обществе и Международной академии информатизации, Академии Европейского права, зарубежным действительным членом Нью-Йоркской академии наук (США). Он также избран Почетным профессором Европейского Университета, является членом Ассоциации юристов России.

За многолетнюю научную и правоохранительную деятельность профессор Ревин В.П. награжден 26 орденами и медалями, является лауреатом научных премий, имеет множество дипломов, медалей и почетных знаков российских, иностранных и международных академий наук, признан лучшим ученым среди преподавателей ВУЗов Москвы в 2006 году удостоен почетного звания «Рыцарь науки и искусств».

В настоящее время профессор Ревин В.П. активно работает с аспирантами нашего университета на кафедре уголовного права криминологии.

Редколлегия журнала, коллеги и друзья сердечно поздравляют Ревина Валерия Петровича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов и огромного человеческого счастья.

ЮБИЛЕЙ ПЕРВОГО ДЕКАНА

12 августа 2008 г. коллектив юридического факультета Белгородского государственного университета поздравил с 65-летним юбилеем своего первого декана, заведующего кафедрой теории и истории государства и права, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Борисова Геннадия Александровича.

Юбиляр родился в с. Жулино Шаблыкинского района Орловской области 12 августа 1943 года. В 1972 г. окончил Харьковский юридический институт. С 1972 по 1975 г. обучался в аспирантуре очного обучения Харьковского юридического института.

В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общие принципы социалистического строя и советское право».

В 1991 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Отправные нормативные установления законодательства».

В 1996 г. ему присвоено ученое звание «профессор». С 1972 по 1993 г. работал в Харьковском юридическом институте: был ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой, профессором.

С 1993 г. – декан юридического факультета Белгородского государственного университета, а затем – заведующий кафедрой теории и истории государства и права. Сферу научных интересов Борисова Г. А. составляют проблемы общей теории государства и права, конституционного права, истории правовых учений.

Наиболее весомый вклад им был внесен в разработку проблем юридической природы и особенностей предписаний общих частей кодифицированных и иных нормативных правовых актов, проблем процессуального права и юридической процессуальной ответственности. Всего Борисовым Г. А. опубликовано около 100 научных работ, из них 7 монографий, 6 учебных пособий. Наиболее значительными являются: *Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства* // Под ред. проф. Горшенева В. М. (Харьков, 1990); *Отправные нормативные установления законодательства: правовая природа и особенности в условиях обновления правовой системы.* – Деп. в ИНИОН АН РФ. – Москва, 1991; *Надзорная форма государственной деятельности в России: вопросы общей теории* // Под ред. проф. Борисова Г. А. – Белгород, 2001.; *Процессуально-правовая ответственность в современном законодательстве России: вопросы общей теории* // Журнал российского права. – 2003. – № 2. Проф. Борисов Г. А. успешно и плодотворно руководит работой аспирантов и докторантов, активно участвует в деятельности общественных объединений. Он возглавляет Белгородское региональное объединение РАЮН (Российская Академия Юридических Наук), член Российского Союза Юристов, работает в составе научно-консультативного совета при Белгородском областном суде. Неизменно участвует в работе многочисленных научных, научно-практических конференций, проходящих в вузах и практических органах Белгородской области. Является главным редактором журнала «Проблемы правоведения», членом редколлегии журнала «Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право».

Указом Президента РФ он назначен представителем Президента Российской Федерации в квалификационной коллегии судей Белгородской области.

В 2005 году Борисову Г.А. присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

В 2008 году он награжден медалью «За заслуги перед Землей Белгородской».

С. Масальтина,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права.

О РАБОТЕ ВТОРОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ, ДОКТОРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ФИЛОСОФИЯ И НАУКА ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ: ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

С.С. ЧИСТЯКОВА

Белгородский государственный университет

e-mail: Cist-yakova@bsu.edu.ru

Данная статья представляет собой отчет о работе Второй научной конференции студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Философия и наука поверх барьеров: человек и культурно-исторические типы глобализации», посвященной 40-летию кафедры философии.

Ключевые слова: конференция, глобализация, социокультурные кризисы, культурный диалог, духовно-религиозные процессы, антропологическое измерение глобализации.

25 октября 2007 г. на кафедре философии в стенах социально-теологического факультета Белгородского государственного университета состоялась Вторая научная конференция молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: человек и культурно-исторические типы глобализации», которая была посвящена 40-летию кафедры философии.

Цель данной конференции – развитие творческой активности студентов, аспирантов, молодых ученых и привлечение их к решению актуальных задач современного гуманитарного знания, организация продуктивного теоретического и научно-практического общения между будущими коллегами. Насыщенная программа конференции позволила затронуть наиболее дискуссионные вопросы, которые ставит перед нами сегодня глобализация, и дала возможность обсудить опыт последних научных исследований.

На пленарном заседании с приветственным словом выступил заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор **В.П. Римский**. Он благодарил участников за проявленный интерес к конференции и подчеркнул актуальность проблематики обсуждаемых на конференции вопросов. При этом, отметив, что глобализация стала реальностью современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития нашей планеты. Притом, что она затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, экологию, безопасность, немаловажное место занимает и проблема влияния глобализационных процессов на культуру. В связи с этим понятна тревога тех, кто видит тупики культурного прогресса, шаткость социального равновесия и невозможность выхода только лишь с помощью технократических методов.

С первым докладом «Глобализация культуры: генезис и типология» выступила к. филос. н., ассистент кафедры философии БелГУ **С.С. Чистякова**. В нем она нестандартно подошла к решению вопроса об истории процесса глобализации культуры. Докладчик отметил, глобализация не является абсолютно новым явлением, свойственным именно современной эпохе. Среди наиболее значимых и бесспорных культурно-исторических проектов глобализации являются римско-эллинстическая цивилизация, распространение основных мировых религий и формирующихся на их базе культурно-цивилизационных систем, единые стили художественной культуры, транснациональные светские идеологии эпохи модерна. Все это – разные культурно-исторические типы и культурно-идеологические проекты глобализации.

Далее было предоставлено слово **Д.В. Гусеву**, к. филос. н., доценту Орловского государственного университета. В своем докладе «Проблема диалога в творчестве А.Ф. Лосева» были затронуты проблемы, которые являются актуальными и для сегодняшнего дня, например, такие как проблема межкультурного диалога в контексте современных глобализационных процессов. Если для XIX века в истории человечества было характерно сознание неповторимости, уникальности, локальности культурных образований, то уже в XX веке проблема межкультурного диалога выходит на первый план. Век XXI в еще большей степени выделил приоритет данной проблемы: стало очевидно, что дальнейшее развитие современного общества не может однозначно оп-

ределяться только социально-экономическими факторами. Необходимо учитывать социокультурные доминанты современного общества, в том числе и возможности межкультурного взаимодействия цивилизаций.

С докладом «Спорт в современном социокультурном пространстве» выступил к. филос. н., ст. преподаватель кафедры философии БелГУ **С.А. Кутоманов**. Он подчеркнул, что одним из наименее изученных феноменов современной реальности является феномен спорта. Между тем, его изучение, несомненно, важно для наилучшего понимания процессов, происходящих в современном обществе. В том числе и процессов глобализации. Современный профессиональный спорт выступает как часть процесса глобализации, активно включаясь в политическую, экономическую, социальную, культурную сферы жизнедеятельности современного общества. Он несет в себе определенные черты религии, мифологии является своеобразной формой «легитимной войны», а так же обладает несомненным потенциалом интегрировать социальные группы, как в рамках всего мира, так и отдельного государства на основе общей национальной, либо межнациональной идее.

К.А. Страхова, аспирантка кафедры философии своим докладом «Глобализация и современный российский феминизм» вызвала массу вопросов и споров. Она заявила, что принципиальные возможности для самореализации амбициозных женских претензий есть. Только далеко не всем женщинам такие амбиции, присущие феминистскому активу, свойственны. Тем не менее «воинствующие» феминистки говорят не только за себя, вызывая соответствующую ответную реакцию у мужчин и в обществе в целом. Ведь современный отечественный феминизм (правильнее – разворачивающийся в России, поскольку он подпитывается со стороны, выступает во многом как специфический результат глобализации) представляется достаточно инородным телом, обособленным от насущных интересов и задач российского общества. Демографическая ситуация в современной России и без того обострена и приближается к кризисной, а отдельные авторы и политики даже говорят о демографической катастрофе.

И в завершение пленарного заседания с докладами выступили студенты Белгородского государственного университета. Так **Я.М. Осыка**, студентка теологического факультета, доложила участникам конференции о глобализации отношений «человек-мир». Было отмечено, что острое ощущение ценности человеческой жизни, в условиях нависшей над ней реальной угрозы, ощущение единства человечества пробудили инстинкт человеческого самосохранения. Так что глобализация мира с ее тенденциями к конфликтности в определенной мере развила человеческое в человеке, чувство общности людей, усилила инстинкт самосохранения человека и человечества. Все это в определенной мере означало шаг в развитии человека, рост его влияния на мировое сообщество. **Ю.Г. Дудка**, студентка юридического факультета, в своем докладе «Глобализация как объективная тенденция современного мира» подняла вопросы касательно этого противоречивого процесса. Действительно ли это естественный процесс или целенаправленное приведение стран к какому-то одному навязанному эталону? Так ли глобализация идеальна на деле, как бы нам хотелось? Почему проблемы в системе: Россия – Восток – Запад не перестают существовать? К чему приведет глобализация и будет ли этот результат положительным?

В рамках конференции работало две секции.

Работа первой секции «Социокультурные кризисы и культурно-исторические типы глобализации. Россия, Восток, Запад» началась с интересного доклада студентки факультета журналистики **Е.М. Шароновой**. Она представила антисемитские настроения в Европе начала XX века как глобализационный проект «эра физического насилия», чем вызвала острую дискуссию.

Значительный интерес вызвал доклад к. филос. н., ст. преподавателя кафедры социальной работы БелГУ **О.В. Ковальчук**, и **С.Н. Борисова**, к. филос. н., ст. преподавателя кафедры философии БелГУ «К проблеме осмысления антисистемных террористических потенциалов культуры». В нём была описана глобальность проблемы терроризма как явное свидетельство кризисного характера культуры. Противостояние, на чем бы оно не основывалось (расовой чистоте, религии или культурном превосходстве) диктует создание границ (воспроизводство границ между сакральным святым «своим» и профанным скверным «чужим»), хотя абсолютной замкнутости достичь

невозможно. Таким образом, антисистема есть всегда упрощение, движение под лозунгом «назад в архаику», деградация культуры.

Заслуживал особого внимания доклад **Д.П. Чурилова** «Взаимодействие органов власти Белгородской области с религиозными объединениями на современном этапе развития государственно-конфессиональных отношений». В нем представлена кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, которая реализуется в форме сотрудничества, «партнерства» религиозных объединений и региональных органов власти Белгородской области. Докладчик внес конкретные предложения по конструктивному развитию светско-религиозного взаимодействия и отметил, что необходимо выработать и принять в ближайшее время всесторонне обоснованную практически ориентированную региональную концепцию государственно-конфессиональных отношений.

Так же можно отметить интересные, творческие работы «Феноменология религиозного образования: к постановке проблемы» **О.В. Балабановой** – гостьи из Орловского государственного университета, «Культурсемиотические проблемы исследования молодежной культуры» **М.М. Белоусовой** (Южнороссийский федеральный университет, г. Ростов-на-Дону), «Потенциал исторического образования в духовно-нравственном воспитании учащихся старших классов» **С.А. Маланичевой**, учителю МОУ СОШ № 48г. Белгорода.

Вторая секция была посвящена духовно-религиозным процессам и антропологическому измерению глобализации. Выступление **Е.Е. Городовой** вызвало живое обсуждение у всех участников конференции. И не случайно. Доклад был посвящен актуальнейшей проблеме современного мира – проблеме наркомании. Было отмечено, что вытеснение наркомана из нормального общества приговаривает его к жизни в среде, которая в психологическом смысле разрушает его сильнее, чем наркотики, но вне которой наркоман уже не способен существовать. Формируется особая наркоманская субкультура со своим специфическим образом жизни, системой ценностей, языком, атрибутами, стереотипами, установками, понятиями, мифами.

В своем докладе «Всечеловеческие ценности традиционной культуры как универсалии глобализации» **О.П. Груздева** подняла острую проблему ценностей в современном мире. Парадоксальность современной действительности состоит в том, что, с одной стороны, мир все более явно переходит от борьбы идеологий к соперничеству и восприятию различных мировых культурных традиций в их духовной целостности под видом «общечеловеческих ценностей», а с другой – к борьбе традиций с различными формами антитрадиционализма/маргинализма. То же, что сегодня называют «синтезом культур» в действительности предполагает замену этнической самоидентификации западным императивом. По этой причине ускорение темпов глобализации делает все более вероятным кризисное изменение ранее установившегося миропорядка. Заслуживал особого внимания и доклад **Т.А. Полетаевой** «Предвидение процессов глобализации Вл. Соловьевым в повести «Три разговора»». В данном докладе была предпринята попытка сопоставления некоторых прогнозов В.С. Соловьева с оценками современных специалистов, анализирующих процессы глобализации.

Так же интерес у участников конференции вызвало выступление **Т.Г. Человенко**, к. пед. н., доцент, зав кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета. В своем докладе ««Гронингенская группа»: культурно-антропологический взгляд на феноменологию религии» были обозначены новые веяния в феноменологии религии, которые представляют собой тенденцию к культурной (и особенно религиозной) антропологии, пересекающейся в ряде случаев с психоаналитическим или экзистенциальным подходом к природе человека и сущности религиозного сознания. Это выразилось в деятельности так называемой «Гронингенской рабочей группы по изучению основных проблем и методов религиоведения» (Т.Р. ван Баарен, Г. Дрийверс, Л. Леертувер, Ж. Ваарденбург и др.). Эта неформальная группа объединила преимущественно молодых голландских исследователей, не удовлетворенных феноменологией религии в существующем виде и стремящихся к её методологическому обновлению.

Хочется отметить доклады **А.А. Красниковой** «Инфляция в условиях глобализации и причины ее возникновения в российской экономике» (Санкт-

Петербургский государственный инженерно-экономический университет), **Д.К. Ма-нохина** «Фундаментальные проблемы литературоведения в контексте феномена гло-бализации», **О.Н. Римской** «К проблеме типологии нетрадиционных (субкультур-ных) религий», **А.С. Борушевского** «Русская православная церковь и культурные аспекты глобализации», **Чернякова А.Н.** ««Общество спектакля» Ги Дебора и ан-тропологическое измерение Интернета» и др.

Научная конференция студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Философия и наука поверх барьеров», которую проводит в Белгородском государст-венном университете кафедра философии, становится доброй традицией и вызывает все больший интерес за пределами нашего университета. Конференция, которая со-брала вместе как студентов, так и уже состоявшихся ученых, достигла своей цели – представления множества новых научных результатов и проведения живого диалога между всеми участниками.

По материалам конференции издан сборник научных трудов.

**ABOUT WORK OF THE SECOND SCIENTIFIC CONFERENCE OF STUDENTS,
POST-GRADUATE STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS «PHILOSOPHY
AND A SCIENCE OVER BARRIERS:
THE PERSON AND CULTURAL-HISTORICAL TYPES OF GLOBALIZATION»**

S.S. CISTYAKOVA

Belgorod State University

*e-mail: Cistyako-
va@bsu.edu.ru*

ВОЙНА КАК АРХЕТИПИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. О МОНОГРАФИИ С.В. РЕЗНИКА «КОНЦЕПТЫ И ИДЕОЛОГЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ИСЛАМЕ»*

**В.П. РИМСКИЙ¹⁾,
С.Н. БОРИСОВ²⁾**

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: rim-
skiy@bsu.edu.ru*

*²⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: SBori-
sov@bsu.edu.ru*

Неизменно актуальная тема ислама рассматривается в монографии Сергея Васильевича Резника «Концепты и идеологемы войны и мира в исламе». Пассионарность этой религии на фоне культурно-цивилизационной «усталости» мира постмодерна делает ее предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных авторов. Тем более интересен ракурс рассмотрения, заключающийся в реконструкции «изнанки» идеологических конструктов самой молодой мировой религии, извлечении архетипической основы, растворенной в мифологии и священных текстах ислама.

Ставя перед собой задачу экспликации концептов и идеологем ислама, автор затрагивает сущностный вопрос каждой религии: проблему соотношения веры и власти, религии и политики. Так, перефразируя классика традиционной теории войны К. фон Клаузевица, который понимал войну как продолжение политики, только другими средствами, можно сказать, что С.В. Резник приходит к пониманию войны как продолжению религии иными средствами¹.

Ключевым для понимания проблемы является понятие «культурного архетипа», отсылающее к изначальной связи войны и культуры, а также войны и мифа, что подтверждается рядом исследований. Так согласно модели предложенной Б. Поршне-

* статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 07-03-55302а/Ц

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. – С.504.

вым на ранних ступенях бытия культуры обмен деятельностью в значительной степени носил насильственный характер (негативное взаимодействие племен в рамках дуально-этнического отношения «мы-они»)². С ходом развития истории происходило естественное умножение контактов, характеризующееся единством и взаимопроникновением, общением и обособлением, взаимодействием и отталкиванием. Результатом генезиса форм культурного бытия стала, по мнению В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова, наличная система обмена деятельностью, которая и есть тот «внутренний скелет», обрастающий покровами культурных связей «в совокупности составляющих целостное тело мировой культуры»³. Таким образом, многообразный опыт культурных связей «отливается» в устойчивые культурно-опытные *ментально-антропологические формы* – «архетипы», в том числе и архетип войны.

История человека, которая начинается в нижнем плейстоцене около двух миллионов лет назад с появлением предковой формы (гомо хабилис), обладающей прямой походкой, гоминидным скелетом, развитым мозгом и употребляющей обработанную гальку в качестве орудий труда, таким образом, тесно связана с насилием и войной. У человека разумного сочетание имитации и интердикции, ставшее регулятором орудийной деятельности, перестроило телесную и нейрофизиологическую морфологию, систему первосигнальной коммуникации и условно-рефлекторной регуляции поведения. Для изучения проблемы идеологием войны этот процесс интересен, прежде всего, тем, что имитативно-интердиктивный комплекс подчинил себе не только трудовую деятельность, но и другие сферы жизнедеятельности палеоантропов: обучение, половые отношения и проявления насилия и агрессии.

Имитативно-интердиктивный коммуникативный механизм обеспечивал эффективную трансляцию «технологий» и орудий труда. Человек разумный освоил огонь, новые материалы, строительство жилищ, расширил набор каменного инвентаря, научился изготавливать орудия для изготовления орудий. Однако дальнейшее совершенствование орудийной деятельности в условиях открытости стадных структур и имитационно-интердиктивном способе коммуникации становилось невозможным. Развитие механизма интердикции (запрета) могло порождать паразитизм одних популяций за счет других, что неминуемо приводило к специализации деятельности. Формы паразитизма внутри популяции вызывало конфликт между мужскими и женскими группировками. Все эти процессы приводили к локализации отдельных групп. Дуальноэтнические отношения порождали знаковую и психологическую оппозицию «мы-они», подтверждающуюся археологическими данными: следы использования охры как знаковые системы группового отличия, захоронения медвежьих костей (знаково-символические системы в рамках дуальной оппозиции «мы-они»).

В силу ряда причин (угроза вымирания по причине генетических законов и экологических колебаний) локализация, характеризующаяся преобладанием механизма интердикции (система запретов на использование насилия внутри группы), сменялась «возвратом» к открытым структурам первобытного стада, замедлением дуально-этнических отношений, когда суггестивный механизм интердикции не срабатывал. Это было время убийств, каннибализма и некрофагии.

Таким образом, все богатство предшествующих коммуникационных систем и психофизиологических механизмов суггестии получило свое развитие и воплощение в *первоначальной форме сознания – речи-мифе*, которая регулировала все многообразие трудовых и социальных отношений в первичных общественных коллективах, в том числе проявления насилия, что выражалось в первобытных табу. Так возникает архетип войны, закрепившийся в мифе как архетип легитимного насилия.

Сергей Васильевич, на основе анализа арабо-симитской мифологии, делает закономерный вывод о том, что семитская мифология послужила основой для формирования идеологии и практики ислама: «Отталкиваясь от культовых и культурных текстов христианства и иудаизма, ранний ислам их или перекодировал, или переинтерпретировал, или выворачивал смыслы и социокоды, придавая им собственный

² См. подробнее: Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.

³ Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979., – С. 177.

смысл по признаку инверсии, переименования»⁴. А позднее это мифологическое основание ложится в основу догматики.

Указанные процессы, появления концептов войны и мира, носили сугубо конкретный характер и были обусловлены исторически. Нарождавшаяся религия ислама заимствовала только жизненно необходимое, отсеивая лишнее. Автор очень верно замечает по этому поводу, что: «то, что ощущается жизненно важным в существовании народа, приводится в тесное отношение с религией и окружается религиозными санкциями, так что всякому экономическому и социальному образу жизни соответствует своя форма религии. Исходя из этого возможно построить классификацию религий, основанную на главных социологических и экономических типах культуры. Так можно выделить религию охотника, религию земледельца и религию воина. Или же религию племени, религию города и религию империи»⁵. Именно к последней, «религии воина», судя по всему можно отнести ислам, вобравший в себя мифологемы войны семитского политеизма.

Необходимо отметить, что архетип тотальной войны, к которому сводит автор концепт войны в исламе и генеалогию которого просматривает у семитов, не столь универсален и часто реанимируем, отнюдь не любое столкновение племен приводило к его актуализации, что замечательно показывает М. Мосс в работе «Социальные функции священного», механизмы сдерживания насилия работали эффективно. То есть всегда следует отличать войну как насилие «в рамках», подчиненное правилам, и войну тотальную, по сути, являющуюся террором.

То есть, на самом деле существует не один архетип войны, а два, которые переживаются и впитываются исламом. Первый условно называемый «легитимным» и второй менее очевидный, «не легитимный». Практика реализации этого концепта показывает, что доминировал первый, так как идеологема войны была взята на вооружение «религией империи», призванной упорядочить и объединить, оттеснить хаос, в том числе и с помощью оружия, на периферию. Но также, идеологема войны несла не только функциональную культурную (как деятельность), но и архаическую, как индикатор отношений с внешним миром, подспудной реанимации архаической дуальности «мы – они».

Это соотношение, явного и скрытого, прагматики и аффекта, определяет различие взглядов в самом исламе и позволяет С.В. Резнику выделить различные проекты: «Исламский мир не является единым в характере отношений с внешним миром, который определяется борьбой *четырёх проектов*: либерального (модернизаторского), джихадистского (антиглобалистского и антизападного фундаментализма), террористического (религиозно-сектантского) проектов, реализующихся на фоне *традиционалистского* (традиционного ислама) проекта, являющегося оправданием сложившегося статус-кво»⁶.

Оправданным выглядит более пристальное внимание автора к фундаменталистскому проекту, к основным чертам которого относится: приоритет Корана при буквальном его толковании; отрицание инокультурных законов и стандартов; идея дихотомии мира, полярности добра и зла; обоснование необходимости захвата власти и установления теократического режима; приоритет теократии и тотальный характер ислама; возможность насильственных методов в делах веры и т.п. Идеологемы фундаменталистов воспроизводятся с использованием отчетливой антизападной и антиглобалистской риторики.

Проведенный автором анализ и идеологии исламского сектантства в лице таких его представителей как ваххабизма и движение Талибан, позволил сделать вывод о том, что близость идеологий движений исламского фундаментализма и террористического движения является чисто внешней. Идеологическое наполнение не соответствует практике, концепт не согласуется с идеологемой. Антисистемность как сущностное свойство воплощается в концептах террора, а не традиционной формы ведения войны, закрепленной в догматике ислама. Отдавая предпочтение анализу идеологем,

⁴ Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

⁵ Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

⁶ Там же.

Сергей Васильевич не уделяет достаточного внимания практике, свойственной данному проекту, что, впрочем, и не является его целью, хотя и следует из самой концепции.

В целом, монография является примером удачного анализа актуальнейших проблем современности и позволяет воссоздать не только теоретическую схему манифестации культурных архетипов войны и мира, но с ее помощью дать рекомендации по осуществлению межкультурного и межконфессионального диалога.

Список литературы

1. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002.
2. Римский В.П.. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
3. Давидович В.Е., Жданов Ю.А.. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979.
4. Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

WAR AS ARCHETYPICAL REALITY. ON "CONCEPTS AND IDEOLOGEMES OF WAR AND PEACE IN ISLAM" BY S.V.REZNIK

**V.P. RIMSKIY¹⁾
S.N. BORISOV²⁾**

¹⁾Belgorod State University

***e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru***

***e-mail: rim-
skiy@bsu.edu.ru***

²⁾Belgorod State University

***e-mail: SBori-
sov@bsu.edu.ru***

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
БЫРГЭУ М.М. ТЕОРЕТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕ-
СТУПНОСТИ: ВАЖНАЯ ПРИКЛАДНАЯ ЗАДАЧА
СОВРЕМЕННОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

И.М. КОМАРОВ
Е.Е. ТОНКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru*

Настоящее монографическое исследование посвящено чрезвычайно интересной, сложной и актуальной в настоящее время проблеме – профилактике преступности в аспекте ее теоретико-управленческого понимания в качестве важной прикладной задачи современной правоохранительной системы. В таком ракурсе проблема практически не рассматривалась и уже это, само по себе, побуждает читателя внимательно присмотреться к содержанию работы, аргументированности выводов и предложений автора.

Исследование М.М. Быргэу проведено на опыте Республики Молдова, однако прочтение монографии позволяет прийти к выводу, что молдавские проблемы современного состояния профилактики преступности достаточно актуальны и для Российской Федерации. Автор отмечает напряженную криминальную ситуацию в стране и отсутствие ощутимых результатов в ее стабилизации в связи с принимаемыми государством мерами. Причиной сложившегося положения М.М. Быргэу видит в том, что деятельность правоохранительных органов сосредоточена в основном на выявлении и раскрытии уже совершенных преступлений, то есть основные усилия направлены на борьбу со следствием (преступностью), а не с его причинами и условиями. Кроме того, меры, намеченные во многих государственных программах по борьбе с преступностью и отдельными ее проявлениями, не реализованы настоящим образом, поэтому усилия общества и государства в виду отсутствия организующего звена расплываются. Налицо дублирование профилактических функций.

В качестве особого субъекта профилактики преступлений в монографии выделяется полиция с ее специальными профилактическими функциями, которые также обеспечивают их организацию и реализацию в иных государственных органах и общественных формированиях, создают для деятельности последних соответствующие условия. Автор монографии справедливо отмечает, что в профилактической деятельности полиции, ее максимальной эффективности, необходимо регламентирование правовыми актами и, в первую очередь, законодательными. Однако в настоящее время полномочия молдавской полиции в сфере профилактики преступности и методов профилактической деятельности во многом не соответствуют потребностям времени, что требует не просто их совершенствования, а качественно нового оформления.

Комплексно рассматривая выявленные проблемы, автор обоснованно выделяет и на высоком научно-практическом уровне рассматривает четыре крупных блока теоретико-управленческого понимания профилактики преступности, в качестве важной прикладной задачи современной правоохранительной деятельности.

Первый блок «Теоретико-управленческие исследования феномена профилактики преступлений» (с. 9 – 137) включает в себя большую группу умело поставленных и, отметим, фундаментально исследованных вопросов. Все они рассмотрены по следующим трем основным направлениям: теоретико-прикладное содержание противо-

действия преступности на современном этапе развития Республики Молдова (с. 9 – 54); управленческая концепция профилактики преступлений (с. 54 – 96); объект и предмет управленческого воздействия профилактики преступлений (с. 96 – 136). Особо отметим правильную постановку вопросов и ценность выводов о том, что «требования к профилактике преступлений законодательно обуславливают необходимость совершенствования всей деятельности правоохранительных органов, развитие и совершенствование правовой базы, регламентирующей правоохранительную деятельность всех ее субъектов ... принятие в административно-территориальных единицах нормативных актов для участия населения в охране общественного порядка и профилактике преступлений» (с. 136). Немаловажную роль сыграет и принятие на общенациональном уровне программ борьбы с преступностью, а на региональном и местном уровнях – с ее отдельными видами с указанием конкретных профилактических мероприятий.

Второй блок «Организационно-правовые основы деятельности органов правоохранительного порядка в профилактике преступлений» содержит в целом весьма удачное исследование группы вопросов, включающих в себя: правовые основы деятельности органов правоохранительного порядка по профилактике преступлений, принципы профилактической деятельности органов правоохранительного порядка; методы профилактики преступлений, приоритетные направления и эффективные профилактические меры, применяемые полицией Республики Молдова (с. 137 – 240), которое приводит автора к следующим методологическим выводам.

Во-первых, проблемы профилактики преступлений не могут быть сегодня успешно решены на основе использования старых идей и концепций. Настало время, которое диктует необходимость разработки современных подходов, учитывающих реалии рыночной экономики и тесно связанных с ними факторов интенсивной криминализации.

Во-вторых, систему приоритетных направлений и форм организации профилактической деятельности полиции следует рассматривать как один из элементов общей системы профилактики преступлений, с обоснованием в ней автономных подсистем групп (блоков) мер профилактического воздействия различного характера, плана и порядка.

В-третьих, следует отказаться от излишнего наполнения системы профилактики преступлений разного рода теоретическими схемами и целенаправленно ориентировать ее на потребности практики противодействия преступности (с. 240).

Третий блок «Профилактическая деятельность служб и подразделений полиции Республики Молдова» отражает прикладной аспект монографии М.М. Быргэу и включает в свое содержание такие интересные вопросы как: общая структура и статус полиции; деятельность оперативных служб полиции по профилактике преступлений, деятельность подразделений охраны общественного порядка по профилактике преступлений, организация профилактики преступлений и подразделений уголовного преследования, организация профилактики преступлений и подразделений государственной охраны (с. 241 – 360). Особую ценность в данном разделе представляет исследование прикладных функций практически всех «полицейских» служб правоохранительной системы Республики Молдова, что позволяет комплексно воспринимать проблему теоретико-управленческого понимания профилактики преступности в качестве важной прикладной задачи современной правоохранительной системы.

В четвертом блоке работы автор проводит исследование организационного обеспечения эффективности профилактической деятельности полиции в Республике Молдова. Он раскрывает вопросы организации и координации деятельности органов правоохранительного порядка по профилактике преступлений, организацию взаимодействия полиции и средств массовой информации, а также правоохранительных органов с общественностью.

Анализ содержания монографии М.М. Быргэу приводит к выводу о том, что основная цель проведенного исследования, а именно, разработка на основе анализа теоретической базы, системы правового регулирования и практической реализации полицией Республики Молдова профилактических функций, концептуальной теории организации деятельности полиции по профилактике преступлений и определению путей совершенствования данного направления социальной практики, достигнута.

В заключение отметим, что в монографии М.М. Быргэу «Теоретико-управленческое понимание профилактики преступности: важная прикладная задача современной правоохранительной системы (опыт Республики Молдова)» есть отдельные спорные места, но они не столь существенные, чтобы повлиять на качество прекрасно выполненной и весьма содержательной работы. Вне всякого сомнения, она заслуживает высокой оценки и будет полезна преподавателям, студентам, аспирантам и практическим работникам.

**REVIEW ON M.M. BYRGHEU'S BOOK "THEORETICAL AND MANAGEMENT INTERPRETATION OF CRIMINALITY: AN IMPORTANT APPLIED MISSION OF THE MODERN LAW-ENFORCEMENT SYSTEM
(THE CASE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA)**

I.M. KOMAROV

E.E. TONKOV

Belgorod State University

e-mail:

komarov@bsu.edu.ru

etonkov@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- В.П. Бабинцев*** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета
- Г.А. Борисов*** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного университета
- С.Н. Борисов*** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Л.Т. Бородавко*** доктор педагогических наук, начальник Белгородского юридического института МВД России
- Г.Е. Быстров*** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой аграрного и земельного права Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева
- Н.В. Витрук*** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного суда в отставке, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия
- Ю.В. Деришев*** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института
- В.Г. Ермаков*** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- С.М. Климова*** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- И.М. Комаров*** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Белгородского государственного университета
- С.П. Коноваленко*** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- В.Н. Корнев*** доктор юридических наук, доцент, зам. директора ГУ «Институт региональной политики и законодательства»
- А.А. Лежебоков*** кандидат социологических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Ставропольского института управления, докторант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета

- Г.Ю. Лесников** доктор юридических наук, начальник НИЦ №7 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
- В.В. Липич** доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Белгородского государственного университета
- Т.И. Липич** кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Н.Н. Мальцева** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- М.В. Мархгейм** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и государственного управления Белгородского государственного университета
- Ю.В. Мухлынкина** аспирант Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ)
- С.Л. Нудель** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Белгородского государственного университета
- В.Г. Олефиренко** аспирант кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- В.Е. Пеньков** кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- А.М. Подоксенов** кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Л.А. Прохоров** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
- М.Л. Прохорова** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- В.П. Ревин** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой УП-10 Московского государственного университета приборостроения и информатики
- Е.В. Реутов** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- В.П. Римский** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Т.И. Морозова** кандидат социологических наук, директор Центра молодежных инициатив, докторант, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета

- С. В. Рязанцев*** аспирант кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- А. Б. Свистильников*** кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе Белгородского юридического института МВД России
- Е. В. Семенова*** аспирант кафедры философии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского
- И. В. Спичак*** декан фармацевтического факультета, профессор Белгородского государственного университета
- А. М. Страхов*** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- Е. Е. Тонков*** доктор педагогических наук, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Белгородского государственного университета
- Б. А. Тхориков*** ассистент кафедры управления и экономики фармации фармацевтического факультета Белгородского государственного университета
- С. В. Тычинин*** доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- В. Н. Шарутенко*** начальник отдела организации научных исследований и редакционно-издательской деятельности Белгородского юридического института МВД России
- С. С. Чистякова*** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Е. В. Шапкина*** аспирант Института социально-политических исследований РАН (Москва)